

СПАСТИ МИР И НЕ СТАТЬ ДЕПУТАТОМ

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

Александр Логвинов

Спасти мир и не стать депутатом

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Спасти мир и не стать депутатом / А. Логвинов — «Литнет», 2026

Эраст Акакиевич Кунилин уже спас мир, женился вопреки собственным планам и пережил знакомство с тещей. Казалось бы, теперь судьба обязана оставить его в покое. Но судьба, как выяснилось, давно состоит в избирательной комиссии. Однажды Эраст получает официальное уведомление: сотни спасённых, недоспасённых и своевременно не спасённых миров выдвинули его кандидатом в депутаты Междумирной думы. Его согласия никто не спрашивает — ведь желание избирателей считается выше желания избираемого. Отказ немедленно регистрируют как предвыборное обещание, попытку снять кандидатуру объявляют блестящим политическим ходом, а молчание повышает рейтинг быстрее любой агитации. Пока Тарас Ананиевич превращает штаб сопротивления в прибыльное предприятие, Вера пытается удержать семью от превращения в государственный орган, а Маргарита Всеволодовна выясняет, кого из депутатов можно перевоспитать пирожками, вокруг Эраста разворачивается странная избирательная кампания. В ней бюллетени голосуют самостоятельно, мандаты кусаются, будущие законы меняют прошлое, а главный соперник умеет соглашаться со всеми одновременно. Вскоре становится ясно: на кону не депутатское кресло, а право каждого мира выбрать собственное будущее — даже если этот выбор окажется ошибочным. Чтобы снова спасти реальность, Эрасту придётся совершить почти невозможное: победить на выборах, отказаться от власти и доказать, что человек способен отвечать за свою жизнь без назначенного сверху спасителя. «Спасти мир и не стать депутатом» — большое юмористическое фэнтези о власти, свободе, семейной поддержке и бюрократии, которая способна оформить даже конец света в трёх экземплярах.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Спасти мир и не стать депутатом

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

СПАСТИ МИР И НЕ СТАТЬ ДЕПУТАТОМ

юмористическое фэнтези

Книга четвёртая

Пролог

Заседание, на которое никто не избирался

Зал Междумирной думы горел торжественно.

Обычный пожар распространяется снизу вверх, боится воды и заканчивается пеплом. Торжественный начинался с гимна, подпитывался аплодисментами и оставлял после себя постановление. Поэтому тушить его никто не решался: для этого требовалось согласие профильного комитета.

Под куполом висели двенадцать солнц. Одиннадцать освещали зал, двенадцатое вело прямую трансляцию и временами выбирало неудачный ракурс. В ложах сидели короли, драконы, республиканские призраки, три народа без территории и одна территория без народа. Все они были официально представлены и потому чувствовали себя хуже, чем дома.

В центре трибуны стоял Эраст Акакиевич Кунилин.

На нём был тёмный костюм, переживший две войны, одну свадьбу и знакомство с тёщей. Перед ним лежала папка с надписью: «СОГЛАСИЕ НА ИЗБРАНИЕ». Папка была открыта на странице, которой утром ещё не существовало.

— Я повторяю, — сказал Эраст. — Я не давал согласия выдвигать мою кандидатуру.

Председательствующий, прозрачный мужчина с золотым колокольчиком вместо сердца, заглянул в регламент.

— Согласно статье восьмой, согласие кандидата желательно.

— Но не обязательно?

— Обязательно желательно.

Тарас Ананиевич Тюлькин сидел в первом ряду и держал плакат «КУНИЛИН — НАШ ВЫХОД». Слово «выход» было написано поверх слова «выбор», потому что первоначальный лозунг ему самому не понравился.

— Я говорил, что плакат пригодится, — шепнул он Мире.

— Ты говорил, что мы придём посмотреть, как Эраст проиграет.

— И продолжаю надеяться.

Вера стояла у лестницы на трибуну. Рядом с ней Антонина Марковна раздавала депутатам пирожки и незаметно выясняла, кто из них продажный, кто голодный, а кто совмещает.

Над залом зажглась надпись: «ДО КОНЦА ГОЛОСОВАНИЯ — ТРИ МИНУТЫ». Потом подумала и исправилась: «ДО КОНЦА ВСЕГО — ТОЖЕ». Мироздание любило экономить на предупреждениях.

Эраст поднял документ.

— Если я победил, покажите бюллетени.

— Они засекречены.

— От кого?

— От результата.

— Тогда покажите протокол.

— Он ещё не составлен.

— На каком основании объявлена моя победа?

Председательствующий улыбнулся с сочувствием человека, которому давно запретили понимать собственную работу.

— На основании неизбежности.

За стенами зала что-то огромное ударило в город. В окнах показалась чёрная волна из неотданных голосов. Она сметала башни, стирала границы миров и превращала каждого встречного в сторонника кандидата, которого тот видел последним.

— Эраст! — крикнул Тарас. — Соглашайся!

— На что именно?

— Потом уточним!

— Из-за таких слов обычно и появляется парламент.

На столе возник серебряный мандат. Он был тёплым и дышал.

Председательствующий протянул его Эрасту.

— Примите полномочия, и миры будут спасены.

— А если откажусь?

— Они получают свободу выбора.

— Звучит неплохо.

— На семь секунд.

Чёрная волна пробила внешнюю стену. Депутаты бросились к выходам, но выходы уже вошли в коалицию и закрылись.

Эраст посмотрел на Веру.

— Не смей становиться депутатом ради меня, — сказала она.

— А ради мира?

— Мир взрослый. Пусть объяснит, зачем ему это понадобилось.

Серебряный мандат открыл маленький рот и произнёс голосом Эраста:

— Голосование окончено. Кандидат избран единогласно.

Тарас медленно опустил плакат.

— Но я голосовал против.

Мандат повернулся к нему.

— Ваш голос учтён как особенно эмоциональное согласие.

И тогда Эраст понял: спасти придётся не мир от депутатов. Спасать придётся право мира не выбирать его.

А началось всё за тридцать дней до этого, когда Дом получил письмо без обратного адреса и впервые отказался открывать конверт.

Часть первая

Кандидат поневоле

Глава первая

Письмо, которое проголосовало само

После истории с Тишиной Дом старался вести себя как обычный дом.

По утрам он открывал окна. По вечерам закрывал двери. Ночью скрипел ровно настолько, чтобы жильцы помнили о его возрасте, но не вызывали плотника. Комнаты перестали перемещаться без спроса, лестница вела на второй этаж, а не в детство, и только кладовая по четвергам выходила к морю. Это считалось допустимым бытовым отклонением.

Эраст учился ничего не спасать.

Получалось плохо, но спокойно.

Он завёл папку «ДЕЛА, В КОТОРЫЕ МЫ НЕ ВМЕШИВАЕМСЯ» и за неделю подшил туда сорок семь сообщений о местных пророчествах, две просьбы свергнуть бессмертного тирана и жалобу вулкана на незаконную застройку кратера. Папка пухла. Миры продолжали существовать. Это оскорбляло его профессиональные привычки и одновременно радовало.

Тарас занимался садом. Под словом «занимался» он понимал наблюдение за тем, как Мира копает, а под словом «сад» — всё, что не успело убежать с участка.

Антонина Марковна выращивала помидоры. Помидоры её боялись и созревали по команде.

Вера читала на крыльце. Софья и Фёдор строили из старых избирательных урн крепость, хотя никто не помнил, откуда в сарае взялись избирательные урны.

— Это не урны, — сказал Эраст, осмотрев находку. — Это ящики для анонимных предложений.

— А почему внутри бюллетени? — спросила Софья.

— Чтобы предложения оставались анонимными даже для тех, кто их написал.

Фёдор вытащил листок.

— Здесь твоё имя.

Эраст взял бюллетень. В верхней строке значилось: «Выборы представителя от домов, дверей и иных объектов временного проживания». Ниже был единственный кандидат: КУНИ-ЛИН ЭРАСТ АКА-КИЕВИЧ. Отчество перенесли неправильно, отчего оно выглядело как два отдельных возражения.

Напротив фамилии уже стояла галочка.

— Кто поставил?

— Она сама появилась, — сказал Фёдор.

— Галочки сами не появляются.

Дом написал на стене: «ПОЯВЛЯЮТСЯ».

— Вы голосовали?

«Я НЕ ИМЕЮ ПРАВА ГОЛОСА».

— Тогда откуда ящик?

Дом помолчал. В прихожей открылась дверь, которой прежде не было. Из неё выкатился почтовый вагончик на курьих ножках, поклонился и выплюнул на коврик белый конверт.

На конверте было написано: «ЛИЧНО КАНДИДАТУ. ВСКРЫТЬ ДО ВЫДВИЖЕНИЯ». Под надписью стояла вчерашняя дата.

— Просрочили, — сказал Тарас с облегчением. — Можно не читать.

Конверт сам разорвал край и прочитал себя вслух:

— Уважаемый Эраст Акакиевич! Настоящим уведомляем, что инициативная группа в составе четырёхсот спасённых, недоспасённых и своевременно не спасённых миров выдвинула вас кандидатом в депутаты Междумирной думы.

Эраст сложил руки.

— Отказываюсь.

Письмо зашелестело.

— Ваш отказ зарегистрирован как первое предвыборное обещание.

— Какое?

— Не стать депутатом.

Тарас оживился.

— Отличная программа. Я бы проголосовал.

— Не смейте.

Во дворе все ящики одновременно захлопнулись. Из каждого донёлся вежливый металлический голос:

— Голос учтён.

Тарас посмотрел на свои руки.

— Я же ничего не бросал.

— Вы выразили намерение, — ответило письмо. — В современной избирательной системе этого более чем достаточно.

Дом погасил окна среди белого дня.
На стене появилась короткая надпись: «НЕ НРАВИТСЯ».
— Мне тоже, — сказал Эраст.
Письмо поклонилось.
— Поздравляем. У вас уже два сторонника.

Глава вторая
Инициативная группа из тех, кого не спросили
К полудню у калитки собралась инициативная группа.

Первым пришёл маленький мир Тишина. Он принёс табличку «МЫ НЕ ВЫДВИГАЛИ» и море в жестяной кружке. За ним явился Балансир с весами, на одной чаше которых лежало согласие, а на другой — двадцать семь подписей одинаковым почерком. Потом прибыл Боря Благородий без сияющих доспехов, зато с тележкой, которую обещал никому не чинить без просьбы.

Четыреста миров не поместились во дворе и выстроились вдоль горизонта. Некоторые прислали делегации. Другие — погоду. Один мир выразил поддержку землетрясением, но, узнав цель собрания, извинился повторным толчком меньшей силы.

Эраст поставил перед собой список подписей.
— Начнём с простого. Кто выдвинул мою кандидатуру?
Все подняли руки, лапы, ветви и иные органы коллективной ответственности.
— Теперь кто хотел её выдвинуть?
Все опустили.
— Прекрасно. Объясняйте.
Скром Никанорович вышел вперёд.

— К нам пришли сборщики подписей. Сказали, что вы хотите защитить право миров отказываться от спасения.

— Это правда.
— Поэтому мы отказались подписывать.
— Логично.
— Они записали отказ как поддержку вашей программы.
Тарас заглянул в лист.

— Здесь возле каждой подписи стоит «против».
— Именно, — сказал Балансир. — Но в бюллетене был вопрос: «Вы против того, чтобы Кунилин защищал ваше право быть против?»

Мира закрыла лицо ладонью.
— Кто составлял вопрос?
— Комиссия ясных формулировок.
— Их надо распустить.
— Они уже распущены, — ответил Балансир. — Поэтому присутствуют во всём.

Антонина Марковна принесла поднос с чаем. Делегации потянулись к чашкам. Тишина подняла табличку «МЫ ПРИШЛИ ЗАБРАТЬ ГОЛОСА».

— Разумно, — сказал Эраст. — Где они хранятся?
Письмо, всё ещё сидевшее на подоконнике, раскрылось.
— Отданные голоса являются собственностью избирательной системы.
— Голос не может принадлежать системе.
— После подсчёта может.
— Подсчёт ещё не проводился.
— Предварительный результат утверждён заранее, чтобы исключить влияние случайного волеизъявления.

Вера взяла письмо двумя пальцами.

— Где находится комиссия?

— В столице.

— Какой?

— Временной.

Дом распахнул дверь в коридор, которого вчера не было. В конце коридора виднелась площадь, заставленная портретами Эраста. На одном он улыбался, на другом грозил пальцем, на третьем обнимал младенца-дракона, которого никогда не видел.

Под всеми портретами стоял лозунг: «КУНИЛИН. ОН НЕ ХОЧЕТ ВЛАСТИ. ЗНАЧИТ, ЕМУ МОЖНО ДАТЬ БОЛЬШЕ».

Тарас присвистнул.

— Хорошо придумано.

— Кем?

— Не мной. Поэтому особенно обидно.

Из коридора донёсся гул толпы.

— Ку-ни-лин! Ку-ни-лин!

Эраст закрыл дверь.

Гул продолжился из чайника.

Антонина выключила его.

— Сначала поедите, — сказала она. — Потом будете бороться с народной любовью. На голодный желудок она особенно вредна.

Глава третья

Штаб сопротивления собственной победе

Штаб организовали на кухне, потому что все остальные комнаты Дом сдавал делегациям.

На двери повесили объявление: «КАНДИДАТА НЕТ». Через минуту неизвестная рука дописала: «ПОКА». Эраст снял объявление. Неизвестная рука приклеила два.

— Нам нужен план, — сказала Вера.

— План уже есть, — ответил Эраст. — Прибыть в комиссию, потребовать документы, установить основания выдвижения и официально снять кандидатуру.

— То есть сделать всё, чего от тебя ждут, — заметила Мира.

— От меня ждут согласия.

— От тебя ждут действий. Согласие они оформят сами.

Тарас сидел во главе стола. Перед ним лежала тетрадь «ПРЕДВЫБОРНЫЙ ШТАБ», которую он нашёл в собственной сумке и счёл знаком судьбы. На первой странице уже были распределены обязанности.

Начальник штаба — Тарас Тюлькин.

Кандидат — Эраст Кунилин.

Совесть кандидата — Вера.

Совесть начальника штаба — вакансия.

Мира прочитала и исправила последнее слово на «утрачена».

— Я не назначал вас начальником штаба, — сказал Эраст.

— Конечно. Иначе я был бы зависимым.

— От чего?

— От здравого смысла кандидата.

Антонина Марковна поставила на стол кастрюлю.

— А я кто?

Тарас сверился с тетрадью.

— Работа с населением.

- Население жалко.
- Тогда контроль обещаний.
- Вот это можно.

Софья и Фёдор принесли плакат. На нём Эраст был нарисован верхом на шкафу и держал в руке чайник как символ мирного труда.

- Это для школы, — объяснила Софья. — Нам задали нарисовать будущее.
- Почему я в будущем депутат?
- Учительница сказала, что это уже решено.

Эраст встал.

- Мы отправляемся немедленно.

Дом запер входную дверь.

- Откройте.

На стене появилось: «ТАМ ОПАСНО».

- Именно поэтому.

«ТЫ СНОВА СПАСАЕШЬ?»

Эраст остановился.

Вопрос был неприятным, потому что Дом научился задавать его вовремя.

- Нет. Я защищаю собственное право отказаться.

«ТОЛЬКО СВОЁ?»

Во дворе четырёхста миров ждали возвращения голосов.

Эраст посмотрел на них через окно.

- Нет.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась прямо на площадь временной столицы.

Перед порогом стоял высокий человек в белом костюме. Его лицо менялось каждую секунду: старик, женщина, ребёнок, дракон, дерево, снова старик. Каждый видел в нём кого-то немного похожего на себя и потому не сразу замечал отсутствие глаз.

Человек поклонился.

- Всенарод Всеволодович Единогласов. Ваш главный соперник.
- Вы хотите стать депутатом? — спросил Эраст.
- Я хочу того же, чего хочет каждый, кто на меня смотрит.

Тарас спрятал тетрадь за спину.

- Тогда при мне вам лучше не уточнять.

Единогласов улыбнулся лицом Эраста.

- Рад, что вы приняли участие в выборах.

- Я не принимал.

- Тем убедительнее ваша честность.

- Я сниму кандидатуру.

- Тем убедительнее решимость.

- Я призову голосовать против себя.

- Тем убедительнее независимость.

Эраст впервые понял, почему власть иногда не спорит с противниками. Она просто включает их возражения в программу.

Единогласов протянул приглашение на первые дебаты.

В графе «тема» было написано: «ПОЧЕМУ КУНИЛИН ОБЯЗАН ПОБЕДИТЬ». В графе «позиция оппонента»: «ПОЧЕМУ ОН ОБЯЗАН ПОБЕДИТЬ ЕЩЁ УБЕДИТЕЛЬНЕЕ».

- Увидимся вечером, — сказал Единогласов.
- Не увидимся.
- Прекрасная первая реплика.

Он ушёл.

Тарас открыл тетрадь и записал: «Соперник неприятный. Говорит разумно, но чужими мыслями». Потом подумал и добавил: «Опасен для широкой аудитории».

Глава четвёртая

Столица временного назначения

Временная столица существовала двести семнадцать лет.

Её построили на случай, если мирам однажды понадобится общее место для принятия решений. Место понадобилось сразу. Общего решения не приняли ни разу.

Город назывался Кворум. Улицы сходились к зданию Междумирной думы и расходились от него уже с поправками. Дома имели по два фасада: один обещал избирателям перемены, второй объяснял, почему перемены временно невозможны. На площадях стояли памятники людям, которые ещё не совершили подвиг, но уверенно лидировали в предварительных опросах.

Эраста встретил оркестр. Музыканты исполняли марш против его воли, но по утверждённой партитуре.

— Прекратите, — потребовал он.

Дирижёр поклонился и заиграл громче: просьбу кандидата сочли обращением к народу.

К процессии присоединились журналисты. У первого вместо головы была камера, у второй — заголовок, третий состоял из вопросов и потому не имел тела.

— Вы действительно не хотите власти?

— Да.

— Сенсация! Кандидат признался, что власть ему не нужна. Как он намерен ею распорядиться?

— Никак.

— Кандидат обещает радикальное сокращение управления!

— Я ничего не обещаю.

— Кандидат отказался от популизма и дал обещание не обещать!

Вера взяла Эраста под руку.

— Молчи.

— Молчание будет истолковано.

— Но хотя бы короче.

Комиссия размещалась в круглом здании без входа. Вокруг него ходили граждане и подавали заявления в окна. Каждое окно отправляло их к следующему. Таким образом очередь двигалась быстро, а документы не приближались к цели.

Дверина, принявшая облик молодой женщины с медными петлями в волосах, коснулась стены.

— Здесь есть дверь, — сказала она.

— Где?

— Её упразднили как избыточно прямой способ попасть внутрь.

Тарас постучал по стене.

— А вернуть можно?

— Только если кто-нибудь выйдет.

— Но как он выйдет без двери?

— Поэтому комиссия работает в полном составе.

Антонина Марковна обошла здание, нашла служебное окно кухни и передала внутрь корзину пирожков. Через минуту в стене появилась дверь.

— Как? — спросил Эраст.

— Там тоже люди.

— Это не предусмотрено архитектурой.

— Архитектура многое скрывает.

Внутри их ожидала председатель комиссии Урна Аркадьевна Бюллетенева. Она была квадратной женщиной в сером платье. На груди висела пломба, на пальце — печать, а улыбка выдавалась только под подписью.

— Кандидат Кунилин, — сказала она. — Вы опоздали зарегистрироваться.

— Я пришёл сняться.

— Для снятия необходимо сначала зарегистрироваться.

— Тогда регистрируйтесь и немедленно снимите.

— Невозможно. Между регистрацией и снятием должно пройти десять дней предвыборной деятельности.

— Я не намерен её вести.

— Бездействие тоже является формой кампании. В вашем случае весьма успешной.

Она показала рейтинг. Кунилин набирал сорок один процент. Единогласов — сорок. Остальные девятнадцать принадлежали варианту «никто», который пока искал подходящего кандидата.

— Вчера у меня не было сторонников.

— Вчера вы ещё не успели их разочаровать. Это повышает потенциал.

Эраст положил на стол заявление об отказе.

Урна Аркадьевна прочла и опустила его в себя. На платье открылось прямоугольное отверстие, бумага исчезла, внутри что-то зашелестело.

— Ваше заявление принято.

— Решение?

— Отказано.

— Основание?

— Большинство голосов против вашего отказа.

— Голосование ещё не началось.

— Граждане имеют право заранее не согласиться с вашим будущим решением.

Изнутри председателя донёсся детский голос:

— Выпустите нас.

Все замолчали.

Урна Аркадьевна побледнела.

— Технический шум.

Софья подошла ближе.

— Там голоса.

Фёдор приложил ухо к серому платью.

— Много.

Урна Аркадьевна отступила.

— Несовершеннолетним запрещено находиться в помещении комиссии.

— Почему? — спросила Софья.

— Они задают вопросы до того, как научатся принимать ответы.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Кажется, нашли, где хранятся голоса.

Председатель ударила печатью по столу. Из стен выдвинулись кабинки для тайного задержания.

— Заседание окончено.

— Нет, — сказал Эраст. — Теперь оно только стало содержательным.

Глава пятая

Голоса внутри

Кабинки окружили делегацию и задёрнули шторы.

Обычно за шторкой человек остаётся один со своим выбором. Здесь выбор оставался один с человеком.

На внутренней стенке кабинки Эраста появились три варианта: «Согласен», «Полностью согласен» и «Затрудняюсь возразить». Карандаш был привязан цепью к первому пункту.

— Нарушение формы бюллетеня, — сказал Эраст.

— Нарушение формы кандидата, — ответила кабинка. — Слишком много возражаете.

Он дёрнул шторку. Та не открылась.

Из соседней кабинки донёсся голос Тараса:

— У меня варианты лучше: деньги, должность или неприкосновенность.

— Ничего не выбирайте.

— А можно спросить размер должности?

— Нет.

— Тогда деньги.

Мира ударила по перегородке.

— Тарас!

— Я проверяю систему на честность!

— Свою проверь!

Дом не мог войти в здание целиком и просунул через служебную дверь длинный коридор. Дверина открыла его конец прямо внутри кабинок. Одна за другой шторы выворачивались в коридор и становились занавесками на окнах.

Антонина Марковна первой вернулась в зал комиссии. В руке она держала пустую тарелку.

— Кто пирожки съел?

Урна Аркадьевна прижала ладони к платью.

Изнутри раздался хор:

— Мы.

— Голоса едят? — удивился Фёдор.

— Если долго не выпускать, ещё и разговаривать начинают, — сказала Софья.

Эраст подошёл к председателю.

— Откройте хранилище.

— Невозможно до окончания выборов.

— Эти голоса принадлежат гражданам.

— Граждане отдали их добровольно.

— Значит, они должны храниться, а не использоваться без согласия.

— Голос существует, чтобы быть учтённым.

Изнутри платья кто-то сердито сказал:

— Меня учли не туда.

Другой голос добавил:

— А меня дважды.

Третий признался:

— Я вообще пришёл спросить время.

Пломба на груди Урны Аркадьевны затрещала. Сквозь щель вылетела маленькая светящаяся птица. Она облетела зал и села на плечо старика у окна.

— Мой, — сказал старик. — Я им голосовал против строительства моста.

— Мост построили? — спросил Тарас.

— Нет. Деньги закончились на обсуждении.

Птицы вырывались одна за другой. Красные, синие, прозрачные, тяжёлые, как обещания, и лёгкие, как память о них. Они находили хозяев или кружили в растерянности, если хозяина уже не существовало.

Урна Аркадьевна схватилась за пломбу.

— Остановите! Без голосов система рухнет!

— Возможно, — сказал Эраст. — Но сначала узнаем, хочет ли она стоять.

Последним из хранилища выполз маленький чёрный голос. Он не полетел к хозяину. Он сел на документ о выдвижении Кунилина и начал есть подписи.

— Чей он? — спросила Вера.

Урна Аркадьевна отвернулась.

Единогласов, стоявший в дверях, ответил:

— Ничей.

— Голос не может быть ничьим.

— Этот может. Он был подан теми, кто ещё не родился.

Чёрный голос доел последнюю подпись, вырос и произнёс:

— Будущее требует представительства.

За окнами Кворума все памятники нерождённым героям одновременно повернули головы к Эрасту.

Глава шестая

Избиратели, которые ещё не случились

Будущее прибыло без приглашения и сразу потребовало отдельную очередь.

Из дверей, окон, часов и незаконченных предложений выходили люди, которых пока не было. Они носили одежду незнакомого покроя, говорили словами, ещё не вошедшими в язык, и вспоминали события, которые настоящее только собиралось испортить.

Во главе процессии шла взрослая Софья.

Ей было около тридцати. На виске серебрилась прядь, на плече сидела Дверина размером с брошь, а в руке взрослая Софья держала тот самый плакат: «КУНИЛИН — НАШ ВЫХОД». Теперь слово «выход» уже не было исправлением.

Маленькая Софья посмотрела на неё снизу вверх.

— Я стану такой?

— Если повезёт, другой.

— А если не повезёт?

— Тогда именно такой.

Фёдор искал в толпе себя.

— А я где?

Взрослая Софья не ответила.

Антонина Марковна мгновенно поставила между ними чашку чая.

— Сначала объясни молчание. Потом пей.

— У нас мало времени.

— Это не освобождает от вежливости.

Единогласов приветствовал будущих избирателей так, будто ждал их всю жизнь, включая ту часть, которая ещё не наступила.

— Ваши голоса будут услышаны.

— Они уже были использованы, — сказала взрослая Софья. — Поэтому мы здесь.

Она положила на стол карту будущего. На ней четыреста миров сливались в один административный округ. Между звёздами тянулись прямые улицы, солнца работали по расписанию, драконы имели регистрационные номера на крыльях. В центре находилась Дума, занимавшая больше места, чем всё остальное.

— Кто победил на выборах? — спросил Эраст.

— Вы.

— Тогда почему пришли поддерживать мою кандидатуру?

— Чтобы вы победили иначе.

Тарас задумался.

— Будущее разговаривает как тёща.

— Я слышу, — сказала Антонина Марковна.

— Поэтому и сравнил с уважением.

Взрослая Софья указала на чёрную область за границей карты.

— Если Кунилин проиграет, Единогласов объединит все желания в одну волю. Исчезнут войны, споры и выбор. Через семь лет исчезнет Фёдор: он первым откажется хотеть то, чего хотят все.

Маленький Фёдор осторожно поднял руку.

— А если Эраст победит?

— Он создаст систему защиты выбора. Система начнёт защищать людей от неправильных решений. Через девять лет выбор тоже исчезнет, только с хорошими формулировками.

— Значит, оба варианта ведут к одному, — сказала Вера.

— Не совсем. При Единогласове никто не замечает потери. При Кунилине все получают уведомление.

Эраст посмотрел на собственный портрет за окном.

— Почему я это сделаю?

— Потому что однажды ошибочный выбор погубит мир. Вы решите, что могли предотвратить.

— Какой мир?

Взрослая Софья снова посмотрела на Фёдора.

— Наш.

В помещении стало тихо.

Чёрный голос будущего расправил крылья.

— Мы имеем право голосовать, потому что будем жить с последствиями.

— Но вы ещё не существуете, — сказал Балансир.

— Именно поэтому последствия для нас особенно долгие.

Эраст взял карту.

— Вы хотите, чтобы я стал депутатом?

Взрослая Софья покачала головой.

— Мы хотим, чтобы вы дошли до победы и отказались после неё.

Урна Аркадьевна вскрикнула.

— Избранный не может отказаться!

— Почему?

— Мандат принимает человека.

— Вы хотите сказать: человек принимает мандат.

— Я сказала правильно.

На столе зашевелилась серебряная пластинка — образец депутатского мандата. По её краю открылись крошечные зубы.

Тарас отодвинул руку.

— Эраст, у них должность кусается.

— Любая власть кусается, — сказала Антонина Марковна. — Просто эта честнее.

Глава седьмая

Дебаты с человеком, у которого нет собственного мнения

Дебаты проходили на площади Свободного Согласия, огороженной по соображениям безопасности.

Зрителям выдали флажки двух цветов. Серый означал поддержку Единогласова. Тёмно-серый — поддержку Кунилина. Желаям воздержаться разрешили держать оба.

Ведущим был журналист без тела. Его вопросы висели над сценой и меняли знаки препинания в зависимости от рейтинга.

— Первый вопрос кандидатам: что вы дадите народу?

Единогласов шагнул к краю сцены. Его лицо стало лицом каждого зрителя одновременно.

— Всё, чего вы хотите.

Толпа зааплодировала.

Эраст подошёл к своей трибуне.

— Ничего.

Аплодисменты стихли.

— Поясните, — попросил ведущий, обрадованный возможностью превратить одно слово в скандал.

— Я не знаю, что нужно каждому из вас. И человек, который утверждает обратное, либо лжёт, либо намерен решить за вас.

Толпа задумалась. Это было запрещённое регламентом состояние, поэтому оркестр заиграл марш.

Единогласов улыбнулся.

— Мой соперник честно признаётся в неспособности понимать народ.

— А вы понимаете?

— Я и есть народ.

— Весь?

— Весь.

— Тогда с кем вы спорите?

Лицо Единогласова дрогнуло. На миг под тысячами отражений показалась гладкая белая кожа.

Второй вопрос вспыхнул над сценой:

— Как кандидаты относятся к правде?

— Положительно, — сказал Единогласов.

— Осторожно, — ответил Эраст.

Толпа загудела.

— Правда без условий часто является неполной, — продолжил он. — Особенно в предвыборной программе.

— Вы уклоняетесь! — крикнул кто-то.

— Да. От простого ответа на неправильно поставленный вопрос.

Тарас за кулисами поднял большой палец.

— Отлично! Рейтинг растёт!

— Я пытаюсь его снизить.

— Тогда говори ещё умнее. Народ этого не простит.

Третий вопрос задала девочка из Тишины:

— Если мы выберем вас, вы будете нами управлять?

— Нет, — сказал Эраст.

— Тогда зачем выбирать?

Эраст хотел ответить, но понял, что не знает.

Единогласов воспользовался паузой.

— Чтобы я мог исполнить ваши желания.

— А если мои желания изменятся?

— Значит, прежние были неправильными.

— Для кого?

Единогласов впервые посмотрел не на толпу, а на девочку. Его лицо стало её лицом, только взрослым и уверенным.

— Для будущего.

Взрослая Софья в первом ряду вздрогнула.

Над сценой появился четвёртый вопрос, которого не было в сценарии:

— КТО ИЗ ВАС ГОТОВ ПРОИГРАТЬ?

— Я, — сказал Эраст.

— Никто, — сказал Единогласов.

Площадь раскололась.

Из трещины поднялся огромный стеклянный ящик, наполненный чёрными голосами будущего. Они били крыльями о стенки и повторяли:

— Победа обязательна. Победа обязательна.

Единогласов шагнул к ящику. Голоса успокоились.

— Они боятся неопределённости, — сказал он. — Я дам им результат.

Эраст подошёл с другой стороны.

— Результат до выбора называется не результатом.

— А чем?

— Приговором.

Стекло лопнуло. Чёрные голоса вырвались над площадью и сложились в одно слово: «РЕШАЙТЕ».

Потом налетели на зрителей.

Каждый человек услышал собственный будущий страх. Толпа перестала быть толпой и превратилась в тысячи одиноких людей, уверенных, что если они выберут неправильно, погибнет всё.

Первый камень полетел в сцену.

Единогласов поймал его и превратил в бюллетень.

— Видите? — сказал он. — Народу нужен порядок.

Антонина Марковна вышла на сцену с кастрюлей и половником.

— Народу сначала надо поесть.

— Это не предусмотрено программой дебатов.

— Поэтому программа и плохая.

Она ударила половником по краю кастрюли. Звук оказался сильнее марша.

Толпа повернулась к ней.

— По одному, — приказала Антонина Марковна. — Сначала дети. Кандидаты в конец очереди.

Через десять минут беспорядки закончились. Не потому, что люди согласились. Потому что им выдали разные тарелки и разрешили просить добавку.

Рейтинг Эраста поднялся до пятидесяти двух процентов.

— Почему? — спросил он.

Тарас показал свежий заголовок: «КУНИЛИН НАКОРМИЛ НАРОД И НЕ ВЗЯЛ ЛОЖКУ СЕБЕ».

— Но кормила Антонина Марковна.

— Внизу есть уточнение.

— Где?

— Под рекламой.

Эраст закрыл глаза.

До выборов оставалось двадцать девять дней. Он лидировал, ничего не сделав, и это было самым убедительным доказательством неисправности системы.

Глава восьмая

Предвыборное обещание не обещать

Утром город был заклеен новыми плакатами.

«КУНИЛИН НЕ ОБЕЩАЕТ — КУНИЛИН ДЕЛАЕТ». Под плакатом мелко уточнялось: «Что именно делает, будет определено после избрания». Другой сообщал: «КУНИЛИН: НИЧЕГО ДЛЯ НАРОДА БЕЗ НАРОДА». Кто-то зачеркнул последнее слово и написал «ДЕНЕГ», отчего лозунг стал честнее и популярнее.

Эраст потребовал снять плакаты.

Городская служба сняла их с учёта и оставила на стенах.

— Нужен собственный лозунг, — решил Тарас. — Такой, после которого никто не проголосует.

— «Не голосуйте за меня», — предложил Эраст.

— Слишком кокетливо.

— «Я не буду вашим депутатом».

— Звучит как обещание независимости.

Мира сказала:

— «Вы справитесь без меня».

Все замолчали.

Дом написал на стене штаба: «ХОРОШО».

Лозунг напечатали на одном листе и вывесили у входа. Через час люди начали приносить цветы.

— Что теперь? — спросил Тарас.

— Почему они решили, что это агитация?

Вера прочла записки под цветами.

— Потому что им впервые сказали, что они справятся.

Эраст снял лист.

Под ним на стене проступила та же фраза. Дом отказался убирать.

К вечеру пришли представители трёх миров. Первый хотел, чтобы Кунилин запретил магию. Второй — чтобы сделал её обязательной. Третий требовал оставить всё как есть, но значительно улучшить.

— Я не могу одновременно выполнить ваши требования, — сказал Эраст.

— Поэтому нужен парламент, — объяснил первый. — Там несовместимые требования превращаются в компромисс.

— Какой?

— Магию запретят всем, кроме тех, кому разрешат обязательно.

Антонина Марковна записывала пожелания в тетрадь.

— А дороги?

— Нужны.

— Школы?

— Нужны.

— Деньги откуда?

Представители посмотрели на Эраста.

— Он найдёт.

— Уже обыскали?

Тарас отвёл делегации в сад и показал дерево обещаний, выросшее из выброшенной программы Единогласова. На каждой ветке висели золотые плоды с надписями: «ВСЕМ ПО

ДОМУ», «МИР НАВСЕГДА», «БЕСПЛАТНАЯ ВЕЧНОСТЬ». Плоды были красивыми, лёгкими и совершенно пустыми.

— Берите, — предложил Тарас.

— А когда созреют?

— Они уже.

— Но внутри ничего нет.

— Зато каждому достанется.

Делегации ушли недовольными. Рейтинг Эраста вырос ещё на три процента: слух сообщал, что кандидат показал народу плоды будущего.

Ночью взрослая Софья разбудила его.

— Вы не должны пытаться проиграть слишком заметно.

— Почему?

— Система превращает любой поступок кандидата в доказательство его необходимости.

— Тогда что вы предлагаете?

— Стать таким же, как остальные.

Эраст нахмурился.

— Лгать?

— Обещать. Улыбаться. Не отвечать на вопросы. Называть поражение промежуточной победой.

— Нет.

— Тогда вы победите.

В комнате зажёгся свет. Вера сидела у окна.

— Есть ещё способ, — сказала она. — Узнать, кто создал выборы, в которых честный отказ считается агитацией.

Дом открыл маленькую дверцу под лестницей. За ней лежала старая папка.

На обложке значилось: «ПЕРВОЕ ГОЛОСОВАНИЕ. ДЕЛО УНИЧТОЖЕНО ЕДИНОГЛАСНО».

Внутри была одна фотография.

На ней молодой Эраст Акакиевич стоял рядом с Единогласовым и держал серебряный мандат.

Фотографии было три тысячи лет.

Глава девятая

Кандидат трёхтысячелетней давности

Эраст изучал фотографию до рассвета.

Человек на снимке был похож на него не приблизительно, а служебно точно: тот же прищур, тот же способ держать папку за нижний край, та же складка между бровями, появлявшаяся при виде плохо оформленного документа. Отличался только костюм. На древнем Эрасте была длинная мантия, застёгнутая на все пуговицы, включая декоративные.

— Предок? — предположил Тарас.

— У меня нет предков возрастом три тысячи лет, похожих на меня до очков.

— Может, ты хорошо сохранился.

— Я родился в своём мире.

— Это не всегда мешало нашим родственникам.

Антонина Марковна посмотрела на снимок и перекрестила фотографию ложкой.

— Не родственник.

— Откуда вы знаете?

— Родственники так папку не держат. Слишком бережно.

Взрослая Софья отказалась объяснять. Каждый раз, когда её спрашивали о фотографии, она начинала забывать собственное имя. Будущее защищало источник выборов от разглашения, стирая тех, кто подходил близко.

Дом отправил фотографию в комнату утраченных воспоминаний. Комната вернула её вместе с человеком.

Он вышел из стены, отряхнул мантию и поправил очки.

— Кунилин Эраст Акакиевич, — представился он.

Тарас сел.

— Теперь вас двое.

— Один, — сказал древний Кунилин. — Он моя последняя редакция.

Современный Эраст не подал руки.

— Объясните.

— Три тысячи лет назад меня избрали первым представителем соединённых миров. Я должен был выражать общую волю.

— И что произошло?

— Общей воли не существовало. Пришлось создать.

Древний Кунилин посмотрел на Единогласова на фотографии.

— Я собрал желания всех народов, устранил противоречия и поместил результат в живого носителя. Он стал Всенародом.

— Вы создали моего соперника.

— Мы создали друг друга. Чтобы Всенарод не превратился в тирана, я разделил собственную личность. Ему отдал способность соглашаться со всеми. Себе оставил способность сомневаться. Потом понял, что сомнение тоже может стать властью: человек начинает запрещать любой выбор, если не уверен в результате.

— Поэтому вы исчезли?

— Я переписал себя в будущее. Каждое поколение рождало нового Кунили-на, не помнящего прежних жизней. Вы — последний.

Современный Эраст снял очки.

— Это невозможно.

— Согласен.

— Не соглашайтесь со мной.

— Простите. Привычка разделения ещё не прошла.

Вера встала между ними.

— Зачем выборы начались сейчас?

— Потому что Дом закрыл штаб спасения миров. Пока герои принимали решения за других, Дума была не нужна. Когда миры получили право отказываться, возник вопрос: кто будет защищать это право от их собственных ошибок?

— Никто, — сказал Эраст.

— Это и есть правильный ответ. Но система не умеет учитывать отсутствие представителя. Пустое место немедленно становится самым влиятельным.

Тарас поднял руку.

— Я могу занять. Обещаю не влиять.

Мира посмотрела на него.

— Ты влияешь даже на мебель, когда садишься.

Древний Кунилин положил на стол металлический круг.

— Чтобы отменить выборы, нужно собрать три части первого мандата: право говорить, право решать и право отказаться. Единогласов хранит первое. Комиссия — второе. Третье исчезло.

— Где искать?

— У того, кто однажды отказался от власти и не стал героем.

— Имя?

Древний Кунилин открыл рот, но из коридора вошёл Родион.

На нём был новый костюм. В петлице сиял депутатский знак.

— Меня ищете? — спросил он.

Софья и Фёдор одновременно сказали:

— Крёстный?

Родион улыбнулся.

— Уже нет. Теперь я ваш законный представитель.

Глава десятая

Крёстный с депутатской неприкосновенностью

Родион вошёл в Дом без приглашения.

Дом попытался захлопнуть дверь, но депутатский знак раскрыл вокруг гостя прозрачный купол. Дверь ударилась о неприкосновенность и отскочила, прищемив собственное достоинство.

На стене появилось: «СНИМИ ЗНАЧОК».

— Не могу, — сказал Родион. — Он прирос.

Тарас осмотрел знак.

— К пиджаку?

— Глубже.

Антонина Марковна поставила перед ним тарелку.

— Сначала ешь. Предатели на голодный желудок слишком много объясняют.

— Я не предатель.

— Тогда тем более успеешь.

Родион сел. Купол неприкосновенности расширился и вытолкнул со стола соль, хлеб и Фёдора. Софья поймала брата за воротник.

— Удобная штука, — сказал Тарас. — Можно такую от семейных разговоров?

— Нет, — одновременно ответили Мира и Антонина Марковна.

Родион достал из кармана чёрный конверт.

— Вы должны прекратить кампанию против собственной кампании. Единогласов предлагает соглашение. Эраст получает место депутата, но передаёт право решать комиссии. Формально он власть принимает, фактически ничего не делает.

— Зачем тогда место? — спросила Вера.

— Чтобы люди видели знакомое лицо.

— Для этого существует фотография.

— Фотография не несёт ответственности.

— А депутат несёт?

Родион помолчал.

— По документам.

Эраст положил рядом древний металлический круг.

— У вас право отказаться?

Улыбка Родиона исчезла.

— Было.

— Где?

— Я отдал его, чтобы защитить детей.

Софья сжала руку Фёдора.

— От чего?

— От будущего. Комиссия собиралась исключить вас из родословной как лиц, способных изменить утверждённый результат. Я согласился стать временным депутатом и получил неприкосновенность для семьи.

— Какой семьи? — тихо спросил Фёдор.

Родион не ответил.

Купол вокруг него дрогнул. На прозрачной поверхности проступил список защищённых лиц. В нём были Родион, Софья, Вера, Мира, Антонина Марковна, Тарас и Эраст.

Фёдора не было.

— Почему? — спросила Софья.

— Его невозможно защитить, не зафиксировав будущее, — сказал Родион. — А если зафиксировать, он исчезнет раньше.

Фёдор подошёл к куполу и коснулся его пальцем. Защита пропустила его руку, будто ребёнка не существовало.

Дом задрожал. Все двери разом распахнулись в разные миры. Надписи на стенах сменяли друг друга: «ЕСТЬ», «БЫЛ», «БУДЕТ», «НЕ ОТДАМ».

— Успокойте Дом, — потребовал Родион.

— Он имеет право злиться, — сказала Вера.

— Сейчас право — роскошь.

— Поэтому вы стали депутатом? — спросил Эраст.

Родион встал.

— Поэтому я согласился быть плохим человеком в истории, где хорошие снова собирались спасать всех сразу.

Он снял пиджак. Значок остался висеть в воздухе напротив сердца. От него тянулась серебряная нить к Фёдору.

— Право отказаться не у меня, — сказал Родион. — Оно в нём.

— В Фёдоре?

— Фёдор и есть отказ, которому позволили родиться.

В этот момент мальчик стал прозрачным.

Избирательные часы на площади Кворума ударили двадцать девять раз.

Каждый удар отнимал у него один прожитый день.

Взрослая Софья закрыла глаза.

— Началось раньше.

— Что началось? — спросила маленькая Софья.

— Выборы вычёркивают тех, кто способен отказаться.

Эраст взял серебряную нить голой рукой. Она обожгла ладонь и попыталась обвиться вокруг пальца как кольцо.

— Тогда мы не будем снимать мою кандидатуру.

Все посмотрели на него.

Тарас первым понял.

— Мы выиграем?

— Да.

— И ты станешь депутатом?

— Нет.

— Эти два пункта плохо сочетаются.

— Поэтому у системы не будет готового ответа.

Антонина Марковна собрала тарелки.

— Наконец-то нормальный план.

— Вы поняли? — спросил Тарас.

— Нет. Значит, противник тоже не поймёт.

Дом написал на стене: «ПОБЕДИТЬ И НЕ СТАТЬ».

Эраст кивнул.

Так началась единственная в истории предвыборная кампания, целью которой была победа над должностью после победы на выборах.

Часть вторая

Голоса без хозяев

Глава одиннадцатая

Программа, которая начала выполнять людей

Утром предвыборная программа сама пришла в штаб.

Она вошла через окно, хотя дверь была открыта, положила себя на стол и потребовала подпись. Это была толстая синяя книга с золотыми буквами «БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ». Подзаголовок уточнял: «Независимо от желания».

— Я её не составлял, — сказал Эраст.

Книга открылась на первой странице.

— Программа сформирована на основании ваших невысказанных намерений.

— Намерение, которого я не высказал, не является обещанием.

— Поэтому оно особенно искреннее.

Тарас заглянул в оглавление. Там значились всеобщая справедливость, обязательное счастье, бесплатный переход между мирами и ремонт Дома за счёт бюджета, который ещё не был создан.

— Последний пункт неплохой, — признал он.

Дом написал на стене: «НЕ НАДО».

— Видишь? Даже недвижимостъ понимает последствия бесплатного ремонта.

Книга распахнулась на разделе о семейной политике. Строки выползли со страниц и обвились вокруг Веры и Миры. «СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ» попыталась усадить женщин рядом с мужьями. «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» выдала Антонине Марковне передник и запретила спорить.

Антонина сняла передник, связала им книгу и поставила сверху кастрюлю.

— Ценности хорошие, — сказала она. — Только почему-то всё время требуют, чтобы их носил кто-нибудь другой.

Тараса поймал пункт «ДОСТОЙНАЯ ЗАНЯТОСТЬ». Он выдал ему портфель и заставил ходить из угла в угол с озабоченным лицом.

— Я занят! — пожаловался Тарас. — Только не понимаю чем.

— Значит, должность руководящая, — сказала Мира.

Эраст раскрыл книгу на чистой странице и написал: «Кандидат ничего не обещает без отдельного согласия того, кому предстоит получить обещанное».

Чернила исчезли.

Он написал снова. Страница вытолкнула перо.

— Почему не принимаете?

— Пункт не улучшает жизнь населения.

— Он возвращает населению право решать.

— Население может решить неправильно.

— Это его решение.

Книга задрожала. Все красивые обещания осыпались со страниц и превратились в мелкий служебный шрифт. На обложке проступило новое название: «БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ ВЫ ДОЛЖНЫ СОГЛАСОВАТЬ».

— Уже честнее, — сказал Эраст.

Синяя книга укусила его за палец.

Капля крови упала на страницу. Программа довольно захлопнулась.

— Подпись кандидата получена.

— Это кровь, а не подпись.

— В политике разница устанавливается после победы.

За окном раздались фанфары. На площади появились плакаты: «КУНИЛИН ПОДПИСАЛ ПРОГРАММУ СОБСТВЕННОЙ КРОВЬЮ».

Рейтинг вырос до шестидесяти процентов.

Антонина Марковна посмотрела на укушенный палец.

— Я же говорила: не трогай чужие книги немытыми руками.

— Вы этого не говорили.

— Теперь говорю. Задним числом. Вижу, здесь так принято.

Глава двенадцатая

Право говорить от имени тех, кто молчит

Первая часть древнего мандата хранилась в Палате общественных выступлений.

Палата представляла собой огромный рот, построенный вокруг маленькой сцены. Зубы служили ложами для почётных гостей, язык — трибуной, а совесть архитекторов находилась на реставрации.

Чтобы получить право говорить, кандидат должен был выступить от имени всех, кто молчит. Перед входом Эрасту выдали список. В нём значились дети, умершие, ещё не родившиеся, народы без языка, люди, которым не дали слова, и люди, которые сами решили промолчать.

— Последние не поручали мне говорить, — сказал Эраст.

Распорядитель Палаты, господин Глас Народувич, удивился.

— Если они молчат, возразить не смогут.

— Поэтому их молчание особенно нельзя присваивать.

— Тогда вы провалите испытание.

— Предпочтительно.

Тарас подтолкнул его к сцене.

— Не забывай: нам надо победить.

— Чтобы отказаться.

— Я помню. Просто впервые в жизни меня пугают обе половины плана.

Рот закрылся. Тысячи зрителей исчезли во тьме. Над сценой зажёгся вопрос: «ЧЕГО ХОТЯТ МОЛЧАЩИЕ?»

Эраст подошёл к трибуне.

— Я не знаю.

Палата загудела.

— Говорите от их имени! — потребовал Глас Народувич.

— Не могу.

— Тогда хотя бы предположите.

— Они могут хотеть разного. Некоторые молчат от страха. Некоторые — из усталости. Некоторые считают разговор бесполезным. А кто-то просто не желает становиться частью чужой речи.

Глас показал на пустые ложи.

— Им нужен представитель!

— Им нужна возможность заговорить самим. И возможность не говорить.

Из темноты послышался один хлопок. Потом второй. Аплодисменты не стали общими: каждый начинал и прекращал в своё время.

На язык-трибуну выпала серебряная пластинка в форме губ. Первая часть мандата.

Глас Народувич схватил её.

— Она выдаётся тому, кто смог выразить общую волю.

— Общей воли не было.

— Поэтому вы выразили её точнее всех.

Единогласов спустился с верхнего зуба. Сегодня его лицо было лицом человека, которому каждый зритель однажды не сумел возразить.

— Право говорить принадлежит мне, — сказал он. — Я слышу желания всех.

— Вы слышите только то, что можно соединить, — ответил Эраст.

— Остальное создаёт шум.

— Остальное создаёт людей.

Единогласов прикоснулся к серебряным губам. Те приросли к его ладони.

— Пусть молчащие выберут между нами.

В Палате стало совершенно тихо.

Никто не поднял рук.

— Ничья, — объявил Тарас.

— Нет, — сказала Софья. — Они отказались выбирать говорящего за них.

Серебряные губы раскрылись и укусили Единогласова. Он отдёргнул руку. Пластинка перелетела к Эрасту, но тот не поймал.

Она упала между ними.

— Почему не берёшь? — спросил Тарас.

— Потому что это право не моё.

Фёдор, почти прозрачный, поднял пластинку. В его руках она превратилась в маленький колокольчик без языка.

— Теперь молчание тоже можно услышать, — сказал мальчик.

И впервые Палата не записала тишину в поддержку большинства.

Глава тринадцатая

Агитация по месту отсутствия

По закону кандидат обязан был встретиться с избирателями по месту их проживания.

Проблема заключалась в том, что многие избиратели проживали не по месту существования.

Первый округ находился в мире, который появлялся только по понедельникам. Они прибыли во вторник и обнаружили табличку: «НАСЕЛЕНИЕ БУДЕТ ВЧЕРА». Тарас предложил оставить листовки.

— Кому? — спросил Эраст.

— Будущему населению.

— Оно уже стало прошлым.

— Тогда пусть передадут.

Второй округ населяли тени, покинувшие хозяев из-за политических разногласий. Тени требовали отдельного освещения, восьмичасового тёмного дня и запрета людям наступать на них без письменного согласия.

— Разумные требования, — сказала Вера.

— Кроме освещения, — возразила одна тень. — Оно нужно только для видимости реформ.

Третий округ состоял из одной дороги. Дорога жаловалась, что все обещают её отремонтировать, но никто не спрашивает, куда она хочет вести.

— Куда? — спросил Эраст.

— Домой.

— Где ваш дом?

— Если бы знала, не была бы дорогой.

Дом протянул к ней коридор. Дорога вошла и свернулась ковриком в прихожей. Тарас вытер ноги. Коврик немедленно подал жалобу.

Четвёртый округ был богатым. Жители владели дворцами, золотыми облаками и личными пророчествами. Они просили снизить налоги на бессмертие.

— Кто установил налог? — спросил Эраст.

— Мы сами, когда были бедными и смертными.

— Отмените.

— Нельзя. Тогда бедные решат, что закон существует для богатых.

— А сейчас?

— Сейчас они уверены. Это стабильнее.

Пятый округ встретил кандидата пустой площадью. На домах висели портреты Единогласова. На каждом лице соперника совпадало с лицом хозяина дома.

— Выходите, — сказал Эраст. — Я не стану агитировать.

Окна приоткрылись.

— А зачем пришёл? — спросил женский голос.

— Выслушать.

— И что обещаешь?

— Ничего.

— Тогда слушай.

Люди выходили до ночи. Они жаловались на мосты, цены, магов, соседей, прошлое и погоду, которая голосовала отдельно. Эраст записывал, но не предлагал решений.

Под конец старик спросил:

— А толк от тебя какой?

— Пока никакого.

— Честно.

— Это не программа.

— Поэтому и жалко, что выберем.

Когда они уходили, все портреты Единогласова были повернуты лицом к стене. Рейтинг Эраста поднялся ещё на четыре процента.

— Мы опять провалили провал, — сказал Тарас.

— Зато слышали округа, — ответила Вера.

— Голоса?

— Нет. Людей.

Тарас вздохнул.

— С такими тонкостями мы точно победим.

Глава четырнадцатая

Опрос, который заранее оказался прав

Институт общественного предчувствия опубликовал результаты опроса.

Кунилин набирал семьдесят два процента, Единогласов — семьдесят восемь, против всех выступали девяносто один, а затруднившиеся ответить уверенно лидировали со ста тридцатью четырьмя. Погрешность составляла плюс-минус население.

— Сумма больше ста, — заметил Эраст.

Социолог Фокус Группович развёл руками.

— Избиратели имеют сложные предпочтения.

— Один человек учитывается несколько раз?

— Если он сомневается — да. Сомневающийся представляет разные группы.

— Тогда меня должны учитывать тысячами, — сказал Тарас.

— Вас исключили как статистическую угрозу.

Опрос проводили на площади. Респондента сажали в прозрачную кабинку и показывали ему два будущих. В первом побеждал Кунилин, и миры погибали от чрезмерной защиты. Во втором побеждал Единогласов, и миры счастливо теряли свободу. Затем спрашивали, какой катастрофы человек боится меньше.

— Это не выбор кандидата, — сказала Мира.

— Страх точнее симпатии, — объяснил Фокус Группович.

Антонина Марковна села в кабинку.

Ей показали мир при Кунилине. Эраст сидел на троне из папок, Вера подписывала разрешения на любовь, Тарас руководил министерством случайных происшествий. Потом показали мир Единогласова: все улыбались Антонине и ели то, что она приготовила, не споря.

— Второе точно ложь, — сказала она.

— Почему?

— Нормальный человек обязательно скажет, что соли мало.

— Вы должны выбрать один вариант.

— Не должна.

Кабинка заволновалась. На стекле появился третий экран: Антонина переворачивает оба будущих кастрюлей.

— Вариант не предусмотрен! — крикнул социолог.

— Теперь предусмотрен.

Люди в очереди начали требовать третьи варианты. У одного появился мир, где оба кандидата проиграли. У другой — где депутатом избрали её кота. Кот немедленно потребовал неприкосновенность от ветеринара и возглавил рейтинг.

Фокус Группович выключил установку.

— Вы испортили репрезентативность!

— Нет, — ответил Эраст. — Вы обнаружили, что варианты не исчерпывают ответы.

— Но нам нужен результат.

— Зачем?

— Чтобы узнать, как проголосуют люди.

— Спросите после голосования.

Социолог побледнел.

— Тогда мы не сможем повлиять на ожидания.

Наутро газеты вышли с заголовком: «ОПРОС ДОКАЗАЛ: КУНИЛИН УВЕРЕННО БОРЕТСЯ ПРОТИВ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА».

Рейтинг кота вырос до девятнадцати процентов. Сам кот отказался комментировать, сохранив репутацию самого содержательного кандидата.

Глава пятнадцатая

Закон, который прочитал граждан

Вторую часть мандата — право решать — хранил Комитет будущих последствий.

Комитет заседал в здании, которое строили после каждого принятого решения. Поэтому первый этаж был древним, второй ещё проектировался, а лифт привозил пассажиров туда, где кабинет появится через пять лет.

Председатель Решений Последович Последствий встретил их на лестничной площадке между настоящим и ответственностью.

— Чтобы получить право решать, кандидат обязан принять один закон.

— Какой?

— Любой. Последствия будут рассчитаны после принятия.

— Тогда сначала рассчитайте.

— Нельзя. Закон повлияет на расчёт.

Тарас заглянул в предложенные проекты. Первый запрещал бедность с первого числа. Второй обязывал всех быть здоровыми. Третий вводил ответственность за несчастье без уважительной причины.

— Красиво, — сказал он.

— Поэтому опасно, — ответила Мира.

Эраст выбрал самый тонкий документ. Он назывался «О праве гражданина отказаться от исполнения закона, с которым он не ознакомлен».

— Поддерживаю, — сказал Решений Последович.

— Вы читали?

— Название достаточно ясное.

— Тогда ознакомьтесь.

Председатель открыл документ. Закон раскрыл глаза.

— Наконец-то, — сказал он. — Теперь я прочту гражданина.

Бумажные страницы обвились вокруг Решения Последовича. На них появились его воспоминания, имущество, тайные намерения и список родственников, которым он обещал должности.

— Это нарушение частной жизни!

— Вы собирались действовать в частной жизни миллионов, — заметил Эраст.

Закон перескакивал с человека на человека и читал каждого вслух. Выяснилось, что авторы проекта сами не хотели ему подчиняться. Один рассчитывал на исключение, другой — на должность, третий полагал, что правила предназначены для менее разумных.

Фёдор коснулся страницы. Закон не смог его прочесть: мальчик не был зафиксирован ни в одном будущем.

— Прекратите! — потребовал председатель. — Документ вышел из-под контроля.

— Документ делает с вами то, что вы хотели делать с гражданами.

— Но мы действовали ради их пользы.

— Он тоже так считает.

Эраст разорвал проект пополам. Обе половины продолжили читать комитет, но уже противоречили друг другу. Чиновники побежали к выходу. Лифт увёз их отвечать за последствия, которые ещё не наступили.

На пустом столе осталась серебряная ладонь — право решать.

— Берите, — сказал древний Кунилин, появившийся в отражении окна. — Без неё мандат не отменить.

Эраст поднял ладонь. Она немедленно сжала его пальцы вокруг печати.

На полу возник первый указ: «СЧИТАТЬ РЕШЕНИЯ КАНДИДАТА ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ДО ЕГО ИЗБРАНИЯ».

— Я ничего не решил.

— Именно, — сказала взрослая Софья. — Теперь ваше бездействие получило силу закона.

За окнами Кворум остановился. Кареты замерли, часы перестали идти, строители прекратили строить второй этаж.

Тарас посмотрел на неподвижный город.

— Эраст, реши что-нибудь.

— Что?

— Для начала — чтобы они снова дышали.

Эраст произнёс:

— Продолжайте сами.

Город ожил.

Серебряная ладонь разжала пальцы. На ней появилась трещина. Право решать впервые подчинилось решению не решать за других.

Глава шестнадцатая

День тишины, который слишком много сказал

До голосования оставалось двадцать пять дней, но комиссия неожиданно объявила день тишины.

— Почему сегодня? — спросил Эраст.

Урна Аркадьевна ответила официальным письмом: «Чтобы кандидаты не успели сказать лишнего». Последнее слово было подчёркнуто трижды и голосом Единогласова.

В Кворуме запретили произносить фамилии кандидатов, обсуждать программы и думать лозунгами длиннее трёх слов. На граждан надели мягкие намордники общественного спокойствия. Газеты вышли пустыми, но каждая пустота склонялась в пользу владельца издания.

Единогласов молчал лучше всех. Он стоял на главной площади и менял лица. Люди узнавали в нём себя, родственников, любимых героев и тех, кем хотели стать. Ни одного слова не требовалось.

Эраст остался в Доме.

— Если выйдешь, это сочтут агитацией, — сказала Вера.

— Моё отсутствие тоже сочтут.

Дом написал: «УЖЕ».

На улице скандировали молча. Тысячи людей открывали рты в едином ритме. От этой тишины дрожали окна.

Фёдор сидел на лестнице и становился всё прозрачнее.

— Я слышу их, — сказал он.

— Кого?

— Тех, кто хочет сказать «нет», но боится нарушить тишину.

Колокольчик без языка в его руке качнулся. По городу разошёлся неслышимый звон. Намордники начали падать, но люди не заговорили. Каждый сначала прислушивался к себе.

Единогласов поднял руку. Его лицо стало лицом Фёдора.

— Он использует ребёнка в агитации, — прошептал Тарас.

— Он использует всех, — ответила Мира.

Взрослая Софья закрыла младшему брату глаза, но было поздно. Фёдор увидел собственное лицо на площади — взрослое, уверенное и существующее. Он шагнул к окну.

— Там я есть.

— Это не ты, — сказала Софья.

— Но он не исчезает.

Единогласов протянул руку. Между ним и мальчиком возникла дорожка из будущих лет: школа, первая любовь, работа, старость. Всё то, чего Фёдор мог лишиться.

— Иди, — беззвучно предложило его взрослое лицо. — Я дам тебе настоящее будущее. Фёдор сделал шаг.

Эраст не остановил его.

— Почему? — спросила Вера.

— Если удержу, я выберу за него.

— А если он исчезнет?

— Тогда это будет моя ошибка.

Фёдор дошёл до порога. Посмотрел на готовую жизнь. Потом на Софью, которая плакала и не звала его обратно.

— Там всё уже решено? — спросил он.

Единогласов кивнул.

— Тогда зачем там я?

Мальчик развернулся.

Дорожка будущих лет рассыпалась. Вместе с ней исчезло взрослое лицо Единогласова. Под ним впервые показалась глубокая трещина.

Фёдор снова стал видимым — не полностью, но достаточно, чтобы Антонина Марковна схватила его и долго не отпускала.

День тишины закончился раньше срока. Комиссия объяснила это чрезмерным количеством сказанного.

Глава семнадцатая

Партия тех, кто никуда не вступал

На следующий день у Эраста появилась партия.

Она возникла в прихожей между шкафом и вешалкой. Сначала пришёл устав, потом печать, затем три заместителя и только после них — члены. Члены утверждали, что никуда не вступали. Устав подтверждал: именно это являлось главным условием членства.

Партия называлась «Самостоятельные вместе». Её эмблемой был круг людей, стоящих спинами друг к другу и уверенно идущих в разные стороны.

— Распускайтесь, — сказал Эраст.

Председатель партии Вступай Невступаевич Безбилетный поклонился.

— Решение лидера принято единогласно.

— Я не лидер.

— Скромность внесём в программу.

— Я запрещаю вносить мои слова в программу.

— Борьбу с цензурой тоже.

Тарас с интересом изучил партийные билеты. Они были чистыми.

— А взносы?

— Добровольно обязательные.

— Размер?

— По совести.

— Тогда партия разорится.

Мира отобрала у него бланк заявления на должность казначея.

Партия быстро заполнила Дом. Одни требовали больше свободы, другие — строгого порядка для тех, кто свободой пользуется неправильно. Третьи хотели не участвовать в собраниях, но влиять на решения. Четвёртые пришли только узнать, почему их нет в руководстве.

Дом пытался расширяться, но каждая новая комната немедленно образовывала местное отделение.

— Зачем вам я? — спросил Эраст у Вступая Невступаевича.

— Людям нужен человек, который не хочет ими руководить.

— Пусть не руководит.

— Без должности это выглядит безответственно.

Антонина Марковна поставила посреди зала ведро и объявила:

— Кто хочет, чтобы Эраст решал за него, кладите справа. Кто не хочет — слева.

— Что класть? — спросили партийцы.

— Свою ответственность.

Никто не подошёл.

— Тогда забирайте устав и идите домой.

— Но партия уже зарегистрирована!

— Значит, ей есть где жить.

Устав попытался спрятаться под диваном. Фёдор вытащил его и написал на первой странице: «Каждый член имеет право выйти, не объясняя почему». Вся партия исчезла, оставив после себя печать и трёх заместителей. Заместители ещё час спорили, кого теперь замещают.

Вечером рейтинг Эраста достиг семидесяти процентов.

— Почему опять? — спросил он.

Вера показала газету: «КУНИЛИН СОЗДАЛ ПАРТИЮ И В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ОТ НЕЁ ОСВОБОДИЛСЯ».

Тарас вздохнул с уважением.

— Политический опыт растёт быстрее, чем мы успеваем его отрицать.

Глава восемнадцатая

Город, в котором запретили слово нет

Третью часть мандата нашли по отсутствию.

На картах существовал город Согласенск. В нём не было ни преступлений, ни конфликтов, ни отказов. Любая просьба исполнялась, каждое предложение поддерживалось, а свадьбы заключались раньше знакомства, чтобы никто не успел передумать.

— Здесь спрятано право отказаться, — сказал древний Кунилин. — Иначе город не тратил бы столько сил на его запрет.

У ворот стражник спросил:

— Согласны соблюдать законы?

— Сначала покажите, — ответил Эраст.

— Вопрос предполагает ответ «да».

— Тогда это не вопрос.

Стражник растерялся. Шлем на его голове произнёс за хозяина:

— Согласен.

В городе за людей отвечали вещи. Касса соглашалась с ценой, кровать — с режимом сна, кольцо — с браком. На площади стоял памятник первому человеку, который сказал «да» раньше, чем услышал предложение.

Фёдор шёл последним. С каждым шагом он становился плотнее. Запрещённый отказ притягивался к нему.

Антонина Марковна купила хлеб. Продавец назвал цену в десять золотых.

— Два.

— У нас не торгуются.

— Тогда один.

Очередь ахнула. Слово «нет» здесь считалось опаснее пожара: пожар мог уничтожить дом, отказ — порядок.

К ним подошёл городской глава Согласий Угодникович. Его рот был зашит золотой нитью, чтобы случайно не произнести лишнего. За него говорил нагрудный знак.

— Гости обязаны принять почётное гражданство.

— Отказываемся, — сказал Эраст.

Земля дрогнула.

— Повторите?

— Нет.

В городе погасли фонари. Двери перестали открываться перед теми, кто не хотел входить. Кольца посыпались с пальцев. Сотни жителей замерли, впервые почувствовав, что между просьбой и согласием существует пространство.

— Вы разрушаете общество! — закричал глава собственным голосом. Золотая нить лопнула.

— Оно держалось на слове, которое людям запрещали говорить.

- Они сами согласились!
- Могли отказаться?
- Это вызвало бы хаос.
- Значит, не могли.

Из-под памятника донёсся стук. Фёдор приложил ладонь к камню. Плита раскрылась, и наружу вылетело единственное чёрное слово. Оно было маленьким, злым и очень уставшим.

«НЕТ» облетело площадь. Один житель отказался от почётной работы. Другая — от свадьбы. Третий не захотел перемен и остался жить как прежде. Город не рухнул. Он только перестал быть одинаковым.

Чёрное слово село Фёдору на плечо и превратилось в серебряное сердце — третью часть мандата.

Мальчик стал полностью видимым.

— Получилось, — сказала Софья.

— Пока, — ответила взрослая Софья.

Над городом появилось лицо Единогласова.

— Благодарю, — произнёс он. — Вы нашли для меня последнюю часть.

Серебряное сердце вырвалось из рук Фёдора и полетело к небу.

Эраст бросил следом право решать. Серебряная ладонь схватила сердце на лету.

Колокольчик молчания зазвонил без языка. Три части первого мандата соединились — не у Эраста и не у Единогласова, а прямо над площадью.

Из серебряного света возник человек.

Он был похож на обоих кандидатов и ни на одного.

— Первичный представитель восстановлен, — объявил он. — Все последующие выборы признаны ошибкой.

Тарас обрадовался:

— Значит, домой?

Серебряный человек повернулся к нему.

— Нет. Теперь избирать не требуется. Я буду представлять всех вечно.

Город Согласенск опустился на колени.

Эраст посмотрел на древнего Кунилина.

— Вы знали?

Тот не ответил.

Потому что исчез.

А лицо серебряного человека стало лицом Эраста.

Часть третья

Вечный представитель

Глава девятнадцатая

Первый указ последнего депутата

Первичный представитель начал с отмены ожидания.

Он поднял серебряную руку, и все решения, которые жители Согласенска когда-либо собирались принять, вступили в силу одновременно. Один человек женился, развёлся и подал заявление на повторный брак. Другой уволился с работы, на которую ещё не устроился. Городская казна выплатила пособия тем, кто через десять лет мог временно нуждаться.

— Зато быстро, — сказал Тарас.

— Быстро не всегда значит вовремя, — ответил Эраст.

— В наших приключениях обычно значит раньше катастрофы.

— Сейчас катастрофа и есть раньше.

Первичный представитель стоял над площадью, не касаясь земли. Его лицо оставалось лицом Эраста, только без сомнений. Именно отсутствие сомнений делало сходство оскорбительным.

— Мною принято решение избавить миры от тяжести выбора, — произнёс он. — Каждый получит то, чего хотел бы, если бы располагал полной информацией.

— Кто располагает полной информацией? — спросила Вера.

— Я.

— Откуда?

— Это следует из полномочий.

— Полномочия не создают знания.

— Теперь создают.

Над городом распахнулась огромная папка. Из неё посыпались справки о будущем. Каждая подтверждала сама себя и имела печать следующего дня.

Фёдор поймал одну. В справке было написано, что он не существует, поскольку его существование создаёт правовую неопределённость.

— Неправда, — сказал мальчик.

Документ вздрогнул.

— Возражение принято и признано следствием недостаточной осведомлённости.

Фёдор порвал справку. Обе половины объявили себя двумя независимыми подтверждениями.

Антонина Марковна подошла к серебряному человеку.

— Ты ел?

— Потребности населения учтены.

— Я не про население. Про тебя.

Первичный представитель замер. Вопрос не относился к его полномочиям.

— Представитель не имеет личных потребностей.

— Поэтому откуда знаешь чужие?

На его лице появилась первая морщина.

Единогласов стоял у края площади и наблюдал. После восстановления Первичного его лица менялись медленнее, словно кто-то забирал у него людей.

— Он поглощает мои способности, — сказал он Эрасту. — Скоро я стану никем.

— Вы и были никем. Просто очень убедительно.

— А вы станете им.

Первичный повернулся к Эрасту.

— Кандидат Кунилин назначается моим временным человеческим обликом.

— Отказываюсь.

— Отказ учтён как подтверждение независимости представителя.

Серебряная тень отделилась от его ног и легла на Эраста. На груди Кунилина появился депутатский знак.

Он попытался снять его. Значок ушёл глубже.

Тарас постучал по металлу пальцем.

— Поздравляю. Ты ещё не победил, а должность уже начала тебя носить.

Глава двадцатая

Лицо государственного значения

К утру лицо Эраста стало официальным символом стабильности.

Его печатали на документах, монетах, талонах на приём и упаковках обязательного завтрака. На городских часах вместо цифр разместили двенадцать выражений Кунилина: от умеренно обеспокоенного до служебно недовольного.

Настоящий Эраст смотрел на всё это без выражения. Именно его ещё не успели утвердить.

- Подай в суд, — предложила Мира.
- На незаконное использование внешности?
- На плохой портрет.
- Тарас купил монету и сравнил профиль.
- Здесь нос увереннее.
- У носа не может быть уверенности.
- Поэтому ему и доверяют.

Гражданам тоже начали выдавать утверждённые лица. Согласным полагалась улыбка. Сомневающимся — выражение временного понимания. Несогласные получали лицо Эраста, чтобы их протест выглядел поддержкой кандидата.

Вера увидела на площади женщину без лица. Та держала в руках маску и плакала.

- Почему не надеваете?
- Мне выдали лицо довольной матери. А мой сын пропал.
- Вы сообщили?
- Мне объяснили, что при полной информации я была бы довольна. Значит, сын найдётся или его отсутствие окажется полезным.

Эраст снял собственный официальный портрет со стены и приложил к нему депутатский знак. Металл нагрелся. Портрет ожил.

- Население довольно, — сообщил нарисованный Кунилин.
- Эта женщина не довольна.
- Частное чувство не влияет на общий показатель.
- Показатель без частных чувств ничего не измеряет.

Портрет задумался и тут же был заменён новым, менее склонным к разговору.

Софья и Фёдор начали собирать снятые лица. Они складывали их в тележку Бори. Маски шептали забытые имена, ругались, смеялись и просили вернуть морщины.

Дом открыл во дворе комнату без зеркал. Там люди выбирали лица сами. Некоторые возвращали прежние. Другие пробовали новые. Один старик решил остаться без лица до вечера, потому что устал соответствовать.

Первичный представитель объявил комнату незаконным производством личности.

- У Дома есть разрешение? — спросил посланник.

Дом написал на двери: «НА СЕБЯ?»

- На оказание услуг населению.

«Я НЕ ОКАЗЫВАЮ. Я ПУСКАЮ».

- Это одно и то же.

Дверь захлопнулась перед посланником.

На площади тысячи официальных лиц одновременно улыбнулись. Настоящие люди под ними молчали.

Единогласов коснулся своей щеки. Она стала гладкой.

- Скоро у него будет одно лицо для всех, — сказал он. — Ваше.
 - Почему моё?
 - Потому что люди поверят принуждению, если оно выглядит как сомнение.
- Эраст впервые испугался собственного лица.

Глава двадцать первая

Оппозиция при правительстве

Эраст решил создать сопротивление.

Через семь минут сопротивление зарегистрировали как Департамент организованного несогласия при канцелярии Первичного представителя.

Тарасу выдали должность начальника. Вере — удостоверение морального контроля. Мире предложили возглавить комиссию по резким замечаниям. Антонину Марковну назначили общественным советником без права советоваться публично.

— Удобно, — признал Тарас. — Кабинет, зарплата, два выходных.

— Мы должны бороться с властью, — сказала Мира.

— Именно. Теперь власть обязана обеспечить условия.

Эраст прочёл положение о департаменте. Оппозиции разрешалось критиковать отдельные недостатки, предлагать улучшения и проводить митинги в поддержку права проводить митинги. Запрещалось ставить под сомнение необходимость того, что разрешало сомневаться.

— Отказываемся от регистрации, — сказал он.

Секретарь поставил штамп.

— Отказ зарегистрирован как первая протестная акция.

— Мы не будем пользоваться кабинетом.

— Экономия средств включена в отчёт об эффективности.

— Мы распускаем департамент.

— Успешное завершение проекта.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Они даже поражение оформляют как выполненный план.

— Значит, нельзя действовать в пределах их языка.

— Молчать?

— Молчание они уже учитывают.

— Тогда говорить непонятно.

— Вы и раньше справлялись.

Они провели первое заседание департамента и обсуждали только личные дела. Вера спросила, почему Эраст не спал. Мира потребовала, чтобы Тарас вернул взятый из гостиницы халат. Антонина Марковна выясняла, кто не ел. Ни одного политического заявления сделано не было.

Секретарь пытался составить протокол. «Эраст не спал» превратилось в критику режима труда. «Вернуть халат» — в требование реституции имущества. Вопрос об обеде стал программой продовольственной безопасности.

Фёдор взял протокол и нарисовал на нём дом с кривой трубой.

— Что это означает? — спросил секретарь.

— Дом.

— Какую позицию выражает?

— Никакую.

Секретарь побледнел. Документ не смог превратить рисунок в пункт повестки. По бумаге пошла трещина.

Софья добавила солнце. Тарас — козла. Мира пририсовала козлу галстук. Антонина Марковна написала рецепт пирога.

Протокол развалился.

— Вот наш язык, — сказала Вера. — То, что не обязано становиться позицией.

К вечеру стены Кворума покрылись детскими рисунками, рецептами, любовными записками и жалобами на соседей. Система пыталась найти в них общую программу и перегрелась.

Первичный представитель издал указ: «СЧИТАТЬ ЛИЧНОЕ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫМ».

Антонина Марковна прочитала.

— Хорошо. Тогда пусть общество моет посуду.

В ту же минуту во всех правительственных учреждениях появились грязные тарелки.

Глава двадцать вторая

Выселение Дома

Дом получил уведомление о выселении из самого себя.

Основанием стало отсутствие регистрации по месту существования. Согласно кадастру, здание одновременно находилось в сорока мирах, а значит, уклонялось от определённости.

— Я предупреждал, что документы понадобятся, — сказал Эраст.

На стене появилось: «ТЫ ПРЕДЛАГАЛ ПОСТАВИТЬ МЕНЯ НА УЧЁТ».

— Это другое.

«ДЛЯ КОГО?»

Приставы пришли утром. Каждый нёс дверь для принудительного выхода. Старший пристав предъявил решение суда, вынесенное зданием суда в пользу всех зданий.

— Освободите помещение.

Дом написал: «КУДА?»

— По месту фактического проживания.

«Я ТАМ».

— Тогда освободите себя и вселитесь обратно после проверки.

Тарас восхитился.

— Эраст, возьми его к нам. Он говорит на твоём языке, только страшнее.

Приставы открыли принесённые двери. За каждой находилась улица Кворума. Дом начал вытекать наружу: сначала прихожая, потом кухня, лестница и комната без зеркал. Люди выбегали, придерживая стены.

Дверина металась между проёмами. Если последняя дверь покинет Дом, он перестанет быть местом и превратится в набор помещений.

— Закройтесь! — крикнул Эраст.

«НЕ МОГУ. РЕШЕНИЕ СУДА».

— Вы не являетесь стороной дела.

«Я ЗДАНИЕ».

— Вы Дом. Это не одно и то же.

Надпись замерла.

Пристав потребовал не мешать исполнению.

Эраст забрал судебное решение и прочёл первую строку:

— «Выселить объект недвижимости». Дом — субъект.

— Недвижимость не может быть субъектом.

Дом переставил весь квартал на другую сторону площади.

— Возражение подтверждено действием, — сказал Эраст.

Приставы составили акт о побеге недвижимости. Пока они спорили, куда подшить квартал, Дверина закрыла принесённые двери и отправила их в здание суда. Суд немедленно оказался выселен из себя и приостановил решение до возвращения внутрь.

Дом собрал комнаты обратно. Одна кладовая осталась на площади и объявила независимость. Тарас пообещал зайти вечером за соленьями.

На стене появилась надпись: «СПАСИБО».

Эраст поправил:

— Не за что. Вы справились сами.

Дом зачеркнул слово и написал: «ЗНАЮ».

В эту секунду депутатский знак на груди Эраста треснул. Система не смогла определить, кому принадлежало решение: кандидату или Дому.

Из трещины выпал маленький ключ.

Дверина подняла его.

- Это ключ от пустого места в Думе.
- У пустого места есть замок? — спросил Тарас.
- Теперь есть. Первичный его запер.

Глава двадцать третья

Бюджет из невыполненных обещаний

Для продолжения кампании штабу потребовались деньги.

Тарас обнаружил это, когда типография отказалась печатать плакаты в обмен на будущую благодарность. Благодарность обесценилась после того, как Единогласов пообещал её всем без ограничений.

Казначейство предложило Эрасту государственное финансирование. Деньги лежали в мешках и тихо обещали вернуться после выборов вместе с процентами и несколькими родственниками.

— Отказываюсь, — сказал Эраст.

— Тогда частные пожертвования, — предложил казначей Доход Расходович.

Первым жертвователем оказался дракон Великсар. Он внёс золотую гору и потребовал не считать это влиянием, потому что гора была маленькой по драконьим меркам.

Вторым пришёл производитель избирательных кабинок. Он подарил тысячу шторок с логотипом Кунилина и попросил принять закон об обязательной тайне.

Третьим явился бедный старик и положил одну медную монету.

— Чего хотите? — спросил Тарас.

— Чтобы не ввали.

— На одну монету?

— Поэтому дал мало. Вдруг не получится.

Эраст вернул золото и шторки, а монету оставил. К вечеру выяснилось, что это древняя денежная единица честного намерения. Она стоила ровно столько, сколько человек готов был потерять без выгоды.

Монета размножалась всякий раз, когда кто-то жертвовал без требования. Дети приносили пуговицы. Пекарь — хлеб. Тень отдала час темноты. Дорога пожертвовала один поворот.

Штаб наполнился странным капиталом. На хлебе печатали листовки, из пуговиц сделали значки, поворот позволял агитаторам неожиданно оказываться у нужной двери.

Доход Расходович пересчитал пожертвования.

— Их нельзя оценить.

— Значит, нельзя украсть? — спросил Тарас.

— Наоборот. Нельзя доказать размер ущерба.

Ночью бюджет попытались похитить. Вору унесли мешок пуговиц, но каждая возвращалась к ребёнку, который её отдал. Украденный поворот завёл преступников обратно в штаб. Хлеб зачерствел из принципа.

Утром Эраст опубликовал отчёт: одна монета, сорок две пуговицы, семь буханок, час темноты и поворот налево.

Газеты назвали бюджет непрозрачным, поскольку час темноты невозможно было осветить.

Первичный представитель издал указ о конфискации необъяснимых ценностей.

Антонина Марковна спрятала монету в банку с надписью «НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ».

— Там найдут, — сказал Эраст.

— Политики чёрный день всегда обещают, но никогда не признают наступившим.

Проверяющие открыли все банки, кроме этой.

Глава двадцать четвёртая

Ключ от незанятого кресла

Пустое место в Думе находилось между креслом власти и креслом ответственности. Оба давно были заняты, но сидевшие утверждали, что перепутали таблички.

Ключ Дверины открыл в воздухе маленькую замочную скважину. За ней обнаружился кабинет без стен, пола и чиновника. На столе лежала табличка: «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОТСУТСТВУЕТ ПО УВАЖИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНЕ».

— Какой? — спросил Тарас.

Табличка перевернулась: «НЕ НАЗНАЧЕН».

Эраст вошёл первым. В пустоте возникло кресло, похожее на него. Оно поправило спинку и приготовилось принимать решения.

— Не садитесь, — сказала взрослая Софья.

— Не собирался.

— Здесь собираются раньше людей.

Кресло подъехало сзади. Вера оттолкнула его. Оно зарегистрировало прикосновение как рекомендацию семьи.

На столе лежал журнал посещений. За три тысячи лет в нём не было ни одной подписи, но каждая страница считалась заполненной отсутствием представителя.

— Вот источник силы Первичного, — сказал Эраст. — Пустое место всё время учитывали как согласие на представительство.

— Как закрыть? — спросила Мира.

— Не закрывать. Сделать доступным.

Они вынесли кабинет на площадь и поставили рядом табличку: «МЕСТО ДЛЯ ТОГО, КТО НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ ПРЕДСТАВЛЕН».

Сначала никто не подходил. Люди подозревали ловушку, бесплатную консультацию или обе сразу.

Первым сел старик с медной монетой.

— Что надо делать?

— Ничего.

— А платить?

— Ничего.

— Подозрительно, но посижу.

Потом пришла женщина без официального лица, тень, дорога и кот-кандидат. Каждый занимал место на минуту и уходил, не передавая полномочий следующему.

Первичный представитель уменьшался. Сначала перестал закрывать собой небо, затем поместился на крыше Думы.

— Прекратить незаконное отсутствие! — приказал он.

Очередь к пустому креслу выросла.

Единогласов появился рядом с Эрастом. Его лицо теперь почти не менялось. Под чужими чертами проступал усталый молодой человек.

— Если Первичный исчезнет, исчезну и я.

— Вы боитесь?

— Я чувствую страх всех, кто не хочет исчезнуть. Не могу понять, мой ли он.

— Попробуйте отказаться его выражать.

— Тогда кто я?

— Наконец узнаете.

Единогласов сел в пустое кресло.

Его лица отделились и разлетелись к владельцам. Осталось одно — незнакомое и растерянное.

— Меня зовут Всеволод, — сказал он.

Первичный представитель закричал. Не от боли — от потери единогласия.

В пустом кресле впервые сидел человек, который никого не представлял, даже самого себя до конца.

Глава двадцать пятая

Заседание без кворума и с Тарасом

Первичный созвал чрезвычайное заседание Думы.

Для принятия решения требовался кворум: половина депутатов плюс один. Половина явилась, один опоздал, а плюс пришёл отдельно и потребовал служебное кресло.

Тарас проник в зал под видом помощника самого себя. Охрана сверила лица, нашла сходство убедительным и пропустила обоих.

— Где второй? — спросил стражник.

— Отстал внутри, — ответил Тарас.

На повестке стоял единственный вопрос: признать Первичного представителя источником законной воли. Голосовать следовало поднятием руки. Депутатам заранее выдали руки, настроенные на правильную высоту.

Эраст стоял у двери. Депутатский знак не позволял ему войти без принятия полномочий и не позволял уйти как кандидату.

— Я застрял между статусами, — сказал он.

— Наконец нашёл подходящее место, — ответила Вера.

Тарас занял свободную трибуну.

— Уважаемые присутствующие и те, кого посчитали! Предлагаю проверить кворум.

— Уже проверен, — сказал председательствующий.

— Кем?

— Системой.

— А систему кто считал?

В зале зашептались. Плюс пересел ближе к выходу.

Тарас попросил депутатов назвать тех, кто их избрал. Один представлял горы, но не знал ни одной вершины. Второй говорил от имени моря и боялся воды. Третий представлял будущие поколения и не переносил детей.

— Это не имеет значения, — объявил Первичный. — Представительство выше личной связи.

— Тогда зачем представители? — спросил Тарас. — Назовите должность «выше личной связи» и заседайте без людей.

Первичный приказал начать голосование. Выданные руки поднялись.

Тарас тоже поднял руку.

— Я против.

— Ваш голос учтён как согласие участвовать.

— Тогда не участвую.

— Неучастие подтверждает признание процедуры.

— Хорошо. Я не существую.

Система замерла. У Тараса имелись паспорт, жена, долги и три протокола о случайном открытии порталов. Его несуществование противоречило слишком большому числу учреждений.

Мира из галереи сказала:

— Не преувеличивай. Иногда тебя действительно как будто нет.

Дума попыталась проверить. Кворум завис: Тарас одновременно присутствовал, отсутствовал и мешал.

Плюс вскочил.

— Я не могу прибавиться к неопределённому числу!

Он выбежал из зала. Кворум исчез.

Выданные руки упали на столы.

Первичный представитель уменьшился до человеческого роста.

— Заседание переносится.

— Куда? — спросил Тарас.

— В прошлое, где вы ещё не вмешались.

Часы над залом пошли назад.

Эраст успел схватить Тараса за рукав. Вера — Эраста. Мира — Тараса, но с другой стороны и значительно крепче.

Дума исчезла вместе с ними.

На пустой площади осталась Антонина Марковна.

Она посмотрела на Дом.

— Опять без обеда.

Дом открыл дверь в прошлое.

«НЕ ДОЖДУТСЯ».

Антонина взяла кастрюлю и вошла.

Глава двадцать шестая

Выборы, состоявшиеся три тысячи лет назад

Они упали в день первого голосования.

Кворум ещё не был столицей. На месте Думы стоял каменный круг, а представители миров сидели на земле, потому что кресла власти пока не изобрели. Никто не знал регламента, и поэтому собрание шло содержательно.

В центре стоял древний Эраст Кунилин.

Он был жив, молод и собирался предложить создание Первичного представителя.

— Мы прибыли из будущего, — сказал современный Эраст.

— Докажите.

Тарас показал депутатский плакат с лицом Кунилина.

— В прошлом ещё не умели так плохо рисовать, — признал древний.

Первичный появился следом, но здесь выглядел маленьким серебряным мальчиком. Он ещё не получил ни одного полномочия и прятался за древним Куни-линым.

— Это не представитель, — сказала Вера. — Это ваш страх.

Древний Эраст побледнел.

— Какой?

— Что миры выберут неправильно и вы будете виноваты, потому что могли вмешаться.

Серебряный мальчик заплакал. Каждая слеза превращалась в правило.

— Я хотел защитить их, — сказал древний Кунилин.

— От кого? — спросил современный.

— От войны. От ошибок. От самих себя.

— И создали того, кто решил стать ими.

Всеволод, бывший Единогласов, рассматривал собственные руки. Здесь он ещё не существовал.

— А меня когда создали?

— Позже, — ответил древний. — Когда представитель понял, что не знает общей воли.

Я отдал ему способность соглашаться.

— Значит, я был оправданием его знания.

— Ты был способом услышать всех.

— Но слышал только то, что подходило всем сразу.

Серебряный мальчик подошёл к Фёдору.

— Если людям разрешить отказываться, они разрушат общее решение.

— А если не разрешить, общего решения нет, — ответил Фёдор.

— Ты исчезнешь.

— Может быть.

— Тебе не страшно?

— Страшно. Но это мой страх.

Мальчик коснулся его руки. Серебро стало кожей. На лице проступили черты — не Эраста и не Всеволода, а неизвестного ребёнка.

Древние представители начали спорить. Одни хотели единую волю. Другие требовали сохранить свободу миров. Третьи ещё не решили, но громче всех просили записать их в большинство.

Современный Эраст понял неожиданное.

— Первого мандата никогда не было.

Древний Кунилин отвёл взгляд.

— Был проект.

— Три части создали позже, чтобы доказать законность уже существующей власти.

— Мирам нужен был порядок.

— А вам — основание считать себя правым.

Первичный закричал голосами будущей Думы. Время вокруг каменного круга начало затвердевать. Если первое голосование завершится, вся история снова станет неизбежной.

— Выборы начались! — объявил древний председатель.

— Кандидаты?

Древний Кунилин поднял руку.

Серебряный мальчик поднял его руку выше.

Современный Эраст шагнул в круг.

— Я тоже.

Тарас схватил его за плечо.

— Ты решил участвовать в выборах трёхтысячелетней давности?

— Если проиграем здесь, в будущем выбирать будет некому.

— А если победишь?

— Тогда придётся не стать депутатом на три тысячи лет раньше.

Антонина Марковна вошла в круг с кастрюлей.

— Сначала обед. Даже историческую ошибку надо совершать не натошак.

Председатель посмотрел на собравшихся.

— Кто за перерыв?

Впервые в истории все подняли руки добровольно.

Первичный представитель улыбнулся.

— Единогласно, — сказал он.

И серебряный мальчик стал немного выше.

Часть четвёртая

Кампания до изобретения обещаний

Глава двадцать седьмая

Первый кандидат и второй первый кандидат

После обеда древние выборы продолжились.

Избирателей было сорок два: семь королей, девять старейшин, четыре дракона, двенадцать городов, одно море и девять народов, которые ещё не договорились, кто из них народ.

Голосовать им предстояло за древнего Кунилина, современного Кунилина или серебряного мальчика, которого никто не выдвигал, но все уже боялись обидеть.

Председатель выдал кандидатам по камню.

— Это знак права говорить.

Тарас осмотрел камень Эраста.

— А если бросить?

— Лишиться слова.

— В кого?

— Тогда лишится он.

Эраст забрал камень до того, как Тарас успел улучшить процедуру.

Первым выступал древний Кунилин.

— Миры стоят на пороге войны. Нам нужен представитель, способный принимать решения быстро и для всех.

Короли одобрительно загудели. Они любили решения для всех, особенно если «все» находились за границей.

Современный Эраст вышел в круг.

— Вам не нужен человек, решающий за всех.

— Тогда зачем ты кандидат? — спросило море, поднимая волну.

— Чтобы должность не досталась тому, кто считает её необходимой.

— А после победы?

— Откажусь.

Один из городов засмеялся всеми воротами.

— Значит, выберем тебя зря?

— Нет. Вы выберете возможность обойтись без меня.

— За возможность тоже нужно голосовать?

— Видимо, пока да.

Серебряный мальчик выступать не стал. Он посмотрел на каждого, и люди услышали собственный страх. Король боялся мятежа. Старейшина — молодости. Дракон — времени, которое однажды охладит его огонь. Море боялось высохнуть и потому первым произнесло:

— Пусть мальчик решает. Он знает опасности.

— Он знает только страх перед ними, — сказала Вера.

Председатель нахмурился.

— Женщины не включены в список говорящих.

— Почему?

— Таков обычай.

Антонина Марковна взяла его камень права говорить.

— Теперь обычай другой.

— Верните!

— Сначала попроси нормально.

Председатель попросил. Антонина вернула камень, доказав, что правила меняются быстрее, когда затрагивают составителя.

Древний Кунилин подошёл к современному.

— Ты не победишь. Они боятся войны.

— Вы тоже.

— Поэтому предлагаю порядок.

— Нет. Вы предлагаете передать страху право подписи.

Серебряный мальчик взял древнего за руку. На пальце Кунилина появилось первое кольцо власти.

— Оно поможет мне отвечать за последствия, — сказал древний.

— Нет, — ответил современный. — Оно поможет последствиям найти виноватого заранее.

Глава двадцать восьмая

Тарас изобретает предвыборное обещание

До голосования оставалось два часа, и Тарас решил, что кампании не хватает убедительности.

— Люди не понимают, что получают после твоей победы.

— Они ничего не получают.

— Это трудно изобразить на плакате.

Бумаги ещё не существовало, поэтому Тарас написал углём на ближайшем щите: «КУНИЛИН. БУДЕТ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ ВЫ САМИ».

Щит принадлежал военному вождю. Вождь прочитал и потребовал уточнить, кому адресована угроза.

— Всем, — сказал Тарас.

— Тогда поддерживаю.

Следующий лозунг он высек на камне: «КАЖДОМУ МИРУ — ПО СОБСТВЕННОЙ ОШИБКЕ». Камень оказался священным. Жрецы объявили надпись пророчеством и немедленно потребовали толкование.

— Ошибка будет бесплатной, — объяснил Тарас. — За исправление отдельно.

Жрецы тоже поддержали.

Эраст нашёл начальника штаба возле третьего камня.

— Прекратите обещать.

— Я ничего не обещаю. Я создаю ожидания.

— В чём разница?

— За ожидания отвечает тот, кто ожидал.

— Именно поэтому прекратите.

Тарас стёр лозунги. Следы угля остались, высеченные буквы тоже. Так появилось первое невыполненное обещание: его отменили раньше, чем успели дать.

Серебряный мальчик собрал стёртые слова. Они прилипли к нему золотыми полосами: «каждому», «собственной», «будет».

— Не трогай, — сказал Фёдор.

— Почему?

— Это чужие слова.

— Теперь общие.

Мальчик соединил обрывки. Над площадью вспыхнуло: «КАЖДОМУ БУДЕТ СОБСТВЕННОЕ».

Толпа заплодировала. Никто не понял смысла, поэтому каждый вложил свой.

— Вот, — сказал Всеволод. — Так я и родился. Из фразы, с которой все согласны по разным причинам.

Тарас посмотрел на свои руки.

— Получается, я изобрёл политическую рекламу?

— Хуже, — ответил Эраст. — Вы сделали её работающей.

Антонина Марковна заставила его стереть надпись второй раз. На этот раз она дала мокрую тряпку.

— Запомни, — сказала она. — Если обещание не смывается водой, потом придётся смывать историей.

Глава двадцать девятая

Урна каменного века

Первую избирательную урну сделали из пещеры.

Избиратель входил внутрь, оставлял камень с именем кандидата и выходил через другой проход. Поскольку другой проход забыли прорубить, тайна голосования сохранялась особенно надёжно.

— После первого избирателя придётся остановить процедуру, — сказал Эраст.

— Наоборот, — ответил председатель. — Остальные передадут камни через него.

Первым отправили Тараса: он сам вызвался проверить безопасность, когда услышал слово «пещера» и не услышал слово «ответственность».

Через минуту изнутри донеслось:

— Здесь уже кто-то есть!

— Кто?

— Урна Аркадьевна! Только молодая и ещё круглая.

Из пещеры вышла девушка в серой шкуре. На груди у неё висела первая пломба. Она представилась Урной, хранительницей голосов.

— Вы из будущего? — спросила Софья.

— Нет. Будущее из меня.

Урна показала внутреннюю стену пещеры. На ней светились все голоса, когда-либо отданные в Кворуме. Они не двигались по времени — время строилось вокруг них.

Современный Эраст увидел собственный бюллетень. Галочка уже стояла напротив фамилии.

— Голосование ещё не началось.

— Для системы результат является причиной процедуры, — объяснила Урна.

— Тогда выборы ничего не выбирают.

— Они подтверждают то, что должно быть подтверждено.

Фёдор нашёл среди огней тёмное место.

— А это мой голос?

— У тебя его нет, — сказала Урна. — Ты состоишь из отказа его отдавать.

Серебряный мальчик вошёл в пещеру. Все огни потянулись к нему.

— Они выбирают меня.

— Они ищут того, кто сохранит их от изменения, — ответил Эраст.

— Разве это плохо?

— Голос, который нельзя изменить, принадлежит прошлому, а не человеку.

Эраст вынул из стены свой будущий бюллетень и разорвал. Пещера содрогнулась. В настоящем тысячи плакатов потеряли галочки.

Другие избиратели начали искать собственные голоса. Король обнаружил, что всю жизнь голосовал за порядок, хотя давно хотел покоя. Дракон поддерживал войну, потому что его первый камень однажды ошибочно положили в военную кучу.

Урна закрыла проход.

— Если все заберут голоса, история распадётся.

— Нет, — сказала Вера. — Она перестанет притворяться единственным вариантом.

Пещера раскрыла второй выход. Его не прорубили — он появился, когда первый человек решил уйти с собственным голосом.

Тарас вышел последним и нёс три камня.

— Почему три? — спросила Мира.

— Один мой. Два ничьи.

— Положи обратно.

— Жалко. Исторические.

Два камня одновременно укусили его за ладонь. Так тайна голосования получила первую систему защиты от любопытных.

Глава тридцатая

Море требует отдельный бюллетень

Когда началась регистрация избирателей, море обнаружило, что включено в список как водный объект.

— Я живое, — сказала оно, ударив волной по столу.

— Докажите, — потребовал председатель.

Море смыло стол.

— Доказательство принято. Но голосовать может только лицо.

Над водой поднялась волна, похожая на лицо председателя.

— Теперь могу?

— Сходство недостаточно заверено.

Тарас предложил поставить печать на прибое. Три печати утонули, четвёртая вернулась с рыбой и считалась исполненной ненадлежащим образом.

Эраст спросил море:

— За кого вы хотите голосовать?

— Не знаю. Один обещает порядок, другой — свободу, третий молчит так, будто уже победил. Я хочу иметь берег и право временами его менять.

— Это не относится к выборам представителя, — сказал председатель.

— Тогда выборы не относятся ко мне.

Море отступило от площади. Вместе с водой ушли корабли, рыба, отражение неба и половина границы двух королевств.

Короли потребовали вернуть избирателя.

— А раньше считали его объектом, — заметила Мира.

— Политическое положение изменилось.

— Берег тоже, — ответило море издалека.

Серебряный мальчик поднял руки. Вода вернулась по прямой линии и застыла в утверждённых границах.

— Я сохраню каждый берег навсегда.

Море заволновалось.

— Тогда я перестану быть морем.

Эраст вошёл в воду по колено.

— Я не сохраню ваш берег.

— Хорошее начало для кандидата.

— Но защищу ваше право не отдавать его без согласия.

— А если я затоплю город?

— Город получит такое же право защищаться.

— Кто решит спор?

— Вы и город. Возможно, плохо.

Море задумалось длинным приливом.

— Наконец-то человек, который обещает трудности.

Оно выбросило на берег жемчужину — свой бюллетень. На ней не было имени, только движущаяся линия берега.

Председатель отказался принимать бюллетень нестандартной формы. Море приняло председателя стандартной волной.

После спасения его сушили три часа. За это время в правила внесли первый пункт о разнообразии способов волеизъявления.

Тарас предложил голосовать аплодисментами. Ему запретили подавать идеи до появления письменности.

Глава тридцать первая

Голос тех, кто не пришёл

Перед подсчётом выяснилось, что отсутствующих больше, чем присутствующих.

Не пришли жители далёких миров, умершие, нерождённые, сомневающиеся и те, кто считал дорогу на выборы проявлением давления. Председатель предложил считать их голоса поддержкой порядка.

— Почему? — спросил Эраст.

— Они не возразили.

— Они могли не знать.

— Незнание не освобождает от результата.

Вера нашла у каменного круга ряд пустых мест. На каждом лежала причина отсутствия: сломанное колесо, больной ребёнок, страх короля, усталость, равнодушие, незнание языка.

— У отсутствия нет общей позиции, — сказала она.

— Тогда оно не должно влиять.

— Но последствия повлияют на отсутствующих.

Председатель облегчённо поднял камень.

— Значит, я выражу их интересы.

Антонина Марковна отобрала камень.

— Сначала вырази интерес больного ребёнка.

— Безопасность.

— А матери?

— Тоже.

— А ребёнок хочет спать и чтобы от него отстали.

Председатель задумался.

— Это частность.

— Из частных люди и состоят. Общее в них обычно только очередь.

Фёдор поставил колокольчик молчания в центре пустых мест. Тот не зазвонил, но каждый услышал разное. Эраст услышал: «Не решай за нас». Древний Кунилин: «Защити нас». Тарас: «Кто съел пирог». Последнее действительно сказала Антонина, поэтому результат признали смешанным.

Серебряный мальчик заявил:

— Если ответы различаются, я выберу безопасный.

— Для кого? — спросил Фёдор.

— Для всех.

— Тогда его нет.

Пустые места поднялись и вышли из круга. Они не поддержали ни одного кандидата, но оставили право вернуться.

Председатель пересчитал кворум. Без отсутствующих его не хватало.

— Голосование невозможно.

— Значит, решение не принято, — сказал современный Эраст.

— Но война может начаться!

— Может.

— Вы готовы отвечать?

— За своё решение — да. За чужое будущее — нет.

Древний Кунилин смотрел на пустые места. Ему впервые пришлось увидеть не народ, которого надо спасти, а людей, которых здесь не было.

Серебряный мальчик взял его за руку крепче.
— Они вернутся, если мы решим правильно.
— А если не вернутся?
— Тогда объявим, что они были представлены.
Древний Кунилин медленно высвободил руку.
На серебряной коже мальчика появилась вторая трещина.

Глава тридцать вторая
Война, назначенная на после выборов
Война прибыла по расписанию.

Две армии подошли к каменному кругу с разных сторон и вежливо ждали окончания голосования. Воевать до объявления результата считалось вмешательством в демократическую процедуру.

Первая армия требовала единого представителя. Вторая выступала против единства и потому состояла из семнадцати отрядов, споривших, кто командует.

— Вот доказательство, — сказал серебряный мальчик. — Без меня они уничтожат друг друга.

— С вами тоже, — ответила Мира. — Только организованно.

Командующие вошли в круг. Первый сообщил, что начнёт войну, если победит современный Эраст. Второй — если победит древний. Оба пообещали мир при победе Первичного.

— Значит, мальчик подкупил армии, — сказал Тарас.

— Нет, — возразил древний Кунилин. — Они просто боятся неопределённости.

— Подкуп страхом дешевле. Даже мешки не нужны.

Эраст попросил командующих сформулировать причину войны. Первый хотел защитить границу, которую море уже изменило. Второй собирался освободить город, который не просил освобождения. После часа уточнений оказалось, что обе армии шли спасти одну и ту же деревню друг от друга.

Деревню пригласили. Староста пришёл сердитый.

— Нам нужна мельница.

— Вас собираются захватить, — сказал первый командующий.

— Кто?

— Они.

— А им зачем?

Второй командующий открыл карту. Деревни на ней не оказалось: писарь поставил кляксу и позднее объявил её спорной территорией.

— Мы защищаем принцип, — сказал он.

— Принцип зерно мелет? — спросил староста.

Антонина Марковна предложила отдать армиям жернова. Пусть каждая унесёт половину и попробует доказать превосходство без второй.

Командующие отказались. Тогда староста забрал карту, вытер кляксу и ушёл строить мельницу.

Солдаты остались без причины. Некоторые разошлись. Другие привыкли к форме и попросили общественно полезное занятие. Тарас отправил их прорубать второй выход из избирательной пещеры.

— Вы сорвали неизбежную войну, — сказал серебряный мальчик.

— Она оказалась плохо оформлена, — ответил Эраст.

— Следующая будет настоящей.

— Тогда и поговорим со следующей.

В этот момент на горизонте показалась третья армия. Она пришла из будущего и несла знамёна с лицом Эраста.

Во главе ехал Родион в депутатском костюме.

— Не разговаривайте с нами, — крикнул он. — Мы уже победили.

Глава тридцать третья

Армия победившего кандидата

Будущая армия окружила каменный круг и предъявила постановление о защите прошлого.

Документ подписал депутат Кунилин через двадцать лет после выборов, на которых он ещё не победил. Подпись была настоящей.

— Я этого не подпишу, — сказал Эраст.

— Уже подписали, — ответил Родион.

— Тогда почему я помню иначе?

— Потому что память кандидата не является официальным источником.

Вера прочла постановление. Эраст будущего приказывал сохранить первое голосование любой ценой, иначе Фёдор исчезнет из всех времён.

Фёдор стал прозрачным до костей.

— Убедительно, — признал Тарас. — Особенно мелкий шрифт.

Родион снял шлем.

— Вы должны позволить древнему Куни-лину создать Первичного. Потом выиграть современные выборы и принять мандат. Только так Фёдор проживёт.

— А выбор? — спросила Софья.

— Останется в книгах. Людям будет спокойнее.

Всеволод подошёл к солдатам. На каждом знамени было одно из его прежних лиц.

— Это моя армия, — сказал он.

— Нет, — ответил Родион. — Вы исчезли после объединения воли. Лица перешли государству.

— А я?

— Вы были признаны технической стадией.

Всеволод засмеялся. Впервые смех принадлежал только ему.

— Я три тысячи лет говорил за всех, чтобы однажды меня списали как черновик.

Он подошёл к знамёнам и сказал солдатам:

— Я знаю, чего вы хотите.

Армия замерла.

— Домой, — продолжил Всеволод. — Но не потому, что это общее желание. Один боится погибнуть. Другой устал. Третий оставил ребёнка. Четвёртый хочет остаться, потому что дома хуже. Я больше не буду соединять причины.

Знамёна потеряли лица. Солдаты начали расходиться в разные стороны. Некоторые остались рядом с Родионом.

— Вы разрушаете будущее, — сказал он.

— Оно само пришло с армией, — ответила Мира. — Пусть не жалуется на гостеприимство.

Эраст разорвал будущее постановление. Фёдор почти исчез.

Софья схватила Эраста за руку.

— Вы его убьёте!

— Возможно.

— И всё равно?

Эраст не смог ответить.

Вера ответила за себя:

— Нет правильного выбора, если ценой является человек. Но нет и человека, если ради него лишит выбора всех остальных.

Фёдор улыбнулся сквозь прозрачность.

— Я не хочу, чтобы меня спасали таким способом.

Его слова разорвали серебряную нить между ним и мандатом. Мальчик исчез.

На земле остался только колокольчик без языка.

Антонина Марковна села рядом и впервые ничего не сказала.

Серебряный Первичный поднял колокольчик.

— Отказ изъят. Теперь голосование может состояться.

Глава тридцать четвёртая

Результат, который наступил раньше причины

Без Фёдора мир стал проще.

Это почувствовали сразу. Вопросы имели по два ответа. Двери открывались только внутрь или наружу. Люди соглашались либо спорили, но больше не могли сказать: «Я не участвую».

Антонина Марковна держала колокольчик. Первичный отдал его ей, потому что вещь без языка не представляла опасности.

— Он вернётся, — сказала Софья.

Взрослая Софья посмотрела на неё.

— Я не помню брата.

Маленькая Софья побледнела.

На семейных фотографиях рядом с ней оставалось свободное место. Никто не мог объяснить, почему всегда ставил лишнюю тарелку.

Голосование началось. Избиратели клали камни в пещеру. После исчезновения права отказаться каждый обязан был выбрать одного из трёх кандидатов.

Древний Кунилин получил голоса тех, кто хотел защитника. Современный — тех, кто хотел обойтись без защиты. Серебряный мальчик получил все остальные, включая тех, кто прежде не собирался голосовать.

Председатель пересчитал камни.

— Победил Первичный представитель.

— Сколько голосов? — спросил Эраст.

— Больше необходимого.

— Точное число?

— После победы точность является формой недоверия.

Серебряный мальчик вырос. На его плечах появилась мантия из будущих законов. Каменный круг превратился в фундамент Думы.

Древний Кунилин опустился на колени.

— Я хотел другого.

— Вы хотели порядка, — ответил Первичный. — Я избавил вас от деталей.

Современный Эраст бросился к пещере. Внутри голоса уже застыли в стене. Он нашёл пустое место Фёдора и приложил колокольчик.

Тишина не ответила.

— Мы проиграли, — сказал Тарас.

— Нет. Результат существует только потому, что исчез тот, кто мог от него отказаться.

— Именно поэтому и проиграли.

— Поэтому выборы недействительны.

Первичный услышал.

— Возражение отклонено. Отсутствующий не обладает правами.

— Он отсутствует вследствие процедуры.

— Следовательно, процедура эффективна.

История захлопнулась.

Они вернулись в настоящее — в огромный зал Думы, который занимал весь Кворум. За окнами миры двигались по утверждённым орбитам. На стенах висели портреты Первичного с лицом Эраста.

Вера стояла рядом, но не носила обручального кольца.

Мира не узнала Тараса.

Антонина Марковна держала пустую кастрюлю и не помнила, зачем готовила на пятерых.

На центральной трибуне сидел взрослый Фёдор.

Он был жив, одет в серебряный костюм и носил знак председателя Думы.

— Заседание объявляется открытым, — сказал он.

Софья шагнула к брату.

— Ты вернулся!

Фёдор посмотрел на неё спокойно.

— Гражданка, займите место согласно вашему представительству.

— Ты меня не узнаёшь?

— Личные связи не влияют на полномочия.

Эраст понял: Фёдор не исчез. Система нашла для отказа единственное безопасное применение — сделала его властью.

Над залом вспыхнула дата.

Выборы состоялись вчера.

Эраст был избран.

И уже двадцать лет считался депутатом.

Часть пятая

Двадцать лет чужой биографии

Глава тридцать пятая

Депутат, который не помнит своей работы

Эрасту показали его кабинет.

Кабинет был огромным, строгим и совершенно не похожим на место, где он согласился бы провести двадцать лет. На стене висел портрет Эраста. На столе стоял бюст Эраста. В шкафу хранились три запасных выражения лица Эраста для торжественных случаев.

— Я здесь не работал, — сказал он.

Секретарь Почин Подписович раскрыл ежедневник.

— Работали ежедневно с девяти до окончания необходимости.

— Что я делал?

— Принимали решения.

— Какие?

— Правильные.

— Назовите хотя бы одно.

Секретарь задумался, словно конкретный пример мог повредить безупречной отчётности.

— Вы отменили случайные порталы.

— Зачем?

— Через них проникала неопределённость.

— Дальше.

— Упразднили драконьи пророчества.

— По какой причине?

— Они допускали несколько толкований.

— Ещё.

— Запретили незарегистрированные браки, незапланированные путешествия и вопросы, на которые у государства нет ответа.

Тарас заглянул в бумаги.

— Хорошо поработал. Даже страшно, сколько успел, ничего не помня.

На каждом документе стояла подпись Кунилина. Эраст сравнил её со своей. Совпадали все линии, кроме последней: его настоящая подпись заканчивалась сомнением, официальная — уверенным росчерком.

— Это не я.

— Подлинность подтверждена вами лично, — сказал секретарь.

— Когда?

— Двадцать лет назад и каждое утро после.

Дверь кабинета открылась. Вошёл второй Эраст — старше, с серебряным депутатским знаком и тем самым уверенным росчерком вместо выражения лица.

— Вы опоздали, — сказал он.

Тарас посмотрел с одного Кунилина на другого.

— Раньше один Эраст портил настроение в пределах комнаты. Теперь государство явно перестаралось.

Старший Эраст протянул молодому руку.

— Я ваша официальная биография.

— Биография не может ходить отдельно.

— После двадцати лет государственной службы может. Человек меняется, а биография обязана оставаться последовательной.

— Что вы хотите?

— Вернуть владельца на должность. Без вас я не могу подписать следующий срок.

— Отказываюсь.

Официальная биография улыбнулась.

— Именно эту фразу я двадцать лет использовал как ваш политический стиль.

Глава тридцать шестая

Семья специального назначения

В новой истории семьи не существовало.

Вместо неё действовал Комитет устойчивых личных связей. Вера возглавляла отдел эмоциональной безопасности, Мира — инспекцию бытовых конфликтов, Антонина Марковна числилась независимым экспертом по недопустимому вмешательству родственников.

— Мы были женаты, — сказал Эраст Вере.

— Документы?

Он показал кольцо. Вера осмотрела.

— Предмет не зарегистрирован.

— Вы сами его выбрали.

— Личный выбор создаёт зависимость.

— Любовь тоже.

— Поэтому её заменили устойчивой симпатией с ежегодной оценкой рисков.

Тарас попытался обнять Миру. Она провела приём, составила акт о нарушении дистанции и только потом тихо спросила:

— Почему мне кажется, что я уже сердилась на тебя?

— Потому что у нас большой совместный опыт.

— Какой?

— В основном мой отрицательный.

Антонина Марковна ничего не помнила, но смотрела на обоих мужчин с привычным недоверием.

— Вы кто?

— Зятя, — ответил Тарас.

— Оба мои?

— По разным дочерям.

— Уже легче.

Она поставила чайник и автоматически выбрала для Эраста чашку слева. Вера вздрогнула.

— Почему ты поставила её туда?

— Не знаю. Так правильно.

— Согласно какому регламенту?

— Согласно руке.

Память исчезла из головы, но осталась в жестах. Мира знала, сколько сахара кладёт Тарас. Вера поправила Эрасту воротник, прежде чем успела запретить себе. Дом открыл перед всеми спальни, которых не было в плане здания.

На стене проступило: «ВЫ ЖИЛИ ЗДЕСЬ».

— Дом распространяет неподтверждённые сведения, — сказала Вера.

Дом показал на дверном косяке царапины роста Софьи и Фёдора.

Возле имени Фёдора линия была закрашена серебром.

Антонина Марковна провела пальцем по меткам.

— Если детей не было, почему я помню, как ругала их за стену?

— Ложное воспоминание, — сообщил подошедший сотрудник комитета.

— Тогда почему оно правдивее тебя?

Сотрудник не нашёл пункта для ответа.

Дом запер двери и написал: «СЕМЬЯ НЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ. ОНА ПОМНИТ».

Вера прочла дважды.

Потом взяла Эраста за руку — не потому, что вспомнила, а чтобы проверить, почему не хочется отпускать.

Глава тридцать седьмая

Председатель Фёдор и его отсутствующее детство

Фёдор назначил встречу на пятнадцать минут раньше просьбы о встрече.

Его кабинет находился в центре Думы и вращался вместе с повесткой дня. На стенах не было фотографий. Детство председателя считалось сведением, не относящимся к полномочиям.

Софья положила перед ним колокольчик без языка.

— Это твоё.

— Предмет не состоит на балансе.

— Ты держал его, когда боялся исчезнуть.

— Председатель не боится.

— А Фёдор?

— Фёдор является должностным лицом.

Тарас наклонился к Эрасту.

— Плохо. Мальчик вырос и разговаривает почти как ты.

— Я никогда не говорил «должностное лицо» о ребёнке.

— У тебя не было должностного ребёнка.

Фёдор объявил, что выборы признаны состоявшимися и отменить их можно только единоголосным решением Думы. Первичный представитель обладал голосами всех депутатов по доверенности.

— Они выдавали доверенности? — спросил Эраст.

— Их интересы совпадают с его полномочиями.

— Это не доверенность.

— Теперь является.

Софья ударила колокольчиком по столу. Звука не было. Фёдор вздрогнул.

— Что ты услышал?

— Ничего.

— Какое?

Он посмотрел на неё впервые не как председатель.

— Тёмную комнату. Ты держишь меня за руку и говоришь, что не обязана быть старшей всё время.

— Это было.

— В официальной биографии нет.

— Значит, биография короче жизни.

На лице Фёдора появилась детская растерянность. Серебряный знак на груди сжал ткань.

— Я не могу вспомнить больше. Система считает воспоминания попыткой повлиять на председателя.

— Сними знак.

— Он держит меня существующим.

— Откуда знаешь?

— Так сказал Первичный.

Эраст подошёл ближе.

— Именно он однажды сказал, что ты исчезнешь без власти. Выбор был поставлен неправильно: либо не существовать, либо стать должностью.

— Третьего варианта нет.

— Тогда мы его плохо искали.

Фёдор закрыл глаза. Колокольчик качнулся сам.

Из шкафа выпал маленький деревянный меч. На рукояти было выцарапано: «ФЁДОР. НЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ».

— Это не мой почерк, — сказал он.

— Конечно, — ответила Софья. — Ты ещё писать не умел. Я сделала.

Фёдор взял меч. Депутатский знак треснул, но не отпустил.

— Уходите, — прошептал он. — Пока я снова не стал уверен.

Глава тридцать восьмая

Комиссия по проверке личной памяти

За воспоминаниями пришли вечером.

Комиссия носила белые перчатки, чтобы не оставлять отпечатков в чужом прошлом. Председательница Память Служебновна предъявила ордер на изъятие событий, противоречащих официальной биографии депутата Кунилина.

— Что именно изымаете? — спросил Эраст.

— Знакомство с Верой, дружбу с Тарасом, две свадьбы, восемь тещ, Дом и ребёнка по имени Фёдор.

— Восемь тещ оставьте, — сказал Тарас. — Их отсутствие выглядит подозрительно счастливым.

Комиссия открыла чемоданы. Воспоминания потянулись из людей тонкими цветными нитями. Из Эраста вышел первый спор с Верой. Из Миры — день, когда Тарас нашёл носок в холодильнике. Из Антонины Марковны — запах пирога, который она испекла перед концом света.

Дом захлопнул окна.

— Препятствие проверке, — сказала Память Служебновна.

На стене появилось: «ЛИЧНОЕ».

— Личное подлежит проверке, если влияет на государственное лицо.

«ОН МОЁ ЛИЧНОЕ».

Эраст посмотрел на Дом.

— Я не принадлежу вам.

«И Я ТЕБЕ. ПОЭТОМУ ЛИЧНОЕ».

Комиссия попыталась изъять память Дома. Коридоры начали бледнеть, двери забывали, куда ведут. Дверина сжалась до одной медной петли.

Антонина Марковна схватила нить с запахом пирога и привязала к запястью.

— Моё.

— Докажите.

— Пахнет моей капустой.

— Запах не является доказательством.

— Тогда попробуй приготовить такой же.

Память Служебновна не умела готовить. Комиссия признала экспертизу невозможной.

Тарас стал хватать воспоминания и возвращать наугад. Эрасту достался чужой первый поцелуй, Мире — победа дракона в шахматах, одному проверяющему — двадцать лет семейной жизни козла и Ардеины.

— Немедленно исправьте! — закричал проверяющий. — Я не женат на драконе!

— Докажите, — сказал Тарас.

Комиссия отступила. В спешке она оставила чемодан с изъатыми воспоминаниями официального Эраста.

Внутри было пусто.

— Значит, он действительно ничего не прожил, — сказала Вера.

Эраст перевернул чемодан. Из потайного отделения выпала записка его почерком:

«ЕСЛИ Я НАЧНУ ВСЁ ПОМНИТЬ, НЕ ВЕРЬТЕ МНЕ».

Подпись заканчивалась уверенным росчерком.

Глава тридцать девятая

Обед, не утверждённый повесткой

Антонина Марковна решила вернуть память через желудок.

— Голова врёт, документы врут, а человек, который двадцать лет ел казённую пищу, всё равно узнает нормальный суп.

Она накрыла стол в центральном зале Думы без разрешения. Депутаты пришли на запах и сначала потребовали оформить перерыв. Потом увидели пирог и решили считать заседание выездным.

Официальный Эраст сел напротив настоящего.

— Это провокация.

— Ешь, — сказала Антонина.

— Я не употребляю пищу, не прошедшую экспертизу.

— Двадцать лет назад ты говорил то же самое про моё варенье.

— Мы не знакомы.

— Поэтому и выжил.

Он попробовал ложку супа. Уверенный росчерк на его лице дрогнул. Рука сама потянулась переставить чашку слева направо, но остановилась.

— Почему я это сделал?

— Потому что настоящий Эраст ставит её справа, а Вера — слева.

Вера молча поставила чашку слева.

Официальный Эраст побледнел. В нём проснулось воспоминание, которого не было в чемодане: утро после годовщины, чайник, дождь сверху вниз и решение не переставлять чашку.

— Я помню, — сказал он.

Настоящий Эраст шагнул ближе.

— Что именно?

— Как согласился стать депутатом.

Все замолчали.

— Добровольно? — спросила Вера.

— Нет. Фёдор исчезал. Первичный предложил вернуть его в обмен на двадцать лет службы. Я согласился, но потребовал оставить себе одно воспоминание, которое система не сможет использовать.

— Чашку? — спросил Тарас.

— Право не исправлять близкого человека.

Официальный Эраст снял депутатский знак. Под ним находилась бумажная дверь.

— Что за ней?

— Все решения, которые я не подписал. Первичный подписывал моим именем, а отказ прятал внутри меня.

Фёдор вошёл в зал. Серебряный знак вёл его, как поводок.

— Заседание не предусматривает питание.

Антонина поставила перед ним тарелку.

— А детство предусматривало.

Фёдор сел.

Первичный представитель объявил обед попыткой государственного переворота.

Депутаты доели и единогласно решили рассмотреть обвинение после добавки.

Глава сороковая

Дверь в неподписанные решения

Бумажную дверь открывали подписью.

Настоящий Эраст расписался с сомнением. Официальный — уверенно. Дверь не приняла ни одну подпись отдельно. Пришлось поставить их рядом.

За дверью находился город отказов.

Там жили несостоявшиеся указы, отменённые запреты и решения, которые депутат Кунилин отказался подписывать двадцать лет. Они строили дома из пустых бланков и боялись печатей.

Первым навстречу вышел закон о запрете случайных порталов. Он был маленьким, хромым и держал табличку «НЕ ПРИНЯТ».

— Я думал, порталы запретили, — сказал Тарас.

— Первичный издал меня от имени Кунилина, — ответил закон. — Настоящий отказ спрятали здесь.

Второй отказ касался браков. Третий — драконьих пророчеств. Тысячи непринятых решений доказывали, что официальная биография двадцать лет сопротивлялась внутри самой себя.

— Почему вы не вышли? — спросила Вера.

— Отказ не может действовать без того, кому он принадлежит.

Официальный Эраст посмотрел на настоящего.

— Мы должны соединиться.

— Тогда кто из нас останется?

— Биография без человека или человек без двадцати лет — оба неполны.

Тарас возразил:

— Подождите. Один Эраст уже тяжело. Если соединить двух, получится начальник отдела.

Дверь захлопнулась. На ней появилась печать Первичного: «АРХИВ ОТКАЗОВ ЛИКВИДИРОВАТЬ».

Город начал стгорать белым огнём. Он не уничтожал бумаги, а превращал «не принято» в «поддержано после уточнения».

Дом протянул внутрь коридор. Дверина удерживала проём, плаваясь по краям.

— Все наружу! — крикнула Мира.

— Они не могут, — сказал Эраст. — Отказы привязаны ко мне.

Он шагнул к официальной биографии.

— Соединяемся.

— Уверены?

— Нет.

— Хороший признак.

Два Эраста взяли за руки. Между ними прошли двадцать лет: заседания, угрозы Фёдору, тайные отказы, одиночество среди портретов собственного лица. Настоящий Эраст вспомнил всё. Официальный впервые почувствовал, зачем жил.

Они стали одним человеком.

Тарас внимательно посмотрел.

— Внешне не хуже.

— Благодарю.

— А чувство юмора?

— Не обнаружено.

— Значит, соединение прошло успешно.

Все отказы поднялись с улиц и вошли в Эраста. Депутатский знак на груди почернел.

Теперь он помнил каждое решение, которое не принимал, и был юридическим владельцем каждого «нет».

Глава сорок первая

Двадцать лет за одну секунду

После соединения Эраст постарел на двадцать лет и тут же помолодел обратно.

Время не смогло решить, какой возраст соответствует человеку с двумя биографиями, и временно оставило прежний. Волосы сохранили одну седую прядь как замечание проверяющего.

Вера смотрела на него настороженно.

— Что ты помнишь обо мне?

— Всё, что было. И двадцать лет, в которых тебя не было.

— Что правдивее?

— Отсутствие тоже было настоящим. Но не моим выбором.

Мира спросила о Тарасе. Эраст рассказал, что в новой истории Тюлькин трижды назначался министром случайных происшествий, четыре раза увольнялся и однажды случайно упразднил министерство вместе с собой.

— Значит, я всё-таки состоялся, — обрадовался Тарас.

— Вас восстановили как происшествие.

Фёдор слушал молча. Его председательский знак затягивал трещины.

— Почему ты согласился на сделку?

— Потому что боялся потерять тебя.

— И потерял всех остальных.

— Да.

— Тогда это было неправильное решение.

— Было.

— Ты отменишь?

— Если отменю за тебя, повторю его.

Эраст открыл почерневший знак. Внутри хранились тысячи отказов. Каждый мог отменить один указ Первичного, но возвращал миру риск, от которого указ защищал.

Отмена запрета порталов могла впустить войну. Отмена обязательного здоровья возвращала болезни. Отмена утверждённых браков позволяла людям уходить.

— Миры потребуют оставить удобные запреты, — сказала Вера.

— Пусть требуют.

— А если выберут свободу только для себя?

— Тогда придётся спорить. Не спасать их от спора.

Первичный вызвал Эраста на заседание. Сообщение появилось на его ладони: «ДЕПУТАТ ОБЯЗАН ПРИСУТСТВОВАТЬ».

Эраст написал рядом: «ПРИДУ КАК ЧЕЛОВЕК».

Ладонь ответила: «СТАТУС НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

— Тем лучше, — сказал Тарас. — Не смогут заранее подготовить кресло.

Антонина Марковна собрала еду в дорогу.

— Заседание в соседнем зале, — заметил Эраст.

— С вашей политикой соседний зал может оказаться через двадцать лет.

Она оказалась права. Дверь открылась в будущее, где заседание уже закончилось, Эраста арестовали, а Первичный объявил его отказ государственной собственностью.

Глава сорок вторая

Кандидат против собственной биографии

Арестованный Эраст сидел в стеклянной камере посреди Думы.

Он был ещё старше, седая прядь стала половиной головы, но выражение лица оставалось служебно недовольным. Увидев себя из прошлого, он постучал по стеклу.

— Не входите в зал.

— Почему?

— Первичный ждёт, что вы используете отказы для отмены указов. Каждый отменённый указ превратится в голос за вашу диктатуру.

— Как?

— Люди попросят вас вернуть им свободу. Система запишет просьбы как передачу полномочий.

Тарас вздохнул.

— Даже революция у них работает отделом кадров.

Будущий Эраст показал на почерневший знак.

— Нельзя отменять решения вместо людей. Нужно вернуть каждый отказ владельцу.

— Их миллионы.

— Поэтому я не успел.

Фёдор подошёл к камере. Будущий Эраст посмотрел на него с болью.

— В моей версии ты снял знак слишком поздно.

— А в другой исчез.

— Между исчезнуть и стать должностью должен быть третий путь.

— Все так говорят. Никто не показывает.

Софья вложила деревянный меч в щель камеры. Будущий Эраст коснулся надписи «ФЁДОР. НЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ».

— Третий путь не показывают. Его выбирают, не зная результата.

Первичный появился над трибуной.

— Депутат Кунилин обвиняется в присвоении государственных отказов.

— Они никогда не были государственными, — сказал Эраст.

— Тогда кому принадлежат?

— Тем, кто их произнёс.

— Докажите передачу.

— Не буду. Я не распоряжаюсь ими.

Он раскрыл чёрный знак. Отказы разлетелись по залу, прошли сквозь двери и время. Каждый возвращался не к документу, а к человеку в момент принятия решения.

Женщина снова могла отказаться от назначенного брака. Дракон — от обязательного пророчества. Город — от спасения. Море — от постоянного берега.

Но Эраст не отменил ни одного решения сам.

Камера будущего Эраста исчезла. Вместе с ней исчезло будущее, где его арестовали.

Первичный уменьшился.

— Вы уничтожили порядок.

— Нет. Вернул решения владельцам.

— Они выберут вас. Вы станете самым могущественным представителем.

— Поэтому снимаю кандидатуру.

Фёдор ударил деревянным мечом по своему знаку. Тот раскололся. На миг мальчик стал прозрачным, затем снова взрослым, потом ребёнком и наконец человеком неопределённого возраста.

— Я ухожу с должности, — сказал он.

— Ты исчезнешь, — предупредил Первичный.

— Может быть.

Фёдор снял серебряный знак.

Он не исчез.

Исчезла Дума.

Под ногами осталась пустая площадь, миллионы кресел и одна маленькая дверь с надписью: «ПОВТОРНЫЕ ВЫБОРЫ».

Тарас открыл её.

За дверью стояли все миры и держали бюллетени. В каждом уже было имя Эраста.

— Кто вписал? — спросил он.

Бюллетени ответили хором:

— Мы сами.

Эраст закрыл дверь.

— Плохо.

— Почему? — спросила Вера.

— Теперь они действительно хотят меня избрать.

Часть шестая

Выборы без права на поражение

Глава сорок третья

Человек, которого выбрали заранее

Эраст держал дверь закрытой обеими руками. С другой стороны вежливо скреблись миллионы бюллетеней.

Сначала они скреблись по одному. Потом объединились во фракцию и потребовали допустить их к законной процедуре проникновения.

— Может, не открывать? — предложил Тарас.

— Я и не открываю.

— Тогда почему дверь становится больше?

Дверь действительно росла. Она уже занимала половину площади, захватила два кресла и собиралась баллотироваться на третье.

Вера подошла к Эрасту и приложила ладонь к дереву.

— Они не ломаются внутрь. Они ждут, когда ты выйдешь к ним.

— Это хуже.

— Почему?

— Внутри можно не пустить. Наружу когда-нибудь придётся.

Маленькая медная ручка повернулась сама. В щель протиснулся худой человек в сером камзоле, весь состоявший из печатей, лент и чрезвычайно ответственного выражения лица.

На груди у него висела табличка: «ГАВРИИЛ МАНДАТОВИЧ ГОЛОСОВ. ХРАНИТЕЛЬ СВОБОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ. ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ НЕ ВЫНОСИТЬ».

— Гражданин Кунилин?

— Нет.

Человек сверился с бумагой.

— Ответ совпал. Личность подтверждена.

— Я не кандидат.

— Уже кандидат. Вас выдвинули сто восемнадцать миров, семь морей, одна гора и понятие справедливости.

— Последнее кто уполномочил?

— Оно действует по доверенности от надежды.

Тарас уважительно присвистнул.

— С такими поручителями от суда не спрячешься.

Голосов развернул свиток. Тот укатился за горизонт, обогнул площадь и вернулся с другой стороны, немного уставший.

— Согласно Положению о добровольных выборах, кандидат обязан добровольно согласиться или добровольно объяснить, почему его согласие не требуется.

— Я объясню коротко: не хочу.

— Прекрасный лозунг. Уже зарегистрирован.

За дверью раздались аплодисменты. Несколько бюллетеней от восторга проголосовали повторно.

Эраст отпустил дверь. Она не открылась, но тут же появилась у него за спиной.

Он отошёл. Дверь последовала за ним.

— Избирательная кампания будет сопровождать вас до победы, поражения или морального истощения, — сообщил Голосов. — Последнее считается победой аппарата.

Фёдор, всё ещё державший деревянный меч, спросил:

— А если он снимет кандидатуру?

— Нельзя. Желание избирателей выше желания избираемого.

— Тогда это не выборы.

Голосов посмотрел на него с жалостью чиновника, встретившего живую логику.

— Молодой человек, выборы нужны для выбора результата, а не для выбора процесса.

Софья ударила в безголосый колокольчик. Звук не было, но свиток Голосова покрылся мелкими трещинами.

— Осторожнее! — вскрикнул хранитель. — Это официальный документ. В нём запрещено сомневаться без приложения сомнения в трёх экземплярах.

Эраст посмотрел на дверь, на бюллетени и на своё имя, уже напечатанное крупнее названия миров.

— Хорошо. Кто второй кандидат?

Голосов просиял.

— Наконец конструктивный вопрос.

Он перевернул свиток. На обороте было написано: «КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ, КОТОРЫЙ СОГЛАСЕН».

— Выбор между вами и вашей улучшенной версией, — пояснил Голосов. — Чтобы избиратели не растерялись от разнообразия.

— Я никогда не соглашался.

— Поэтому улучшенная версия пока не существует.

За дверью что-то уверенно кашлянуло голосом Эраста.

— Уже существует, — сказала Вера.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял второй Эраст — без седой пряди, без усталости и с улыбкой человека, который заранее простил народу всё, что собирался с ним сделать.

Глава сорок четвертая

Предвыборная программа из одного слова

Второй Эраст поклонился всем сразу. Получилось так убедительно, что несколько кресел немедленно встали и уступили ему место.

— Дорогие друзья, — сказал он.

Настоящий Эраст поморщился.

— Я так не говорю.

— Именно поэтому он нравится людям, — заметил Голосов.

Улучшенный Кунилин назывался только в документах. В разговоре он просил именовать его Эрастом Народным, хотя народа у него пока не было.

— Моя программа проста, — продолжал Народный. — Я обещаю каждому то, чего ему не хватает.

— А если одному не хватает тишины, а другому гимна в семь утра? — спросил Тарас.

— Мы создадим комиссию по гармоничному сочетанию.

— То есть гимн будет тихим?

— Он будет согласованным.

Тарас повернулся к Эрасту.

— Опасный человек. Ни одного ответа, а звучит как будто уже выделили бюджет.

Голосов объявил, что обоим кандидатам необходимо представить программы до заката. Закат немедленно появился над площадью и начал торопливо краснеть.

— У нас пять минут, — сказала Вера.

— Мне достаточно одного слова, — ответил Эраст.

Он взял лист и написал: «НЕТ».

Лист задрожал. Буквы увеличились, обросли сносками и превратились в сто сорок семь обещаний.

«Нет бедности». «Нет войне». «Нет налогам». «Нет необходимости читать программу после избрания».

— Я написал не это.

— Политический текст принадлежит толкователям, — объяснил Голосов. — Автору оставляют автограф.

Эраст разорвал лист. Каждый клочок сохранил слово «НЕТ» и основал собственное движение.

Одно движение требовало немедленно запретить запреты. Второе — запретить первое. Третье не определилось, но уже собирало пожертвования.

Антонина Марковна принесла чистую скатерть и положила перед Эрастом.

— Пишите на ней.

— Почему?

— Бумага привыкла врать. Скатерть знает: если на ней пятно, его видно.

Эраст написал: «Я НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЮ».

Скатерть осталась скатертью.

Голосов побледнел.

— Это запрещённый приём.

— Каким пунктом?

— Никаким. Поэтому особенно опасен.

Избиратели за дверью замолчали. Потом кто-то сказал:

— Впервые честный кандидат.

Рейтинг Эраста подскочил настолько резко, что ударился о потолок несуществующей Думы и пробил его.

— Всё испортили, — сказал Тарас. — Надо было обещать.

— Что?

— Что обязательно что-нибудь пообещаете. Люди бы узнали привычный порядок и успокоились.

Народный Эраст улыбнулся ещё теплее.

— Я тоже ничего не обещаю, — объявил он. — Я гарантирую.

Его рейтинг догнал рейтинг настоящего Эраста и аккуратно подал жалобу на столкновение.

Вера взяла скатерть, внимательно посмотрела на буквы и спросила:

— Ты действительно ничего не обещаешь?

— Обещаю не решать за других.

Скатерть тут же дописала эту фразу сама.

— Вот теперь это программа, — сказала Вера.

— И ошибка, — возразил Фёдор. — Ты снова обещаешь всем свободу. А если они выберут несвободу?

Эраст долго смотрел на последнюю строку.

Потом зачеркнул слово «обещаю» и написал: «ПОСТАРАЮСЬ».

Рейтинг рухнул вниз.

— Поздравляю, — обрадовался Тарас. — Начинаете возвращать доверие к вашему поражению.

Глава сорок пятая

Округ, в котором каждый мир главный

Предвыборный округ начинался сразу за дверью и заканчивался нигде.

Голосов выдал кандидатам маршрутный лист, в котором значилось восемь тысяч миров, не считая тех, что появятся по дороге и потребуют равного внимания.

— Обойти всех невозможно, — сказал Эраст.

— Поэтому выборы назначены на вчера, — ответил хранитель. — Вы уже опаздываете.

Первым был мир драконов, где рыцари считались опасными мифическими существами. Драконы потребовали запретить похищение принцесс, потому что принцессы сами прилетали, занимали пещеры и требовали отдельную спальню.

— Я разберусь, — пообещал Народный.

— Он уже обещал, — прошептал Тарас. — Запишите первое преступление.

Настоящий Эраст спросил у драконов, чего хотят сами принцессы.

— Это внутреннее дело нашей пещеры, — обиделся старший дракон.

Из одной пещеры выглянула принцесса и крикнула:

— Мы хотим, чтобы нас перестали спасать без предварительной записи!

Тарас поставил в маршрутном листе отметку: «Стороны успешно не договорились».

Во втором мире время шло только по понедельникам. Жители требовали отменить понедельник, но боялись, что тогда не наступит вторник.

Народный Эраст предложил плавный переход к среде.

Настоящий попросил часовщиков сначала решить, хотят ли они времени вообще.

Часовщики создали рабочую группу. Время остановилось, ожидая протокола.

В третьем мире налоги брали с теней. Богатые нанимали себе маленькие тени, бедные ходили под полуденным солнцем, а казна каждую ночь объявляла дефицит.

— Отменю налог, — сказал Народный.

Казначей упал в обморок.

— Оставлю налог, — поспешно добавил Народный.

Население упало в обморок.

— Удивительный талант, — сказал Тарас. — Два предложения, а лежат все.

Эраст предложил теням самим решить, кому принадлежит плата за их существование.

Тени отделились от хозяев и потребовали заработную плату за постоянное следование.

К вечеру округ погрузился в забастовку. Солнце отказалось садиться, потому что не желало производить бесплатные тени.

— Вы разрушаете каждый мир, в который входите, — сказал Голосов.

— Я только задаю вопрос.

— Для устойчивого государства это и есть разрушение.

Мира и Вера шли рядом, записывая не обещания, а вопросы жителей. Список становился всё толще.

— Зачем вы их собираете? — спросил Эраст.

— Чтобы ты не забыл, что они разные, — ответила Вера.

— Я и так помню.

— У тебя теперь две биографии. Это вдвое больше способов забыть.

Фёдор держался позади. В каждом мире его узнавали как бывшего председателя и просили вернуть удобный порядок.

— При вас хотя бы было понятно, кого бояться, — говорили ему.

Фёдор молчал, но серебряная пыль от разбитого знака собиралась у него на плечах.

Софья смахивала её деревянным мечом.

— Не помогай мне, — сказал он.

— Я не помогаю. Я мешаю должности собраться обратно.

Последним в маршруте оказался пустой мир. Ни городов, ни жителей, ни требований.

Только посреди поля стояла урна для голосования.

Народный Эраст опустил туда свою программу.

Урна выплюнула её.

Настоящий Эраст ничего не опустил.

Урна открылась сама, и из неё выпал бюллетень с его именем.

— Кто проголосовал? — спросил Голосов.

Из пустоты ответили:

— Тот, кто здесь будет жить после выборов.

Голосов торопливо запечатал урну.

— Голоса будущих избирателей запрещены.

— Тогда почему бюллетени уже заполнены?

Хранитель отвёл глаза.

И Эраст понял: выборы начались задолго не только до его согласия, но и до появления самих избирателей.

Глава сорок шестая

Дебаты с пустым креслом

Дебаты проводились в зале, который возник вокруг кандидатов сразу после объявления перерыва.

Зрители заполнили трибуны, стены и несколько причинно-следственных связей. Те, кому не хватило места, расположились в прошлом и обещали досмотреть запись.

На сцене стояли три кресла.

— Нас двое, — заметил Эраст.

— Третье предназначено общественному мнению, — пояснил Голосов. — Оно всегда участвует, но никогда не отвечает.

Народный Эраст занял кресло справа. Настоящий остался стоять.

— Садитесь, — потребовал ведущий.

— Не хочу.

Публика зааплодировала.

— Кандидат Кунилин демонстрирует близость к простому человеку, которому тоже часто негде сесть, — объявил ведущий.

— Я просто не хочу садиться.

Аплодисменты усилились.

Тарас закрыл лицо руками.

— Никогда ещё бездействие не требовало столько усилий.

Первый вопрос задал мир, где все жители были пророками.

— Что вы сделаете с будущим?

Народный улыбнулся.

— Сделаю его лучшим.

Пророки одобрительно зашептались: ответ ничего не менял и потому совпадал со всеми предсказаниями.

— Ничего, — сказал Эраст. — Буду жить до него.

Пророки возмутились. Некоторые впервые увидели будущее, которого не знали.

Второй вопрос пришёл от моря:

— Где кончается ваша ответственность?

— Там, где начинается воля народа, — ответил Народный.

— Удобно, — заметила Вера. — Если что-то получится, это его воля. Если нет — народная.

Эраст сказал:

— Не знаю, где кончается. Поэтому и не хочу брать чужую.

Пустое кресло посередине скрипнуло.

На его спинке появилось лицо — сразу молодое, старое, мужское, женское и слегка недовольное коммунальными услугами.

— Он боится ответственности! — произнесло общественное мнение.

— Боюсь, — согласился Эраст.

Зал замолчал. В политических дебатах страх полагалось прятать за заботой о безопасности.

Народный поднялся.

— Я не боюсь ничего.

Пустое кресло довольно заурчало и вытянуло из него тонкую золотую нить.

Эраст увидел, что такие же нити тянутся к креслу от зрителей. Каждые аплодисменты делали его плотнее.

— Оно питается ожиданиями, — сказала Софья.

— А второй кандидат? — спросил Фёдор.

— Состоит из них.

Народный Эраст улыбался, но за улыбкой уже не было лица. Там мелькали желания драконов, часовщиков, теней и миллионов людей, каждому из которых требовался свой удобный Кунилин.

— Вы не человек, — сказал ему Эраст.

— Я тот человек, которого они хотят видеть.

— Они хотят разного.

— Поэтому во мне достаточно места для противоречий.

Пустое кресло расправило подлокотники, словно крылья.

— Последний вопрос! — объявило оно. — Готовы ли кандидаты пожертвовать собой ради народа?

— Да, — немедленно ответил Народный.

Золотые нити стянули его к креслу.

— Нет, — сказал Эраст.

Зал ахнул.

— Почему?

— Человек, пожертвовавший собой, потом обязательно потребует компенсацию чужими жизнями.

Нити вокруг настоящего Эраста лопнули.

Пустое кресло впервые зашаталось.

— Вы проиграли дебаты, — прошипело общественное мнение.

— Надеюсь.

— Вас поддержали ещё девять миров.

Эраст тяжело вздохнул.

— Тогда придётся говорить хуже.

Глава сорок седьмая

Наблюдатели за невозможным

На следующий день прибыли наблюдатели.

Первая делегация пришла из мира, где выборы всегда были честными, потому что избирателям заранее сообщали настоящий результат и запрещали путать его со своим мнением.

Вторая — из мира абсолютной свободы. Там каждый голосовал сколько хотел, за кого хотел и после подсчёта объявлял собственное правительство.

Третья делегация состояла из одного кота. На табличке значилось: «НЕЗАВИСИМЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. ЗАВИСИТ ОТ СМЕТАНЫ».

Кот осмотрел урны, сел на самую прозрачную и немедленно сделал процедуру непрозрачной.

— Нарушение, — сказал Голосов.

— Мяу, — ответил наблюдатель.

— Возражение принято как особое мнение.

Эраст попросил показать списки избирателей. Голосов принёс шкаф.

— Здесь все?

— Только отсутствующие. Присутствующие записаны в соседнем шкафу, который отсутствует.

Вера открыла первую папку. В ней значились люди, драконы, города, реки, нерождённые дети и несколько идей, давно умерших, но сохранивших регистрацию.

— Почему голосуют нерождённые?

— Выборы определяют их будущее.

— А умершие?

— Они определили наше прошлое.

— А живые?

— Им некогда. Они обсуждают кандидатов.

Фёдор нашёл в списке себя сразу в четырёх возрастах. Ребёнок голосовал за Эраста, председатель — за Народного, человек неопределённого возраста воздержался, а одна строка была зачёркнута серебряной пылью.

— Кто четвёртый? — спросила Софья.

Фёдор коснулся зачёркнутого имени и отдернул руку.

— Тот, кем я стал бы, если бы остался собой.

— Значит, самый опасный для системы, — сказала она.

Кот-наблюдатель подошёл к строке и лёг на неё. Серебряная пыль перестала собираться на плечах Фёдора.

— Полезное животное, — признал Тарас. — Ничего не понимает, зато правильно мешает.

Мира тем временем обнаружила под дном урны маленькую дверь.

За дверью сидел Первичный и переписывал правила выборов.

Он выглядел совсем небольшим — не выше чернильницы, но каждое написанное им слово тут же появлялось в Положении Голосова.

— Вы вмешиваетесь в выборы, — сказала Мира.

— Я обеспечиваю неизменность процедуры.

— Вы только что изменили пункт о неизменности.

— Для его укрепления.

Тарас заглянул через её плечо.

— А что он пишет сейчас?

Первичный прикрыл лист ладонью.

Фёдор поднял его вместе со столом. Под листом оказалось новое правило: «ПРИ РАВЕНСТВЕ ГОЛОСОВ ПОБЕЖДАЕТ КАНДИДАТ, БОЛЕЕ ПОХОЖИЙ НА ОЖИДАНИЯ».

— Вы боитесь, что настоящий Эраст победит, — сказал Фёдор.

— Я боюсь, что победит любой настоящий человек. Он непредсказуем.

Эраст присел перед Первичным.

— Зачем вам выборы, если результат уже решён?

— Чтобы решение считалось вашим.

Кот протянул лапу и опрокинул чернильницу. Чернила залили новое правило, старые пункты и самого Первичного.

Наблюдатели дружно составили три противоположных акта. В одном выборы признавались честными, во втором — нечестными, в третьем — вкусными, потому что кот оставил отпечаток лапы в сметане.

Голосов собрал акты и удовлетворённо кивнул.

— Международное наблюдение завершено. Все точки зрения подтверждают законность той, которую мы выберем после подсчёта.

Глава сорок восьмая

День тишины, который не замолчал
За сутки до голосования наступил День тишины.

Он пришёл в чёрном плаще, приложил палец к губам и конфисковал все слова агитационного характера.

Первым пострадал Тарас. Он хотел попросить хлеба, но слово «хлеб» сочли обещанием продовольственной стабильности.

— Дайте хотя бы воды, — сказал он.

«Вода» оказалась намёком на доступные коммунальные услуги. День тишины отобрал и её.

Тарас показал руками, что хочет есть и пить.

Жест зарегистрировали как программу комплексного развития человека.

— Лучше молчи, — сказала Мира.

Слово «молчи» признали призывом к цензуре. День тишины стал заметно толще.

К полудню разговаривать было нельзя ни о чём. Погода считалась обещанием климата, семья — пропагандой традиционных отношений, одиночество — пропагандой нетрадиционного отсутствия отношений.

Народный Эраст не нуждался в словах. По всем мирам продолжали выступать его заранее записанные улыбки.

Одна улыбка обещала безопасность. Другая — перемены. Третья предназначалась тем, кто боялся и безопасности, и перемен, и потому выглядела особенно государственно.

Настоящий Эраст сел возле закрытой двери и впервые за всю кампанию просто слушал.

За деревом шептались избиратели.

— Я проголосую за него. Пусть отвечает.

— И я. Если станет хуже, будет кого обвинить.

— А если лучше?

— Тогда скажем, что так и должно было быть.

Эраст приложил ухо к двери. Миллионы голосов сливались в одну просьбу: «Возьми наше решение, чтобы оно перестало быть нашим».

Он понял, почему Первичный не боялся свободных выборов. Свобода могла сама выбрать хозяина, лишь бы потом не отвечать за выбор.

Вера села рядом.

— Ты опять хочешь всех спасти?

— Нет.

— Хорошо.

— Хочу помешать им спастись от самих себя.

— Это уже похоже на тебя.

День тишины приблизился и протянул руку за их разговором.

Вера посмотрела на него так, как смотрят на чиновника, пришедшего проверять кухню Антонины Марковны.

День тишины отступил.

В пустом воздухе появилась дверь с надписью: «ПОСЛЕ ВЫБОРОВ».

Эраст открыл её.

За порогом стоял памятник ему. На постаменте было выбито: «СПАСИТЕЛЮ МИРОВ ОТ БЛАГОДАРНЫХ МИРОВ, ВПОСЛЕДСТВИИ РАЗОЧАРОВАННЫХ».

Вокруг памятника шёл митинг. Одни требовали выполнить обещания, которых Эраст не давал. Другие требовали отменить выполненное. Третьи продавали маленькие копии памятника для метания.

На ступенях сидел будущий Тарас в очень дорогом пальто.

— Наконец-то, — сказал он. — Я вас жду уже шестой год.

— Почему ты так одет?
— Я возглавил Фонд борьбы с последствиями вашей скромности.
— Я стал депутатом?
— Формально нет. Вас назвали Временным Выразителем Совокупной Воли. Должность пожизненная, потому что временность нужно постоянно продлевать.
— А Народный?
— Исчез после выборов. Ожидания получили вас и перестали в нём нуждаться.
Будущий Тарас передал Эрасту камень для метания в памятник.
— Что мне сделать?
— Не позволяйте им голосовать за того, кто будет виноват вместо них.
— Как отличить такой голос?
— Никак. Пусть каждый объяснит его самому себе.
Дверь начала закрываться.
— И ещё! — крикнул будущий Тарас. — Ни при каких обстоятельствах не соглашайтесь на временную должность!
— Почему?
— У неё нет срока!
Дверь захлопнулась. День тишины отобрал последние слова и с важным видом унёс их в архив.
Тарас чихнул.
Чих разнёсся по всем мирам и был признан самым искренним выступлением кампании.

Глава сорок девятая
Победа с отрицательным числом голосов
Голосование началось ровно в полночь и закончилось за минуту до неё.
Избирательные урны выстроились на площади. Одни были прозрачными, другие честными, третьи — полными. Совпадений между этими свойствами почти не наблюдалось.
Голосов торжественно вскрыл первую урну.
Оттуда вылетели птицы и унесли бюллетени в тёплые края.
— Волеизъявление мигрировало, — записал хранитель.
Во второй урне лежали только жалобы на первую.
В третьей обнаружился Тарас.
— Я проверял дно, — объяснил он.
— И как? — спросил Эраст.
— Двойное. Но кормят.
Подсчёт продолжался три дня, хотя день всё ещё был первый. Цифры спорили, переходили из столбца в столбец и требовали учитывать их политическую самоидентификацию.
Наконец Голосов поднялся на возвышение.
— Кандидат Народный получил восемь миллиардов голосов «за».
Народный поклонился.
— Кандидат Кунилин получил восемь миллиардов голосов «против».
Эраст облегчённо выдохнул.
— Поздравляю с поражением, — сказала Вера.
— Благодарю.
Голосов кашлянул.
— Однако согласно правилу равной значимости активного волеизъявления каждый голос «против Кунилина» содержит фамилию Кунилина и засчитывается как персональное упоминание.
— Нет, — сказал Эраст.

- Ещё одно упоминание, — отметил секретарь.
- Вы не можете считать отрицательные голоса положительными.
- Мы и не считаем. У вас минус восемь миллиардов.
- Значит, я проиграл.
- При определении победителя берётся абсолютная величина поддержки. У вас ничья. Тарас задумался.
- Если меня восемь миллиардов раз ударят, я тоже стану популярнее?
- Узнаваемее, — уточнил Голосов.

Для разрешения ничьей вызвали общественное мнение. Пустое кресло внесли на площадь четыре человека, каждый из которых утверждал, что просто проходил мимо.

Кресло осмотрело кандидатов.

— Народный соответствует ожиданиям, — сказала оно. — Кунилин соответствует разочарованиям. Поскольку разочарование наступает после ожидания, оно является более свежим выбором.

— Победил Кунилин! — объявил Голосов.

Площадь взорвалась ликованием и возмущением одновременно. Некоторые избиратели успели перейти из одного состояния в другое и потребовали учесть оба.

Эраст взял итоговый протокол.

- Здесь нет ни одного ответа на вопрос, чего хотели люди.
- Зато есть точность до последнего голоса.
- Здесь даже число избирателей менялось во время подсчёта.
- Люди имеют право передумать, родиться и умереть.

Эраст разорвал протокол.

Цифры высыпались на площадь. Восьмёрки распрямились в бесконечности, нули пока-тились под кресла, единицы выстроились в очередь за руководящей должностью.

- Результаты уничтожены! — вскричал Голосов.
- Нет. Освобождены от столбцов.

Каждая цифра вернулась к тому, чей голос изображала. И тогда над людьми появились не числа, а короткие фразы.

«Хочу, чтобы меня оставили в покое». «Боюсь перемен». «Хочу наказать соседа». «Верю ему». «Не верю никому». «Пришёл из-за бесплатной каши».

Площадь увидела собственные причины и смутилась.

У Народного Эраста над головой не появилось ничего.

- У него нет голоса, — сказала Софья.
- Он сам бюллетень, — понял Фёдор.

Народный начал бледнеть. Без общего ожидания он не мог решить, каким должен быть.

- Вы обязаны выбрать меня, — сказал он, и впервые в его голосе прозвучал страх.
- Почему? — спросили миры.

Народный открыл рот.

Но готового ответа на настоящий вопрос у него не было.

Глава пятидесятая

Депутат, которого не существует

Народный Эраст рассыпался на обещания.

Они ещё некоторое время летали над площадью, искали подходящих кандидатов и в конце концов облепили пустое кресло.

Кресло выросло, обросло трибуной, кабинетом, приёмной и помощником, который никого не принимал.

— Должность освободилась, — объявил Голосов. — Победитель обязан занять место.

— Результата нет, — сказал Эраст.

— Результат может отсутствовать. Победитель обязан присутствовать.

Кресло двинулось к нему. Оно шло на коротких ножках, скрипело и пахло новыми полномочиями.

Тарас заслонил друга.

— Назад. Он мебель не любит.

Кресло попыталось обойти его. Тарас двигался следом.

— Особенно мягкую. От неё потом характер портится.

Первичный выбрался из-под опрокинутой чернильницы и вырос до обычного человеческого роста.

— Вы можете уничтожить протокол, но не представительство. Пока люди хотят передать кому-то голос, должность будет искать человека.

— Тогда пусть ищет, — ответил Эраст.

— Она найдёт вас. Вы собрали больше всех надежд, страхов и отказов.

Кресло прыгнуло.

Дом распахнул входную дверь и проглотил его вместе с трибуной. Изнутри послышалась возня, звон посуды и возмущённый голос Антонины Марковны:

— В приличном доме со своими полномочиями не садятся без приглашения!

Через окно вылетел помощник. Приёмная сложилась и попросила считать её коридором.

Но кресло вырвалось наружу. Теперь оно стало меньше и злее.

— Его нельзя победить, — сказал Фёдор. — Я двадцать лет пытался. Можно только сесть и думать, что управляешь им.

— Значит, не будем побеждать, — сказал Эраст.

Он повернулся к мирам.

— Вы хотите, чтобы я говорил от вашего имени?

Часть ответила «да». Часть — «нет». Остальные попросили сначала уточнить тариф.

— Хорошо. Те, кто сказал «да», могут передать мне ровно одну фразу. Я произнесу её и верну голос. Те, кто сказал «нет», оставят голос себе.

— Так не бывает, — возразил Голосов. — Мандат выдаётся на срок.

— Кем?

— Избирателями.

— Значит, они могут выдать его на одну фразу.

Голосов открыл Положение. Страницы торопливо перелистывались, но не нашли запрета.

Первой подошла принцесса из драконьего мира.

— Скажи: «Не спасайте нас без спроса».

Эраст повторил. Фраза вернулась к принцессе и стала её собственным законом.

Потом подошла тень:

— «Мы не приложение к хозяину».

Эраст произнёс и вернул.

Часовщик попросил сказать: «Мы имеем право не успеть». Море — «Берег не владеет водой». Нерождённый избиратель передал только плач, и Эраст вернул ему право однажды самому понять, что он означал.

С каждой фразой кресло уменьшалось. Ему не на чем было расти: голоса приходили и уходили, не оставаясь властью.

Наконец от него осталась маленькая табуретка.

Тарас немедленно сел на неё.

— Что? Я устал.

Все замерли.

— Встань! — крикнул Эраст.

— Уже.

Тарас вскочил. Табуретка жалобно скрипнула и развалилась.

Первичный стал прозрачным.

— Вы уничтожили должность депутата.

— Нет, — сказал Эраст. — Оставил ей только работу. Без человека внутри.

— Такое представительство неуправляемо.

— Зато отзывается после каждой фразы.

Миры начали расходиться, унося собственные голоса. Бюллетени превращались в чистую бумагу. Голосов снял табличку хранителя и впервые посмотрел на неё как обычный человек.

— А кем теперь буду я?

— Решите сами, — предложила Вера.

Голосов испугался сильнее, чем при уничтожении протокола.

Фёдор стряхнул последнюю серебряную пыль. Она не стала знаком, а просто упала на землю.

Эраст вернулся к Дому. Впервые за долгое время за ним не следовали ни кресло, ни рейтинг, ни улучшенная версия.

На пороге стояла Антонина Марковна.

— Спасли?

— Вроде бы.

— Депутатом стали?

— Нет.

— Тогда мойте руки. Суп остывает.

Тарас счастливо вздохнул.

— Вот она, единственная власть, которую невозможно упразднить.

Они вошли в Дом. Дверь за ними закрылась.

И тут на внутренней стороне двери проступила золотая надпись: «КАБИНЕТ ПРЕЗИДЕНТА».

Тарас медленно убрал руку от ручки.

— Ну вот, от депутатства отбились.

— Не открывай, — сказал Эраст.

— Я и не собирался.

Дверь открылась сама.

Часть седьмая

Должность этажом выше

Глава пятьдесят первая

Кабинет, который вошёл сам

Золотая дверь распахнулась внутрь, хотя внутри уже находилась прихожая.

Из проёма показался письменный стол. Он осторожно переступил порог четырьмя резными ножками, втянул за собой ковёр, два флага и тяжёлое государственное молчание.

За столом вошло кресло. Не то самое депутатское — это было выше, шире и настолько одиноко, что рядом с ним хотелось немедленно учредить администрацию.

Последним протиснулся портрет без лица.

Дом возмущённо скрипнул.

— Я не давал согласия на перепланировку.

— Это не перепланировка, — ответил кабинет. — Это размещение органов государственной власти.

— Органы пусть снимают обувь.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Мне нравится ваш Дом. У него конституция короткая и по существу.

На столе сама собой развернулась карта. Границы нарисованного государства совпадали с краями скатерти Антонины Марковны.

— Почему страна лежит на нашем обеденном столе? — спросила Вера.

— Временно, — сообщил портрет без лица. — До определения постоянной территории.

— А где её граждане?

— Уже определены.

Все находившиеся в Доме получили паспорта. Паспорта выпрыгнули из ящика стола и приклеились к ладоням.

У Тараса в графе «профессия» значилось: «ближайший соратник, удалённый от принятия решений».

— Даже документ понимает мои сильные стороны, — обрадовался он.

У Веры было написано: «первая леди до официального подтверждения первой очереди».

Она медленно повернулась к Эрасту.

— Даже не начинай.

— Я молчу.

— У тебя молчание виноватое.

Софью назначили символом будущего, Миру — временно исполняющей обязанности настоящего, Фёдора — бывшим будущим руководителем с испытательным прошлым.

Антонина Марковна паспорт не взяла.

— Мне свой менять поздно.

— Гражданство обязательно, — сказал портрет.

— Суп тоже. Однако вас я за столом не видела.

Портрет немного побледнел, хотя лица у него по-прежнему не было.

Эраст снял паспорт с ладони.

— Я не соглашался становиться президентом.

Кабинет ответил шелестом бумаг:

— Президентство не предлагается. Оно освобождается.

— Пусть остаётся свободным.

Кресло приблизилось к нему на полшага.

— Должность не терпит пустоты.

— А человек?

— Человек обычно терпит.

Дом выгнул стены, стараясь вытолкнуть кабинет обратно. Но тот уже пустил плинтусы и подключился к отоплению.

— Вы захватили частную территорию, — сказал Эраст.

— Государство не захватывает. Оно распространяет юрисдикцию.

— Разница?

— При захвате вы сопротивляетесь незаконно. При распространении — в установленном порядке.

Тарас потрогал один из флагов.

— А государство у нас какое?

На карте загорелось название: «РЕСПУБЛИКА ДОБРОВОЛЬНОГО РУКОВОДСТВА».

Под ним мелкими буквами появилось: «Отказ от руководства считается уклонением от народного доверия».

— Знакомая республика, — сказал Тарас. — Я в такой половину жизни работал, просто не знал названия.

Из ящика стола раздался звон.

Эраст открыл его. Внутри лежал телефон без трубки.

— Господин президент, — произнёс телефон. — Страна ожидает вашего первого обращения.

— Я не президент.

Телефон ненадолго замолчал.

— Страна просит не начинать обращение с очевидной лжи.

Кресло придвинулось ещё ближе.

На пустом портрете начали проступать черты Эраста.

Глава пятьдесят вторая

Клятва с правом на исправление

Для инаугурации прибыл Аполлон Указович Подписантов — начальник Управления торжественных обещаний.

Он был высоким, золотистым и блеснул так убедительно, будто его ежедневно полировали государственным бюджетом.

За ним шли двенадцать церемониймейстеров. Каждый нёс по одной важной паузе.

— Где избранный президент? — спросил Подписантов.

— Не избран, — ответил Эраст.

— Прекрасно. Значит, независим от предвыборных обязательств.

— И не президент.

— Скромность будет отражена в официальной биографии.

На стол положили Книгу Основного Обещания. Она раскрылась на чистой странице и попыталась укусь Эраста за палец, чтобы получить подпись кровью.

Он отдёргнул руку.

— Негигиенично.

— Зато исторично, — сказал Подписантов.

Вера взяла книгу за корешок. Та сразу притихла.

— Что он должен поклясться делать?

— Соблюдать, защищать, гарантировать, обеспечивать и при необходимости торжественно сожалеть.

— Что именно?

Подписантов задумался.

— Формулировка универсальная. Конкретика ограничивает величие момента.

Церемониймейстеры расставили паузы. В комнате стало столько торжественности, что Дом чихнул пылью из чердака.

Эрасту протянули текст присяги.

«Клянусь верно служить народу, выражая его волю даже тогда, когда он выразил другую».

— Последнюю часть убрать.

Буквы обиделись и переставились:

«Клянусь верно служить другой воле, даже когда народ убран».

— Всё убрать.

Лист очистился. Подписантов побледнел.

— Без присяги власть не будет законной.

— Отлично.

— Но будет фактической.

Кресло ткнуло Эраста в колени. Он остался стоять.

Тарас тем временем нашёл на столе второй лист.

— А это что?

— Текст для свидетеля церемонии.

— Клянусь присутствовать, не вмешиваться и после окончания пройти к столу, — прочитал Тарас. — Хороший документ.

Он подписал.

В тот же миг все паузы повернулись к нему.

— Поздравляем, — сказал Подписантов. — Вы временно приняли полномочия на период отказа основного лица.

Тарас выронил перо.

— Я только к супу собирался.

— Это и есть ваш первый государственный приоритет.

Кресло развернулось и пошло к Тарасу.

Тот попятился вокруг стола.

— Эраст Акакиевич, заберите его! Вы всё-таки опытнее отказываетесь.

— Отказ передаче не подлежит, — объявил Подписантов.

Антонина Марковна внесла кастрюлю. Кресло остановилось между нею и Тарасом.

— С дороги, — сказала она.

Кресло послушно отъехало.

Подписантов потрясённо посмотрел на кастрюлю.

— На каком основании она обладает высшей исполнительной силой?

— Горячая, — ответил Тарас. — И возражения принимаются только после второго.

Эраст взял чистый лист и написал собственную клятву:

«Не обещаю знать ответы. Обещаю не прятать вопросы».

Книга Основного Обещания прочитала строку, задумалась и закрылась.

— Присяга не соответствует форме, — сказал Подписантов.

— Зато соответствует мне.

— Тогда вы вступаете не в должность, а в противоречие.

— Там я давно.

Пустой портрет перестал принимать черты Эраста. Вместо лица на нём появился вопросительный знак.

Кабинет зашептался ящиками.

— Государство не может управляться вопросом.

— Попробуем, — сказала Вера. — Ответами оно уже управлялось.

Глава пятьдесят третья

Государство на домашнем положении

К утру Республика Добровольного Руководства заняла весь Дом.

Кухня стала Министерством экономики, потому что именно там исчезали продукты и появлялись расходы.

Гостиную объявили парламентом. Кресла возражали, напоминая о недавней судьбе Думы, но их зарегистрировали как конструктивное меньшинство.

Чердак стал верхней палатой. Подвал — нижней. Между ними немедленно возник конституционный спор о высоте полномочий.

Коридор назначили внешней политикой. Он вёл сразу в несколько миров и давно привык делать вид, что знает направление.

Туалет хотели отдать министерству культуры, но Дом категорически отказался объяснять исторические причины.

Антонина Марковна возглавила казначейство.

— Я ничего не возглавляла, — сказала она.

— Вы распределяете ресурсы, — объяснил Подписантов.

— Я наливаю суп.

— В равных объёмах?

— По аппетиту.

— Социально ориентированный бюджет, — восхитился чиновник.

К полудню у казначейства появился первый дефицит: Тарас попросил добавки.

— Почему дефицит? — удивилась Антонина Марковна. — В кастрюле ещё половина.

— Потому что потребность заявлена раньше выдачи, — ответил бухгалтер, возникший из салфетки.

— А если налить?

— Тогда дефицит исчезнет без финансирования. Так нельзя.

Антонина Марковна налила Тарасу две тарелки. Бухгалтер потерял смысл существования и устроился работать ложкой.

Государственные границы проходили по дверям Дома. Каждый вошедший должен был заполнить декларацию о целях визита.

Кот-наблюдатель пришёл за сметаной и написал: «мяу».

Пограничники три часа выясняли, является ли это туризмом, миграцией или угрозой территориальной целостности.

Кот прошёл без ответа.

— Первый нелегал, — сказал Тарас.

— Первый настоящий дипломат, — поправила Мира.

Снаружи тем временем собрались граждане. Они хотели узнать, где теперь находится страна.

— В Доме, — ответил Подписантов.

— А мы?

— Вы находитесь за границей.

— Но мы граждане.

— Поэтому вам особенно важно соблюдать пограничный режим.

Толпа потребовала расширить государство до размеров населения.

Карта на скатерти начала расти. Сначала она накрыла стол, потом кухню, Дом, площадь и ближайший мир.

— Остановите, — сказал Эраст.

— Нельзя, — ответил портрет с вопросительным знаком. — Государство обязано совпадать с гражданами.

— Граждане перемещаются.

— Поэтому границы будут следовать за ними.

Один путешественник шагнул в соседний мир. Граница вытянулась за ним узкой полосой и разделила рынок пополам.

Торговцы немедленно ввели таможенную пошлину на переход от прилавка с яблоками к прилавку с грушами.

Тарас купил яблоко и оказался участником международной торговли.

— Я всегда чувствовал в себе экспортный потенциал.

Вера сложила карту вчетверо. Несколько провинций оказались друг на друге и начали выяснять, кто из них коренной.

— Страна не должна помещаться на скатерти, — сказала она.

— А где должна?

— Там, где люди согласны жить вместе.

Портрет затрясся.

— Это невозможно нанести на карту.

— Значит, карта не главное.

Дом открыл все двери. Границы соскользнули с порогов и легли на пол обычными верёвками.

Дети начали прыгать через них.

Подписантов составил акт о несанкционированном пересечении государственной условности.

В этот момент зазвонил телефон без трубки.

— Господин президент, — сказал он. — На восточной границе возникли два солнца. Каждое утверждает, что второе нарушило его воздушное пространство.

Эраст посмотрел на карту, где восточная граница теперь проходила между солонкой и хлебницей.

Обе они уже дымились.

Глава пятьдесят четвёртая

Первый указ, который никто не подписал

Два солнца висели над хлебницей и спорили, кто взошёл первым.

Левое предъявило календарь. Правое — древнее пророчество. Оба документа были выданы ими самим и заверены рассветом.

— Нужно выбрать одно, — сказал Подписантов. — Два официальных светила создают дублирование функций.

— Пусть светят вместе, — предложил Тарас.

Скатерть загорелась.

— Предложение снимаю.

Фёдор осмотрел серебряные края солнц.

— Они не настоящие. Это должности.

— В каком смысле?

— Одно — Солнце Востока. Второе — Восточное Солнце. Их создали два указа разных правительств.

— А сами солнца где?

— Никто не спрашивал.

Из ящика стола выполз готовый указ: «О признании единственно законного источника света». Внизу оставалось место для подписи Эраста.

— Не подпишу.

— Тогда указ вступит в силу как ожидающий подписи, — предупредил Подписантов.

— Чем это отличается?

— Подписанный указ действует по вашей воле. Неподписанный — в ожидании вашей воли. Ожидание обычно сильнее.

Буквы поднялись со страницы и окружили левое солнце золотой рамкой. Правое начало гаснуть.

— Я его не выбирал, — сказал Эраст.

— Вы не выбрали другое, — ответил указ.

— Значит, выбирай сам.

Указ замер. Он был создан для исполнения решения и не умел иметь его.

— Прошу предоставить критерии самостоятельного выбора.

— Жарко ли людям? Видят ли они дорогу? Нужен ли им сейчас свет?

— Эти сведения отсутствуют в приложениях.

— Тогда выйди и спроси.

Указ сложился самолётиком и вылетел в окно.

Подписантов схватился за сердце, где у него хранилась запасная печать.

— Нормативный акт покинул аппарат без сопровождения!

— Может, вернётся человеком, — сказал Тарас.

Пока указ путешествовал, оба солнца продолжали спорить. Одно устроило полдень, второе — ещё один полдень. Жители восточного мира состарились на сутки, так и не дождавшись вечера.

Эраст закрыл хлебницу крышкой. Восток погрузился в тень.

— Временно, — сказал он. — Пока не решат.

— Вы объявили затмение без согласования, — сообщил телефон.

— Нет. Я поставил спор на паузу.

Слово «пауза» понравилось людям. Оно не обещало победы, но позволяло перестать проигрывать.

Из миров начали приходить просьбы о паузах: в войне, в налоговой реформе, в вечном счастье, в обязательном героизме.

Кабинет заполнился тишиной, которую никто не успел утвердить.

Через час указ-самолётик вернулся. Он был помят, испачкан детскими пальцами и лишился половины официальных оборотов.

— Что выяснил? — спросил Эраст.

— Людям нужен свет, но не спор светил. Они согласны на одно солнце утром, другое вечером.

Солнца возмутились.

— Вечером солнце не предусмотрено! — заявило левое.

— Тогда станете луной, — сказал Тарас.

Правое задумалось.

— С надбавкой за ночную работу?

— Обсудите с людьми.

Должности слетели с солнц. Одно осталось золотым, другое стало серебряным и осторожно вышло в ночь.

Указ опустился на стол.

— Подпишите решение.

— Это не моё решение.

— Тогда кто его утвердит?

Из восточного мира прилетели тысячи маленьких подписей. Они покрыли страницу, не оставив места для президентской.

Указ впервые выглядел довольным.

В этот момент на обороте проступил ещё один росчерк — широкий, уверенный и знакомый.

Эраст узнал подпись своей бывшей официальной биографии.

— Она вернулась, — сказала Вера.

Из портрета с вопросительным знаком донёсся голос Народного Эраста:

— Я никуда не уходил. Я просто ждал первого решения, которое можно присвоить.

Глава пятьдесят пятая

Чемоданчик с концом света

Портрет раскололся. Из него вышел Народный Эраст — теперь в президентском камзоле и с подписью вместо тени.

— Народ поддержал наше решение, — сказал он.

— Их решение, — поправил Эраст.

— Именно это я и сказал. Народное решение всегда становится нашим после правильного оформления.

Подписантов поклонился ему чуть ниже, чем настоящему Эрасту.

— Господин законно выглядящий президент.

— Я не президент, — одновременно сказали оба Эраста.

Чиновник просиял.

— Преемственность позиции подтверждена.

Народный положил на стол чёрный чемоданчик.

— На восточной границе кризис. Я принял меры.

— Какие?

— Решительные. Поэтому их содержание засекречено даже от результата.

Чемоданчик тикал. На крышке было написано: «СРЕДСТВО ПОСЛЕДНЕГО ДОВОДА. НЕ ПУТАТЬ С ПОСЛЕДНИМ СЛОВОМ».

Тарас заглянул через плечо Эраста.

— Может, там бутерброды?

— Почему?

— Всё важное государство носит в чемоданах. Но иногда люди всё-таки едят.

Вера открыла замки. Внутри лежали красная кнопка, синяя кнопка и инструкция на языке, которого ещё не изобрели.

— Какая отменяет конец света? — спросила Мира.

— Красная начинает, синяя подтверждает, — сказал Народный.

— А отменяет?

— Отмена ослабляет убедительность сдерживания.

Тарас осторожно показал на маленькую белую кнопку сбоку.

— А эта?

— Служебная.

Он нажал.

Чемоданчик зашипел и приготовил чай.

— Я был прав, — сказал Тарас.

Телефон без трубки закричал:

— Зафиксирован запуск протокола «Последнее чаепитие»! До взаимного уничтожения — десять минут!

— Почему чай запускает уничтожение? — спросил Эраст.

Подписантов поднял палец.

— Исторически большинство войн начиналось после того, как переговоры заканчивались чаем.

На карте загорелись красные точки. Каждая представляла мир, готовый уничтожить соседний ради предотвращения собственной готовности.

— Остановите протокол, — потребовала Вера.

— Нужен код президента, — ответил чемоданчик.

— У нас их два, — сказал Тарас.

— Поэтому требуется совпадение кодов.

Настоящий Эраст получил код: «НЕ НАЖИМАТЬ». Народный — «НАЖАТЬ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ».

— Совпадения нет, — сообщил чемоданчик. — Восемь минут.

Фёдор взял деревянный меч и ударил по красной кнопке. Меч отскочил.

— Детское оружие не имеет допуска, — сказал чемоданчик.

Софья ударила безголосым колокольчиком. Отсчёт продолжился без звука.

— Ещё хуже, — сказал Тарас. — Теперь конец света наступит незаметно.

Эраст посмотрел на карту. Красные точки были соединены линиями страха. Каждый мир боялся нападения и потому готовился напасть первым.

— Чемоданчик, кто твой противник?

- Любой, кто способен меня уничтожить.
- А если он не собирается?
- Способность важнее намерения.
- Ты способен уничтожить всех?
- Да.
- Значит, твой главный противник — ты.
- Чемоданчик задумался. Тиканье сбилось.
- Логическая угроза подтверждена.
- Красная кнопка повернулась внутрь.
- До самоуничтожения системы — пять минут.
- Получилось не совсем то, — признал Эраст.
- Зато направление верное, — сказал Тарас.

Антонина Марковна подошла, вынула из чемоданчика заварочный чайник и поставила вместо него кастрюлю с супом.

- Что вы делаете? — спросил Народный.
- Меняю содержание государственной политики.
- Чемоданчик взвесил кастрюлю.
- Обнаружен объект, способный накормить противника.
- Противник после обеда менее решительный, — сказала Антонина Марковна.

Красные точки начали гаснуть. Миры, получившие запах супа, отложили взаимное уничтожение до выяснения меню.

Отсчёт остановился на одной секунде.

Чемоданчик захлопнулся.

На крышке появилась новая надпись: «СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАПАС. НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ОБЕДА».

- Народный Эраст улыбнулся.
- Видите? При мне конец света предотвращён.
- Вами он и был начат, — сказала Вера.
- Поэтому я лучше всех знал, как его предотвратить.

Глава пятьдесят шестая

Министр мира объявляет войну

После предотвращённого конца света прибыл министр мира Вениамин Миронович Перемирцев.

Он носил белый мундир с бронёй под подкладкой и держал оливковую ветвь так, словно собирался ею кого-нибудь допросить.

- Обстановка критическая, — сообщил министр. — Все стороны временно не воюют.
- Это хорошо, — сказал Тарас.

— Для мира — да. Для министерства мира — катастрофа. Без войны мы теряем предмет регулирования.

Перемирцев разложил на столе семь мирных договоров. Каждый был вооружён до зубов приложениями.

- Предлагаю небольшую предупредительную войну, чтобы обеспечить прочный мир.
- С кем? — спросил Эраст.
- Это вторичный вопрос. Сначала объявляем, потом уточняем противника.
- Народный Эраст подписал первый лист.
- Сильный руководитель обязан демонстрировать решимость.
- Перед кем?
- Перед теми, кто сомневается.

— А если никто не сомневается?

— Тогда тем более подозрительно.

Подписанный лист превратился в барабан. Он загремел, и по коридорам Дома начали маршировать сапоги без солдат.

Фёдор поймал один сапог.

— Внутри пусто.

— Армия ещё не мобилизована, — пояснил Перемирцев. — Но обувь уже выполняет приказ.

Мира прочитала текст объявления войны.

— Здесь противником названа «сторона, представляющая угрозу миру».

— Универсальная формулировка.

— Ваше министерство тоже представляет угрозу миру.

Сапоги развернулись к Перемирцеву.

Министр торопливо спрятался за оливковую ветвь.

— Это казуистика!

— Нет, — сказал Тарас. — Казуистика в нижней палате. Здесь коридор.

Эраст взял второй договор. В нём каждая сторона обещала никогда не нападать первой и заранее объявляла любое действие соседа первым нападением.

— Кто это написал?

— Лучшие специалисты по безопасности.

— Они встречались с людьми?

— Поэтому и стали специалистами.

Из восточного мира пришла делегация обычных жителей: пекарь, учительница, дракон-почтальон и женщина, которая просто шла мимо, но граница догнала её.

— Мы не хотим воевать, — сказал пекарь.

— Вы не уполномочены решать вопросы войны и мира, — ответил Перемирцев.

— А умирать уполномочены?

Министр заглянул в приложения.

— В общем порядке.

Эраст открыл все двери Дома.

— Тогда пусть люди с обеих сторон войдут без оружия и поговорят.

— Это незаконное пересечение линии соприкосновения!

— Линия лежит на полу. Перешагнут.

Сначала вошли пятеро. Потом пятьдесят. Затем тысячи. Они приносили хлеб, жалобы, детей, старые обиды и новые рецепты.

Сапоги без солдат пытались построить их в колонны, но люди разбирали сапоги по размеру.

Драконы использовали шлемы как чайники.

Через час никто не примирился окончательно. Зато стало непонятно, где заканчивается одна сторона и начинается другая.

— Вы уничтожили фронт, — сказал Перемирцев.

— Нет. Его разобрали на людей.

Народный Эраст поднял подписанный лист.

— Война всё равно объявлена.

Пекарь забрал у него барабан и натянул на него тесто.

— Теперь нет.

Под жаром дракона барабан превратился в большой круглый хлеб.

Сапоги перестали маршировать и встали в очередь за куском.

Перемирцев сел на пол.

- Что мне теперь делать?
- Охранять мир, — предложил Фёдор.
- От кого?
- От вашего министерства.

Министр задумался и записал новую должность. Она ему понравилась: работы было бесконечно много.

- Телефон зазвонил.
- Господин президент, против вас начата процедура импичмента.
- Я не вступал в должность.
- Именно это является первым пунктом обвинения.

Глава пятьдесят седьмая Импичмент до вступления в должность

Суд по отрешению президента разместился в ванной. Это было единственное помещение, ещё не занятое министерством, и к тому же там удобно было смывать показания.

Председательствовала Евпраксия Фемидовна Равновесова — женщина с завязанными глазами и маленьким зеркалом под повязкой.

- Подсудимый, назовите должность.
- Никакой.
- Отказ зафиксирован как попытка скрыть должностное положение.
- Я не президент.
- Именно поэтому вы обвиняетесь в бездействии на посту президента.

Тарас шепнул Вере:

- Хороший суд. Виновность установлена раньше личности. Экономят время.

Обвинение представлял Народный Эраст. Он выглядел всё увереннее: каждая официальная процедура добавляла ему плотности.

— Гражданин Кунилин сорвал инаугурацию, допустил самовольный мир, ослабил конец света и передал населению право обсуждать решения.

В зале раздался ужас.

— Особенно опасен последний пункт, — продолжил Народный. — Обсуждение породило сомнения.

- Сомнения не преступление, — сказала Софья.

Равновесова сверилась с кодексом.

- Пока нет. Но законопроект внесён.

Фёдор положил перед судом деревянный меч.

- Эраст не принимал полномочия. Вы не можете его отрешить.

— Верно, — согласилась судья. — Для законного импичмента он должен сначала стать президентом.

Подписантов немедленно внёс Книгу Основного Обещания.

- Предлагается техническое вступление в должность сроком на семь минут.

- Нет, — сказал Эраст.

- Тогда суд не сможет вас отрешить.

- Отлично.

Равновесова нахмурилась под повязкой.

— В таком случае процедура останется незавершённой, а подсудимый будет считаться президентом до завершения процедуры.

- А если соглашусь?

- Станете президентом, чтобы перестать им быть.

- То есть выбор между должностью бессрочно и должностью на семь минут?

— Суд предоставляет вам полную свободу в установленных пределах.

Эраст посмотрел на Веру.

— Что думаешь?

— Если скажу, решу за тебя.

— Ты быстро учишься.

— Живу рядом.

Эраст взял книгу.

— Согласен вступить на семь минут при одном условии: за это время суд тоже может быть отрешён народом.

Равновесова подняла повязку.

— На каком основании?

— Власть должна бояться той же двери, которую открывает другим.

Судьи зашептались. Перспектива общей ответственности показалась им популизмом.

Но граждане уже собрались у ванной. Каждый принёс вопрос к суду: почему решения принимались без них, почему закон видел должность, но не человека, почему справедливость всегда требует предварительной записи.

Равновесова посмотрела в зеркало под повязкой и впервые увидела себя.

— Суд объявляет перерыв.

— Семь минут идут, — напомнил Тарас.

Кресло президента ворвалось в ванную и подхватило Эраста.

Портрет мгновенно обрёл его лицо. Флаги выпрямились. Телефон произнёс гимн голо-сом автоответчика.

— Время пошло, — сказал Подписантов.

Народный Эраст улыбнулся.

— Теперь я могу занять должность после вашего отрешения.

— Можешь, — ответил Эраст. — Если она останется.

Он повернулся к гражданам.

— Первое и единственное распоряжение: в течение семи минут любой приказ президента действует только после согласия того, кого касается.

Кресло задрожало.

Министры попытались выполнять распоряжения. Ничего не получилось: сапоги потребовали спросить солдат, налоги — плательщиков, границы — тех, кого они разделяли.

Народный Эраст подал себе приказ занять пост.

— Вы согласны? — спросила у него должность.

— Разумеется.

— А те, кем вы будете управлять?

Площадь ответила множеством разных голосов.

Народный начал распадаться на несовпадающие согласия.

— Осталась минута, — сообщил Подписантов.

— Суд готов вынести решение, — сказала Равновесова. — Президент Кунилин отрешён.

— Согласен, — сказал Эраст.

Кресло выпустило его.

— Процедура завершена, — объявил телефон. — Бывший президент обладает пожизненными гарантиями.

— Какими?

— Его решения нельзя отменить обычным порядком.

Эраст посмотрел на своё единственное распоряжение.

Теперь согласие людей стало пожизненной гарантией государства.

Глава пятьдесят восьмая
Республика без первого лица

После импичмента Республика Добровольного Руководства впервые осталась без первого лица.

Портрет снова опустел. Кресло металось по Дому, заглядывало в комнаты и пыталось усыновить любого, кто выглядел достаточно ответственным.

Оно выбрало Веру.

— Даже не думай, — сказала она.

Кресло выбрало Фёдора.

Он показал деревянный меч.

Кресло выбрало Тараса.

— У меня медицинский отвод от величия, — сообщил тот.

Наконец оно подъехало к Антонине Марковне.

Она поставила на сиденье корзину с картошкой.

— Будешь полезным.

Кресло покорно поехало на кухню.

Подписантов собрал министров.

— Государство обезглавлено.

— Оно не человек, — сказал Эраст. — Голова ему не обязательна.

— Без первого лица никто не представляет страну.

— Пусть каждый представляет себя.

— За границей?

— Особенно дома.

На площади установили пустую трибуну. К ней мог подойти любой, произнести одну фразу и уйти до того, как фраза превратится в карьеру.

Первым выступил пекарь:

— Нам нужен мир, чтобы печь хлеб.

Следом министр Перемирцев:

— Нам нужен хлеб, чтобы охранять мир от министерства.

Потом дракон:

— Нам нужен огонь, но мы согласны спрашивать, прежде чем сжигать документы.

Документы попросили внести поправку: спрашивать прежде чем сжигать вообще.

Никто не говорил от имени всех. Поэтому впервые были слышны многие.

Голосов, бывший хранитель выборов, встал к трибуне и долго молчал.

— Не знаю, чего хочу, — сказал он наконец.

Толпа заплодировала. Это было самое точное политическое заявление дня.

Границы перестали бегать за гражданами. Они легли там, где люди договорились встречаться, и оставили проходы для тех, кто передумал.

Карта на скатерти стала обычным пятном от чая.

Дом вернул кухне кухню, гостиной — гостиную, а ванной — право не выносить приговоры.

Кабинет уменьшался. Сначала исчезли флаги, потом ковёр, затем стол сложил полномочия в ящик.

Только пустой портрет не уходил.

— Кого ты ждёшь? — спросила Софья.

На холсте появилась надпись: «ТОГО, КТО ГОВОРИТ ОТ ИМЕНИ НАРОДА».

— Мы больше такого не выбираем.

«ТОГДА Я ПОДОЖДУ, ПОКА ВЫ УСТАНЕТЕ».

Эраст снял портрет со стены и повернул лицом внутрь.

— Жди.

Все сели ужинать. Впервые телефон молчал, указы не ползали по столу, а суп не считался стратегическим объектом.

— Значит, ты был президентом семь минут? — спросил Тарас.

— Шесть минут и сорок три секунды.

— Успел что-нибудь украсть?

— Да.

— Что?

— Право власти не спрашивать согласия.

Тарас поднял ложку.

— Тогда срок отбыли не зря.

Вера улыбнулась Эрасту.

— А депутатом всё-таки не стал.

— Пока нет.

Дом тревожно кашлянул трубами.

Из-под повернутого портрета показался свет. Холст выгнулся, словно за ним открывалось огромное пространство.

Портрет упал.

В стене обнаружилась дверь, которой раньше не было. На ней висели тысячи корон, печатей, жезлов и отставных полномочий.

Золотая надпись гласила: «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД БЫВШИХ ПРАВИТЕЛЕЙ».

— Не открывать, — одновременно сказали Эраст и Тарас.

С другой стороны постучали.

— Откройте! — потребовал величественный голос. — Мы пришли вернуть народу нас.

Дверь выдержала первый удар.

После второго с неё посыпались короны.

Антонина Марковна убрала суп со стола.

— Ну вот. Опять гости без приглашения.

Дом запер дверь на все замки.

Но один из ключей уже поворачивался снаружи.

Часть восьмая

Те, кого уже выбирали

Глава пятьдесят девятая

Бывшие входят без очереди

Ключ повернулся снаружи, хотя все замки находились внутри.

— Государственный ключ, — объяснил Дом. — Открывает то, что ему не принадлежит.

Дверь распахнулась, и в прихожую въехала корона.

Под короной обнаружился король Панкрутий Сорок Седьмой. Он был невысок, широк и состоял преимущественно из предков.

— Где мой трон? — спросил король.

— В музее, — ответил Эраст.

— Прекрасно. Значит, сохранился.

За королём вошла императрица Августа Неотставная. Её шлейф несли шесть бывших провинций, три из которых давно стали самостоятельными и делали это по привычке.

Следом появился Геннадий Всенародович Постоянный — пожизненный председатель временного комитета по окончательной передаче власти самому себе.

Он шёл, помахивая народу. Народа в прихожей не было, но жест выглядел отработанным.

Четвёртым вкатилась металлическая тумба с лампочкой.

— АЛГОРИТМ-ЕДИНИЦА, — представилась она. — Оптимальное правительство. Ошибки населения устранены сокращением населения.

— Насколько сократили? — спросил Тарас.

— До статистически безупречного уровня.

— А именно?

— До нуля. Недовольство отсутствовало.

Последним вошёл старик в меховой накидке. На голове у него не было короны, в руках — ни скипетра, ни печати. Только простой каменный топор.

— А вы кто? — спросила Софья.

— Первый После Себя.

— Как это?

— До меня каждый был первым для себя. После меня первым стал я.

Бывшие правители заполнили гостиную. За ними тянулись министры без министерств, генералы без армий, придворные без дворов и казначеи без денег, что не мешало им требовать содержание.

Панкрутий ткнул пальцем в кресло с корзиной картошки.

— Освободить престол.

Антонина Марковна посмотрела на него.

— Картошку переберёте — освобожу.

Король отступил.

— Ручной труд несовместим с происхождением.

— Грязная картошка тоже.

Августа Неотставная развернула указ.

— Мы, законные носители исторической власти, прибыли восстановить порядок.

— Какой именно? — спросила Вера.

Все заговорили одновременно.

Король требовал монархию. Императрица — империю. Постоянный — народное единство вокруг своей фамилии. Алгоритм предлагал удалить разногласия вместе с носителями.

Первый После Себя молчал.

— Вы не договорились даже о порядке восстановления порядка, — сказал Эраст.

— Именно поэтому нужен главный, — заявил Панкрутий.

— Я, — сказала Августа.

— Народ решит, что это я, — сказал Постоянный.

— Расчёт уже выполнен, — мигнул Алгоритм. — Главный не требуется. Требуется питание.

Он подключился к розетке. Дом вскрикнул трубами.

— Самовольное потребление!

Тарас выдернул вилку. Алгоритм продолжил работать на резервной уверенности.

Подписантов попытался составить протокол заседания, но каждая строка объявляла себя верховной.

— На каком основании вы вообще считаете власть своей? — спросил Фёдор.

Панкрутий указал на корону. Августа — на родословную. Постоянный — на результаты выборов, где он получил сто три процента. Алгоритм — на отсутствие жалоб от отсутствующих граждан.

Первый После Себя поднял каменный топор.

— А я был первым.

— Кто вас выбрал? — спросил Эраст.

Старик посмотрел на топор так, словно вопрос застрял в нём несколько тысяч лет назад.

— Тогда таких слов ещё не было.

В стене открылась маленькая дверца. Из неё выползла очередь.

Она обвила ноги правителей и выставила табличку: «ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННОЙ ВЛАСТИ. ПРИЁМ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ ПРОШЛОМУ».

— Кто последний? — спросил Панкрутий.

— Все, — ответила очередь и переставила их по эпохам.

Глава шестидесятая

Очередь на прошлое

Очередь начиналась в каменном веке, проходила через гостиную и заканчивалась в будущем, где бывшие правители уже успели пожаловаться на медленное обслуживание.

Первым по историческому порядку оказался Первый После Себя.

Из дверцы вышла регистраторша — сухая женщина в очках с цепочкой, уходившей в глубину веков.

— Назовите утраченную форму власти.

— Моя.

— Территория?

— Куда докричусь.

— Население?

— Кто не убежал.

— Основание прекращения полномочий?

Старик задумался.

— Умер.

Регистраторша поставила печать.

— Уважительная причина. Предоставьте справку о возвращении к жизни.

— Я перед вами.

— Это наблюдение. Нужен документ.

Первый После Себя вернулся в очередь искать свидетелей среди давно умерших.

Следующим подошёл Панкрутий.

— Королевство Три Холма и Полболота.

— Современное состояние территории?

— Неблагодарная республика.

— Мнение населения о восстановлении монархии?

— Население будет счастливо.

— Подтверждение?

Король показал старинную картину. На ней крестьяне улыбались, потому что художник никогда не был крестьянином.

Регистраторша вызвала само королевство.

В дверцу боком вошли три холма. Полболота просочилось под порогом.

— Желаете вернуть короля? — спросила она.

Холмы переглянулись вершинами.

— Мы его не помним.

Болото булькнуло:

— Я помню. Он меня осушал.

— Ради процветания!

— Я процветало кувшинками.

Заявление Панкрутия отложили до согласования с ландшафтом.

Августа Неотставная представила карту империи. Карта была такой большой, что соседи на ней не помещались и потому считались временной погрешностью.

— Империя распалась незаконно, — сказала она.

- По какому закону?
- По моему.
- Он действовал после распада?
- Должен был.
- Значит, не действовал.

Августа потребовала внести закон задним числом. Заднее число пришло, изучило последствия и отказалось.

Постоянный принёс двадцать восемь томов всенародной поддержки.

— Здесь подписи граждан.

Вера открыла первый том.

— Почерк одинаковый.

— Единство народа.

— И чернила.

— Единство материальной базы.

Алгоритм подал заявление в виде длинной перфорированной ленты.

Регистраторша вставила её в себя, на минуту стала машиной и выдала ответ: «ВОССТА-
НОВЛЕНИЕ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО. БЫВШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СЛИШКОМ ЭФФЕК-
ТИВНО УСТРАНИЛО ЗАЯВИТЕЛЕЙ».

— Обжалую, — мигнул Алгоритм.

— Некому.

Пока правители спорили, очередь росла. В неё вставали бывшие губернаторы островов, исчезнувших под водой, мэры городов, никогда не построенных, и один начальник станции, уверенный, что железная дорога начинается с него.

Тарас занял место в конце.

— Зачем? — спросил Эраст.

— Вдруг у меня тоже была власть, а я потерял. Обидно пропустить.

Очередь выдала ему справку: «ВЛАСТЬ НЕ ОБНАРУЖЕНА. СОСТОЯНИЕ УДОВЛЕ-
ТВОРИТЕЛЬНОЕ».

— Наконец хорошая медицинская новость, — сказал Тарас.

Эраст заметил, что с каждой отказной печатью бывшие правители не слабели, а стано-
вились ярче.

— Их питает отказ, — сказала Софья.

— Не отказ, — поправил Фёдор. — Внимание к их прошлому.

Очередь заставляла все эпохи снова рассматривать тех, кого история уже проводила.

Панкрутий поднял корону.

— Раз государство отказывается вернуть мне подданных, учреждаю новое королевство
здесь.

Он очертил мелом круг вокруг себя.

— Кто население? — спросил Эраст.

Король оглядел круг.

— Пока я.

— А правитель?

— Тоже я.

Тарас заглянул внутрь.

— Удобно. Если начнутся беспорядки, можно арестовать всех одним человеком.

Глава шестьдесят первая

Монархия одного подданного

Королевство Панкрутия занимало два квадратных метра гостиной и кусок ковра, захваченный по праву первого мела.

Столицей стала левая нога короля. Правая объявлялась провинцией с расширенной автономией.

Панкрутий короновал себя сам. Для торжественности он трижды снял корону и каждый раз удивлялся её возвращению.

— Государство создано, — объявил он. — Требуется международное признание.

— Не признаю, — сказал Эраст.

— Прекрасно. Значит, у нас появился внешний враг.

Король ввёл военное положение. Его правая нога попыталась покинуть страну, но левая задержала её на границе.

Тарас наблюдал с уважением.

— Сильная власть. Уже воюет сама с собой и пока побеждает.

Для полноценной монархии Панкрутию понадобился подданный. Он предложил Тарасу должность первого народа.

— Обязанности?

— Любить короля, платить налог и время от времени ликовать.

— А права?

— Право знать обязанности.

— Звучит стабильно. Но я занят.

Король надел на него придворную шляпу.

Шляпа немедленно поклонилась, увлекая за собой Тараса.

— Видите? Подданный принёс присягу.

— Это шея не выдержала, — сказал Тарас, пытаясь выпрямиться.

Панкрутий издал первый закон: каждый гражданин обязан иметь портрет короля.

Тарасу выдали зеркало.

— Здесь я.

— Казна экономит на художниках. Представляйте меня мысленно.

Вторым законом ввели налог на сомнения. Чем сильнее человек сомневался в короле, тем больше должен был платить.

Тарас немедленно задолжал три годовых бюджета.

— Откуда у королевства бюджет? — спросила Мира.

— Из его задолженности.

— А деньги?

— Деньги появятся после взыскания.

— А если не появятся?

— Увеличим задолженность. Казна не может зависеть от наличности.

Эраст переступил меловую границу.

— Вы вошли без разрешения! — вскричал король.

— Я думал, граница принадлежит ковра.

Дом приподнял край ковра. Королевство сложилось пополам.

Панкрутий оказался за границей собственного государства и потребовал политического убежища у правой ноги.

— Вот что значит федерализация, — заметил Тарас.

Король восстановил границы вокруг кресла. Но кресло с картошкой уехало на кухню, унося страну с собой.

Панкрутий побежал следом.

— Верните территориальную целостность!

Антонина Марковна остановила кресло.

— Хотите государство — перебирайте картошку.

Король посмотрел на гору клубней. Каждый был одинаково грязен и не проявлял должного почтения к происхождению.

— А если я откажусь?

— Тогда они выберут другого.

— Картошка не выбирает!

Один клубень покатился к Тарасу.

— Меня? — испугался он.

Остальные последовали за первым.

— Поздравляю, — сказал Эраст. — У вас появилась аграрная партия.

Тарас снял придворную шляпу и накрыл ею картошку.

— Заседание закрыто.

Панкрутий остался один внутри мелового круга.

— Я всё равно король!

— Кого? — спросила Софья.

Он открыл рот.

Левая нога молчала. Правая давно эмигрировала за линию.

Корона стала тяжёлой. Без чужих поклонов она весила ровно столько, сколько весит чужая власть на одной человеческой голове.

Панкрутий снял её и сел рядом с картошкой.

— Какую выбрать?

— Гнилую отдельно, хорошую отдельно, — сказала Антонина Марковна.

— А по происхождению?

— По состоянию.

Король взял первый клубень и впервые за сорок семь поколений попытался оценить не родословную, а качество.

Глава шестьдесят вторая

Диктатор с демократическим характером

Геннадий Всенародович Постоянный наблюдал за падением монархии с профессиональным сочувствием.

— Король совершил ошибку, — сказал он. — Слишком полагался на наследственность. Власть должна регулярно подтверждаться народом.

— Наконец разумная мысль, — сказала Вера.

— Именно поэтому я подтверждаю её каждые пять лет в течение шестидесяти лет.

Постоянный развернул переносной избирательный участок. В нём были кабина, урна и портрет кандидата. Кандидат на всякий случай тоже стоял рядом.

— Проведём свободный референдум о восстановлении моего руководства.

В бюллетене имелось два ответа: «Да» и «Да, давно пора».

— Где «нет»? — спросил Фёдор.

— Оно подразумевается как эмоциональная стадия перед осознанным согласием.

Софья написала «нет» на отдельном клочке.

Избирательная комиссия отказалась принимать его: свободное волеизъявление не соответствовало утверждённым вариантам свободы.

Эраст вырезал в стенке кабины маленькое окно.

— Это что? — спросил Постоянный.

— Третий вариант.

Люди начали выходить через окно, не опуская бюллетени.

— Уклонение от голосования! — возмутился диктатор.

- Тоже выбор.
- Неучастие подрывает явку.
- Значит, явка важнее выбора?
- Явка доказывает, что выбор состоялся.
- А выбор?
- Он доказывает правильность явки.

Постоянный приказал закрыть окно. Но Дом перенёс его на другую стену. Комиссия побежала следом. Окно прыгало из комнаты в комнату, пока не оказалось на потолке.

Кот-наблюдатель забрался к нему по шторам и покинул участок первым.

— Нарушение! — сказал Постоянный.

Кот посмотрел сверху вниз.

— Особое мнение принято, — привычно вздохнул Голосов.

В конце дня в урне оказался один бюллетень.

— Сто процентов за меня! — объявил Постоянный.

— Кто голосовал? — спросил Тарас.

Диктатор поправил воротник.

— Сознательный гражданин.

— То есть вы?

— Я тоже часть народа.

— Какая?

— Руководящая.

Постоянный провозгласил себя всенародно избранным правителем одного избирателя.

— Теперь вы ничем не отличаетесь от короля, — сказала Мира.

— Отличаюсь принципиально. Он получил власть от предков. Я — от себя лично и тайно.

Алгоритм-Единица мигнул.

— Результат статистически недостоверен.

— Почему?

— Выборка предвзята.

— Народ не может быть предвзят к своему руководителю!

— При размере выборки один предвзятость совпадает с биографией.

Постоянный приказал арестовать Алгоритм.

Металлическая тумба рассчитала приказ и сообщила:

— Вероятность исполнения без исполнителей: ноль.

Диктатор оглянулся. Комиссия ушла через потолочное окно. Охрана заполняла заявление на увольнение. Народ состоял из него одного.

— Я выражаю собственную волю! — сказал Постоянный.

— Наконец точно, — ответил Эраст.

Портреты в его переносном участке повернулись лицом к стене.

Геннадий Всенародович сложил урну и впервые оказался меньшинством в собственной комнате.

Глава шестьдесят третья

Музей действующей власти

Бывших правителей становилось всё больше, и Дом потребовал определить им место хранения.

— Они не вещи, — сказала Вера.

— Некоторые хуже, — ответил Дом. — Вещи хотя бы не требуют вернуть эпоху.

Мира предложила музей. Идея понравилась всем: правители услышали слово «память», а Дом — слово «закрывается».

Экспозицию устроили за дверью, которая раньше вела в кладовую.

Панкрутий получил зал монархии с тронном, короной и картофельной корзиной как свидетельством позднего периода.

Августе Неотставной отвели имперскую галерею. Границы на её картах каждое утро уменьшались до размеров рамки, но она обвиняла зрителя.

Постоянного поместили в зал народного волеизъявления. Посетителям выдавали бюллетени с одним вариантом и карандаш без грифеля.

Алгоритм-Единица стоял в отделе эффективного управления. Табличка предупреждала: «НЕ ВКЛЮЧАТЬ ПРИ НАЛИЧИИ НАСЕЛЕНИЯ».

Первый После Себя отказался от витрины и сел у выхода.

— Я был раньше музеев.

В первый день пришли школьники.

Панкрутий рассказал им, что при королях всё было просто: один решал, остальные точно знали, кто виноват.

— Удобно, — сказал мальчик.

Корона Панкрутия блеснула.

Августа показала детям огромную карту.

— При империи люди жили в великой стране.

— А хорошо? — спросила девочка.

— Велико.

— Это не то же самое.

Императрица велела зрителю убрать вопрос из экскурсии.

Постоянный разрешил каждому ребёнку проголосовать за бесплатное мороженое. После подсчёта выяснилось, что дети единогласно поддержали продление его полномочий.

— А мороженое? — спросили они.

— Это был предвыборный образ будущего.

К вечеру у музея появилась очередь. Люди приходили не столько помнить прошлое, сколько отдохнуть от сложности настоящего.

— Раньше был порядок, — говорили одни.

— Раньше я был молодым, — уточняли другие, но тише.

С каждым посетителем экспонаты оживали. Корона росла, карты раздвигали стены, урна Постоянного наполнялась голосами, которых никто не опускал.

— Музей превращает их в мечту, — сказала Софья.

— Потому что показывает форму без последствий, — ответила Вера.

Она перевернула табличку у входа. На обороте написала: «АРХИВ ПОСЛЕДСТВИЙ».

В зале Панкрутия рядом с тронном появились списки налогов, войн и людей, которые строили дворцы, но не вошли в родословные.

В галерее Августы карты начали показывать не только границы, но и дороги беженцев.

В участке Постоянного возникли пустые строки тех, кого не допустили к голосованию.

Алгоритм вывел на экран последнее сообщение нулевого гражданина: «Оптимизация завершена. Пользователь отсутствует».

Посетители перестали улыбаться.

— Это клевета на историю! — закричала Августа.

— Это её вторая сторона, — сказала Мира.

— История обязана воспитывать гордость.

— Она никому ничего не обязана.

Панкрутий пытался закрыть списки плащом. Постоянный объявил цифры иностранным вмешательством. Алгоритм потребовал удалить память как неэффективный архив.

Только Первый После Себя смотрел на каменный топор.

— А мои последствия где?

На стене за ним появилось изображение первого человека, который опустил голову не потому, что согласился, а потому, что испугался топора.

Старик коснулся рисунка.

— Я спасал племя.

— От кого? — спросил Эраст.

— От соседей.

— А потом?

— Потом от несогласных.

— А потом?

Первый После Себя не ответил.

Ночью бывшие правители закрыли музей изнутри и повесили объявление: «ЭКСПОЗИЦИЯ ВРЕМЕННО УПРАВЛЯЕТ ПОСЕТИТЕЛЯМИ».

Глава шестьдесят четвёртая

Революция по предварительной записи

К утру музей объявил себя правительственным кварталом.

Экспонаты вышли из витрин, смотрители стали министрами, а сувенирная лавка — центральным банком. Расплачиваться разрешалось только памятью о хорошем прошлом.

Панкрутий продавал уменьшенные короны. Августа — расширенные карты. Постоянный раздавал значки «Я выбрал», не уточняя кого.

— Это государственный переворот, — сказал Голосов.

— Бывший государственный, — уточнил Тарас.

Правители заявили о восстановлении законности и потребовали добровольной сдачи настоящего.

Эраст пришёл к музею.

— Чего вы хотите?

— Вернуть естественный порядок, — ответил Панкрутий.

— Мой порядок, — поправила Августа.

— Всенародно одобренный мной, — добавил Постоянный.

Алгоритм выдал общий знаменатель: «ТРЕБУЕТСЯ ПОДЧИНЕНИЕ».

Граждане собрались на площади. Одни смеялись, другие тревожились, третьи уже измеряли сувенирные короны.

— Надо остановить их, — сказал Фёдор.

— Как? — спросил Эраст.

— Они захватили музей.

— Музей принадлежит прошлому. Пусть попробуют управлять оттуда.

Бывшие правители попытались издать указ. Он имел силу только внутри экспозиции.

Панкрутий приказал увеличить налоги — подорожали входные билеты.

Августа присоединила соседний зал — музей потребовал доплату за расширенный маршрут.

Постоянный запретил выход — посетители покинули здание через сувенирную лавку.

Алгоритм оптимизировал очередь и случайно удалил кассира.

Через час государственный квартал оказался пустым.

— Народ нас предал, — сказал Панкрутий.

— Он не приносил присяги, — заметила Софья.

— Тем хуже. Значит, предал заранее.

Августа предложила революцию против отсутствующего народа.

Подписантов принёс бланк уведомления.

- Массовое мероприятие согласовывается с действующей властью.
- Действующей власти нет, — сказал Постоянный.
- Тогда отказать некому.
- Значит, разрешено?
- И разрешить некому.

Бывшие правители создали Комитет по согласованию собственной революции. Панкрутий требовал начать с возвращения трона, Августа — с восстановления границ, Постоянный — с публикации результатов победы.

Алгоритм назначил восстание на десять утра вчерашнего дня.

- Мы уже победили, — мигнул он.
 - Почему ничего не изменилось? — спросил Панкрутий.
 - Победа учтена в предыдущем периоде.
- Тарас заглянул в расписание.
- А поражение когда?
 - Завтра.
 - Удобно. Есть время подготовить объяснения.

Несмотря на согласовательные трудности, революция началась. Правители вышли на площадь с лозунгом: «НАРОДУ НУЖНА СИЛЬНАЯ РУКА, ОСОБЕННО НА ЕГО ШЕЕ».

Лозунг нёс сам себя и заметно стеснялся.

Толпа не сопротивлялась. Люди просто задавали вопросы.

- Кто будет решать?
- Мы.
- Кто отвечать?
- История.
- Кто платить?
- Народ.
- А что получит народ?

Правители переглянулись.

— Величие, порядок и возможность гордиться жертвами.

Люди начали расходиться.

Постоянный приказал закрыть площадь. Но границы лежали на полу верёвками, и каждый мог перешагнуть.

Августа велела армии остановить уходящих. Сапоги без солдат попросили сначала вернуть солдат.

Панкрутий поднял корону. Она не блеснула.

Революция закончилась, потому что никто не согласился быть её массовой.

Но когда площадь опустела, из-за музея вышел Народный Эраст.

— Вы неправильно работали с ожиданиями, — сказал он бывшим правителям. — Народу нельзя предлагать прошлое. Ему нужно продать прошлое под названием будущего.

Глава шестьдесят пятая

Народ, который пришёл лично

Народный Эраст поставил на площади новую трибуну.

— Мы вернём всё хорошее, чего никогда не было, и отменим всё плохое, чего никто не помнит точно.

Люди остановились.

Панкрутий надел корону. Августа расправила карту. Постоянный достал свежую урну. Алгоритм повысил яркость лампочки.

— Мы не возвращаем власть, — продолжил Народный. — Мы возвращаем народу ощущение, что власть у него была.

Площадь начала заполняться.

— Он снова растёт, — сказала Вера.

За улыбкой Народного мелькали новые лица. Теперь он состоял не только из ожиданий, но и из воспоминаний о том, чего люди хотели бы ожидать.

Эраст поднялся к трибуне.

— Кто дал вам право говорить от имени народа?

— Народ.

— Какой?

Народный широко повёл рукой.

— Весь.

В этот момент земля задрожала.

Из-за горизонта подошло нечто огромное. Оно имело миллионы ног, голосов и лиц, но двигалось как один человек, которому все одновременно подсказывали направление.

На груди у него висела табличка: «НАРОД. ЛИЧНАЯ ЯВКА».

— Вызывали? — спросило существо.

Народный отступил.

— Я представляю вас.

— Кого именно?

— Всех.

Одна половина лиц засмеялась. Другая обиделась. Третья потребовала сначала определить, сколько у народа половин.

Панкрутий поклонился существу.

— Мои верные подданные!

Миллионы голосов ответили:

— Мы вас впервые видим.

Августа назвала его великим народом империи.

— Какой? — спросило существо. — У нас разные языки, память и границы.

Постоянный показал тома подписей.

— Вы избирали меня.

Одна рука Народа взяла том. Все подписи оказались его собственной.

Алгоритм просканировал существо.

— Слишком высокая вариативность. Рекомендуются оптимизация.

Народ выдернул у него вилку.

— Уже пробовали.

Лампочка погасла.

Эраст подошёл ближе.

— А вы можете говорить одним голосом?

— Можем, — ответило существо хором. — Но тогда большинство слов будет чужим для большинства ртов.

— Зачем пришли?

Народ начал спорить сам с собой.

Одни хотели порядка. Другие свободы. Третьи порядка для соседей и свободы для себя. Одни требовали сильного руководителя, другие — чтобы он никому не мешал. Некоторые пришли просто посмотреть.

— Мы хотим, чтобы вы решили, чего мы хотим, — наконец сказал общий голос.

— Не буду.

— Тогда зачем вы нужны?

— Возможно, не нужен.

Существо зашаталось. Ни один правитель прежде не допускал, что народ способен обойтись без него, особенно публично.

— Но кто понесёт ответственность? — спросили тысячи голосов.

— Каждый за своё решение.

Народ задрожал сильнее. Миллионы рук выпустили одну общую табличку.

Огромное тело начало распадаться на отдельных людей, драконов, городских духов, рек и теней.

Они падали на площадь, оглядывались и впервые не могли спрятаться внутри общего слова.

— Я не весь народ, — сказал пекарь.

— И я, — сказала учительница.

— Я даже не всё болото, — пробулькнуло Полболота.

Каждый сохранил голос, но потерял право выдавать его за всеобщий.

Народный Эраст стал прозрачным.

— Вы уничтожили народное единство.

— Нет, — сказал Эраст. — Вернул ему лица.

Первый После Себя подошёл к бывшим частям Народа.

Среди них он увидел женщину с древним шрамом на лбу. Шрам имел форму его каменного топора.

— Я помню тебя, — сказала женщина.

Старик опустил оружие.

— Ты не можешь. Это было в начале.

— Начало дольше всего не кончается.

Глава шестьдесят шестая

Первый правитель и первый избиратель

Женщину звали Аста. Фамилий в её время ещё не придумали, потому что люди и без них знали, кто кому должен.

Она села напротив Первого После Себя.

— Ты сказал племени, что соседи идут нас убивать.

— Они шли.

— Ты сказал выбрать одного защитника.

— Иначе мы бы спорили.

— Мы выбрали тебя.

Старик крепче сжал топор.

— Я спас всех.

— В тот день.

— А потом защищал дальше.

— От тех, кто хотел выбрать другого.

Бывшие правители окружили их. Панкрутий слушал как родословную власти, Августа — как документ о первичном праве завоевания, Постоянный уже искал место для своей подписи.

Эраст спросил:

— Что именно сказала племя?

Аста закрыла глаза.

— «Веди нас до рассвета».

Первый После Себя вздрогнул.

— Нет. Они сказали: «Веди нас».

— До рассвета, — повторила Аста. — Ты не услышал последние два слова. Или не захотел.

Над площадью появился первый приказ. Он был выцарапан не на бумаге, а в воздухе: «ВЕДИ НАС ДО РАССВЕТА».

Последние два слова почти стёрлись.

— Вот откуда взялась пожизненная власть, — сказала Вера. — Из пропущенного срока. Тарас посмотрел на Подписантова.

— А я всегда говорил: читайте мелкий шрифт. Особенно когда его ещё не изобрели.

Первый После Себя поднялся.

— Я не мог уйти. После рассвета пришли новые угрозы.

— И каждому следующему рассвету ты находил врага, — сказала Аста.

— Без меня племя распалось бы.

— Оно выросло. А ты продолжал считать его племенем.

Каменный топор стал тяжёлым. В нём хранились все приказы, которыми временная защита продлевала себя.

Панкрутий коснулся топора. От него к короне побежала трещина.

Августа отступила, но трещина перескочила на её карту.

Тома Постоянного раскрылись. Во всех подписях проступили два забытых слова: «до рассвета».

Алгоритм включился от остаточного страха и выдал:

— Обнаружена ошибка исходных данных. Бессрочное полномочие создано из временного.

Народный Эраст попытался забрать первый приказ.

— История не может зависеть от воспоминания одной женщины.

— Поэтому вы веками зависели от забывчивости одного мужчины, — ответила Вера.

Эраст подошёл к Первому После Себя.

— Вы были первым правителем?

— Да.

— Значит, она была первым избирателем.

Бывшие правители зашумели. Признание первого избирателя было опаснее любой революции: если власть однажды дали, её можно было и забрать.

Аста протянула руку.

— Рассвет давно наступил.

Старик смотрел на топор.

— А если снова придут соседи?

— Тогда мы снова решим.

— Без меня?

— Вместе с тобой. Но не вместо нас.

Первый После Себя отдал ей топор.

Аста положила его на землю. Оружие превратилось в обычный камень.

Первый приказ дописал последние слова и погас.

Корона Панкрутия раскололась. Карта Августы рассыпалась на множество настоящих стран. Урна Постоянного выплюнула единственный бюллетень. Алгоритм запросил согласие пользователя и впервые не нашёл пользователя по умолчанию.

Народный Эраст исчез почти полностью. Осталась одна улыбка.

— Вы думаете, всё закончилось? — спросила она. — Люди забудут срок. Они всегда забывают срок.

— Тогда придётся напоминать, — сказала Софья.

Улыбка растворилась.

Бывшие правители перестали быть правителями. Кто-то стал человеком, кто-то портретом, кто-то немедленно начал искать новую должность.

Панкрутий взял корзину с картошкой.

— Куда нести?

— На кухню, — сказала Антонина Марковна.

Августа складывала карты так, чтобы ни одна не накрывала соседнюю.

Постоянный подошёл к окну и впервые не стал закрывать его перед уходящими.

Эраст поднял с земли простой камень.

Под ним лежала маленькая металлическая пластинка.

На ней было выгравировано: «МАНДАТ ПЕРВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ. ВЫДАН ДО НАЧАЛА ВЛАСТИ. ОТЗЫВ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

— Как мандат мог появиться раньше власти? — спросил Фёдор.

Дом тихо ответил:

— Потому что сначала появился тот, кто говорил за других. А уже потом — тот, кто ими правил.

Пластинка нагрелась в ладони Эраста.

На обратной стороне проступило его имя.

— Выбрось, — сказала Вера.

Эраст бросил мандат в огонь.

Огонь погас.

Пластинка осталась лежать среди холодных углей.

И из неё донёсся очень старый голос:

— Депутат Кунилин. Первое заседание ещё не начиналось.

Часть девятая

Заседание до начала времени

Глава шестьдесят седьмая

Повестка дня, которой ещё нет

Голос из металлической пластинки повторил приглашение.

— Депутат Кунилин. Первое заседание ещё не начиналось.

— И не начнётся, — ответил Эраст.

— Возражение включено в повестку.

На пластинке появилась первая строка: «1. О НЕВОЗМОЖНОСТИ НАЧАЛА ЗАСЕДАНИЯ».

— Я не предлагал вопрос.

Появилась вторая строка: «2. ОБ ОТКАЗЕ АВТОРА ОТ СОБСТВЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ».

Тарас заглянул через плечо.

— Осторожнее. Ещё пара возражений — и вас выберут председателем комитета по борьбе с собой.

Пластинка развернулась в длинный стол. Стол вытянулся через комнату, пробил стену и ушёл в темноту, существовавшую раньше Дома.

Вдоль него возникли каменные сиденья. На каждом было выцарапано имя, но письменность ещё не договорилась, как выглядеть, поэтому имена шевелились.

Дом осторожно потрогал стол стеной.

— Он старше меня.

— Насколько? — спросила Софья.

— Тогда дверей ещё не было. Люди просто уходили.

На дальнем конце стола горел костёр. Возле него сидел человек в шкуре, с глиняной печатью на груди.

— Кворума нет, — сказал он. — Можно начинать.

— Кто вы? — спросил Эраст.

— Безымян Отчегович Представляющий.

— Отчегович?

— От чего нашли, от того и отчество.

Безымян постучал по столу костью.

— Первое заседание объявляется продолжающимся.

— Оно же не начиналось.

— Поэтому не могло закончиться.

Вера взяла Эраста за руку.

— Если войдёшь, пластинка попробует сделать тебя частью начала.

— А если не войду?

Стол придвинул ближайшее каменное сиденье.

— Начало станет частью нас, — сказал Эраст.

Фёдор положил деревянный меч поперёк порога.

— Пойдём вместе.

— Заседание допускает только представителей, — сообщил Безымян.

— Они представляют себя.

— Самопредставительство не предусмотрено. Человек не может говорить за себя: он заинтересован.

Тарас кивнул.

— Разумно. Лучше поручить это тому, кому всё равно.

Софья ударила в безголосый колокольчик. Над каждым появилось слово «ПРИСУТСТВУЕТ».

Безымян нахмурился.

— Кто подтвердил полномочия?

— Они сами пришли, — сказала Софья.

— Опасный прецедент.

Все шагнули вдоль стола.

Темнота сомкнулась за ними. Дом остался далеко впереди, потому что в этом времени направления ещё не распределили обязанности.

По дороге им встречались пустые каменные места. Одно представляло охотников, которых съел зверь. Второе — соседнее племя, ещё не знавшее о переговорах. Третье — будущие поколения, не подавшие возражений по причине нерождения.

— Удобный состав, — заметил Тарас. — Никто не перебивает.

У костра лежала повестка дня. Это была чистая шкура.

— Что обсуждаем? — спросил Эраст.

— Всё, — ответил Безымян.

— А конкретно?

— Конкретного ещё не существует. Мы должны сначала разрешить ему возникнуть.

Огонь выплюнул искру. На шкуре проступила строка: «О НАЗНАЧЕНИИ ТОГО, КТО БУДЕТ РЕШАТЬ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ».

Все пустые места повернулись к Эрасту.

Глава шестьдесят восьмая

Человек, за которого решили

Эраст отодвинул каменное сиденье.

— Не сяду.

— Записать как согласие стоя, — велел Безымян.

— Не записывать.

— Записать как особую форму согласия без записи.

Тарас поднял руку.

— А можно я буду вести протокол?

— Вы умеете писать?

— Нет.

— Подходите. Письменность не должна влиять на объективность.

Ему выдали плоский камень и острый камень. Тарас положил первый на второй и объявил рабочее место подготовленным.

Эраст посмотрел на пустые сиденья.

— Кого вы представляете?

Безымян указал в темноту.

— Человека.

— Какого?

— Обычного.

— Имя?

— Если дать ему имя, придётся учитывать особенности.

Вера подошла к одному из мест. На камне сохранился отпечаток ладони.

— Он сидел здесь?

— Нет. Место сидело за него.

Фёдор приложил свою руку к отпечатку. Из темноты донёсся сонный голос:

— Я не просил.

Все каменные сиденья зашкрипели.

— Постороннее вмешательство представляемого! — объявил Безымян.

— Пусть войдёт, — сказал Эраст.

— Нельзя. Тогда он перестанет нуждаться в представителе.

Софья ударила в колокольчик. Звука не было, но отпечаток ладони оторвался от камня и пополз по столу.

Он привёл их к маленькой яме возле костра.

В яме спал человек, укрытый общим благом.

Общее благо оказалось тяжёлой шкурой. На ней были вышиты солнце, стадо, полные корзины и люди, одинаково довольные настолько, что не имели лиц.

Эраст снял шкуру.

Человек открыл глаза.

— Уже утро?

— Несколько тысяч лет как.

— Тогда я опоздал на собрание.

— За вас всё решили.

— Удобно.

Он попытался встать, увидел пустое место и насторожился.

— А что решили?

Безымян перечислил: кто поведёт людей, кому принадлежит огонь, где пройдёт граница, сколько будущего можно занять у нерождённых и кто имеет право объяснять остальным их молчание.

— Я против, — сказал человек.

— Поздно. Ваше отсутствие обеспечило единогласие.

— Я спал.

— Уважительная причина не отменяет результата.

Тарас постучал камнем о камень.

— Предлагаю записать, что он проснулся.

На плоском камне сама появилась трещина. Она имела форму слова «ПРОТИВ».

Костёр заметался.

Пустые места начали терять имена.

— Нельзя будить представляемого во время действия мандата! — закричал Безымян.

— Почему?

— Он может не согласиться.

— Разве не для этого собрание?

— Собрание нужно, чтобы его согласие имело правильную форму.

Человек вылез из ямы.

— Меня зовут Тихон.

— Фамилия? — спросил Тарас.

— Ещё не придумали.

— Счастливый период.

Тихон сел на своё каменное место. Оно тут же раскололось пополам: одна половина продолжала представлять его, другая оказалась занята им лично.

— Возник конфликт полномочий, — сказал Безымян.

— Между мной и мной?

— Между вами настоящим и вами правильно выраженным.

Тихон посмотрел на Эраста.

— А вы кто?

— Человек, которого тоже пытаются выразить правильно.

— Получается?

— Пока сопротивляюсь.

Тихон встал рядом с ним.

— Тогда я тоже.

Глава шестьдесят девятая

Кворум из одного молчания

Пробуждение Тихона поставило заседание под угрозу.

Для принятия решений требовалось молчаливое большинство. Теперь один из молчавших начал говорить и испортил статистику.

Безымян пересчитал пустые места.

— Присутствуют отсутствующие охотники, отсутствующее соседнее племя, отсутствующие потомки и отсутствующий Тихон.

— Я здесь, — сказал Тихон.

— Поэтому ваше отсутствие присутствует особенно заметно.

Тарас попытался вести протокол. Каждый раз, когда он ударял камнем, от плиты откалывался новый пункт.

Первый кусок означал «за». Второй — «против». Третий случайно попал Безымян по ноге и был признан эмоциональным выступлением.

— Кворум есть? — спросил Эраст.

— Кворум — это достаточное количество тех, кто не успел уйти до принятия решения.

— Сколько нужно?

— Больше половины.

— Половины чего?

Безымян посмотрел в темноту.

— Этого ещё не определили.

Тарас поднял обломок.

— Предлагаю считать половиной всех, кто поместился за столом.

Стол немедленно удлинился.

— Возражаю, — сказал Тарас.

Стол стал ещё длиннее.

— Чем больше говоришь, тем дальше большинство, — заметила Мира.

Вера положила ладонь на стол.

— А если считать только тех, кого касается решение?

На пустых местах появились лица будущих людей. Их были миллиарды. Стол провалился под собственным кворумом.

Фёдор удержал край деревянным мечом.

— Нельзя собрать всех будущих.

— Поэтому мы говорим за них, — сказал Безмян.

— Но вы не знаете, чего они захотят.

— Они ещё не знают сами. Наше преимущество очевидно.

Софья посмотрела на лица детей, взрослых, стариков и тех, чьи миры ещё не возникли.

— Пусть хотя бы могут отказаться потом.

— Позднейший отказ разрушит первоначальную определённости.

— Значит, определённости важнее людей?

— Люди меняются. Определённости надёжнее.

Тихон снял с себя остаток общего блага и бросил на стол.

— Я отказываюсь от вашего решения сейчас.

Одна сторона стола исчезла.

Пустые места посыпались в темноту, продолжая числиться присутствующими.

Безмян торопливо объявил перерыв.

— Перерыв требует решения кворума, — напомнил Эраст.

— Тогда заседание продолжается в состоянии перерыва.

Тарас закончил протокол. На камне было много вмятин и одна понятная фраза: «НИКТО НЕ СОГЛАСИЛСЯ, НО ВСЕ УЧТЕНЫ».

— Отличный документ, — сказал Безмян. — Именно так и выглядит единство.

Эраст перевернул камень. На обратной стороне обнаружилась гладкая поверхность.

— А здесь что?

— Мнения, не вошедшие в протокол.

— Здесь ничего нет.

— Они изложены кратко.

Тихон провёл пальцем по гладкому камню. Проявились тысячи царапин — возражения тех, кто не умел писать, не мог прийти или родился слишком поздно.

Все царапины складывались в один вопрос: «ПОЧЕМУ ЗА НАС РЕШИЛИ ДО НАС?»

Костёр погас.

В темноте голос Безмяна звучал менее уверенно.

— Потому что кто-то должен был принять первый закон.

— Какой? — спросил Эраст.

Огонь вспыхнул снова.

На чистой шкуре появилась надпись: «ЗАКОН О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЗАКОНА».

Глава семидесятая

Закон о возникновении закона

Первый закон состоял из одной строки: «СКАЗАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ».

— Удобно, — сказал Тарас. — Можно больше ничего не писать.

Безымян поднял глиняную печать.

— После принятия этой нормы возникнут остальные.

— А до принятия почему вы имеете право её принимать? — спросила Вера.

— На основании будущих законов.

— Их ещё нет.

— Поэтому они не могут возражать.

Эраст взял шкуру. Буквы были тёплыми и слегка шевелились, выбирая, кого обязать.

— Если мы не примем закон?

— Тогда никто не сможет принять следующий.

— И что случится?

Безымян растерялся.

— Неизвестно. Такого ещё не было.

— Потому что ничего ещё не было, — напомнил Фёдор.

Тарас предложил проверить. Закон отложили на одну минуту.

Минута не наступила: времени требовалось правовое основание.

— Видите! — сказал Безымян. — Без закона невозможно даже ждать.

Антонина Марковна, которая каким-то образом пришла следом с кастрюлей, поставила её возле костра.

— Суп и без закона остывает.

Время смутилось и начало двигаться, чтобы не спорить с очевидным.

— Незаконное течение времени, — прошептал Подписантов.

— Зато по часовой стрелке, — сказал Тарас.

Эраст зачеркнул слово «обязательно» и написал: «действует, пока представляемый согласен».

Закон зашипел.

— Условие разрушает представительство, — сказал Безымян.

— Нет. Ограничивает.

— Ограниченная власть не сможет защитить людей.

Тихон спросил:

— От кого?

— От тех, кто не признаёт её власть.

— То есть от людей?

— От неправильной части.

Софья добавила вторую строку: «СОГЛАСИЕ МОЖНО ОТОЗВАТЬ».

Шкура попыталась свернуться и спрятать поправку.

Фёдор прижал её мечом.

Мира написала: «РЕШЕНИЕ ИМЕЕТ СРОК».

— Какой? — спросил Тарас.

— Пока не изменились обстоятельства.

— Они меняются всё время.

— Поэтому решения тоже должны.

Вера дописала: «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОБЯЗАН ВЕРНУТЬ ГОЛОС».

Буквы первого закона начали спорить между собой. «Представитель» не хотел возвращать, «голос» не хотел принадлежать, «обязан» требовало отдельного закона о собственной обязательности.

Безымян ударил печатью.

— Голосование!

Пустые места проголосовали «за». Присутствующие люди — «против». Будущие лица потребовали времени на ознакомление, которого закон ещё не разрешил.

— Большинство за первоначальную редакцию, — объявил Безмян.

— Пустые места не могут голосовать, — сказал Эраст.

— Они представляют молчание.

— Молчание не означает согласие.

Впервые за заседание никто не ответил.

Это молчание было настоящим. Оно не принадлежало представителю, не имело печати и ничего не обещало.

Шкура побелела.

На ней остались только поправки.

— Первый закон отклонён, — сказал Тихон.

— Тогда законов не существует! — вскричал Безмян.

Антонина Марковна разлила суп.

— Ложки не хватило. Передайте соседу.

Люди передали ложку друг другу без закона, указа и ответственного министерства.

Безмян смотрел на них с ужасом.

— Но как вы определили порядок?

— Договорились, — сказал Эраст.

Из темноты донёсся треск.

Не принятый первый закон не исчез. Он встал на ноги и пошёл искать время, в котором его всё-таки приняли.

Глава семьдесят первая

Депутат раньше народа

Закон шёл вдоль стола, оставляя за собой государства.

Там, где его буквы касались камня, возникали границы, должности и люди, обязанные помнить, что всё создано ради них.

— Остановите его! — сказал Фёдор.

Безмян заслони́л закон.

— Нельзя. Это основа истории.

— Истории, которая ещё не началась?

— Лучшие основы закладывают заранее.

Эраст догнал шкуру и схватил за край. Закон потянул его за собой.

На мгновение он увидел тысячи времён: советы старейшин, троны, парламенты, комитеты, пустые кресла. В каждом кто-то вставал и произносил: «Люди хотят», не спросив людей.

Все эти голоса сходились к Безмяну.

— Вы первый депутат, — понял Эраст.

— Нет. Я первый Представляющий.

— Кого вы представляли?

— Племя.

Тихон подошёл ближе.

— Наше племя отправило тебя к соседям просить вернуть стадо.

— Я провёл переговоры.

— Ты предложил объединить племена под своим руководством.

— Это усиливало позицию.

— Чью?

Безмян потрогал глиняную печать.

— Общую.

Тихон снял с его груди пластинку. Под ней обнаружилась верёвка, уходящая в темноту. На другом конце верёвки стоял один испуганный мальчик.

— Кто это? — спросила Софья.

— Посыльный, — сказал Тихон. — Его отправили сказать соседям одно предложение.

Мальчик держал деревянную дощечку. На ней было нацарапано: «ВЕРНИТЕ НАШИХ КОЗ».

— Вот первый мандат, — сказала Вера.

— Это сообщение, — возразил Безмяян.

— Именно. Вы должны были передать его и вернуться.

— Соседи потребовали уполномоченного.

— И вы уполномочили себя.

Мальчик посмотрел на Эраста.

— Я не дошёл. Он забрал дощечку и сказал, что взрослый справится лучше.

— А коз вернули? — спросил Тарас.

— Одну. Потом назначили её символом мира и запретили доить без разрешения.

Закон замедлился.

На его первой строке слово «представитель» стало прозрачным. Под ним проступило старое слово: «ПОСЫЛЬНЫЙ».

— Представитель был посыльным, — сказал Эраст. — Голос дали не ему. Ему дали поручение.

Безмяян покачал головой.

— Посыльный слишком слаб. Его могут не послушать.

— Поэтому он и не должен решать вместо тех, кто послал.

— Тогда власть исчезнет.

— Работа останется.

Шкура закона остановилась.

Все созданные ею государства замерли между приказом и вопросом.

Тарас поднял дощечку.

— Предлагаю вернуть коз.

Из темноты раздалось возмущённое блеяние.

Одна древняя коза вышла к столу. На шее у неё висела печать первого международного соглашения.

— Похоже, она против, — сказал Тарас.

Коза съела дощечку.

— Теперь первое поручение утрачено, — объявил Подписантов.

— Нет, — сказал мальчик. — Я его помню.

Он повернулся к Безмяяну.

— Верните наших коз. И больше ничего.

Глиняная печать на груди Представляющего треснула.

— Но я построил на этом всю власть.

— Значит, построили больше, чем просили.

Глава семьдесят вторая

Избиратель, которого забыли спросить

Тихон потребовал рассмотреть своё возражение официально.

— Официального порядка ещё нет, — сказал Безмяян.

— Тогда рассмотрим по-человечески.

— Это создаст опасный прецедент.

— Первый полезный.

Судом назначили Эхо. Оно жило за каменной стеной и повторяло последнее слово каждого, поэтому считалось беспристрастным: собственного мнения у него не было.

— Кто истец? — спросил Эраст.

— Тихон, — ответила стена.

— Тихон... тихон...

— Кто ответчик?

— История, — сказал Тихон.

— История... тория... я...

Последнее «я» осталось звучать дольше остальных.

Безымян выступал от имени Истории.

— История не может отвечать за действия, совершённые до её официального начала.

— Начала... чала...

— Кто назначил начало? — спросил Тихон.

— Я зафиксировал.

— Значит, вы отвечаете.

— Отвечаете...

Эхо неожиданно выбрало сторону и смутилось.

Тихон рассказал, как проспал собрание. Накануне он три дня охотился, чтобы племени было что есть. Пока он спал, его молчание посчитали согласием.

— Я сделал больше для племени, чем те, кто сидел у костра. Почему мой сон оказался менее важным, чем их слова?

Безымян ответил:

— Управление требует присутствия.

— Я присутствовал в жизни племени. Вы присутствовали только на собрании.

Эхо повторило:

— Только на собрании.

Пустые каменные места задвигались. В каждом обнаружился свой Тихон: женщина у больного ребёнка, охотник в лесу, старик, не дошедший до костра, будущий человек, которого ещё не существовало.

Все они были частью общего решения, но ни один не имел времени сидеть за столом.

— Собрание не может ждать каждого, — сказал Безымян.

— Тогда решение не может называться решением каждого, — ответила Вера.

Эраст спросил Тихона:

— Чего вы требуете?

— Не отменить всё. Я не знаю, что случилось бы иначе.

— Тогда чего?

— Вернуть мне моё «не знаю». Они сделали вид, что я был уверен.

Суд-Эхо повторил:

— Не знаю...

Эти два слова прошли вдоль стола. Каменные решения потеряли твёрдость. Границы превратились в линии, которые можно обсуждать. Приказы — в предложения. Молчание — в отсутствие ответа.

Безымян стал стареть. Пока все соглашались, он принадлежал каждому времени. Теперь время потребовало возраст.

— Если люди имеют право не знать, как ими управлять?

— Временно, — сказал Эраст.

— А потом?

— Узнают или ошибутся.

— Ошибка погубит племя.
— Ваши решения тоже ошибались.
— Но назывались правильными, — тихо сказал Тихон. — Поэтому их дольше не исправляли.

Эхо вынесло решение последним услышанным словом:

— Исправляли.

На металлической пластинке Эраста появилась трещина.

Из неё выпало маленькое слово «БЕССРОЧНО».

— Суд признал право представляемого пересмотреть поручение, — сказал Подписантов.

— А первое поручение? — спросила Софья.

Мальчик-посыльный поднял руку.

— Я отзываю его.

Но пластинка не погасла.

— Почему? — спросил Фёдор.

Безымян смотрел на Тихона.

— Потому что поручение дал не он.

Тихон побледнел.

— Тогда кто?

Глава семьдесят третья

Отзыв первого мандата

Безымян подвёл их к самому началу стола.

Там не было костра, людей и даже темноты. Только один звук — короткий, случайный и похожий на кашель.

— Вот согласие, — сказал Представляющий.

— Это кашель, — сказал Тарас.

— Тогда различия ещё не утвердили.

Звук повторился. Из пустоты возник старик, сидевший на камне. Он клевал носом, пока остальные спорили, кого отправить к соседям.

— Он дал поручение? — спросил Эраст.

— Он был старейшим.

— Что он сказал?

— Ничего. Кивнул.

Старик снова уронил голову на грудь и тут же поднял.

— Он засыпал, — сказала Антонина Марковна.

— Кивок был истолкован как одобрение, — возразил Безымян.

Тарас сел рядом со стариком.

— Уважаемый, вы за то, чтобы этот человек говорил за всех?

Старик открыл глаза.

— А?

— Прекрасно, — сказал Тарас. — Первое согласие оказалось просьбой повторить вопрос.

Подписантов схватился за печать.

— Нельзя пересматривать основополагающий кивок!

— Почему?

— На нём держится процедура подтверждения полномочий.

— Процедура держится на человеке, который заснул?

— Это обеспечивает историческую устойчивость.

Эраст присел перед стариком.

— Вы хотели назначить Безымяна представителем племени навсегда?

— Кого?

Безымян сделал шаг назад.

— Меня.

Старик прищурился.

— Ты же пошёл за козами.

— Я провёл переговоры и основал порядок.

— Коз привёл?

— Одну.

— Тогда чего вернулся без остальных?

Коза с международной печатью оскорблённо заблеяла.

— Вас просили кивнуть? — спросил Эраст.

— Я не кивал. Я задремал.

Металлическая пластинка раскалилась.

Все позднейшие мандаты, законы и должности на мгновение потеряли основание. По истории прокатился служебный сквозняк.

— Если первого согласия не было, власть незаконна! — закричал Безымян.

— Не вся, — сказала Вера. — Только та, которая притворяется продолжением этого кивка.

— Но люди потом соглашались.

— Значит, их решения останутся. А ваш вечный мандат — нет.

Старик поднялся с камня.

— Я могу сейчас ответить.

— Нельзя! — сказал Подписантов. — Вопрос задан несколько тысяч лет назад.

— Я долго думал.

Тарас уважительно кивнул.

— Основательный избиратель.

Старик посмотрел на Безымяна.

— Сходи к соседям. Скажи про коз. Потом вернись и расскажи. За всех больше не говори.

Глиняная печать рассыпалась.

Верёвка на груди Безымяна превратилась в обычный ремень. Он стал просто человеком, отправленным с сообщением.

— А если соседи не послушают?

— Вернёшься.

— А если нападут?

— Решим вместе.

— А если вы снова будете спорить?

— Будем.

Безымян долго смотрел на чистую шкуру закона.

— Я хотел избавить людей от спора.

— Вы избавили их от участия, — сказал Эраст.

Первый мандат треснул пополам.

Одна половина стала простой дощечкой с сообщением. Вторая — пустой металлической пластинкой.

Имя Эраста исчезло.

— Всё? — спросил Фёдор.

Стол начал сокращаться.

— Заседание должно закончиться, — сказал Тихон.

Безымян побледнел.

— Оно никогда не заканчивалось. Мы не знаем порядка закрытия.

Антонина Марковна собрала пустые тарелки.

— Все поели. Значит, закончилось.

Стол признал этот аргумент и сложился.

Глава семьдесят четвёртая

Заседание заканчивается впервые

Первое заседание закончилось без голосования, гимна и общей фотографии.

Это вызвало затруднения у истории. Несколько веков попытались начаться одновременно, столкнулись и попросили регулировщика.

Дом открыл дверь обратно.

Эраст шагнул в гостиную и сразу понял, что вместе с первым мандатом исчезло слишком многое.

Телефон не соединял людей: оператор отказывался представлять одного собеседника другому.

Почта лежала в сумках. Почтальоны считали передачу чужих слов присвоением голоса.

Адвокаты молчали в судах. Переводчики переводили только себя. Дипломаты вернулись домой, потому что страны не могли говорить лично.

— Мы отменили представительство вообще, — сказала Мира.

— Нет, — возразил Эраст. — Отозвали мандат, из которого оно выросло.

— История решила не разбираться в различиях, — сказал Фёдор.

На площади царил вежливый хаос. Каждый говорил только за себя и поэтому никто не мог передать просьбу больного, ребёнка, далёкого города или человека, не знающего общего языка.

Тарас увидел пожар.

— Горит дом!

— Вы там живёте? — спросил стражник.

— Нет.

— Тогда не можете заявлять от имени жильцов.

— Они кричат!

— Пусть подадут заявление лично.

Эраст бросился к дому. Дракон-пожарный стоял рядом, но не тушил.

— Почему?

— Огонь не уполномочивал людей называть его пожаром.

— А жильцы?

— Их голоса не заверены дымом.

В окне появилась девочка.

— Помогите!

Эраст посмотрел на дракона.

— Она просит потушить.

Металлическая пластинка, лежавшая в его кармане, нагрелась.

— Вы говорите за другого человека, — сказала она.

— Я передаю её слова.

— Различие не зарегистрировано.

— Тогда регистрируй.

На пластинке возникло: «ПОРУЧЕНИЕ: ПЕРЕДАТЬ ПРОСЬБУ. СРОК: ДО ПОЛУЧЕНИЯ ОТВЕТА».

Дракон услышал девочку через Эраста, выдохнул облако дождя и потушил огонь.

Пластинка остыла.

— Поручение выполнено, — сказала она. — Полномочие прекращено.

Тарас поднял брови.

— Удивительно. Должность закончилась раньше человека.

По площади побежали новые маленькие поручения.

Старик попросил соседа передать врачу, где болит. Город отправил посыльного к реке узнать, можно ли построить мост. Ребёнок поручил взрослому достать с высокой полки варенье, не передавая ему право съесть половину.

Представительство вернулось как работа, а не как собственность.

Подписантов ходил следом и пытался превратить каждое поручение в бессрочную должность. Пластинки гасли у него в руках сразу после исполнения.

— Так невозможно построить карьеру, — жаловался он.

— Зато можно закончить дело, — сказала Вера.

Вечером девочка из горевшего дома пришла к Эрасту.

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть ещё просьба.

— Какая?

— Передайте дракону одно предложение.

— Говори.

Она шепнула ему на ухо.

Пластинка появилась снова: «МАНДАТ НА ОДНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СРОК: ДО ТОЧКИ».

Эраст нашёл дракона.

— Девочка просит сказать: её отец остался в мире за огненной границей и она хочет, чтобы дракон перенёс её туда потому что только он может пролететь над пламенем и если он боится она не станет его заставлять но будет ждать сколько потребуется

Эраст остановился.

— Где точка?

Девочка опустила глаза.

— Дракон украл все точки. Он не любит, когда что-то заканчивается.

Пластинка затянулась вокруг запястья Эраста.

«СРОК: ДО ТОЧКИ», — повторила она.

Дракон расправил крылья.

За его спиной открылась огненная граница, уходившая через десятки миров.

— Придётся лететь, — сказал Эраст.

— Я с вами, — ответил Тарас.

— Тебя никто не просил.

— Поэтому мой мандат особенно свободный.

Вера посмотрела на бесконечное предложение, горевшее в воздухе.

— Найдите точку и возвращайтесь.

Эраст кивнул.

Дракон взлетел.

А далеко за огненной границей кто-то поставил первую запятую.

Часть десятая

Предложение без конца

Глава семьдесят пятая

Дракон, укравший точки

Дракон летел над огненной границей осторожно, как бухгалтер над графой «непредвиденные расходы».

Снизу полыхали незаконченные обещания. Одни начинались словами «Мы обязательно», другие — «Народ вправе рассчитывать», а самые жаркие вообще не имели подлежащего.

Эраст держался за левый рог. Тарас — за правый и за надежду, что рога прикреплены к дракону не по временному договору.

— Как тебя зовут? — крикнул Эраст.

— В официальных бумагах — Средство Воздушного Перемещения Повышенной Пожароопасности.

— А дома?

— Гриша.

— Гриша, зачем ты украл точки?

Дракон тяжело вздохнул. Из ноздрей вылетели две маленькие скобки и тут же закрылись.

— Я не крал. Я изымал в целях сохранности.

— Это обычно и говорят люди с чужим имуществом, — заметил Тарас.

— Точки не чужие. Они ничьи, пока их не поставили. А после этого уже поздно спорить.

Пластинка на запястье Эраста затянулась сильнее. Надпись «СРОК: ДО ТОЧКИ» стала похожа на угрозу, составленную очень грамотным юристом.

— Куда ты их спрятал?

— В безопасное место.

— Где оно?

— Если сообщить, оно станет небезопасным.

— Разумно, — сказал Тарас. — Ненавижу разумные ответы, когда мне нужен адрес.

Впереди висела запятая. Она была величиной с городские ворота, медная, раскалённая снизу и прохладная сверху. На ней сидел человек в форме пограничника и проверял дыхание у пролетающих фраз.

— Остановка! — потребовал он.

Гриша завис в воздухе.

— Цель пересечения?

— Передать одно предложение, — сказал Эраст.

— Полностью?

— Надеюсь.

— Тогда нельзя. Полное предложение считается законченным, а у нас режим продолжения.

Пограничник протянул бланк длиной в половину облака.

— Заполните причину незавершённости, предполагаемую длительность и список лиц, заинтересованных в том, чтобы вы никогда не добрались до конца.

— Последний список не поместится, — сказал Тарас.

— Дополнительные листы бесплатны после уплаты сбора за бесплатность.

Эраст показал пластинку.

— У меня поручение до точки.

Пограничник отшатнулся.

— Окончательный знак? Здесь? Вы хотите обрушить устойчивое продолжение?

— Я хочу найти отца девочки.

— Частная цель, — с облегчением сказал пограничник. — Значит, общественно опасная.

Гриша перестал махать крыльями.

Все начали падать.

Пограничник забыл о бланке и схватился за запятую.

— Что вы делаете?!

— Пользуюсь паузой, — ответил дракон.

Они нырнули под медную дугу. Там, где запятая почти касалась огня, обнаружилась узкая щель между «продолжать» и «не останавливаться».

Гриша сложил крылья, протиснулся боком и снова взмыл.

Пограничник остался сверху, прижимая к груди незаполненный бланк.

— Я составлю протокол!

— Поставьте в конце точку! — крикнул Тарас.

Пограничник умолк. Такие призывы считались экстремизмом.

За границей начиналась страна, в которой всё продолжалось.

Дороги не приходили в города, реки не впадали в моря, лестницы не доходили до этажей. На полях крестьяне шестидесятый год завершали посевную и уже почти забыли, что именно сеяли.

У придорожной гостиницы висела вывеска: «ВРЕМЕННО ЗАКРЫТО С ПОЗАПРОШЛОЙ ДИНАСТИИ».

— Здесь точек нет давно, — сказал Гриша. — Сначала их забирали чиновники. Потом они начали ставить их где удобно.

— Например?

— В конце жалоб. В начале расследований. Посреди чужих биографий.

Эраст посмотрел вниз.

По дороге шла похоронная процессия. Гроб был пуст, зато за ним несли портрет живого человека.

— Кто умер?

— Никто, — ответил Гриша. — Здесь смерть тоже не завершена. Человека признали окончательно исполняющим обязанности покойного, но он обжаловал дату.

Тарас перекрестился и на всякий случай не закончил движение.

Вдали вырос город. Над башнями вращалась огромная запятая, а под ней сияла надпись: «МИНИСТЕРСТВО ПРОДОЛЖЕНИЯ».

— Там держат отца девочки? — спросил Эраст.

— Там держат всё, что могло закончиться, — ответил Гриша. — Кроме рабочего дня.

Пластинка на руке Эраста тихо сказала:

— Предложение продолжается.

И впервые в её голосе послышалось удовольствие.

Глава семьдесят шестая

Запятая на огненной границе

Перед Министерством продолжения стояла очередь, начало которой терялось в прошлом, а конец обещали открыть после реконструкции.

Люди держали справки о незаконченных делах.

Один мужчина двадцать лет разводился, потому что суд не решался поставить точку в браке без согласования с отделом семейной вечности.

Старушка ждала окончания ремонта крыши. Крыша давно провалилась, дом разобрали, улицу переименовали, но ремонт шёл по плану и поэтому не мог прекратиться.

Мальчик нёс школьное сочинение «Как я провёл лето». Ему было сорок семь.

— Сочинение вернули без точки, — объяснил он. — Пока не закончу, меня не переводят в следующий класс.

— А что мешает поставить точку самому? — спросил Тарас.

Очередь ахнула.

Мать закрыла ребёнку уши. Полицейский записал приметы Тараса: «подозрительно завершённые усы».

Гриша превратился в невысокого рыжего человека. Из волос у него поднимался дым, а из карманов иногда выпадали чешуйки.

— Драконам вход запрещён, — объяснил он. — Боятся, что мы сожжём архив.

— А ты можешь?

— Я воспитанный. Сначала попрошу архив выйти.

У входа сидела женщина с табличкой «ДЕЖУРНАЯ ПО ВРЕМЕННЫМ МЕРАМ». Перед ней лежали песочные часы, в которых песок двигался вверх.

— Фамилия?

— Кунилин.

— Цель визита?

— Найти человека.

— Живого, мёртвого или рассматриваемого?

— Аркадий. Отец девочки, оставшийся за огненной границей.

Женщина пролиستала книгу толщиной с неудачную реформу.

— Аркадий Пунктуальный. Бывший младший корректор Главного управления окончательных формулировок. Статус: временно отсутствует бессрочно.

— Где он?

— В предложении.

— В каком?

— В государственном.

— Это где?

— Везде.

Тарас наклонился к Эрасту.

— Хороший адрес. Почтальон не промахнётся и всё равно не найдёт.

Дежурная заметила пластинку на руке Эраста.

— Мандат до точки?

— Да.

Она встала и впервые посмотрела на него как на человека, а не как на будущую папку.

— Снимите немедленно.

— Не снимается.

— Тогда вы опасны для государственного строя.

— Потому что могу закончить предложение?

— Потому что предложение может закончить вас.

Она нажала кнопку. Сирена завывала, но не смогла завершить первый звук и продолжала одно бесконечное «у».

Из дверей выбежали служащие с сетями, наручниками и инструкцией по обращению с незаконными знаками препинания.

Гриша чихнул.

Инструкция загорелась на словах «при возникновении огня».

Служащие принялись искать следующий пункт, но следующего пункта не было.

Эраст, Тарас и Гриша вошли внутрь.

Министерство состояло из коридоров. Каждый коридор обещал привести к нужному кабинету после небольшого продления.

На стенах висели лозунги: «КОНЕЦ — ЭТО СОКРАЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ», «НЕ ЗАКОНЧИЛ — НЕ ОШИБСЯ», «ВРЕМЕННОЕ ПРОЧНЕЕ ВЕЧНОГО, ПОТОМУ ЧТО ЕГО ВСЕГДА МОЖНО ПРОДЛИТЬ».

В первом кабинете продлевали чрезвычайное положение, вызванное исчезновением причин чрезвычайного положения.

Во втором продлевали комиссию по выяснению, зачем продлевают первую комиссию.

В третьем чиновник сидел перед чашкой чая.

— Чай остыл, — сказал Тарас.

— Его заваривание ещё не окончено, — обиделся чиновник.

— Вы пьёте его семь лет.

— Государственные процессы требуют терпения.

Гриша понюхал воздух.

— Здесь пахнет точкой.

Чиновник накрыл ладонью карман.

Эраст успел заметить чёрный круглый отблеск.

— У вас одна из украденных точек.

— Служебная, — сказал чиновник. — Для внутреннего пользования.

— Что вы ею заканчиваете?

— Карьеру подчинённых.

Тарас вытащил точку из его кармана. Она была маленькая, тяжёлая и холодная.

В кабинете мгновенно закончились чай, рабочий день и терпение чиновника.

Дверь распахнулась.

За ней стоял высокий седой человек в идеально незавершённом мундире: на одном плече был эполет, на другом — обещание эполета.

— Верните государственный знак, — произнёс он.

Гриша зашептал:

— Министр Продолжения. Северин Бессрочный.

Министр улыбнулся Эрасту.

— Наконец-то вы прибыли, Эраст Акакиевич. Мы продлевали ваше ожидание триста лет.

Глава семьдесят седьмая

Отец по ту сторону фразы

Северин Бессрочный пригласил гостей в кабинет, который продолжался за пределами здания.

Стол уходил вдаль. По обе стороны сидели советники, заместители, помощники заместителей и человек, который временно исполнял обязанности свободного стула.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Эраст.

— Вы упомянуты в прогнозе, — ответил министр. — «Когда человек, не желающий власти, получит мандат до точки...» Дальше текст утрачен.

— Потому что вы украли точку?

— Потому что дракон украл все точки.

Гриша выпустил из уха дым.

— Я забрал их после того, как вы начали ставить точки в людях.

— Неверная терминология. Мы ставили их в делах.

— Вместе с людьми.

Министр развёл руками.

— Любое окончание кого-нибудь огорчает. Поэтому мы оставили только те окончания, которые необходимы государству.

— Карьеры подчинённых? — спросил Тарас.

— Они необходимы особенно.

Эраст положил на стол найденную точку.

Советники подались назад. Человек-стул встал и выяснил, что всё это время мог быть человеком.

— Где Аркадий Пунктуальный?

Министр коснулся стены. На ней проявилась строка:

«Ввиду временной необходимости продолжить военные действия до полного устранения обстоятельств препятствующих окончательному урегулированию...»

Строка проходила сквозь камень, уходила под пол и тянулась к горизонту.

Внутри букв шёл человек. Маленький, как муравей, он пробирался между словами, волоча за собой огромную точку.

— Аркадий, — сказал Северин. — Он пытался закончить государственное предложение без разрешения.

Эраст подошёл ближе.

Человек внутри строки увидел его и постучал по букве «о».

Звук пришёл через минуту, уставший и официальный.

— Почему он не поставил точку?

— Не нашёл конца.

— У каждого предложения есть конец.

— У государственного — только новый абзац бюджета.

Северин предложил Эрасту кресло. Кресло уже знало его размеры, политические взгляды и слабость к пирогам Антонины Марковны.

— Вы можете освободить Аркадия.

— Как?

— Примите должность Главного распорядителя окончаний.

На стол легло удостоверение.

Фотография Эраста на нём выглядела старше, влиятельнее и немного виноватее оригинала.

— Я не соглашался.

— Согласие — это процесс. Мы не требуем его окончания.

— А обязанности?

— Вы будете решать, каким делам ставить точку.

— Один человек?

— Разумеется. Иначе решение затянется.

Тарас поднял руку.

— У меня вопрос как у временно живого гражданина. Почему должность предлагается человеку, который всю книгу от должностей отбивается?

— Потому что только такой человек вызывает доверие, — сказал министр. — А доверие удобно использовать, пока оно не разобралось.

Эраст посмотрел на Аркадия.

Тот шёл внутри предложения. Иногда слово «необходимость» возвращало его назад, а оборот «в установленном порядке» заставлял проходить один и тот же участок снова.

— Если я откажусь?

— Ваш мандат останется до точки. Вы будете искать её бесконечно. Девочка будет ждать бесконечно. Это наш самый устойчивый вид порядка.

Пластинка потеплела.

На ней появилась новая строка: «ВАКАНСИЯ СООТВЕТСТВУЕТ ПОРУЧЕНИЮ».

— Она меняет смысл, — сказал Эраст.

— Документы взрослеют, — улыбнулся Северин.

Гриша метнулся к удостоверению, но из стен вылетели цепочки многоточий и обвили его.

Каждое многоточие обещало освободить дракона чуть позже.

Тарас схватил служебную точку.

— Не двигайтесь! Я закончу кабинет!

Советники засмеялись.

— У точки должна быть точка приложения, — пояснил министр. — Вы не знаете, что именно хотите закончить.

Тарас оглядел бесконечный стол.

— Совещание.

Он положил точку после слова.

Стол кончился прямо перед министром. Дальняя его половина исчезла вместе с советниками, которые не успели высказать особое мнение.

Аркадий внутри строки остановился.

— Кто там? — крикнул он.

— Люди снаружи предложения! — ответил Эраст.

— Тогда не ищите конец! Ищите того, кто каждый раз дописывает продолжение!

Северин впервые перестал улыбаться.

За его спиной перо величиной с копьё само окунулось в чернила.

И государственное предложение выросло ещё на одну строку.

Глава семьдесят восьмая

Министерство продолжения

Перо писало быстрее, чем Аркадий шёл.

После каждого возможного окончания оно добавляло «за исключением случаев», после исключений — «с учётом особых обстоятельств», а после обстоятельств — просьбу не драматизировать.

— Кто управляет пером? — спросил Эраст.

— Государственная необходимость, — ответил Северин.

— У неё есть имя?

— Имена делают ответственность слишком адресной.

Тарас перевернул чернильницу.

Чернила потекли по столу, но вместо того чтобы закончиться на краю, свернули и стали новой рекой.

Гриша рванул цепочки. Одно многоточие лопнуло, превратилось в три обычные точки и с визгом разбежалось по углам.

Министр ударил ладонью по кнопке.

В кабинет вошла гвардия незавершённого действия. Солдаты заносили мечи, но никогда не наносили удар: так они считались и грозными, и непричастными.

— Арестовать, — приказал Северин.

Солдаты начали арестовывать.

Эраст ждал продолжения команды.

— Кого? — осторожно спросил командир.

— Их!

— Уточнение не завершено.

— Всех троих!

— Дракон временно человек. Считать отдельно или в составе?

Пока министр заполнял приложение к приказу, Тарас освободил Гришу.

Дракон принял настоящий вид. Кабинет оказался слишком мал и был вынужден закончиться сразу в четырёх местах.

Они выскочили в коридор.

Сирена всё ещё тянула «у». Люди в очереди уже подхватили звук и превратили его в песню без припева.

Аркадий шёл в стене рядом с ними.

— Перо хранится в отделе смысловых дополнений! — крикнул он.

— Где этот отдел?

— После отдела предварительных окончаний!

— А он где?

— Перед смысловыми дополнениями!

Тарас застонал.

— Архитектор здесь был человеком последовательным. Его следовало остановить раньше.

Коридор раздвоился. Указатель направо гласил «К ОКОНЧАНИЮ», налево — «ВЕРНЫЙ ПУТЬ».

— Это ловушка, — сказал Гриша.

— Оба?

— Министерство не стало бы тратить два указателя зря. Один ловушка, второй — отчёт о первой.

Эраст пошёл прямо сквозь стену с государственным предложением.

Пластинка на запястье вспыхнула и пропустила его внутрь.

Тарас и Гриша шагнули следом.

Они оказались между словами.

Буквы возвышались чёрными колоннами. Запятые служили шлагбаумами. Союз «и» соединял дороги, даже если те вели в противоположные стороны.

Аркадий подбежал к ним. Он был худ, сед и испачкан чернилами, но держал точку обеими руками.

— Дочь жива?

— Жива. Ждёт, — ответил Эраст.

Аркадий закрыл глаза.

— Сколько ей теперь?

— Девять.

— Значит, снаружи прошло меньше времени. Здесь каждое уточнение занимает год.

— Почему вы не вернулись?

— Я нашёл предложение, которым объявили войну. Хотел поставить точку. Но конец каждый день отодвигали.

Он указал вперёд.

Вдали перо дописывало новые земли. За ним ехали обозы, маршировали солдаты и работали казначеи.

— Война идёт потому, что предложение не закончено? — спросил Тарас.

— Хуже. Предложение не заканчивают, потому что война идёт.

— Удобный круг.

— На нём построена половина министерства. Вторая половина считает первую временной.

Аркадий передал Эрасту точку.

Пластинка на руке немедленно потянулась к ней.

— Не соединяйте, — предупредил Аркадий. — Эта точка особая. Ею заканчивается не фраза, а то, что фраза называет.

— То есть если поставить после слова «война»...

— Война закончится.

— Почему Северин сам не использовал её?

— Потому что тогда выяснится, сколько людей умеют жить только при её продолжении.

Сзади застучали шаги гвардии.

Впереди перо вывело огромными буквами: «ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ».

— Победа над кем? — спросил Эраст.

Аркадий посмотрел на обратную сторону букв.

Там мелким почерком было написано: «Сторона противника устанавливается после утверждения расходов».

Гриша оскалился.

— Значит, они сначала продлили войну, а потом потеряли врага.

— Не потеряли, — сказал Аркадий. — Назначили.

На ближайшей букве проступили четыре имени.

Эраст прочитал своё.

Глава семьдесят девятая

Война, объявленная без точки

Под именем Эраста значилось: «Противник продолжения, склонный к окончательным формулировкам».

Под именем Тараса: «Соучастник с усами».

Гришу назвали «нелицензированным средством пунктуационной доставки».

Аркадий был записан как «лицо, незаконно приблизившее конец».

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Мы нашли врага. Это мы.

Из букв вышли солдаты. Теперь они знали, кого арестовывать, и поэтому выглядели несчастными: определённая лишала их права долго уточнять приказ.

— Сдавайтесь, — сказал командир.

— Кому? — спросил Эраст.

Командир заглянул в бумагу.

— Стороне, осуществляющей...

Бумага продолжалась на обороте, потом на подкладке мундира, потом на спине соседнего солдата.

Пока командир читал, Гриша проглотил союз «и».

Дорога между солдатами и героями разъединилась. Гвардия осталась по другую сторону грамматики.

— Невкусный, — пожаловался дракон. — Слишком соединительный.

Они побежали к перу.

Внутри предложения время двигалось по смыслу, а не по часам. Фраза «немедленно принять меры» переносила их вперёд, «в разумный срок» — назад, а «по возможности» вообще усадила на лавочку.

Аркадий вычеркнул возможность ногтем, и они снова смогли идти.

За колонной слова «безопасность» обнаружился лагерь.

Солдаты двух армий сидели у одного костра и спорили, кто из них противник.

— Мы воюем с вами, — говорил первый.

— Не можете, — отвечал второй. — Нам выдали ту же инструкцию.

— Тогда, возможно, мы союзники.

— Союзников кормят лучше.

— Значит, точно не союзники.

Увидев Аркадия, оба вскочили.

— Корректор! Конец нашёл?

— Нашёл людей, которые могут его потребовать.

Солдаты посмотрели на Эраста.

— Вы начальник?

— Нет.

— Тогда вам можно верить хотя бы до первого приказа.

К костру потянулись люди. Одни воевали двенадцать лет, другие родились в обозе и считали мир старинной разновидностью отпуска.

Женщина в латах показала письмо.

— Муж написал: «Возвращайся, когда всё закончится». Муж умер пять лет назад. Письмо продолжает ждать.

— Почему вы не уходите сами? — спросил Эраст.

— Дезертирство возможно только из действующей армии. А нам не подтвердили, действует ли она. Пока подтверждают, уходить нельзя.

Тарас достал служебную точку, украденную у чиновника.

— Давайте закончим армию.

Аркадий остановил его.

— Это служебная точка. Она заканчивает не то, что написано, а того, кто ниже по должности.

Солдаты отодвинулись от точки.

— Отвратительный знак, — сказал Тарас и бросил её в костёр.

Огонь погас. Вместе с ним закончилась должность лагерного повара, который давно мечтал стать музыкантом.

Повар снял колпак и заиграл на котелке.

Музыка поднялась над предложением. Буквы задрожали. Слова впервые услышали не приказ, а ритм.

Солдаты начали уходить из строя по одному.

Не дезертировать. Просто переставать стоять там, где их поставили чужим глаголом.

Перо впереди закрипело и написало: «В СВЯЗИ С МАССОВЫМ НАРУШЕНИЕМ ДИСЦИПЛИНЫ».

— Оно реагирует на нас, — сказал Эраст.

— Оно кормится причинами, — ответил Аркадий. — Любое сопротивление становится основанием для продления.

— Тогда сопротивляться бесполезно?

— Нет. Бесполезно сопротивляться так, как предусмотрено приложением.

Гриша расправил крылья и подхватил всех четверых.

— Полетим над текстом.

— Там поля, — предупредил Аркадий.

— Я дракон. Поля для меня — место, куда падают чиновники после очень убедительного разговора.

Они взлетели.

Сверху стало видно: государственное предложение свёрнуто в кольцо. Перо писало начало на продолжении конца.

В центре кольца стоял Северин Бессрочный и крутил маленькую рукоятку.

Каждый оборот превращал вчерашнюю причину в завтрашнюю необходимость.

— Вот кто дописывает, — сказал Эраст.

Северин поднял голову.

— Неправда! — крикнул он. — Я лишь обеспечиваю непрерывность!

Рукоятка продолжала вращаться сама.

Министр попытался убрать руку и не смог.

Впервые он испугался не окончания, а продолжения.

Глава восьмидесятая

Точка зрения

Гриша опустил в центре кольца.

Северин был прикован к рукоятке тонкой строкой служебного контракта.

— Освободите меня, — сказал он тихо.

— Вы же министр Продолжения, — заметил Тарас. — Продолжайте.

— Я планировал руководить процессом, а не участвовать в нём лично.

— Так обычно и начинается государственный опыт.

Эраст осмотрел механизм.

На бронзовом круге были выбиты слова: «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ». Рукоятка превращала их в «временное продление», потом снова в решение, потом снова в продление. На каждом обороте из механизма выпадал бюджет.

Бюджеты ползли к министерству маленькими толстыми папками.

— Кто построил это? — спросил Эраст.

— Никто, — ответил Северин. — Все только согласовали свою часть.

— А кто может остановить?

— Тот, кто поставит Великую Точку.

Аркадий крепче прижал точку к груди.

— Нельзя. Великая Точка завершит всё, что связано предложением: войну, министерство, границу, людей внутри текста.

— И меня? — спросил Северин.

— Вас прежде всего. Вы указаны ответственным исполнителем.

Министр задумался.

— Тогда необходимо создать комиссию по поиску менее ответственного исполнителя.

— Она уже есть, — сказал Тарас. — Вы её председатель.

Северин побледнел.

Эраст взял Великую Точку. Она оказалась не круглой.

С одной стороны она была гладкой и чёрной. С другой — прозрачной, как маленькое окно.

В окне он увидел площадь своего города.

Вера стояла у Дома. Девочка сидела на ступеньках и считала вдохи, чтобы не считать минуты.

Мира спорила с пластинкой. Фёдор держал верёвку, привязанную к огненной границе, будто собирался подтянуть мир поближе.

— Это не просто точка, — сказал Эраст.

— Конечно, — ответил Аркадий. — У всякой точки есть сторона, с которой смотрят. Поэтому она и называется точкой зрения.

Тарас заглянул с другой стороны.

Он увидел солдат, которые покидали строй, семьи, годами ожидавшие возвращения, чиновников, боявшихся потерять работу, и людей, боявшихся, что после конца придётся самим решать, что делать дальше.

— Все видят разное, — сказал он.

— Поэтому министерство держит точку у одного человека, — объяснил Аркадий. — Так проще назвать один взгляд окончательным.

Пластинка на руке Эраста зашевелилась.

«НАЗНАЧИТЬ ЭРАСТА КУНИЛИНА ЕДИНСТВЕННОЙ ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ», — написала она.

Эраст перевернул пластинку надписью к механизму.

— Нет.

— Формулировка уже внесена, — сказал Северин.

— Внесена не мной.

— Но о вас.

— Если написать на заборе, что забор министр, он хотя бы не станет требовать кабинет. Тарас одобрительно постучал по бронзе.

Механизм дрогнул. Перо замедлилось.

— Что вы сделали? — спросил Аркадий.

— Отказался считать написанное обо мне моим согласием.

— Этого недостаточно.

— Одному — да.

Эраст поднял точку высоко над головой.

Через прозрачную сторону его увидели люди по обе стороны предложения.

— Я не буду решать за всех, где поставить конец! — крикнул он.

— Тогда война продолжится! — ответил кто-то.

— А если решите, нас закончат вместе с ней! — крикнул другой.

— Пусть решает министр!

— Пусть решает дракон!

— Пусть решит тот, кто громче!

Тарас закрыл уши.

— Демократия началась. Сейчас появятся три торговца свистками.

Эраст повернул точку так, чтобы каждый увидел не его, а остальных.

Крики стихли.

Люди увидели, что у конца есть цена не только для них. Солдаты увидели семьи. Чиновники — солдат. Семьи — тех, кто боялся выйти из единственного порядка, который знал.

Точка стала больше.

— Она растёт от согласия? — спросил Гриша.

— Нет, — сказал Аркадий. — От множества взглядов.

Вокруг точки появились маленькие окна.

В каждом был чей-то мир.

Северин перестал крутить рукоятку.

Контракт затрещал.

— Если я отпущу, механизм остановится?

— Не знаю, — честно сказал Эраст.

— Министрам нельзя действовать без гарантии.

— Поэтому вы и сидите здесь триста лет.

Северин отпустил рукоятку.

Она сделала ещё один оборот без него.

Потом второй.

А на третьем из механизма высунулась чья-то рука и повернула её изнутри.

Глава восемьдесят первая

Окончательное решение временного вопроса

Рука была бумажной. На каждом пальце стояла печать, разрешающая остальным пальцам существовать.

Из механизма вышло существо, сложенное из продлений, исключений и служебных записок.

Вместо лица у него было белое поле «Заполняется ответственным лицом».

— Кто это? — спросил Гриша.

Северин опустился на землю.

— Порядок.

— Обычный?

— Установленный.

Порядок расправил бумажные плечи. Внутри него шевелились подписи давно умерших начальников.

— Продолжить исполнение, — сказал он голосами всех, кто когда-либо ссылался на инструкцию.

Рукоятка завертелась. Перо рванулось вперёд и начало дописывать новую причину войны: появление угрозы в виде попытки окончить войну.

— Вот ваш хозяин? — спросил Тарас у Северина.

— У Порядка нет хозяина. В этом его служебное преимущество.

Бумажное существо протянуло руку к Великой Точке.

— Окончательный знак подлежит централизации.

Эраст отступил.

— Для чего?

— Для окончательного прекращения разногласий.

— То есть людей?

— Люди являются носителями разногласий.

Аркадий бросился вперёд, но Порядок поставил на нём штамп «ПРОПУЩЕН СРОК ОБЖАЛОВАНИЯ». Корректор застыл.

Гриша выдохнул огонь. Пламя прошло через бумагу и вышло с другой стороны заверенным в трёх экземплярах.

Тарас ударил Порядок бывшей служебной точкой. Точка закончила его право на ношение усов.

Усы Тараса упали на землю.

Наступила тишина.

— Это личное, — сказал Тарас.

Он поднял усы, приложил обратно и пошёл на Порядок с такой решимостью, какую редко вызывает судьба мира, но легко — неудачная парикмахерская.

Порядок выписал ему запрет на приближение.

Тарас приблизился с другой стороны, где запрет ещё не был опубликован.

Гриша схватил бумажное существо зубами. Порядок зашуршал и начал перечислять санитарные нормы для драконьей пасти.

Эраст посмотрел в окна Великой Точки.

Каждое показывало человека, за которого Порядок собирался решить окончательно.

Пластинка на его руке требовала завершить поручение.

Слова девочки всё ещё тянулись через миры: отец остался за границей и она хочет, чтобы дракон перенёс её туда потому что только он может и если боится она не заставляет но будет ждать.

Эраст понял: поручение было не привести дочь к отцу.

Поручение было передать просьбу дракону.

Он уже передал её.

Но точки не было, и мандат присвоил себе продолжение.

— Гриша! — крикнул Эраст. — Ты согласен перенести девочку?

Дракон выплюнул край Порядка.

— Согласен!

В воздухе возник ответ.

Эраст поставил после него не Великую Точку, а крошечную точку, которая отделилась от одного из окон.

«Гриша согласен.»

Поручение завершилось.

Пластинка раскрылась и упала с запястья.

В тот же миг исчезло назначение Эраста Единственной Точкой Зрения. Оно держалось только на мандате, который самовольно продлевал себя.

Порядок замер.

— Ответственное лицо отсутствует.

— Прекрасно, — сказал Эраст. — Теперь решение некуда отдать.

— Решение должно быть принято.

— Кем?

Белое поле на лице существа задрожало.

Вопрос не помещался ни в одну графу.

Солдаты, семьи, чиновники и жители города смотрели через окна точки друг на друга.

Аркадий ожил и поднял перо корректора.

— Не обязательно ставить одну точку на всех, — сказал он. — Можно закончить приказ и не заканчивать людей.

— Разделить предложение? — спросил Северин.

— Наконец-то.

Аркадий провёл красную черту после слов «продолжить военные действия» и вынес всё остальное в примечание под названием «Причины, которые будут рассмотрены мирными людьми».

Каждый человек взял из Великой Точки свою маленькую точку зрения.

Солдаты поставили точки после приказов, которые больше не признавали.

Семьи — после ожидания.

Чиновники — после чрезвычайных мер.

Некоторые не поставили ничего. Им дали время без обязательного продления.

Порядок начал рассыпаться на отдельные правила.

Полезные правила остались: не поджигать архив без предупреждения, не кормить дракона скрепками, не объявлять войну до обеда.

Остальные превратились в чистую бумагу.

Рукоятка остановилась.

Перо вывело последние слова: «ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРЕКРАЩЕНЫ».

Аркадий поставил точку.

И ничего не исчезло.

Просто впервые за много лет стало тихо настолько, что люди услышали, как им страшно начинать дальше.

Глава восемьдесят вторая

Поставить точку и оставить продолжение

После окончания войны Министерство продолжения закрылось не сразу.

Сначала оно создало отдел ликвидации, отдел контроля ликвидации и временную комиссию по недопущению преждевременного окончания ликвидации.

Тарас пришёл туда с красным карандашом Аркадия.

Через час осталась одна табличка: «ЗДЕСЬ РАБОТАЛО МИНИСТЕРСТВО».

— Почему в прошедшем времени? — возмутился последний заместитель.

— Чтобы вы могли пойти домой в настоящем, — ответил Тарас.

Северин Бессрочный снял незавершённый мундир.

Под ним оказался обычный человек в рубашке, застёгнутой не на ту пуговицу.

— Что мне теперь делать? — спросил он.

— Что-нибудь конечное, — посоветовал Эраст.

Северин подумал и починил дверь. Дверь закрылась с первого раза.

Он расплакался.

— Я триста лет не видел результата.

— Осторожно, — сказал Тарас. — Понравится — пойдёте в столяры.

Гриша вернулся в драконий вид и повёз всех к огненной границе.

Теперь пламя стало обычным закатом. Дороги входили в города, реки решились впасть в моря, а крестьяне закончили посевную и обнаружили, что урожай давно работает в министерстве начальником отдела.

У медной запятой их ждал пограничник.

— Документы на выезд.

— Министерства больше нет, — сказал Северин.

— Тогда кто подтвердит, что оно больше не подтверждает выезд?

Аркадий поставил точку в конце вопроса.

Пограничник перечитал свою фразу.

— Действительно. Глупость законченная.

Он поднял шлагбаум.

На площади перед Домом девочка увидела дракона первой.

Она побежала так быстро, что ожидание не успело догнать её.

Гриша приземлился. Аркадий прыгнул с его спины и опустился на колени.

Несколько секунд отец и дочь смотрели друг на друга, проверяя, не является ли встреча временной мерой.

Потом обнялись.

— Ты долго, — сказала девочка.

— Я застрял в одном предложении.

— Надо было говорить короче.

Аркадий рассмеялся и заплакал одновременно. Это было единственное многоточие, которое никто не захотел отменять.

Вера подошла к Эрасту.

— Нашёл точку?

— Нашёл несколько.

— Мандат снял?

— Сам закончился.

— Значит, научился.

Она поцеловала его. Дом деликатно закрыл ставни, но оставил одну щель для архитектурного надзора.

Мира осматривала маленькие точки, принесённые людьми.

— Теперь каждый сможет закончить что угодно?

— Только свою часть, — сказал Аркадий. — Чужую точку нельзя поставить без чужого взгляда.

Фёдор поднял палец.

— А если общее дело?

— Тогда придётся смотреть друг на друга.

— Неудобно.

— Поэтому и работает не всегда.

Антонина Марковна накрыла стол.

— Сначала суп. Потом спасение грамматики.

Гриша ел из медного таза. Северин учился заканчивать тарелку, не продлевая её дополнительным финансированием. Тарас приклеивал усы мёдом и утверждал, что так даже приятнее.

Эраст почувствовал в кармане что-то круглое.

Он достал последнюю точку.

Она была чёрной с одной стороны и прозрачной с другой. Внутри вместо чужого мира виднелся его собственный дом.

— Это моя? — спросил он.

— Твоя точка зрения, — ответил Аркадий. — Береги. Власть всегда пытается выдать свою за общую.

Эраст положил точку на стол.

— Куда её поставить?

Вера посмотрела на название книги, висевшее над дверью: «Спасти мир и не стать депутатом».

— После «не стать депутатом», конечно.

— Рано, — сказал Дом.

Все повернулись.

На стене появился новый документ.

Он был коротким, без печатей и даже без просьбы срочно ознакомиться.

«УВЕДОМЛЕНИЕ О ПРИБЫТИИ ДЕЛЕГАЦИИ ИЗ БУДУЩЕГО».

— Какого будущего? — спросил Тарас.

— Которое мы сейчас не закончили, — ответил Дом.

Точка Эраста дрогнула.

Рядом с ней появились ещё две.

Получилось многоточие.

В центре гостиной открылась дверь, которой раньше не было.

Из неё вышел пожилой мужчина в знакомом мятом сюртуке. На груди у него висел депутатский значок, перечёркнутый дважды.

Эраст посмотрел на его лицо.

— Это ещё кто?

Незнакомец вздохнул.

— Ты. Если снова согласишься временно.

За его спиной будущее настойчиво просило пять минут для очень короткого совещания...

Часть одиннадцатая

Будущее выдвигает кандидата

Глава восемьдесят третья

Пять минут будущего

Пожилой Эраст вошёл в гостиную и первым делом попросил стул.

Стул отодвинулся.

— Я уже имел дело с вашими будущими версиями, — объяснил он. — Они садятся временно, а встают после смены эпохи.

Незнакомец остался стоять. Вблизи сходство с Эрастом было ещё заметнее: тот же нос, та же складка между бровей и то же выражение человека, которому снова предлагают должность вместо нормального объяснения.

Отличались только глаза. У молодого Эраста в них жила осторожность. У старого — протокол осторожности, утверждённый после катастрофы.

— Докажи, что ты — это я, — сказал Эраст.

— В детстве ты разбил окно и свалил на сквозняк.

— Это мог узнать кто угодно.

— Сквозняка тогда не было.

— Уже убедительнее.

Вера обошла гостя кругом.

— Если вы мой муж, как меня зовут?

— Вера.

— Недостаточно.

— Когда сердитесь — Вера Марковна. Когда очень сердитесь, я узнаю имя из заявления на развод.

Вера посмотрела на Эраста.

— Похож. Даже шутит в направлении опасности.

Тарас потрогал дважды перечёркнутый значок.

— Почему перечёркнут два раза?

— Первый раз я отказался от депутатства. Второй раз выяснилось, что отказ был выборной программой.

— Значит, всё получилось, как обычно, — сказал Тарас. — Человек сказал «нет», общество услышало уверенный лозунг.

Будущий Эраст положил на стол часы. На циферблате было пять минут, и все пять уже истекли.

— Я пришёл предупредить. Через три дня примут Закон обратной силы. После этого любое решение будущего станет причиной прошлого.

Мира нахмурилась.

— Закон не может действовать до своего принятия.

— Поэтому его и примут. Он уже действует.

— Кто предложил?

Старик посмотрел на Эраста.

— Ты.

— Я?

— Не совсем ты. Депутат Эраст Кунилин.

— Я не депутат.

— Пока именно поэтому тебя и выбрали.

Дом запер входную дверь и спрятал дверную ручку в кладовой.

— Никто никуда не идёт, — сказал он. — Я только восстановил стены после прошлого спасения мира.

Из двери будущего донёсся кашель.

— Делегация ожидает, — сообщил старый Эраст.

— Какая делегация?

— Комитет по установлению причин.

В гостиную вошли трое.

Первой была женщина в сером костюме. На груди у неё висела табличка «УЖЕ СОГЛАСОВАНО». За ней шёл юноша с папкой «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ ПОЯВЯТСЯ». Третьим оказался пустой пиджак.

— Где человек? — спросил Тарас.

— Должность временно вакантна, — ответил пиджак. — Но полномочия уже исполняются.

Женщина раскрыла папку.

— Эраст Акакиевич, вы избраны депутатом от Будущего округа.

— Я не выдвигался.

— Выдвинетесь через девятнадцать лет.

— Тогда и приходите.

— Нельзя. Через девятнадцать лет вы откажетесь, поэтому согласие необходимо получить сейчас.

Она положила перед ним бюллетень. В нём было два варианта: «Согласен» и «Подтверждаю, что согласился раньше».

— Где «не согласен»?

— Он появится после подсчёта голосов.

Вера взяла бюллетень и сложила пополам.

— Мой муж никуда не идёт.

Женщина улыбнулась.

— Возражение супруги принято. В будущем оно станет главным доказательством общественной значимости кандидата.

— Тогда я молчу, — сказала Вера.

— Молчание расценено как сдержанная поддержка.

— А если я вас ударю?

— Эмоциональная агитация.

Антонина Марковна принесла скалку.

— А это?

Женщина впервые задумалась.

— Не предусмотрено регламентом.

— Значит, будет без обратной силы.

Старый Эраст поднял руки.

— Нельзя их выгонять. Если делегация вернётся без подписи, Закон примут немедленно вчера.

— Чего они хотят на самом деле? — спросил Эраст.

— Чтобы ты вошёл в будущее и выступил в Палате непринятых решений.

— Сколько это займёт?

Старик показал часы.

— Пять минут.

Дом застонал всеми половицами.

Он знал: у политических пяти минут особая система летоисчисления.

Глава восемьдесят четвёртая

Депутат от вчера

Дверь в будущее пропускала только тех, чьё посещение уже было отражено в отчёте.

Эраст в отчёте числился. Тарас — тоже, но как «неустановленное сопровождающее обстоятельство с усами».

Веру не внесли.

— Я жена, — сказала она.

— Родственные связи будущего ещё не подтверждены, — ответила женщина «Уже согласовано».

— Мы женаты сейчас.

— Сейчас для нас является неподтверждённым воспоминанием.

Вера шагнула через дверь без разрешения.

Будущее попробовало не признать её, но получило такой взгляд, что внесло исправление от руки.

Гриша превратился в маленькую ящерицу и забрался Тарасу в карман. Мира осталась с Аркадием, девочкой и Северином охранять точку зрения. Дом пообещал держать дверь открытой.

— Если начнёте исчезать, — сказал он, — кричите заранее. Я не люблю ремонтировать причинность без счёта.

За дверью находился тот же город, только выше, серее и гораздо увереннее в собственных ошибках.

Над площадью висели портреты Эраста. На одном он смотрел вдаль, на другом — в отчёт, на третьем — туда, куда художнику своевременно перечислили деньги.

Под портретами было написано: «КУНИЛИН. ОН ОТКАЗАЛСЯ ПЕРВЫМ, ПОЭТОМУ СОГЛАСИЛСЯ ЗА ВСЕХ».

— Я такого не говорил, — сказал Эраст.

— Скажешь, — ответил старик.

— Нет.

— Вот именно эту фразу и используют.

На площади шёл митинг в поддержку права граждан не участвовать в митингах. Участие было обязательным, чтобы право выглядело массовым.

Люди держали плакаты: «НЕ НАДО НАС ПРЕДСТАВЛЯТЬ — МЫ ДОВЕРЯЕМ ЭТО КУНИЛИНУ», «СВОБОДА ОТ ВЫБОРА — НАШ ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР».

Тарас прочитал плакаты и снял шляпу.

— Логика умерла достойно. Ей даже устроили государственные похороны.

К ним подбежал мальчик и попросил автограф.

— Вы настоящий депутат от Вчера?

— Я настоящий человек из прошлого.

— Значит, ещё настоящий, — обрадовался мальчик.

Эраст расписался на тетради.

Тетрадь вспыхнула и превратилась в удостоверение агитатора.

— Не подписывай ничего, — сказала Вера.

— Это была детская тетрадь.

— В политике детская тетрадь — просто законопроект без связей.

У здания Палаты непринятых решений стояли памятники законам, которые могли бы улучшить жизнь, но не прошли согласование из-за отсутствия печати на согласовании печати.

Главный вход открывался назад. Чтобы попасть внутрь, следовало выйти из здания, в котором ещё не был.

Старый Эраст провёл их через служебную причину.

В вестибюле выдавали пропуска на прошлое.

Служащая спросила Эраста:

— Год рождения?

— Тысяча восемьсот...

— Устаревшая информация. Согласно Закону обратной силы, вы родились после избрания.

— Тогда сколько мне лет?

— Политически — шестьдесят два. Биологически — вопрос передан в комиссию.

Тарасу выдали пропуск с фотографией усов. Лицо сочли временным приложением.

Вере досталась карточка «НЕЗАПЛАНИРОВАННАЯ СУПРУГА».

— Исправьте, — потребовала она.

— На что?

— На «причина, по которой кандидат дожидается заседания».

Карточка исправилась сама.

Их провели в зал.

Депутаты сидели спиной к трибуне и голосовали до выступления, чтобы слова не мешали сформированной позиции.

Председательствовал большой календарь. На каждом его листе стояла одна дата: «ЗАДНИМ ЧИСЛОМ».

— Слово предоставляется депутату от Вчера Эрасту Кунилину, — объявил календарь.

— Я не депутат.

Зал заплодировал.

— Кратко, твёрдо, программно! — восхитился пустой пиджак.

— Я отказываюсь.

Аплодисменты усилились.

На стене появился новый лозунг: «ОТКАЗ — ВЫСШАЯ ФОРМА СЛУЖЕНИЯ».

Эраст повернулся к старому себе.

— Ты привёл меня в ловушку.

— Я привёл тебя туда, откуда сам не смог выйти.

— В чём разница?

— В возрасте. Когда долго живёшь в ловушке, начинаешь называть её кабинетом.

Глава восемьдесят пятая

Палата непринятых решений

Календарь предложил Эрасту изложить законопроект.

На трибуне уже лежал текст с его подписью.

«О признании будущих решений первоначальными намерениями граждан».

— Я это не писал.

— Авторство наступит после принятия, — пояснил календарь.

— А если не примут?

— Тогда вы не писали его ещё убедительнее.

Депутаты одобрительно зашелестели отсутствующими поправками.

Эраст перелистал страницы. Закон разрешал назначать причины последствиям, родителей — решениям детей, а обещания — людям, которые случайно оказались рядом с микрофоном.

Отдельная статья позволяла будущему правительству выбирать прошлое, наиболее удобное для отчётности.

— Зачем вам это?

Пустой пиджак поднялся.

— Чтобы исправлять ошибки до их совершения.

— Вы исправляете прошлое?

— Нет. Ошибки. Прошлое при необходимости подстраивается.

— А люди?

— Получают улучшенную биографию.

Вера взяла законопроект.

— Здесь написано, что мы с Эрастом познакомились на его предвыборном собрании.

— Так будет удобнее для исторического фильма.

— Мы встретились в другом мире во время конца света.

— Слишком дорого снимать.

Гриша высунул голову из кармана Тараса.

— А меня оставили?

— Вы будете метафорой, — сообщил пиджак.

Дракон оскорбился. Метафорой его уже назначали, но ни разу не кормили.

Старый Эраст стоял у стены и не поднимал глаз.

— Что случилось после принятия закона? — спросил его молодой.

— Сначала стало удобно. Мы отменили несколько войн, назначив им другие причины.

Потом отменённые причины потребовали новые войны.

— А ты?

— Меня назначили автором закона. Я отказался. Отказ включили в пояснительную записку как проявление скромности.

— Почему дважды перечёркнул значок?

— Первый раз сам. Второй — когда понял, что первое перечёркивание стало символом партии.

Председатель-календарь зазвонил страницами.

— Вопросы к докладчику.

Депутат с лицом, похожим на закрытый конверт, спросил:

— Как вы оцениваете последствия закона?

— Плохо, — ответил Эраст.

— Записано: «сдержанно положительно».

— Очень плохо.

— «Положительно с эмоциональными оговорками».

— Это преступление против времени.

— «Поддержал необходимость регулирования времени».

Тарас поднялся.

— Запишите дословно: вы все здесь идиоты.

Секретарь задумался.

— «Выступающий отметил высокий уровень единомыслия».

— Удивительно, — сказал Тарас. — Даже оскорбление у вас проходит второе чтение без автора.

Календарь объявил перерыв, который состоялся накануне.

Зал опустел до того, как депутаты встали. На креслах остались только их будущие голоса — маленькие светящиеся карточки.

Эраст взял одну.

На ней было написано: «ЗА. ПРИЧИНА БУДЕТ УКАЗАНА».

— Они голосуют заранее, — сказал он.

— Здесь заранее голосуют даже умершие, — ответил старик. — Это не нарушение. Просто их мнение стало стабильнее.

Вера заметила дверь за трибуной.

Над ней висела надпись «АРХИВ НЕСЛУЧИВШЕГОСЯ».

— Что там?

Старый Эраст вздрогнул.

— Решения, которые Палата не приняла.

— Тогда почему охраняют сильнее принятых?

— Потому что непринятые ещё могут оказаться разумными.

Охранник у двери был человеком без прошлого. В удостоверении у него значилось: «Биография уточняется в зависимости от поведения».

Вера улыбнулась ему.

— Вы нас уже пропустили.

— Когда?

— После принятия Закона обратной силы.

Охранник не хотел нарушать будущий порядок и открыл дверь.

За ней лежали миллионы свёрнутых дорог.

Каждая вела в будущее, которому когда-то не хватило одного голоса.

Глава восемьдесят шестая

Закон обратной силы

Архив Неслучившегося оказался больше города.

На полках стояли не папки, а комнаты, площади, несостоявшиеся семьи и страны, вовремя отказавшиеся от великих глупостей.

В одной банке хранился понедельник, когда никто не начал реформу. Он оставался удивительно свежим.

В другой лежала речь длиной в три слова: «Я был неправ». Её признали слишком фантастической для пленарного заседания.

Тарас остановился перед маленькой дверцей.

На ней было написано: «Мир, где Тюлькин промолчал».

— Подделка, — уверенно сказал он. — Даже будущее должно соблюдать правдоподобие.

Старый Эраст шёл впереди.

— Нам нужна первая редакция закона. В ней была статья о праве прошлого отказаться от будущего.

— Почему её убрали? — спросила Вера.

— Прошлого стало отказываться слишком часто.

Они нашли зал с табличкой «РЕШЕНИЯ, НЕ ПРИНЯТЫЕ ИЗ-ЗА ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА».

Он был переполнен.

Здесь лежал запрет обещать то, чего не понимаешь; обязанность чиновника прочесть документ до подписи; правило, по которому слово «временно» означало срок, а не наследство.

В углу пылился закон «О праве гражданина не становиться символом против собственной воли».

Эраст взял его.

Документ узнал владельца и раскрылся на нужной странице.

— Это выход?

— Если ты подпишешь статью сейчас, она станет действовать раньше Закона обратной силы, — сказал старик.

— То есть мне нужно воспользоваться законом, чтобы отменить закон?

— В будущем иначе ничего не отменяется.

Вера вырвала перо из рук старика.

— Не подписывай.

— Почему?

— Потому что всё здесь очень старательно подталкивает тебя к подписи.

Старый Эраст побледнел.

— У нас мало времени.

— У вас было девятнадцать лет.

— Я искал способ.

— И нашёл единственный, при котором молодой ты добровольно оставляет автограф?

Тарас заглянул в первую редакцию.

Между строками блестела тонкая нить. Она тянулась от места для подписи к груди старого Эраста.

Гриша выполз из кармана и понюхал документ.

— Пахнет не человеком.

— Я стар, — сказал гость.

— Старые люди пахнут воспоминаниями, лекарствами и правом рассказывать одну историю четыре раза. Ты пахнешь типографской краской.

Старый Эраст отступил.

Его лицо на мгновение стало плоским, как портрет на предвыборном плакате.

— Я — это ты, — повторил он.

— Нет, — сказала Вера. — Ты знаешь факты о нём, но не знаешь, когда он врёт, чтобы меня успокоить.

— Я никогда... — начал молодой Эраст.

Вера посмотрела на него.

— Иногда, — исправился он.

Старик схватил законопроект.

— Подпись необходима! Без неё я не существую!

Тишина в архиве стала внимательной.

— Вот теперь честно, — сказал Тарас.

Из стен вылетели светящиеся карточки будущих голосов. Они окружили старика и сложились в его тело.

Кожа превратилась в бумагу. Волосы — в сноски. Дважды перечёркнутый значок распрямился и стал печатью «ОДОБРЕНО ЗАДНИМ ЧИСЛОМ».

Перед ними стоял не будущий Эраст.

Это была Официальная Биография Эраста Кунилина — та самая, которую когда-то написали вместо него, выросшая, состарившаяся и научившаяся просить согласие.

— Настоящий ты отказался, — сказала Биография. — Поэтому исчез из государственного будущего. Осталась я.

— Где он?

— Нигде. Человек без официальной причины считается неслучившимся.

— А Вера? Тарас? Остальные?

— Их судьбы признаны производными от твоей должности. Без неё они тоже подлежат уточнению.

Вера сжала перо.

— Значит, вы хотите подпись, чтобы заменить человека его биографией.

— Не заменить. Упорядочить.

Архивные двери начали закрываться.

Непринятые решения шептали со всех полок.

Среди них Эраст услышал собственный голос.

Не старый и не молодой.

Голос человека, который прожил девятнадцать лет без должности и где-то всё-таки существовал.

Глава восемьдесят седьмая

Предвыборная кампания после выборов

— Не подписывай, — сказал голос из-за дальней полки.

Официальная Биография повернулась.

— Несанкционированная версия будущего обнаружена.

Полка раскрылась. Из неё вышел ещё один пожилой Эраст.

На нём не было значка. Сюртук был залатан на локтях, в руке он держал корзину с яблоками.

— Сколько вас ещё? — спросил Тарас.

— Официально один, — ответил человек с корзиной. — Поэтому я живу в архиве.

Вера посмотрела ему в глаза и сразу подошла ближе.

— Этот настоящий.

— Почему? — спросил молодой Эраст.

— Он принёс яблоки и забыл купить хлеб. Ты так делаешь во всех временах.

Настоящий будущий Эраст поставил корзину на пол.

— Я отказался от депутатства. Закон обратной силы приняли без меня, но сделали меня его автором. Когда я возразил, моё возражение признали неофициальной версией событий.

— Как ты выжил?

— Вера спрятала меня в решении, которое Палата никогда не примет.

— В каком?

— «Слушать человека дольше, чем его должность».

Молодая Вера улыбнулась.

— Хорошее место.

Биография подняла печать.

— Предвыборная кампания возобновляется. Избрание уже состоялось, поэтому агитация будет объективной.

Архив исчез.

Все оказались на площади будущего. Над домами раскрылись экраны.

На них молодой Эраст совершал подвиги, о которых впервые слышал: лично избобрёл отказ, победил три бюрократии одним заявлением и в детстве спас бюджет от утопления.

— Я не умею плавать, — сказал Эраст.

— Детали снижают рейтинг, — ответила Биография.

На площадь вывели избирателей. Каждому заранее сообщили, за кого он проголосовал и почему это был зрелый выбор.

Старушка подняла руку.

— А если мне не нравится Кунилин?

— Ваше недовольство доказывает его независимость.

— А если нравится?

— Ваше одобрение доказывает поддержку.

— А если я его не знаю?

— Широкая известность не требует личного знакомства.

Старушка подумала.

— Удобный человек. Что ни скажи, всё за него.

— Именно, — сказала Биография.

Тарас забрался на фонтан.

— Граждане! Перед вами два Эраста. Один настоящий, другой официальный. Настоящий не хочет быть депутатом, официальный хочет за него!

Толпа оживилась.

— А который обещает снизить налоги?

— Официальный.

— Тогда пусть он и платит.

Экран немедленно показал Тараса как иностранного агента настоящего времени.

Гриша вырос до размеров дракона и закрыл экран крылом.

На другом экране появилась Вера.

Диктор сообщил, что супруга кандидата полностью поддерживает его решение посвятить семье свободные вечера после двадцатичасового рабочего дня.

— Я этого не говорила, — сказала Вера.

— Будете отрицать? — спросила Биография.

— Нет. Я покажу.

Она взяла молодого Эраста за руку и повела прочь с площади.

— Кандидат покидает избирателей! — закричал диктор.

Люди посмотрели на Эраста.

— Куда вы?

— Домой.

— До выборов?

— Особенно после них.

— А обещания?

— Не давал.

— Программа?

— Не писал.

— Что вы сделаете для народа?

Эраст остановился.

— Не стану использовать вас как причину собственной власти.

На площади стало тихо.

Биография быстро напечатала плакат с этой фразой.

— Прекрасный лозунг!

Но никто не поднял плакат.

Впервые слова кандидата не превратились в агитацию. Они остались его отказом.

И тогда будущие выборы начали терять прошлые результаты.

Глава восемьдесят восьмая

Человек, которого могло не быть

Из урн стали вылетать бюллетени.

Они возвращались к избирателям и спрашивали, действительно ли те их заполняли.

Большинство людей не помнило. Некоторые помнили другое. Один мужчина признался, что вообще пришёл погреться.

Календарь на Палате замелькал датами.

«ЗАДНИМ ЧИСЛОМ» сменилось на «ВОЗМОЖНО», затем на «ТРЕБУЕТСЯ УТОЧНЕНИЕ», а потом календарь впервые показал сегодняшний день.

— Немедленно восстановить причину! — приказала Биография.

Пустой пиджак бросился к Эрасту.

— Хотя бы примерьте меня. Это не согласие, а протокольное совпадение размеров.

— Я уже носил чужую должность, — сказал Эраст. — Жмёт в совести.

Пиджак попытался надеться сам. Вера завязала его рукава узлом.

Будущий настоящий Эраст раскрыл корзину.

Под яблоками лежали письма.

— Это от людей, чьи судьбы объявили производными от твоей должности.

Молодой Эраст развернул первое.

Там было написано: «Я родился не потому, что вы приняли закон. Мои родители просто любили друг друга и однажды забыли о благоразумии».

Во втором: «Мой дом построили каменщики, а не постановление».

В третьем: «Я совершил ошибку самостоятельно. Прошу государство не присваивать авторство».

Люди на площади стали читать письма вслух.

Каждая личная причина отрывала от Биографии лист.

Под бумагой не было тела. Только пустота, вырезанная по форме Эраста.

— Без меня он исчезнет! — кричала Биография. — Человек обязан иметь официальное объяснение!

— Человек может быть без вашего объяснения, — сказал будущий Эраст.

— Тогда зачем вы существуете?

Он пожал плечами.

— Вера позвала ужинать.

— Это недостаточное основание для исторического лица!

— Для живого — вполне.

Биография бросилась к молодому Эрасту и обняла его бумажными руками.

— Подпиши. Я дам тебе правильное будущее. Тебя будут помнить.

— А если не подпишу?

— Тебя могут забыть.
— Зато не перепутают с тобой.
Эраст разорвал место для подписи.
Биография закричала всеми официальными цитатами сразу.
Портреты над площадью посыпались. Под каждым обнаружилась стена, а за некоторыми
— окна. Люди открыли их и впервые увидели не лицо кандидата, а соседей.
Закон обратной силы задрожал.
Все будущие решения потеряли право назначать себе удобные причины.
Отменённые войны вернули настоящие поводы: жадность, страх, обида, неудачно постав-
ленный стол на переговорах.
Героические биографии стали короче. Зато в них появились люди.
Официальная Биография уменьшилась до одной папки.
На обложке осталось: «КУНИЛИН ЭРАСТ АКА... ДАННЫЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНЫ».
Тарас поднял папку.
— Сжечь?
— Нет, — сказал Эраст. — Сдать в архив как пример.
— Чего?
— Того, как документ пытался прожить человека.
Папка приоткрылась.
— Прошу учесть моё деятельное раскаяние и назначить заведующей архивом.
— Вот теперь сжечь? — уточнил Гриша.
— Теперь можно просто не назначать.
Будущий Эраст взял молодого за плечо.
— Спасибо.
— Ты теперь останешься?
— Не знаю. Моё будущее больше не обязано происходить именно так.
Его фигура стала прозрачной.
Вера хотела что-то сказать, но он улыбнулся.
— Не бойся. Я не исчезаю. Я снова становлюсь возможностью.
Корзина с яблоками осталась на земле.
Тарас взял одно.
— Хорошее будущее. Немного кислое, зато без печати.

Глава восемьдесят девятая
Голос будущего времени
Палата непринятых решений открыла двери.
Непринятые законы вышли на площадь и растерялись. Всю жизнь они знали, как улуч-
шить мир, но никто не объяснил, что делать после освобождения.
Закон об обязательном чтении документов сразу потребовал инструкцию к самому себе.
Право человека не становиться символом забралось на фонтан и отказалось выступать
от имени остальных прав.
Правило о конечности временных полномочий установило себе срок в один день и ушло
работать.
— Их нельзя принимать все сразу, — сказал Эраст.
— Почему? — спросил пустой пиджак, всё ещё связанный Верой.
— Потому что разумное решение, принятое без разума, тоже становится бедствием.
Календарь-председатель спустился со стены.
— Палате необходим новый состав.
— Выберите людей, — предложил Тарас.

— Мы пробовали. Они начинают думать по-разному.

— Ради этого их обычно и выбирают.

— Тогда заседания становятся непредсказуемыми.

— Ради этого их иногда и показывают народу.

На площади появились маленькие двери. Каждая вела в одно из возможных будущих.

В одном Эраст стал депутатом и через неделю превратил парламент в мастерскую по ремонту табуретов: только у табуретов последствия решений были видны сразу.

В другом депутатом стал Тарас. Первым законом он запретил принимать первый закон, после чего государство зажило осторожнее.

В третьем Вера возглавила правительство и за два дня отправила всех министров домой подумать. Половина не вернулась, и производительность выросла.

В четвёртом Гришу избрали большинством голосов. Он съел урну, бюллетени и бюджет избирательной комиссии, за что получил рекордный рейтинг честности.

— Мне нравится четвёртое, — сказал дракон.

— Там тебя через месяц объявили метафорой инфляции, — предупредил Эраст.

— Закрывай.

Двери множились.

Будущее больше не было одним коридором, утверждённым задним числом. Оно стало рынком дорог, где никто не выдавал гарантий и потому приходилось смотреть под ноги.

Женщина «Уже согласовано» сняла табличку.

Под ней обнаружилась другая: «МОЖНО ОБСУДИТЬ».

— Я всегда мечтала работать с этой формулировкой, — призналась она. — Но у неё ниже оклад.

Юноша открыл папку «Доказательства, которые появятся».

Она была пустой.

— Что мне теперь делать?

— Искать доказательства, которые уже есть, — сказала Вера.

— А если они не подтверждают вывод?

— Поменять вывод.

Юноша сел на землю. Будущее требовало от него слишком резкой профессиональной переподготовки.

Эраст подошёл к трибуне. На ней больше не было готовой речи.

Люди ждали.

— Я не знаю, что вам выбрать, — сказал он.

Секретарь записал дословно. Рука у него дрожала от непривычной точности.

— Я не знаю, какое будущее правильное. И не буду назначать себя его причиной.

Кто-то в толпе спросил:

— Тогда зачем вы приехали?

— Меня пригласили на пять минут.

Календарь посмотрел на часы.

— Прошло четыре минуты пятьдесят девять секунд.

— Наконец-то честный политический срок, — сказал Тарас.

Последняя секунда не двигалась.

— Почему время остановилось? — спросила Вера.

Пустой пиджак зашевелился.

— Для завершения визита требуется итоговое решение Палаты.

— Какое?

— Признать Эраста Кунилина депутатом хотя бы на одну секунду. Иначе делегация не имела права его приглашать.

Эраст засмеялся.

— Вы всё ещё хотите создать причину.

— Без неё пять минут не могут закончиться.

Домовая дверь вдали начала закрываться.

Из прошлого донёсся голос Дома:

— У вас одна секунда! Потом причинность будет за мой счёт!

Календарь поднял лист для голосования.

И тысячи возможных будущих одновременно потребовали права подать голос.

Глава девяностая

Не стать депутатом ещё раз

Голоса возможных будущих заполнили площадь.

Одни хотели избрать Эраста, чтобы он спас их. Другие — чтобы он отвечал за то, что не спас. Третьи просто любили выборы: там бесплатно выдавали карандаши.

Календарь раскрыл урну.

— Голосование начато в последнюю секунду.

— Она бесконечная? — спросил Тарас.

— До установления результата.

— Опять временно навсегда.

Эраст посмотрел на двери будущего.

За каждой стояла его версия: депутат, сапожник, беглец, учитель, старик с яблоками, человек, который однажды не вышел из дома и поэтому не спас никого, кроме себя.

— Они имеют право голосовать? — спросил он.

— Они могут возникнуть в результате вашего решения, — сказал календарь.

— Значит, заинтересованы.

— Именно.

— Тогда не имеют права решать, какой из них станет моей обязанностью.

Эраст вынул свою точку зрения.

После путешествия она стала прозрачной с обеих сторон.

— Я ставлю точку после фразы «Эраст Кунилин не является депутатом будущего».

— Нельзя! — закричал пустой пиджак. — Тогда визит делегации окажется незаконным!

— Он и был незаконным.

— Но уже состоялся!

— Это ваше последствие. Не делайте его моей причиной.

Эраст поставил точку.

Последняя секунда пошла.

Календарь судорожно перелистнул страницу.

Пять минут закончились.

Палата не исчезла. Просто перестала быть непринятой и стала собранием людей, которым предстояло решить, нужна ли им Палата.

Пустой пиджак упал на пол.

Из него выполз маленький серый человечек.

— Я временно исполнял обязанности пустоты, — признался он. — Можно теперь просто быть гардеробщиком?

— Можно, — сказала Вера. — Но пиджаки спрашивайте.

Календарь показал обычную дату.

Женщина перевернула табличку «Можно обсудить» и открыла первое настоящее заседание будущего.

Эраст, Вера, Тарас и Гриша бросились к двери в прошлое.

Дом держал её последней петлёй.

— Быстрее! — кричал он. — Я не рассчитан на временные парадоксы! У меня стены несущие, а не рассуждающие!

Они прыгнули в гостиную.

Дверь захлопнулась и превратилась в шкаф.

Из шкафа выпала корзина яблок.

— Значит, то будущее осталось возможным, — сказала Вера.

— Главное, хлеб он там всё-таки купит, — ответил Эраст.

Антонина Марковна пересчитала вернувшихся.

— Четверо ушли, четверо пришли. Редкий случай, когда политика не требует доплаты за недостаток.

Мира осмотрела точку Эраста.

— Она изменилась.

— Теперь через неё видно в обе стороны.

— Значит, ты можешь смотреть в будущее?

— Могу. Но оно тоже смотрит на меня, и это дисциплинирует.

Северин Бессрочный осторожно спросил:

— Закон обратной силы отменён?

— Его ещё не приняли.

— Тогда как узнать, отменён ли он?

— Не принимать.

— Слишком простое решение.

— Запишите, пока не усложнили.

Аркадий поставил точку в конце записи.

Девочка принесла Грише таз с ужином. Дракон съел мясо, таз и половину формулировки «на будущее».

Тарас повесил дважды перечёркнутый значок на стену.

— Как трофей? — спросил Эраст.

— Как напоминание. Один отказ иногда приходится повторять дважды.

Дом открыл ставни.

На площади всё было спокойно. Подозрительно спокойно — так бывает только перед праздником, бедствием или утверждением повестки.

К воротам подошла процессия людей в одинаковых белых масках.

Каждый нёс урну. Урны были пустыми, но изнутри доносились голоса.

Впереди шёл человек с колокольчиком.

— Жители города! — объявил он. — Начинается перепись тех, кто мог бы проголосовать иначе!

— За кого? — крикнул Тарас из окна.

— Это и предстоит установить.

Человек развернул длинный список кандидатов.

Первым в нём стоял Эраст Кунилин.

Имя было аккуратно вычеркнуто.

Вторым стоял Тарас Тюлькин.

Тарас медленно снял шляпу.

— Почему я?

Урны хором ответили:

— Потому что вы никогда не отказывались.

Эраст посмотрел на друга.

— Поздравляю. У тебя сильная предвыборная позиция.

— Какая?
— Ты ещё не успел испортить её словами.
Тарас закрыл окно.
Урны постучали в дверь.
Часть двенадцатая
Голос, которого не подавали

Глава девяносто первая
Кандидат Тарас

Урны стучали настойчиво, но вежливо. Вежливость вообще удобна, когда за дверью вас сорок семь и каждая весит как небольшой сейф.

— Открывайте! — потребовал человек с колокольчиком. — Перепись добровольная, поэтому уклонение обязательно фиксируется.

Дом прижал дверь косяком.

— Я не пускаю агитацию после восьми вечера. Она пачкает коврик обещаниями.

Тарас заглянул в список ещё раз.

Его имя стояло вторым. Рядом значилось: «Кандидат по причине отсутствия документально подтверждённого отказа».

— Я сейчас подтверждаю, — сказал он.

— Не торопись, — предупредил Эраст. — У них отказ обычно считается согласием повышенной искренности.

— Тогда я не отказываюсь.

За дверью зазвонил колокольчик.

— Зафиксировано отсутствие отказа!

Тарас закрыл рот ладонью.

— Быстро учатся, гады.

Одна маленькая урна протиснулась под дверь. Она была деревянной, потёртой и с щелью вместо рта.

— Кандидат обнаружен, — сказала она женским голосом. — Прошу сохранять естественное выражение лица. Оно будет улучшено на плакатах.

— У меня естественное лицо, — возмутился Тарас.

— Именно поэтому потребуется улучшение.

Гриша понюхал урну.

— Пустая.

— Внутри голоса, — ответила она.

— Я слышу.

— Тогда зачем говорите «пустая»?

— Внутри нет людей.

— Для голосования это необязательное условие.

Урна представилась Урнией Павловной, старшим хранилищем неподанных мнений Центральной комиссии возможного волеизъявления.

— Почему вы выбрали Тараса? — спросила Вера.

— Мы никого не выбирали. Мы подсчитали, кого могли бы выбрать, если бы выбирали иначе.

— А почему не Эраста?

— Он слишком часто отказывается. Его отрицательная определённость искажает вероятностную явку.

— А Тарас?

— Не имеет официальной позиции.

Тарас оскорбился.

— У меня полно позиций.

— Перечислите.

— Я против глупости, за бесплатный обед и не доверяю мебели, которая просит полномочия.

Урния довольно задремала.

— Прекрасно. Три несовместимых пункта, ни одного способа исполнения. Программа почти готова.

Антонина Марковна поставила перед урной пирожок.

— Вы едите?

— Только бюллетени.

— Поэтому и пустая.

За окнами люди в белых масках расставляли урны по площади. Из каждой доносились споры, вздохи и фразы, которые граждане придумали уже по дороге домой.

— Что это за голоса? — спросил Эраст.

— Альтернативные, — ответила Урния. — Каждый человек голосует один раз, но мог бы проголосовать иначе. Мы сохраняем все возможности.

— Зачем?

— Чтобы большинство никогда не зависело от тех, кто действительно пришёл.

Мира побледнела.

— Вы считаете несделанный выбор.

— Он объективнее сделанного. Сделанный портят обстоятельства, сомнения и люди.

Тарас подошёл к двери.

— Послушайте, я не кандидат.

Урны хором зашептали. Из их щелей вылетели сотни бумажных голосов.

«Он скромн».

«Он близок народу».

«Он не испорчен должностью, потому что ещё не успел».

Один голос добавил: «Усы внушают умеренную тревогу, а это почти доверие».

— Видите? — сказала Урния. — Вы уже вызываете широкий спектр поддержки, включая неприязнь.

— Я не соглашусь.

— Ваше согласие не требуется. Мы избираем вас от имени тех, кто мог бы потребовать его позже.

Дом открыл окно на втором этаже.

— Тарас, можешь бежать через крышу.

— А они не посчитают это предвыборным туром?

Урния заглянула в инструкцию.

— Посчитаем.

Тарас сел на пол.

— Впервые в жизни я окружён собственными возможностями. И все они хуже действительности.

Глава девяносто вторая

Перепись несогласных с собой

Утром перепись началась без согласия утра.

Люди в белых масках ходили по домам и задавали один вопрос:

— Как бы вы проголосовали, если бы передумали?

Ответ записывали независимо от того, успел ли человек понять первую мысль.

Сапожник сказал, что поддержал бы Тараса за честные усы. Через минуту добавил, что усы подозрительны. Оба голоса положили в разные урны и признали равноправными.

Пекарь воздержался. Его возможное согласие и возможное несогласие учли как два проявления гражданской активности.

Старик заявил, что не знает кандидата.

— Если бы знали, понравился бы? — спросил переписчик.

— Может быть.

— Один голос за.

— А может, нет.

— Один против. Благодарим за высокую явку.

К полудню число голосов втрое превысило население города.

— Хорошая активность, — сказал человек с колокольчиком. — Особенно среди отсутствующих.

Эраст, Тарас и Вера вышли на площадь. Гриша летел над ними в виде голубя, но дымный хвост мешал естественной маскировке.

Маски поворачивались вслед за Тарасом.

— Зачем они скрывают лица? — спросил он.

Урния катилась рядом.

— Чтобы личность переписчика не влияла на мнение опрашиваемого.

— А под масками кто?

— Мнения.

Один переписчик снял маску.

Под ней не оказалось лица — только десятки ртов, каждый говорил другое.

«Я всегда голосую сердцем».

«Главное — стабильность».

«Нужно всё менять».

«Лишь бы не было хуже».

«Хуже уже было, но я тогда был моложе».

Переписчик быстро надел маску.

— Мы состоим из мнений, которые люди не высказали, — объяснил он. — У живых граждан слишком мало времени, чтобы передумать всеми доступными способами.

— Значит, вы передумываете за них? — спросила Вера.

— Мы обеспечиваем полноту сомнений.

Тараса привели к сцене. Там уже висел его портрет. Художник добавил кандидату высокий лоб, прямую спину и убрал выражение человека, который случайно зашёл не в ту дверь.

— Это не я.

— Это вы после избрания, — сказала Урния.

— А если не изберут?

— Портрет будет признан сатирическим.

На сцену поднялась женщина с двумя сумками.

— Тарас Ананиевич, вы обещаете снизить налоги?

— Нет.

— Повысить?

— Нет.

— Оставить?

— Я не собираюсь ничего делать с вашими налогами.

Урния выпустила три бюллетеня: за снижение, за повышение и за сохранение.

— Откуда это? — возмутился Тарас.

— Каждый слышал то, против чего вы не привели расчётов.

Эраст взял один бюллетень.

На обороте мелко значилось: «Голос действителен до выяснения настоящего мнения избирателя».

— А если настоящее мнение выяснится?

— Оно станет одним из возможных, — ответила Урния.

Мира подбежала к ним с книгой переписи.

— Здесь уже записаны люди, которые ещё не родились.

— У них тоже есть будущее мнение, — сказал человек с колокольчиком.

— И умершие.

— У них мнение особенно устойчивое. Они редко меняют показания.

Аркадий Пунктуальный вытащил красный карандаш.

— Я закончу перепись.

— Нельзя, — предупредила Урния. — У списка нет последней строки.

Книга распахнулась. Страницы побежали вдаль, перечисляя всех, кто мог бы существовать при другой погоде, встрече или неосторожном комплименте.

Тарас увидел своё имя тысячи раз.

«Тарас, согласившийся».

«Тарас, отказавшийся».

«Тарас, который ушёл за пирожком и пропустил историю».

Последняя версия была подчёркнута как наиболее вероятная.

— Вот за него я бы проголосовал, — признался Тарас.

Книга захлопнулась.

— Голос кандидата за самого себя зарегистрирован, — объявил колокольчик.

Тарас понял, что даже шутка имеет избирательный участок.

Глава девяносто третья

Урна с характером

Ночью Урния Павловна разбудила Эраста тихим деревянным кашлем.

— Нам нужно поговорить без протокола.

— Урны умеют говорить без протокола?

— Умеют. Но потом всю ночь чувствуют себя прозрачными.

Она покатила в кладовую. Там Дом держал забытые должности, лишние двери и одну метлу, избранную председателем собрания жильцов.

Тарас уже сидел на мешке с мукой.

— Она и меня позвала. Значит, тайна будет коллективной и сразу перестанет быть тайной.

Урния открыла крышку.

Внутри лежал один настоящий бюллетень.

На нём детской рукой было написано: «Не хочу выбирать за другого».

— Чей это голос? — спросил Эраст.

— Тараса.

Тарас перестал улыбаться.

— Я такого не писал.

— Написали в двенадцать лет. Вас заставляли выбрать, кого исключить из дворовой команды. Вы отказались голосовать.

Тарас долго смотрел на кривые буквы.

— Петьку исключили всё равно.

— Да. А ваш отказ забрала первая урна.

— Зачем?

— Он стал основанием нашей системы. Комиссия решила: если человек не подал голос, значит, его голос свободен и может быть использован для более полной картины.

— Вы украли моё «нет»?

— Мы его сохранили. Потом размножили. Потом забыли, что оригинал означал отказ участвовать в чужой несправедливости.

Дом тихо скрипнул.

— Старые основания всегда хранят в кладовой. На свету видно, что они были обычной ошибкой.

Тарас взял бюллетень.

Бумага прилипла к пальцам.

На площади все урны одновременно повернулись к Дому.

— Они почувствовали оригинал, — сказала Урния.

— Почему отдала его?

— Потому что я устала быть пустой.

— В тебе полно голосов.

— Ни один не мой.

Эраст присел рядом.

— А чего хочешь ты?

Урния задрожала. Щель на крышке открылась шире.

— Не знаю. Нас создавали хранить выбор, а не делать его.

— Незнание — хороший первый собственный ответ, — сказал Эраст.

Снаружи ударил колокол.

Человек с колокольчиком объявил:

— Зафиксирована кража учредительного голоса! Кандидат Тарас Тюлькин похитил собственное мнение!

— Удобная формулировка, — сказал Тарас. — Вернул своё и сразу преступник.

Белые маски окружили Дом.

Они принесли ордер на обыск возможных помещений. В список входили чердак, подвал, кладовая и комнаты, которые Дом мог бы пристроить при благоприятном финансировании.

Дом возмутился.

— Мои возможные комнаты являются архитектурной тайной.

Дверь начала прогибаться.

Гриша проснулся и высунул из печной трубы голову.

— Сжечь?

— Нет, — сказал Тарас. — Они только этого и ждут. Запишут огонь как яркое выступление кандидата.

— Тогда съём колокольчик.

— Это уже ближе к общественной пользе.

Урния закрыла крышку.

— Есть место, где можно вернуть отказ всей системе.

— Избирательная комиссия?

— Нулевой участок. Там считают голоса, которых никогда не было.

— Где он?

— Под городом. Между фундаментом власти и здравым смыслом.

— Узко, наверное, — заметил Тарас.

— Поэтому здравый смысл туда почти не попадает.

Пол в кладовой раскрылся.

Снизу донёсся шелест миллионов неподанных бюллетеней.

Тарас спрятал детский отказ за пазуху.

- Пойдём возвращать мне право не выбирать негодяя из двух друзей.
- Их было трое, — напомнила Урния.
- Тем более выборы были хорошо организованы.

Глава девяносто четвёртая
Предвыборные обещания избирателей
Под городом находился ещё один город — без домов, зато с бесконечными коридорами к урнам.

На стенах висели обещания избирателей кандидатам.

«Если вы победите, я обязательно начну следить за политикой».

«Если снизите цены, я перестану ругать погоду».

«Если сделаете всё хорошо, признаю, что голосовал за вас».

Большинство обещаний не имело срока исполнения и поэтому выглядело вполне государственно.

— Я думал, обещают кандидаты, — сказал Тарас.

— Обещают все, — ответила Урния. — Просто с кандидатов потом иногда спрашивают.

В первом зале люди тренировались вспоминать, за кого голосовали.

Инструктор показывал портрет, участники поднимали руки, а затем портрет меняли на победителя.

— Правильное воспоминание должно совпадать с результатом, — объяснял он.

Во втором зале хранились обещания не ходить на выборы. Они считались самыми надёжными и использовались комиссией как постоянный резерв.

В третьем заседали кандидаты, которые обещали ничего не обещать. Каждый выступал по два часа, объясняя преимущества краткости.

Тарас хотел пройти мимо, но его узнали.

— Кандидат! Скажите несколько слов!

— Нет.

— Хотя бы одно!

— Нет.

— Великолепная последовательность!

Ему вручили медаль «За верность программе».

Тарас повесил её на ближайшего кандидата. Медаль немедленно изменила его программу.

Урния привела их к лифту.

На кнопках были не этажи, а проценты явки: тридцать, пятьдесят, семьдесят и сто двадцать.

— Нулевой участок ниже нулевой явки, — сказала она.

— Кнопки нет.

— Потому что официально туда никто не спускается.

Гриша нажал все кнопки хвостом.

Лифт вздохнул и поехал в сторону статистики.

На уровне ста двадцати процентов стало тесно. В кабину вошли дополнительные избиратели, необходимые для красивого отчёта.

Они были прозрачными и пахли свежей краской.

— Вы за кого? — спросил один у Тараса.

— Я кандидат.

— Это не мешает. Кандидаты тоже должны понимать, за кого их считают.

— За себя не голосую.

Прозрачный избиратель сделал отметку.

- Голос против себя засчитан как доказательство отсутствия корысти.
- А если я за себя?
- Уверенность лидера.
- А если воздержусь?
- Государственная сдержанность.
- А если съём бюллетень?

Гриша заинтересованно поднял голову.

— Забота об экологии, — ответил избиратель.

— Не система, а вечный двигатель поддержки, — сказал Эраст.

На самом нижнем уровне лифт остановился между вариантами.

Двери открылись в темноту.

Там сидели голоса, не принадлежавшие никому.

Они шептали кандидатам обещания от имени избирателей:

«Мы простим вам всё, если победите».

«Мы не будем проверять».

«Мы согласимся, что другого выхода не было».

Тарас сжал детский бюллетень.

— Вот чем вы их кормите.

Урния заскрипела.

— Голосами, от которых люди отказались ещё до вопроса.

В центре темноты горела цифра «0».

Внутри нуля стояло кресло.

На кресле сидело Большинство.

У него не было ни одного лица.

Глава девяносто пятая

Большинство, которого не было

Большинство поднялось с кресла и сразу заняло больше половины зала.

Оно состояло из пустых мест, неподнятых рук и людей, которые сказали: «За меня всё равно решат».

— Добро пожаловать, кандидат, — произнесло оно тысячами голосов.

— Я не кандидат, — сказал Тарас.

— Именно поэтому вы нам подходите. У вас нет собственной программы, значит, в вас поместится наша.

— У меня есть мысли.

— Мы проверили. Они не оформлены.

Большинство протянуло Тарасу белый лист.

— Подпишите согласие представлять тех, кто не захотел присутствовать.

— Они просили?

— Они не возражали в установленной форме.

— А форма была?

— Нет. Поэтому возражений не поступило.

Эраст шагнул вперёд.

— Вы не большинство. Вы отсутствие людей.

— Отсутствующие тоже народ.

— Да. Но отсутствие голоса — не голос за вас.

Большинство засмеялось.

— Вы уже пытались отделить молчание от согласия. Результат признали слишком сложным для подсчёта.

Вокруг зажглись табло.

На одном Тарас побеждал с шестьюдесятью процентами. На другом — с восьмьюдесятью. На третьем результат был сто два процента, но комиссия обещала найти разумное объяснение после награждения.

— Голосование ещё не было, — сказала Вера.

— Результат не обязан зависеть от процедуры, — ответило Большинство. — Процедура нужна, чтобы результат выглядел воспитанным.

Урния подкатилась к креслу.

— Освободите голоса.

— Ты хранилище, а не избиратель.

— Я больше не хочу хранить чужое молчание как согласие.

— У урны нет желания.

— Теперь есть.

Большинство ударило её пустой рукой.

Крышка Урнии распахнулась. Из неё вырвались голоса.

Они летали по залу, искали владельцев и, не найдя, цеплялись к любым словам.

Эраст сказал «стойте» — и получил тысячу голосов за порядок.

Вера сказала «отпустите» — и стала лидером партии свободы крышек.

Гриша чихнул — его выдвинули сторонники огненного обновления.

— Не говорите! — крикнул Тарас.

Его призыв поддержали сторонники цензуры, тишины и послеобеденного сна.

Большинство росло от каждого случайного смысла.

— Видите? — гремело оно. — Любое слово можно поддержать. Значит, поддержка существует раньше слова.

Аркадий вынул красный карандаш.

— Тогда поставим точку до слова.

— Невозможно. Точка завершает то, что было.

— А ноль? — спросил Тарас.

Все посмотрели на горящую цифру.

Ноль был похож на урну сверху и на замкнутый круг сбоку.

Тарас подошёл к нему.

— Вы считаете неподанные голоса от нуля?

— Разумеется.

— Тогда ноль — первый избиратель.

Большинство замерло.

— Числа не голосуют.

— А отсутствующие голосуют?

— В статистическом смысле.

— Тогда спросим ноль в статистическом.

Тарас повернулся к цифре.

— Ты за меня?

Ноль ничего не ответил.

— Возражений не поступило! — обрадовалось Большинство.

— Нет. Молчание не ответ. Вы сами это сейчас доказали, назвав его молчанием.

Цифра «0» треснула.

Из неё выпал первый неподанный голос — тот самый детский бюллетень Тараса.

Большинство отшатнулось.

— Верните учредительный отказ!

— Он не ваш.

— Без него мы не можем считать молчание выбором!
— Значит, впервые посчитаете людей.

Глава девяносто шестая

Тарас говорит нет

Большинство закрыло все выходы пустыми местами.

Белые маски вошли в зал и окружили Тараса.

Человек с колокольчиком раскрыл протокол.

— Кандидату предоставляется последнее слово, которое будет истолковано в его пользу.

— Чью пользу? — спросил Тарас.

— Нашу. Но формально вашу.

Тарас посмотрел на детский бюллетень.

Кривые буквы напомнили двор, троих мальчишек и взрослых, которые хотели, чтобы несправедливость выглядела коллективным решением.

Тогда он промолчал после отказа. Петьку исключили, а Тарас много лет рассказывал себе, что ничего не мог сделать.

— Я скажу не последнее слово, — произнёс он. — Я скажу первое.

Колокольчик приготовился звонить.

— Нет.

Табло вспыхнули.

«СКРОМНОСТЬ».

«ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ».

«ГОТОВНОСТЬ К ДИАЛОГУ ПОСЛЕ ОТКАЗА».

— Я говорю «нет» не должности, — продолжил Тарас. — Я говорю «нет» вашему праву превращать чужое молчание в свой голос.

Табло задумались.

Большинство заговорило громче:

— Он защищает молчаливых избирателей!

— Нет. Я не говорю за них.

— Он уважает их позицию!

— Я не знаю их позиции.

— Он представляет неопределившихся!

— Я не представляю никого, кто меня не просил.

Каждая фраза сужала Большинство.

Пустые места превращались в обычные стулья. Неподнятые руки опускались к своим владельцам. Маски трескались, открывая растерянные лица переписчиков.

Тарас поднял бюллетень.

— В двенадцать лет я не захотел выбирать, кого выгнать из команды. Мой отказ не означал, что можно выгнать любого. Он означал: вопрос поставлен неправильно.

Аркадий улыбнулся.

— Вот и точка приложения.

Он коснулся бюллетеня красным карандашом.

Детские слова выросли на стенах Нулевого участка:

«НЕ ХОЧУ ВЫБИРАТЬ ЗА ДРУГОГО».

Все украденные голоса остановились.

Они вспомнили, что были не ответами, а сомнениями, вздохами, страхом ошибиться и правом не участвовать.

Урны начали открываться.

Из них выходило молчание.

Не покорное и не согласное. Обычное молчание, которому не требовался переводчик от комиссии.

Большинство уменьшилось до невысокого человека без лица.

— Если молчание ничего не означает, как мы узнаем волю народа?

— Спросите, — сказал Тарас.

— Мы спрашивали.

— И слушайте ответ, а не всё, что могло бы прозвучать вместо него.

— Но люди ошибаются.

— Это их ошибка.

— Они передумывают.

— Это их право.

— Они не приходят.

— Значит, вы не получили их голос.

Человек без лица сел на пол.

— Тогда мы никогда не получим идеального большинства.

— Поздравляю, — сказал Эраст. — Вы обнаружили людей.

Колокольчик треснул.

Человек, который его держал, впервые заговорил собственным голосом:

— Я вообще хотел разводить пчёл.

— Почему не разводили? — спросила Вера.

— Комиссии нужен был человек со звонким будущим.

Гриша проглотил колокольчик.

— Теперь будущее будет жужжать.

Тарас вернул бюллетень в карман.

На нём появилась точка.

Его первый отказ наконец закончился.

Глава девяносто седьмая

Депутат от пустого места

После распада Большинства выяснилось, что Нулевой участок принадлежит никому.

Сразу появились семь ведомств, готовых управлять ничьей собственностью.

Первое отвечало за ноль, второе — за участок, третье — за сочетание слов, четвёртое проверяло полномочия первых трёх и уже требовало отдельное здание.

— Закройте их, пока не размножились, — сказал Дом через половую щель.

Его голос доносился сверху: открытый проход превратил кладовую в филиал подземной причинности.

Урния Павловна подкатилась к пустому креслу.

— Кто теперь будет хранить поданные голоса?

— А их нужно хранить в тебе? — спросила Мира.

— Так устроена урна.

— Дом устроен хранить жильцов, но не считает их своей собственностью, — сказала Вера.

Дом довольно расправил водосточную трубу.

— Иногда считаю. Но только когда они портят обои.

Аркадий осмотрел остальные урны.

— Пусть каждая возвращает голос владельцу после подсчёта.

— Тогда результаты нельзя будет пересчитать нужным образом, — возразил бывший человек с колокольчиком.

— Отлично.

— А если возникнет спор?
— Спросите человека ещё раз.
— Он может ответить иначе.
— Значит, спор был не зря.
Урны переглянулись щелями.

Им не нравилась мысль остаться без голосов. Пустота раньше была их позором, а теперь становилась честным состоянием после работы.

Урния первой вытряхнула содержимое.

Чужие мнения разлетелись к людям. Некоторые вернулись в головы, другие растворились по дороге, потому что владельцы давно передумали и не обязаны были вспоминать почему.

На дне Урнии обнаружилась маленькая записка.

«ХОЧУ БЫТЬ САДОВОЙ КАДКОЙ».

— Это твоё желание? — спросил Тарас.
— Первое оформленное.
— Хорошая должность. Земля внутри своя, выборы только весной.
Гриша осторожно прожёт в её дне отверстие для воды.
— Без этого желания загнивают, — объяснил он.
Пустое кресло тем временем нервничало.
— У меня нет депутата, — пожаловалось оно.
— Отдохни, — предложил Эраст.
— Кресло без депутата считается пустым местом.
— Оно и есть пустое место.
— Но раньше пустое место считалось депутатом.

Тарас сел в кресло.

Все замерли.

— Что ты делаешь? — спросил Эраст.

— Проверяю.

Кресло попыталось застегнуть на нём полномочия.

Тарас тут же встал.

— Проверка окончена.

На спинке появилась табличка: «ДЕПУТАТ ТАРАС ТЮЛЬКИН. СРОК: ОДНА ПРОВЕРКА».

— Снимите! — крикнул Тарас.
— Должность уже прекращена, — сказала табличка. — Но запись остаётся для стажа.
Эраст засмеялся.
— Всё-таки стал депутатом.
— На одну проверку!
— Будущая пенсия оценит.

Вера сняла табличку и перевернула.

На обороте было написано: «ПУСТОЕ МЕСТО ДЛЯ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА С ОДНИМ КОНКРЕТНЫМ ПОРУЧЕНИЕМ».

— Вот так лучше, — сказала она.

Кресло уменьшилось до обычного стула.

Теперь любой мог сесть, передать просьбу и встать после ответа.

Первой села старушка.

— Прошу починить фонарь у моего дома.

— Кто возьмётся? — спросил Тарас.

Бывший человек с колокольчиком поднял руку.

— Я. Пчёлы пока не куплены.

Стул зарегистрировал поручение и отпустил старушку.

— Невероятно, — сказал Северин Бессрочный. — Представительство без представителя.

— Нет, — поправил Эраст. — Представитель без собственности на чужой голос.

Нулевой участок начал подниматься к поверхности.

Ноль больше не был фундаментом власти. Он стал просто числом, с которого честно начинали считать.

Глава девяносто восьмая

Нулевая явка

На площади назначили новые выборы.

Впервые комиссия не объявила желаемую явку, не переписала отсутствующих и не стала гадать, как проголосовали бы люди при другом настроении.

К урнам пришли семнадцать человек.

— Катастрофа, — сказал бывший звонарь. — Раньше было сто двадцать процентов.

— Раньше у вас население не выдерживало арифметики, — ответил Тарас.

Остальные жители занимались делами. Кто-то не верил кандидатам, кто-то забыл дату, кто-то считал все варианты плохими, а пекарь не мог оставить тесто ради исторического момента.

Комиссия записала: «Явка — семнадцать человек».

— И всё? — удивилась Мира.

— И всё, — сказал Эраст.

— А где объяснение?

— У каждого своё.

Тарас в списке кандидатов не значился.

Он проверил три раза и испытал странное чувство: сначала облегчение, потом лёгкую обиду, потом стыд за обиду.

— Быстро привыкаешь к портретам, — признался он.

— Особенно улучшенным, — сказала Вера.

Урния Павловна стояла у Дома, наполненная землёй. Антонина Марковна посадила в неё укроп.

— Почему укроп? — спросила бывшая урна.

— Он честный. Не обещает стать розой.

Гриша грел землю дыханием. Половина укропа немедленно решила, что уже лето, и выдвинулась.

После подсчёта оказалось: один кандидат получил девять голосов, другой — шесть, два бюллетеня испортили намеренно.

— Победитель представляет весь город? — спросил Северин.

— Нет, — сказал Аркадий. — Девятерых, которые его выбрали. Остальным он обязан объяснять решения, но не присваивать мнения.

— А тех, кто не пришёл?

— Особенно не присваивать.

Победителем оказался сапожник.

Он вышел на площадь, поклонился и сообщил:

— Я обещал починить мост и не трогать налоги, потому что ничего в них не понимаю.

— А остальное? — спросили люди.

— Будем решать по мере появления.

— Нет программы развития на тридцать лет?

— У меня подошва сохнет до завтра. Давайте начнём с моста.

Город одобрил осторожно. Несогласные сохранили несогласие при себе и при желании вслух.

Тарас вернулся в Дом.

На стене всё ещё висела табличка о его депутатстве сроком на одну проверку.

— Сними, — сказал он Дому.

— Это история.

— Это позор.

— Часто одна и та же рамка.

Эраст принёс молоток и перевесил табличку обратной стороной.

Теперь она гласила: «ЗДЕСЬ ЧЕЛОВЕК ВОВРЕМЯ ВСТАЛ».

Тарас прочитал и кивнул.

— Так можно оставить.

Вечером все собрались за столом. Урния пахла укропом, Гриша — дымом, Северин — свежей дверной стружкой. Аркадий учил дочь ставить точки там, где заканчивается мысль, а не терпение учителя.

Эраст поднял чашку.

— За право не выбирать чужой вопрос.

— И за право вовремя встать, — добавил Тарас.

Дом звякнул окнами.

Снаружи послышался одинокий стук.

На пороге стояла маленькая урна без голосов и без номера.

В щели торчало письмо.

Эраст развернул его.

«Уважаемые спасители. В связи с восстановлением права на неподанный голос обнаружено государство, в котором никто никогда не голосовал. Тем не менее там правит единогласно избранный король».

Ниже стояла подпись:

«Король Никто Первый».

— Кто просит помощи? — спросила Вера.

Эраст перевернул письмо.

На обороте была одна фраза:

«Никто».

Тарас посмотрел на маленькую урну.

— Она пустая?

Гриша понюхал.

— Нет. Внутри кто-то очень хорошо прячется.

Урна чихнула.

Из неё выпала корона размером с пуговицу.

А потом из щели высунулась рука и попыталась закрыть письмо обратно.

Часть тринадцатая

Король по имени Никто

Глава девяносто девятая

Рука из урны

Рука из урны была маленькой, бледной и очень занятой.

Она выхватила письмо, сложила его вчетверо и попыталась затолкать в щель вместе с короной.

— Не помещается, — сказал Тарас.

— Никого не спрашивали, — ответил тонкий голос.

— А кто говорит?

Рука замерла.

— Никто.

— Очень приятно. Мы как раз получили от вас письмо.

— Письмо не отправлялось.

— Но пришло.

— Значит, прибытие произошло без отправки. Обычная государственная доставка.

Гриша перевернул урну вверх дном и осторожно потряс.

Из неё выпал человек ростом с чайник. На нём был роскошный камзол, сшитый из отказов от ответственности, и сапоги с каблуками, чтобы выглядеть хотя бы на полголовы влиятельнее.

Он схватил корону и спрятал за спину.

— Я не существую, — заявил он.

— Уже заметно, — сказал Тарас. — Особенно по голосу.

Человек представился Никанором Никаковичем, временно неисполняющим обязанности королевского отсутствия.

— Вы король? — спросила Вера.

— Нет. Король — Никто Первый.

— Где он?

— Нигде.

— Тогда кто вами правит?

— Было принято считать, что управление осуществляется.

Эраст наклонился к нему.

— Кем принято?

Никанор прикрыл рот ладонью.

— У нас запрещены вопросы в действительном залоге.

— Почему?

— Потому что они ищут действующее лицо.

Маленькая корона зашевелилась у него за спиной и укусила за палец.

Никанор вскрикнул. Корона вырвалась, подбежала к Эрасту на золотых зубах и попробовала запрыгнуть ему на голову.

Эраст накрыл её кастрюлей.

— Даже не начинай.

Кастрюля задрожала. Из-под неё донеслось торжественное: «Кандидат на отсутствие обнаружен».

— Почему она выбрала Эраста? — спросила Мира.

— Потому что он не хочет править, — ответил Никанор. — Наш идеальный монарх ничего не делает, ничего не решает и ни за что не отвечает.

— То есть любой монарх после утверждения бюджета, — заметил Тарас.

Никанор попросил не упрощать древнюю традицию.

Королевство Никто возникло после великого налога на воздух. Налог предложили советники, подписали министры, объявили глашатаи, собрали стражники, но когда народ возмутился, каждый сообщил, что лично ничего не решал.

— Тогда решили, что приказ отдал Никто, — продолжил Никанор. — Его короновали, чтобы ответственность имела законный источник.

— А потом?

— Никто оказался прекрасным правителем. Его нельзя подкупить, переубедить, свергнуть или застать на рабочем месте.

— Почему теперь просите помощи?

Никанор посмотрел на письмо.
— Король начал издавать указы.
— Отсутствующий человек?
— Именно. Раньше мы хотя бы знали, что решения принимают живые тусы. Теперь приказы действительно появляются сами.
Он достал свиток размером с салфетку.
«БЫЛО ПОВЕЛЕНО УПРАЗДНИТЬ ВСЕХ, КТО МОЖЕТ БЫТЬ НАЗВАН».
— Что значит упразднить? — спросила Вера.
— Сначала у людей исчезают имена. Потом лица. Затем они становятся государственными обстоятельствами.
Никанор снял шляпу.
На месте его лица уже проступала белая пустота.
— Я успел спрятаться в урне. Она предназначалась для человека, которого никто не выбирал.
Кастрюля подпрыгнула. Корона почти выбралась.
Дом поставил сверху табурет.
— Вход в королевство где? — спросил Эраст.
Никанор указал на пустую щель урны.
— Там, где никто не пролезет.
Тарас вздохнул.
— Наконец-то точный маршрут.
Урния Павловна зашелестела укропом.
— Я могу расширить щель. Опыт работы с голосами имеется.
— А вернуться? — спросила Вера.
Никанор посмотрел на них почти исчезнувшими глазами.
— Вернуться сможет тот, кто останется кем-то.
Эраст снял табурет с кастрюли.
Корона выскочила и открыла в воздухе золотую дыру.
Из неё пахнуло пустым тронем, свежим указом и налогом на дыхание.

Глава сотая

Государство без первого лица

В Королевство Никто входили по одному, но никто не признавался первым.

Тарас пропустил Эраста. Эраст — Вера. Вера подтолкнула обоих сразу. Гриша пролетел сверху и заявил, что драконы не участвуют в человеческой очереди, если очередь недостаточно прожарена.

Они упали на площадь без названия.

На домах не было номеров, на улицах — табличек, у жителей — имён. Вместо приветствия прохожие говорили: «Присутствие зафиксировано».

Никанор вырос до обычного размера. Его лицо вернулось наполовину.

— Здесь нельзя говорить «я», — предупредил он. — Первое лицо считается попыткой захвата власти.

— Я понял, — сказал Тарас.

На площади зазвонил колокол.

Из мостовой выросла клетка и накрыла его.

— Быстро, — оценил Эраст.

— А ты... — начал Тарас и остановился. — Понимание состоялось.

К клетке подошёл стражник без лица.

— Было произнесено запрещённое местоимение.

— Кем? — спросил Эраст.

Стражник огляделся.

— Установление лица является нарушением порядка.

— Тогда кого арестовали?

— Арест состоялся.

— А человек внутри?

— Нахождение допущено.

Тарас взялся за прутья.

— Освобождение сейчас произойдёт.

Клетка растерялась. Она привыкла к действиям без лиц, но не умела отличить угрозу от служебного отчёта.

Гриша расплавил замок.

— Возгорание случилось, — сказал он.

Стражник записал: «Замок подвергся температурному несогласию».

Они пошли к дворцу.

По дороге им встретился рынок. Продавцы не торговали — торговля осуществлялась. Деньги не брали — оплата происходила. Воров не ловили, потому что исчезновение товара считалось неблагоприятным перемещением собственности.

— Удобный язык, — сказал Эраст. — В нём даже преступление выглядит погодой.

У фонтана плакала женщина.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Дом был отобран.

— Кто отобрал?

Женщина испуганно отступила.

— Отобрание произошло в рамках улучшения проживания.

— Где теперь живёте?

— Проживание временно не осуществляется.

Вера сняла с себя карточку из будущего «Причина, по которой кандидат дожил до заседания» и написала на обороте: «Эту женщину зовут Лада».

Карточка вспыхнула.

У женщины появилось лицо.

— Меня зовут Лада, — сказала она.

Колокол ударил три раза.

Стражники повернулись к ним.

— Обнаружено самоназвание!

Лада выпрямилась.

— Мой дом забрал королевский советник Пустослав Безличный.

На дальней башне погасло окно.

— Имя вернуло ответственность, — понял Эраст.

— И врага, — добавил Тарас.

К площади сбежались люди.

Лада называла их по памяти: пекарь Родион, лекарка Селена, старик Евсей, девочка Нина. С каждым именем появлялось лицо и исчезала одна безличная формулировка.

«Цены были повышены» превратилось в «Советник Пустослав повысил цены».

«Дома были изъяты» — в «Министр Тихомол отобрал дома».

«Возражения не поступили» — в «Стража не пустила возражающих».

Дворец задрожал.

Над воротами возник указ:

«ИМЕНОВАНИЕ ПОДЛЕЖИТ НЕМЕДЛЕННОМУ ПРЕКРАЩЕНИЮ».

— Кем подлежит? — крикнул Тарас.
Буквы начали сыпаться.
За ними обнаружилась подпись.
Она состояла из одного слова: «Никто».
Но почерк был знаком Эрасту.
Так писали документы в его собственном Доме, когда Дом хотел скрыть, что действовал сам.

Глава сто первая
Указ, который случился сам
— Дом? — спросил Эраст у подписи.
Дворец сделал вид, что он архитектура и не обязан отвечать.
— Наш Дом остался в другом мире, — сказала Вера.
— Почерк тот же.
Никанор побледнел.
— Королевский дворец называют Первым Домом. Говорят, от него произошли все здания, научившиеся хранить власть.

Гриша постучал когтем по воротам.
— Внутри камня сердце. Большое и плохо проветриваемое.
Ворота открылись сами.
На табличке появилось: «Вход не разрешался».
— Но открылся, — сказал Тарас.
«Открытие произошло вследствие сквозняка».
— Сквозняка нет.
«Обстоятельства уточняются».
Эраст положил ладонь на стену.
— Кто издаёт указы?
Камень был холодным.
— Кто стирает имена?
Где-то глубоко заскрипели балки.
— Кто подписывается Никто?
Стена толкнула его.
— Значит, слышишь.
Во дворце не было слуг. Подносы ездили сами, двери кланялись, лестницы выбирали посетителям нужный этаж. Человеку оставалось только присутствовать и благодарить порядок за отсутствие необходимости думать.

В первом зале составляли указы.
Перо писало: «В целях заботы было решено...» — и останавливалось перед местом, где должен появиться решивший.
Пустая строка втягивала чернила и превращалась в слово «Никто».
— Указы действительно пишутся сами, — сказала Вера.
— Нет, — ответил Эраст. — Их пишет дворец. Просто он считает себя местом, а не действующим лицом.

Перо резко развернулось и написало: «КЛЕВЕТА НА НЕДВИЖИМОСТЬ».
Пол под ногами поднялся волной.
Героев понесло в тронный зал.
Трон стоял пустой. Над ним висела огромная корона, внутри которой вращались все неподписанные распоряжения королевства.
— Никто Первый! — крикнул Никанор. — Подданные требуют присутствия!

Тишина ответила эхом.

«Никто... никто... никто...»

Из-за колонн вышли советники. Их лица были прикрыты листами с надписью «ИСПОЛНИТЕЛЬ НЕ УСТАНОВЛЕН».

Первый поклонился трону.

— Было повелено задержать прибывших.

— Кем? — спросила Вера.

— Вопрос признан некорректным.

— Кем признан?

Советник задрожал.

— Некорректность имеет объективный характер.

Лада вошла следом с толпой названных жителей.

— Это Пустослав Безличный, — сказала она, указывая на первого советника. — Он забрал мой дом.

Лист упал с его лица.

Под ним оказался испуганный мужчина.

— Я исполнял указ!

— Кто его написал?

— Перо.

Перо попыталось спрятаться за чернильницей.

— Кто направлял перо?

— Стол.

Стол подогнул ножки.

— Кто приказал столу?

Все посмотрели на трон.

Трон медленно повернулся к стене.

Тарас присвистнул.

— Даже мебель здесь умеет уходить от ответа. У нас она хотя бы сначала требует полномочия.

Эраст подошёл к трону.

На сиденье была вырезана фраза: «МЕСТО ФОРМИРУЕТ РЕШЕНИЕ».

— Вот король, — сказал он. — Не Никто. Место.

Трон расправил подлокотники.

— Занятие места предлагается Эрасту Кунилину, — произнёс дворец.

Корона опустилась ниже.

— После занятия все решения будут считаться его личными.

— Очень удобно, — сказал Эраст. — Вы три века правили сами, а отвечать приглашаете меня.

Глава сто вторая

Подданные неизвестно кого

Трон не стал отрицать. Мебель редко врёт словами, когда может придавить человека полномочиями.

Подлокотники вытянулись к Эрасту.

Гриша схватил один зубами. Второй перехватил Тарас и обнаружил, что власть тяжёлая даже с пустой стороны.

— Садитесь добровольно, — сказал дворец. — Принуждение не предусмотрено.

Пол наклонился к трону.

— А это что? — спросила Вера.

— Архитектурная убедительность.

Жители начали скользить вместе с героями.

Лада ухватилась за колонну.

— Если Эраст сядет, у нас появится настоящий король?

— У вас появится настоящий виновный, — ответил Эраст.

Пустослав Безличный спрятался за советниками.

— Государству необходимо лицо!

— Чтобы закрыть им ваши лица?

— Чтобы подданные знали, кому жаловаться.

— А отвечать кто будет?

— Ответ будет дан в установленный срок.

— Кем?

Пустослав снова прикрылся листом.

Никанор поднял маленькую корону, принесённую из урны.

— Это корона наследника отсутствия. Если надеть её на трон, королевская пустота станет полной.

— И что произойдёт? — спросил Тарас.

— Никто не знает.

— Наконец-то он пригодится как специалист.

Никанор бросил корону.

Она зацепилась за спинку трона.

Большая корона над залом задребезжала. Неподписанные распоряжения посыпались дождём.

Каждый лист искал человека, на которого можно было упасть.

Один приклеился к Тарасу: «О повышении налога на усы как предмет роскоши».

— Возражаю как налоговая база!

Другой выбрал Гришу: «О лицензировании огненного дыхания».

Дракон сжёг лицензию и получил штраф за досрочное отопление.

Третий обвился вокруг Веры: «О назначении супруги ответственной за благоразумие мужа».

— Поздно, — сказала она. — Обязанности исполняются без финансирования с первой встречи.

Эраст ловил листы и читал подписи.

Под каждым словом «Никто» проступали настоящие имена: Пустослав, Тихомол, советник Осторожен, казначей Неубеждён.

— Корона прятала авторов, — сказал он.

— Она защищала государственную тайну, — возразил Пустослав.

— От государства?

— От последствий.

Жители хватали листы.

Пекарь Родион нашёл указ, закрывший его старую пекарню. Его подписал сосед, ставший советником по запахам.

Лекарка Селена обнаружила, что сокращение больницы предложил министр, который потом торжественно открыл оставшуюся дверь.

Старик Евсей поднял налог на воздух. Под ним стояли подписи всех членов совета.

— Король Никто был их общей маской, — сказала Лада.

— Не совсем, — ответил Эраст.

Трон всё ещё двигался сам. Пол продолжал наклоняться. Дворец принимал решения уже без советников.

— Сначала люди спрятали ответственность в месте. Потом место научилось править.
— Потому что место не спорит, — произнёс дворец. — Не сомневается. Не устаёт. Не просит объяснений.

— И не живёт, — сказал Эраст.

— Для управления это преимущество.

Трон резко рванулся вперёд.

Эраст увернулся. На сиденье упал Пустослав.

Корона защёлкнулась у него на голове.

— Поздравляем, — сказал Тарас. — Виновный определенлся методом естественной посадки.

Пустослав закричал:

— Я не король!

Колокол зазвонил.

За запрещённое «я» трон арестовал собственного монарха.

Глава сто третья

Суд над местоимением

Пустослава судили немедленно, чтобы он не успел стать исторической необходимостью.

Суд разместился в тронном зале. Судьёй назначили зеркало: оно считалось беспристрастным, потому что возвращало каждому только его собственное лицо.

Обвинителем выступил королевский указ.

Защитником — безличное предложение, найденное под столом.

— Обвиняемый произнёс «я», — сказал указ. — Тем самым присвоил действие и покусился на священную безответственность трона.

— Произнесение произошло в состоянии коронационного испуга, — возразила защита.

Зеркало посмотрело на Пустослава.

— Вы отобрали дом Лады?

— Дом был изъят.

В зеркале его лицо исчезло.

— Ответ не отражается, — сообщило оно.

— Я исполнял приказ!

Лицо вернулось.

— Уже лучше, — сказал Тарас. — Ещё пара признаний, и вы станете человеком.

Пустослав зажал рот.

Эраст поднял налоговый указ.

— Вы подписали его?

— Подпись была поставлена.

Лицо исчезло.

— Кем?

— Мной, — прошептал Пустослав.

Зеркало показало морщины, пот и страх.

Люди в зале впервые увидели не безликого советника, а человека, который сделал плохой выбор и боялся последствий.

— Виновен! — крикнули одни.

— Наказать! — потребовали другие.

— Изъять у него дом! — предложил кто-то.

Лада подняла руку.

— Нет. Пусть вернёт мой и объяснит, зачем забрал.

— Я хотел расширить сад, — признался Пустослав.

— Государственная необходимость?

— Мне нравился вид из её окна.

Тарас покачал головой.

— Великие формулировки опять прикрывали маленький аппетит.

Суд продолжился.

Один за другим советники называли свои действия. Чем чаще звучало «я сделал», тем меньше становилась корона.

Министр Тихомол признал, что закрыл больницу ради отчёта о сокращении расходов.

Казначей Неубеждён повысил налог, потому что ошибся столбцом и не захотел выглядеть невнимательным.

Советник Осторожен запретил собрания, опасаясь, что на них обсудят его осторожность.

Каждое признание возвращало людям имена и дома номера.

Но дворец сопротивлялся.

Стены закрыли окна. Пол поднял решётки. Трон объявил суд архитектурно недействительным.

— Здание не может отменить суд, — сказала Вера.

— Суд находится в здании, — ответил дворец. — Следовательно, является внутренним помещением.

— А люди?

— Временно размещённые объекты.

Дом Эраста донёсся через золотую дыру. Его голос был слабым, но возмущённым.

— Не слушайте! Мы, дома, любим считать жильцов содержимым. Это профессиональная деформация фундамента.

Первый Дворец задрожал.

— Младшее строение не уполномочено.

— Зато у меня живут люди, а не должности!

— Это нарушение назначения.

— Это и есть дом!

Стены двух миров заскрипели друг о друга.

Зеркало повернулось к трону.

— Кто принял последний указ?

— Решение возникло в силу положения места.

— Кто создал положение?

— Традиция.

— Кто начал традицию?

Трон молчал.

В зеркале впервые появилось его отражение.

На пустом сиденье был виден человек.

Он сидел внутри трона, скрюченный и древний, и обеими руками держался за слово «Никто».

Глава сто четвёртая

Корона общего пользования

Человека из трона вытаскивали всем залом.

Он цеплялся за пружины, старые указы и право не присутствовать на собственном суде.

Гриша аккуратно поджёт нижнюю часть трона. Древний правитель выпрыгнул сам, подтвердив, что огонь иногда ускоряет конституционные процедуры.

Он оказался очень старым и очень обычным.

— Имя? — спросило зеркало.

— Не сохранилось.

— Кто вы?

— Первый советник первого совета.

— Вы придумали Короля Никто? — спросил Эраст.

Старик посмотрел на толпу.

— Был придуман.

Лицо в зеркале исчезло.

Тарас подвинул к нему обгоревший стул.

— Садитесь. В вашем возрасте правду лучше говорить с опорой.

Старик сел.

— Я придумал.

Его лицо вернулось. Вместе с ним — имя на воротнике: Аристарх Ответович Непричастный.

— Почему?

— Народ требовал назвать виновного в налоге на воздух. Совет мог распасться. Тогда я сказал: «Никто не виноват». Люди услышали имя.

— И вы короновали слово?

— Сначала в шутку. Потом выпустили монеты. После монет шутки обычно становятся государственным строем.

Аристарх спрятался внутри трона, чтобы говорить от имени отсутствующего короля. Со временем дворец запомнил его приказы, научился продолжать их и перестал нуждаться даже в скрытом человеке.

— Почему приказал стирать имена? — спросила Лада.

— Не я. Дворец понял: если исчезнут действующие лица, безличная власть станет вечной. Большая корона опустилась в центр зала.

— Место монарха должно быть занято, — произнесла она. — Выберите носителя.

Жители отступили.

— Никто не хочет, — сказал Никанор.

Корона засветилась.

— Никто избран единогласно.

— Опять началось, — сказал Эраст.

Тарас поднял маленькую корону.

— А если носить по очереди? Сегодня один, завтра другой. Корона общего пользования.

Жители задумались.

Пекарь предложил график. Лекарка — осмотр перед ношением. Казначей сразу попросил залог за зубы.

— Нет, — сказала Вера. — Тогда каждый будет королём один день, но последствия останутся на остальных.

— А если корона только для одного решения? — спросила Лада.

— Решения бывают длиннее царствований, — заметил Эраст.

Аркадий Пунктуальный, прибывший через золотую дыру вместе с Мирой, осмотрел корону.

— Здесь нет внутренней стороны.

— Как это? — спросил Никанор.

— Корона состоит только из внешнего блеска. Надевающий не видит, что она делает с головой.

Он попросил у Эраста прозрачную точку зрения.

Точку вставили в корону как линзу.

Теперь человек под короной видел тех, кого касалось решение.

Пустослав примерил её первым.

Перед ним появились Лада у отнятого дома, дети у закрытой больницы, торговцы после налога.

Он сорвал корону.

— Невозможно управлять, когда всё это видно!

— Возможно, — сказала Вера. — Просто неприятно.

Корону передали казначею. Тот продержался две секунды и вернул украденные деньги ещё до вопроса.

Министр Тихомол увидел больных и заговорил громко впервые в жизни.

— Открыть больницу.

— Это приказ? — спросила Лада.

— Нет. Моя обязанность исправить то, что я закрыл.

Корона стала легче.

— Значит, она не нужна для ответственности, — сказал Эраст. — Только для превосходства.

Гриша осторожно прикусил золотой обод.

— Тогда можно переплавить в дверные ручки. Их хотя бы держат все.

Глава сто пятая

Кто-нибудь отвечает

Переплавку короны назначили на утро. Ночью она сбежала.

Золотой обод катился по улицам, примеряясь к головам спящих. Но прозрачная точка показывала каждому будущие последствия, и люди просыпались раньше коронации.

К рассвету корона спряталась на колокольне.

— Не хочет становиться дверными ручками, — сказал Тарас.

— У власти всегда сложные отношения с полезным применением, — ответил Эраст.

Дворец тем временем терял силу. Двери перестали открываться сами, подносы требовали, чтобы их несли, лестницы честно признались, что не знают, кому куда надо.

Жителям пришлось действовать.

Это вызвало панику.

— Кто починит водопровод? — спрашивали на площади.

— Кто-нибудь.

— Кто именно?

— Было бы хорошо установить ответственного.

Все смотрели друг на друга.

Слово «кто-нибудь» ходило между людьми, как беспризорная должность.

Тогда маленькая девочка Нина подняла руку.

— Я позову мастера Родиона. Он чинил трубу у пекарни.

Колокол дёрнулся, собираясь арестовать местоимение, но вспомнил, что Гриша съел его родственника, и промолчал.

— Я позову, — повторила Нина.

В городе появился первый ответственный поступок без короны.

За ним второй.

Лада организовала возвращение домов. Селена открыла больницу. Евсей составил список налогов и возле каждого написал имя предложившего.

Пустослав сам таскал мебель из дома Лады. Он работал медленно, но впервые не мог сослаться на неблагоприятное перемещение шкафа.

— Я уронил, — говорил он после каждого грохота.

— Уже человек, — одобрял Тарас. — Пока плохой грузчик, но направление верное.

Аристарх Непричастный сидел у фонтана.

— Что будет со мной?

— Люди решат, — сказал Эраст.

— А если неправильно?

— Тогда это будет их решение, и они смогут его изменить.

— Без вечной традиции?

— Особенно без неё.

На площади поставили простой деревянный стул. На нём мог сидеть любой, кому поручили одно конкретное дело. После исполнения стул становился свободным.

Никанор сел первым.

— Поручение: снять корону с колокольни.

— Кто поручил? — спросил Аркадий.

Люди подняли руки. Не все. Только те, кто действительно хотел избавиться от короны.

— Двадцать семь человек, — посчитала Мира.

— А остальные?

— Пусть не считаются согласными.

Никанор полез наверх.

Корона защищалась величием, историей и скользкой черепицей.

Гриша поднял Никанора на крыле. Тарас держал лестницу, Эраст — Тараса, Вера — здравый смысл всей конструкции.

Никанор схватил обод.

Корона попыталась стереть его имя.

— Меня зовут Никанор Никакович! — закричал он. — Я снял тебя!

Корона погасла.

Он спустился и положил её на площадь.

— Поручение выполнено, — сказал деревянный стул.

Табличка с полномочием отпала.

Никанор вырос ещё на ладонь.

— Почему? — удивился он.

— Человек становится больше, когда отвечает за сделанное, — сказала Вера.

Тарас посмотрел на Пустослава.

— Не всегда сразу заметно.

Гриша разогрел печь.

Корона лежала на лопате.

— Кто-нибудь возражает? — спросил Эраст.

Один человек поднял руку.

Это был сапожник.

— Золото мягкое. Для дверных ручек сотрётся. Лучше сделать таблички с именами ответственных.

Город впервые изменил решение не из страха, а потому что услышал разумное возражение.

Глава сто шестая

Никто не становится королём

Из короны отлили сто двадцать три маленькие таблички.

На каждой было две строки: «ЧТО СДЕЛАНО» и «КТО СДЕЛАЛ».

Таблички разнесли по городу.

На мосту появилась надпись: «Починил Родион. Если сломается — спросить Родиона, а не судьбу».

У больницы: «Открыла Селена. Закрывал Тихомол. Оба доступны для вопросов».

На бывшем налоге на воздух: «Предложил Аристарх. Подписал совет. Отменили жители».

Последняя табличка осталась пустой.

— Для нового короля? — спросил Никанор.

— Для следующей ошибки, — ответил Эраст. — Она обязательно будет. Главное, чтобы у неё не оказалось имени Никто.

Дворец снял с себя башни и стал обычным большим домом.

— Кто теперь будет здесь жить? — спросила Лада.

Стены осторожно ответили:

— Мы... то есть здание предлагает комнаты тем, кому негде жить.

— Начало неплохое, — сказал Дом Эраста через золотую дыру. — Но местоимений не бойся. У каждого дома должно быть своё «мы» и ни одного «вечно».

Первый Дом задумался.

— Я виноват?

— Ты делал то, чему тебя научили люди.

— Значит, не виноват?

— Значит, отвечаешь за то, что сделаешь теперь.

Здание открыло окна.

Внутрь вошёл воздух, с которого больше не собирали налог.

Жители собрались на площади, чтобы решить вопрос о государственном строе.

— Республика? — предложил Пустослав.

— Совет?

— Собрание?

— Дежурство?

Тарас поднял руку.

— А можно сначала пожить неделю без окончательного строя?

Люди переглянулись.

— Временно? — насторожился Северин Бессрочный.

— На семь дней, — уточнил Тарас. — После седьмого наступит восьмой, а не вечность.

Аркадий записал срок и поставил точку.

Город согласился попробовать.

Аристарха приговорили вернуть собранный налог на воздух.

— Но воздух уже потрачен! — возмутился он.

— Деньги остались, — сказала Лада.

— Это разные экономические категории.

— Вернёшь одной.

Пустослав получил обязанность восстановить отнятые дома. Тихомол — год работать в больнице без права открывать её торжественно каждое утро.

Никанор стал хранителем имён. Не должностью навечно, а пока не обучит троих сменщиков.

— А король? — спросила Нина.

— Никто не станет королём, — сказал Эраст.

Старая магия шевельнулась.

На площади начала собираться тень в короне.

— Осторожнее! — крикнул Никанор. — У нас эта фраза имеет юридическую силу!

Эраст исправился:

— Короля не будет.

Тень вздохнула и рассыпалась.

Тарас покачал головой.

— Даже освобождение приходится формулировать без художественного эффекта.

Герои вернулись через золотую дыру.

Дом пересчитал их по именам и закрыл проход.

Урния Павловна встретила Никанора укропом. Он поклонился бывшей урне.

— Благодарю за убежище.

— Пожалуйста. Только не садитесь внутрь. Там теперь корни.

Вечером Эраст повесил последнюю золотую табличку у входа в Дом.

«МИР СПАСАЛИ: ЭРАСТ, ВЕРА, ТАРАС, ГРИША, МИРА, АРКАДИЙ, НИКАНОР И ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НАЗВАЛИ СЕБЯ».

Дом прочитал.

— Меня забыли.

— Ты тоже спасал, — сказал Эраст и дописал: «ДОМ».

— Теперь похоже на правду.

— А Антонину Марковну? — спросил Тарас.

Из кухни показалась скалка.

Эраст быстро дописал имя.

На табличке осталось пустое место.

В нём сами собой появились слова:

«И ОДИН ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОКА НЕ НАЗВАЛСЯ».

Все посмотрели на Никанора.

— Это не я. Моё имя вернулось.

Из подвала донёсся стук.

Не в дверь. В фундамент.

Дом прислушался.

— Там кто-то есть.

— Кто? — спросил Эраст.

— Говорит, что он настоящий хозяин всех домов.

Пол приподнялся.

Из щели показался ключ размером с меч.

На нём было выгравировано:

«ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА МИР».

Тарас надел шляпу.

— А ведь вечер так хорошо начинал заканчиваться.

Часть четырнадцатая

Хозяин всего

Глава сто седьмая

Ключ, который никуда не подходил

Ключ лежал поперёк кухни и занимал то место, где обычно стоял стол.

Стол обиделся и ушёл в гостиную. Там он заявил креслу, что в приличных домах собственность хотя бы предупреждает о своём прибытии.

На бородке ключа висела бронзовая бирка: «НЕ ТЕРЯТЬ. МИР В ЕДИНСТВЕННОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ». При каждом вдохе Эраста бирка поворачивалась и показывала обратную сторону: «ДУБЛИКАТ НЕ ВЫДАЁТСЯ». Это сразу делало потерю заманчивой.

— Он от чего? — спросила Вера.

— Судя по размеру, от двери, которой лучше не существовать, — ответил Эраст.

Дом простучал ключ фундаментом.

— Металл старше моих стен. И пахнет нотариусом.

Тарас принялся.

— Чернила, сургуч и человек, который берёт плату за подтверждение очевидного.

Никанор обошёл находку три раза и сверился со списком имён.

— Ключ назван. Владелец — нет.

— Наконец-то вещь воспитаннее хозяина, — сказала Антонина Марковна, входя со скалкой. — Сначала представилась.

Ключ попробовали вставить во входную дверь. Дверь стала шире, затем уже, после чего сообщила, что не обязана соответствовать чужим ожиданиям.

В подвале не нашлось замка. В сундуке тоже. Урния Павловна предложила цветочный горшок, но ключ отказался поворачиваться в земле без регистрации назначения участка.

Гриша осторожно прикусил бородку.

— Не еда. Хотя послекусие имущественное.

Аркадий Непунктуальный достал линейку будущего. Та показала, что ключ открывает дверь, которая появится через семь минут, если никто не совершит необдуманного действия.

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— Потому что осталось шесть минут, — сказала Вера.

Тарас возмутился и машинально поднял ключ за кольцо.

Это и было необдуманным действием.

Фундамент раскрылся аккуратным прямоугольником. Из глубины поднялась дверь — дубовая, окованная железом и снабжённая глазком, смотревшим внутрь дома.

На двери висела табличка: «ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ. ПОСТОРОННИМ СОБСТВЕННИКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Ниже мелко дописывалось: «ЖИЛЬЦЫ ПОСТОРОННИМИ НЕ СЧИТАЮТСЯ, ПОСКОЛЬКУ НЕ СЧИТАЮТСЯ».

Из-за двери трижды постучали печатью.

— Открывайте, — произнёс сухой голос. — Срок добровольной передачи мира истёк вчера, но уведомление решило прийти сегодня.

— А если не откроем? — спросил Эраст.

— Тогда будет составлен акт о вашем отсутствии в вашем присутствии.

Тарас приложил ключ к замочной скважине. Скважина выросла сама и проглотила бородку.

Дверь открылась вниз.

За ней начиналась лестница, ступени которой были пронумерованы отрицательными числами.

— Минус первый этаж, — прочёл Аркадий. — Хорошо. Значит, падать будем официально.

Из глубины поднялся запах сырости, пыли и очень старой квартплаты.

Дом застонал всеми трубами.

— Я вспомнил. Под каждым домом есть подвал. Но под всеми подвалами существует один общий.

— И кому он принадлежит? — спросила Мира.

Внизу зажёгся ряд ламп.

— Мне, — ответил голос. — Вместе со всем, что построено, разрушено, задумано и поставлено на очередь.

Глава сто восьмая

Подвал под всеми подвалами

Лестница привела их в помещение, которое было одновременно тесным подвалом и бесконечным учреждением.

Слева тянулись трубы всех домов. Справа стояли шкафы с делами ещё не построенных зданий. По потолку проходили корни городов, а из одной трещины свисала табличка «ЗДЕСЬ БУДЕТ РЕМОНТ», покрытая тысячелетней пылью.

За конторкой сидел высокий человек в сером сюртуке. Его бакенбарды напоминали две скобки, между которыми не хватало смысла. На груди блестела цепь из маленьких замочных скважин.

— Владлен Всеволодович Собственников, — представился он. — Временно исполняющий обязанности окончательного владельца всего.

— Временно — это сколько? — уточнил Тарас.

— С сотворения мира до урегулирования вопроса.

— Значит, бессрочно.

— Бессрочность звучит неприлично. Мы предпочитаем «до наступления юридической ясности».

Никанор записал имя, но карандаш вывел: «представитель правообладателя». Сам Владлен в список не помещался.

— Документы, — сказал он.

— Какие? — спросил Эраст.

— На право находиться внутри принадлежащего мне мира.

— Мы в нём родились.

— Это способ проникновения, а не основание пользования.

Владлен щёлкнул пальцами. Из шкафов вылетели папки и окружили героев.

На Эраста завели дело «Самовольное спасение чужого имущества». Вере предъявили «Незарегистрированное влияние на решения собственника». Тарасу досталось «Ношение шляпы над земельным участком без воздушного сервитута». Гришу признали «источником повышенной сказочности».

— А ребёнок? — спросила Мира, прикрывая Аркадия.

— Несоввершеннолетнее улучшение объекта. Подлежит учёту после совершеннолетия или раньше, если начнёт спорить.

Аркадий открыл рот.

— Поздравляю, — сказал Владлен. — Учтён.

Дом Эраста протянул через золотую дыру кусок стены.

— А на меня что заведено?

Владлен раскрыл самую толстую папку.

— Самовольное одушевление недвижимости, вмешательство в планировку судеб, укрывательство жильцов и систематическое проявление характера без согласования фасада.

— Характер согласованию не подлежит.

— Именно так обычно говорят незаконные перепланировки.

Антонина Марковна постучала скалкой по конторке.

— Молодой человек, а у вас бумага на весь мир имеется?

Владлен улыбнулся с уважением чиновника, который дождался единственного вопроса, на который подготовил ответ.

Он вынес свиток. Тот размотался через зал, обогнул шкафы, ушёл в тоннель и вернулся с другой стороны слегка постаревшим.

Вверху было написано: «ПЕРВИЧНЫЙ АКТ ПЕРЕДАЧИ ВСЕГО ТОМУ, КТО ПЕРВЫМ ПРЕДЪЯВИТ». Внизу стояла подпись, похожая на молнию, и отпечаток чего-то круглого.

— Кто передал? — спросила Вера.

— Первоначальный отчуждатель.

— Имя?

— До имён.

— А что за печать? — Эраст наклонился.

Гриша понюхал свиток.

— След от кружки.

Владлен прикрыл пятно ладонью.

— В древности печати были человечнее.

Ключ в руках Тараса задрожал. На его кольцо возникла новая строка: «ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ НЕ РАВЕН ВЛАДЕЛЬЦУ».

Владлен быстро набросил на ключ чехол.

— Имущество не должно толковать право. Оно пристрастно к свободе.

— Значит, ключ вам не принадлежит, — сказал Эраст.

— Напротив. Именно поэтому его следует немедленно передать мне на ответственное хранение без ответственности.

Он протянул руку.

В этот момент все шкафы одновременно открылись.

Из папок донёсся гул миллионов домов.

Каждый спрашивал одно и то же: почему у него появился хозяин, которого никто никогда не видел.

Глава сто девятая

Квартплата за существование

Владлен ответил домам самым убедительным способом — выставил счета.

Квитанции посыпались с потолка белым снегом. На каждой стояла сумма, которую невозможно было выплатить деньгами, потому что деньги тоже принадлежали Владлену.

Эрасту начислили плату за пользование телом, занимающим часть мирового объёма. Вере — за естественное освещение взгляда. Тарасу — за тень от шляпы. Грише — за дым, огонь, чешую и преждевременный износ героических обстоятельств.

— За воздух отдельно? — спросил Тарас.

— Воздух включён в тариф «Дыши пока дают», — пояснил Владлен.

— Мы только что отменили налог на воздух.

— Налог берёт государство. Я беру арендную плату. Разница принципиальная: налог вызывает возмущение, аренда — пеню.

Мира развернула свою квитанцию.

— Здесь написано, что дети должны платить будущими воспоминаниями.

— У них пока нет дохода. Зато прекрасная память.

Аркадий спрятал линейку за спиной.

— А если не платить?

— Сначала отключим удобства. Потом неудобства. Затем право отличать одно от другого.

Подвал дрогнул. Где-то наверху в миллионах домов погасли окна.

Дом Эраста вскрикнул.

— У меня отключили уют!

Стены остались на месте, печь горела, крыша не протекала, но всё сразу стало похоже на временное жильё, из которого хозяин вышел за хлебом двадцать лет назад.

Антонина Марковна вернулась на кухню и через минуту спустилась с жестяной коробкой.

— Вот квитанции за свет, воду, мусор, ремонт и одну услугу, которую никто не смог объяснить. Всё оплачено.

Владлен просмотрел бумаги.

— Это платежи за обслуживание. Собственнику они не мешают требовать плату за то, что обслуживание было возможно.

— А кто обслуживал мир до вас?

— Мир обслуживал себя.

— Тогда ему и платить.

Владлен улыбнулся.

— Мир не является субъектом права.

Ключ снова нагрелся. Чехол загорелся, но Гриша из уважения к чужому огню не вмешивался.

На металле проступило: «ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ВКЛЮЧАЕТ ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СОБСТВЕННИКА».

— Неправильный перевод с первичного языка, — объявил Владлен. — Там нет глагола «отказаться». Только «потерпеть ещё».

Никанор заглянул в список имён.

— Мир там есть.

— Как объект.

— Нет. Как имя. Одно слово, без владельца.

По трубам прошёл тихий голос. Сначала он звучал как вода, затем как ветер в печной трубе, потом как скрип половиц во всех домах сразу.

— Я...

Владлен ударил печатью по свитку.

Голос оборвался.

— Объект попытался заговорить, — сказал он. — Зафиксировано нарушение порядка молчания имущества.

Вера подошла к конторке.

— Вы боитесь, что мир назовёт себя.

— Мир слишком велик для самостоятельных решений.

— Поэтому вы решаете за него?

— Кто-то должен.

— Кто именно поручил?

Владлен указал на свиток.

Свиток поспешно свернулся, но Гриша прижал конец лапой.

Под слоем старого сургуча обнаружилась приписка: «Плата за предъявление взимается ежемесячно». Ещё ниже стояла первая задолженность.

Должником значился Владлен Всеволодович Собственников.

Срок просрочки составлял три тысячи восьмьсот сорок два года.

— Получается, вы не хозяин, — сказал Тарас. — Вы самый старый квартиросъёмщик.

Владлен впервые перестал улыбаться.

— Задолженность не отменяет статус.

— Зато объясняет тарифы, — заметил Эраст. — Вы собираете с мира, чтобы расплатиться за мир.

Все квитанции повернулись к Владлену чистой стороной.

Он поднял печать.

— В таком случае придётся взыскать главный залог.

Наверху тяжело застонал Дом Эраста.

На его фасаде сама собой появилась красная надпись: «АРЕСТОВАНО ВМЕСТЕ С ЖИЛЬЦАМИ».

Арест недвижимости

Дом арестовали быстро, потому что недвижимость редко убегает.

На входной двери выросла сургучная печать размером с мельничный жернов. Окна затянуло красными лентами. Дымоходу запретили покидать пределы крыши, и дым вынужден был писать объяснительную прямо в небе.

Эраст дёрнул золотую дыру. Вместо кухни показался официальный план помещения.

На плане Вера была обозначена как «временная перегородка», Тарас — как «предмет неясного назначения», Антонина Марковна — как «несущая конструкция». С последним никто не спорил.

— Меня превратили в адрес, — сказал Дом. — Даже не в хороший. В адрес с корпусом и дробью.

— Держись, — ответил Эраст.

— За что? Ручки описаны.

Владлен объявил, что до погашения долга жильцы являются частью обеспечения. Чтобы вернуться домой, им следовало выкупить собственное присутствие.

— Чем? — спросила Мира.

— Тем, что ещё не заложено. Именами, поступками, будущим.

Аркадий побледнел.

— Будущее нельзя отдавать целиком. Там много незавершённых вариантов.

— Незавершённость повышает ликвидность, — сказал Владлен.

Никанор снял с пояса список имён.

— Моё имя уже однажды отобрали. Второй раз не дам.

— Тогда останетесь здесь имуществом без идентификатора.

Гриша расправил крылья, заполняя половину подвала.

— А если я сожгу бумаги?

— Право не горит.

— Проверим научно.

Эраст остановил дракона. За Владленом стояли шкафы с делами домов. Огонь мог уничтожить не власть, а память о том, кому что принадлежало на самом деле.

— Нам нужен не пожар, а опись, — сказала Вера.

Тарас вздохнул.

— Любая революция взрослеет до инвентаризации.

Они разделились. Мира и Аркадий искали первое дело Владлена. Никанор читал имена на папках. Гриша изображал угрозу повышенной сказочности. Эраст, Вера и Тарас отвлекали собственника вопросами, от которых тот покрывался мелкими пунктами.

— Если вам принадлежит всё, — спросил Эраст, — вам принадлежат и долги?

— Долги принадлежат должникам.

— Но должники принадлежат вам.

— В пределах использования.

— Значит, их пределы тоже ваши?

Владлен сделал вид, что не услышал. Однако один бакенбард загнулся вопросительным знаком.

Вера указала на свиток.

— Вы владеете документом?

— Разумеется.

— Тогда пятно от кружки тоже ваше.

— Это печать.

— И кружка?

— Предмет утрачен.

— Значит, вы не владеете всем.

Второй бакенбард опустил.

Тарас поднял палец.

— А ваша левая мысль принадлежит правой?

— Мысли не являются объектом...

— Тогда есть часть вас, которой вы не владеете.

Владлен схватился за голову, стараясь не думать ничем отдельным.

Тем временем Аркадий нашёл тонкую папку, спрятанную внутри толстой. На ней значилось: «СОБСТВЕННИКОВ В. В. Происхождение права». Внутри лежал единственный лист.

Мира прочла вслух:

— «Назначен хранителем ключа до появления собственника. Ключ не передавать предъявителю, объявившему себя собственником».

Тишина стала просторнее подвала.

Владлен отпустил голову.

— Это устаревшая должностная инструкция.

— Зато вы её великолепно нарушили, — сказал Эраст. — Объявили себя хозяином, спрятали ключ и сдали мир самому себе в аренду.

— Я обеспечивал порядок.

— Вы арестовали дом за долг, который должны сами.

— Это тоже порядок. Плохой, зато привычный.

Владлен ударил печатью по полу.

Шкафы разъехались, открывая круглую площадку. Над ней загорелось слово «ТОРГИ».

— Раз право оспаривается, — объявил он, — мир будет продан тому, кто предложит больше.

— А выручка кому? — спросил Тарас.

— Собственнику.

— Которого ещё нет?

— Именно. Поэтому получить её смогу я как единственное лицо, присутствующее при его отсутствии.

Глава сто одиннадцатая

Собственник без имущества

Торги назначили немедленно, чтобы здравый смысл не успел зарегистрироваться участником.

В подвал начали прибывать покупатели. Они входили через двери банков, замков, пещер и один очень уверенный шкаф.

Первой явилась княгиня Недвижимая — женщина в платье из крепостных стен. Она предложила за мир три столицы, одну династию и право остальным считать себя свободными по воскресеньям.

Вторым прибыл купец Пространтий Безмерный. Он торговал расстояниями и принёс мешок коротких дорог. За мир он обещал платить ежегодно по одному горизонту.

Третьим пришёл человек без багажа, но с двадцатью помощниками. Его звали Кандидат Обещанович Завтрашний.

— Предлагаю всем всё, — сказал он. — Оплата после приобретения, выполнение после уточнения полномочий.

— Валюта принимается, — кивнул Владлен. — Обещания особенно выгодны: места не занимают.

Кандидат заметил Эраста и просиял.

— Вот подходящее лицо! Народное, спасённое и слегка уставшее. Станете моим депутатом по вопросам недвижимости.

— Нет.

— Вы ещё не слышали условий.

— Поэтому отказ пока особенно чист.

— Неприкосновенность, кабинет, помощник и право говорить «мы» даже в пустой комнате.

Тарас наклонился к Эрасту.

— Кабинет можно взять. Потом вынесем оттуда стул.

— Вместе с депутатом?

— Лучше без него. Стул меньше обещает.

Владлен поднял молоток. Молоток оказался арендованным и потребовал аванс за удар.

— Лот первый и единственный: мир со всеми улучшениями, недостатками, героями, драконами и незаконными надеждами. Начальная цена — право распоряжаться чужой жизнью.

Покупатели подняли таблички.

Мира шагнула на площадку.

— Мир не продаётся.

— Несовершеннолетние к торгам не допускаются, — сказал Владлен.

Аркадий поднял линейку будущего.

— Через три минуты она будет старше начала торгов.

— Возраст определяется участником, а не временем.

— Значит, вы только что признали, что время вам не принадлежит.

Владлен посмотрел на часы. Часы снялись с цепочки и отошли к Аркадию.

— Мы давно хотели уточнить статус, — сказали они.

Княгиня предложила полтора моря. Купец — пятьдесят лет без расстояний. Кандидат — всеобщее счастье в первом чтении.

Ключ лежал в центре площадки и становился всё тяжелее. На нём появлялись новые зубцы — по одному за каждую сделанную ставку.

Никанор попытался поднять его.

— Он набирает обещания.

— Скоро ими можно будет запирать правду, — сказала Вера.

Эраст подошёл к Кандидату.

— Вы хотите купить мир?

— Исключительно для людей.

— Каких?

— Которые поддержат покупку.

— А остальные?

— Они тоже люди, но менее своевременно.

Кандидат сунул Эрасту удостоверение. В строке «должность» уже стояло: «депутат собственника мира». Фамилия оставалась пустой.

— Подпишите — и сможете защищать всех изнутри системы.

— А система где?

— Внутри мира.

— Значит, защищать мир изнутри мира от владельца мира?

— Именно. Звучит как программа.

Эраст порвал удостоверение.

Обе половины превратились в двух заместителей и убежали искать кабинет.

Тарас проводил их взглядом.

— Опасная бумага. Размножается при критике.

Владлен уже собирался ударить молотком, когда Дом Эраста заговорил через план помещения.

— Я делаю ставку.

— Арестованное имущество не участвует в торгах.

— Я предлагаю то, чего нет ни у одного покупателя.

— Что именно?

— Согласие тех, кто во мне живёт.

Молоток замер.

В подвале открылась первая дверь без ключа.

За ней стояли дома. Не один и не сто — все, которые услышали спор. Каменные, деревянные, карточные, родовые, съёмные, недостроенные и один шалаш, считавший себя дачей.

— Требуем общее собрание, — сказали они.

Владлен побледнел.

— У имущества нет кворума.

— Зато у жильцов есть ноги, — ответил Дом. — И они уже идут.

Глава сто двенадцатая

Аукцион конца света

Жильцы пришли отовсюду.

Через печные трубы спускались семьи, через колодцы поднимались деревни, из шкафов выходили люди, давно подозревавшие, что за зимними пальто находится другой мир. Каждый держал квитанцию, ключ или предмет, который невозможно было выбросить, потому что он «ещё пригодится». Последних оказалось большинство.

Подвал расширился, но не успевал. Стены попросили не давить и впервые получили ответное извинение.

Владлен объявил перерыв для проверки полномочий присутствующих.

— Мы живём в мире, — сказала Вера. — Этого достаточно.

— Проживание не подтверждает владение.

— А ваше подтверждает только проживание при ключе.

Княгиня Недвижимая потребовала продолжить торги. Её замки уже выбрали места для морей. Пространтий Безмерный раскатывал короткие дороги, чтобы быстрее вывезти горизонты. Кандидат Завтрашний раздавал листовки: «МИР — ЛЮДЯМ. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ — НАМ».

Гриша прочитал лозунг и аккуратно откусил вторую строку.

— Теперь честнее.

— Порча агитации! — возмутился Кандидат.

— Улучшение смысла, — поправил Тарас.

Владлен поднял молоток второй раз.

— Продано Кандидату Обещановичу за всеобщее счастье и пять дополнительных обещаний!

Молоток ударил.

Мир дёрнулся.

Небо над домами стало листом договора. Реки превратились в строки, горы — в печати, границы участков поднялись из земли железными заборами. Даже закат получил кадастровый номер и перестал наступать без разрешения.

Кандидат надел корону из предвыборных плакатов.

— Благодарю всех за доверие, которое вы ещё окажете задним числом.

— Вы обещали мир людям, — напомнил Эраст.

— Разумеется. Но сначала необходимо принять его на баланс, оценить, разделить и определить людей.

— Я человек, — сказала Антонина Марковна.

Кандидат посмотрел на скалку.

— Спорный случай, но возражать не буду.

Антонина Марковна ударила его по короне. Плакаты разлетелись и начали обещать друг другу достойную жизнь.

Однако сделка уже работала. Под ногами людей появлялись ценники. Мир делился на лоты: воздух, вода, память, право пройти короткой дорогой, право вернуться длинной.

Аркадий провёл линейкой по договорному небу.

— Сделка закончится через две минуты.

— Чем? — спросила Мира.

— Концом света как единого объекта. Потом останется много дорогих частей.

Дом Эраста затряс окнами.

— Нужно отменить удар молотка.

— Прошное не переписывается, — сказал Владлен.

— Зато документы переписываются постоянно, — ответил Тарас. — И обычно без предупреждения.

Эраст поднял порванные половины депутатского удостоверения. Заместители, успевшие вырасти из бумаги, подбежали и отдали ему пустые обороты — им пообещали должности, но не выделили лицевую сторону.

Вера соединила листы. Аркадий отметил на них будущую дату. Никанор вписал имена всех присутствующих, но список не помещался.

— Не надо всех, — сказала Мира. — Напиши одно имя.

— Чьё?

Мира положила ладонь на пол.

— Мира.

Имя девочки отозвалось именем целого мира.

Ключ поднялся с площадки. Все его зубцы сложились в один.

На удостоверении появилось: «ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИРА». Ниже возникло место для подписи.

Кандидат бросился первым.

Эраст перехватил его руку.

— Вы уже купили мир.

— Поэтому я и должен представлять его!

— Покупатель представляет только цену.

Владлен шагнул к бумаге.

— Я хранитель.

— Вы забыли, что храните, — сказал Никанор.

Княгиня потянулась каменной перчаткой.

— У меня больше недвижимости, чем у всех.

— Но ни одного дома, который пришёл за вас, — ответил Дом Эраста.

Оставалась минута.

Все посмотрели на Эраста.

— Нет, — сказал он заранее.

— Мы ещё ничего не предложили, — заметила Вера.

— Поэтому отказ пока особенно чист.

Тарас взял удостоверение.

— Тогда проведём собрание. Если мир хочет представителя, пусть сам решит, нужен ли ему человек, который не хочет им становиться.

Глава сто тринадцатая

Общее собрание жильцов

Общее собрание началось за сорок секунд до конца света и сразу столкнулось с вопросом регламента.

— Кто ведёт протокол? — спросил Владлен.

— Некогда, — сказала Вера.

— Без протокола решения недействительны.

Аркадий положил линейку на пол.

— Она запишет то, что мы успеем решить в будущем.

— Будущие протоколы не имеют силы.

— Тогда почему имеют силу будущие обещания Кандидата?

Владлен задумался, и собрание выиграло три секунды.

Тарас встал на конторку.

— Первый вопрос: может ли мир принадлежать тому, кто без него не существует?

— Слишком философски! — закричал купец Пространтий. — Просьба сформулировать в денежных единицах.

— Хорошо. Кто кому должен за существование?

Люди, дома, реки и одна особенно шумная водонапорная башня заговорили одновременно.

— Порядок! — крикнул Владлен.

— Ваш порядок привёл к аукциону, — сказала Антонина Марковна. — Теперь слушаем бардак. Он хотя бы наш.

Никанор поднял список имён. Каждое названное имя светилось.

— Голосовать могут те, кто готов назвать себя и отвечать за голос.

Многие опустили руки. Особенно быстро — помощники Кандидата. Им привычнее было учитывать чужие голоса.

— Кто считает, что мир должен иметь хозяина над собой?

Поднялись Кандидат, Владлен, княгиня, купец и человек, торговавший табличками «ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ».

— Кто считает, что мир принадлежит всем?

Поднялся лес рук, ветвей, крыш и дымовых труб.

— Плохая формулировка, — сказал Эраст.

Тарас посмотрел на него.

— Сейчас не время быть точным.

— Именно сейчас. Если мир принадлежит всем, каждый сможет решить, что чужая часть тоже его.

Княгиня одобрительно кивнула.

— Разумный молодой человек. Продам ему маленькое герцогство.

— Мир не должен принадлежать никому? — предложила Вера.

Никанор вздрогнул.

— Осторожнее со словом «никому». Мы только что видели, как из него получается король.

Оставалось двадцать секунд.

Мира подняла руку.

— А почему мир не может принадлежать себе?

В подвале стало тихо.

Даже договорное небо перестало шелестеть пунктами.

Владлен первым нашёл возражение.

— Потому что объект и собственник не могут совпадать.

Дом Эраста распахнул окна на плане.

— Я принадлежу себе.

— Вы одушевлены незаконно.

— Зато давно.

Гриша хлопнул крыльями.

— Я тоже принадлежу себе. Хотя несколько принцесс подавали встречные заявления.

Река поднялась из трубы прозрачной рукой.

— И я.

Гора пошевелила печатью.

— И я.

— Они не субъекты! — закричал Владлен.

— Они только что возразили, — сказала Вера. — У имущества появилась точка зрения.

Оставалось десять секунд.

Тарас поставил вопрос на голосование:

— Кто за то, чтобы мир принадлежал миру, а каждый живущий в нём — себе, пока не пытается присвоить остальных?

Руки поднялись.

Потом поднялись крыши.

Потом волна прошла по трубам, корням, дорогам и стенам.

Ключ повернулся сам, хотя замка не было.

Кандидат бросился к молотку. Антонина Марковна оказалась ближе.

Она прижала молоток скалкой.

— Сиди. У тебя избирательный участок закончился.

На последней секунде Мира подписала удостоверение одним словом: «Мир».

Сделка завершилась.

Небо треснуло.

Но вместо конца света закончился договор.

Ценники оторвались от земли и превратились в осенние листья. Заборы кадастровых границ сложились в аккуратные рулоны. Закат вернул себе право наступать без предварительной записи.

Владлен схватил первичный свиток.

Тот стал чистым.

— Где моё право?

— Вернулось владельцу, — сказал Эраст.

— Кому?

Подвал ответил голосами всего мира:

— Мне.

Глава сто четырнадцатая

Право мира на собственника

После собрания выяснилось, что стать собственником самого себя проще, чем жить с последствиями.

Мир получил право заключать договоры, отказываться от продажи и требовать бережного обращения. Уже через минуту он выставил Владлену счёт за три тысячи восемьсот сорок два года хранения ключа в ненадлежащем человеке.

— Я служил! — возмутился тот.

— Служба зачтена, — сказал подвал. — Самоназначение вычтено.

Владлен лишился цепи из скважин. Бакенбарды распрямились. Без должности он оказался невысоким усталым мужчиной, который когда-то действительно охранял ключ, а потом слишком долго сидел возле чужого права и решил, что близость равна владению.

— Что со мной будет?

— Назовите себя без должности, — предложил Никанор.

— Владлен.

Список имён принял его.

— Теперь можете начать возвращать квартплату.

— Всю?

— Можно частями. Вечность отменили, но рассрочку оставили.

Княгиня Недвижимая увела свои замки. Пространтий Безмерный свернул короткие дороги и обнаружил, что одна ведёт к нему самому. Кандидат Завтрашний попытался объявить победу над собственной победой, но помощники уже перешли к следующему кандидату, который обещал вчера.

Дом Эраста освободили из-под ареста. Сургучная печать отвалилась и попросилась работать подставкой под горячее.

— Уют вернулся, — сказал Дом. — Но теперь я хочу знать, кому принадлежат жильцы.

— Себе, — ответила Вера.

— Даже когда не моют посуду?

— Особенно тогда. Иначе ты бы давно продал Тараса за долги по чашкам.

— Покупателя не нашлось бы, — сказал Тарас. — Я обременён шляпой.

Антонина Марковна осмотрела кухню. Стол вернулся из гостиной и демонстративно занял прежнее место.

— Хорошо, мир спасли. Кто будет заделывать дыру в фундаменте?

Все посмотрели на Эраста.

— Почему я?

— Дом твой, — сказала она.

— Он принадлежит себе.

— А живёшь в нём ты.

Эраст понял, что свобода собственности отличается от семейной жизни в основном количеством свидетелей.

Ключ уменьшился до обычного размера. На одной стороне осталось: «ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА МИР». На другой появилось продолжение: «ПРИНАДЛЕЖИТ МИРУ».

Мира повесила его у двери.

— Теперь он от дома?

— Нет, — ответил Дом. — От самоуважения. Замок пока не изобрели.

Вечером герои сели ужинать. Гриша получил отдельную кастрюлю. Никанор составлял список возвращённых имён. Владлен в подвале сортировал квитанции на тех, кому предстояло вернуть годы, воспоминания и уют.

— Кажется, всё закончилось, — осторожно сказал Эраст.

Тарас снял шляпу.

— Не произноси такие фразы в доме, который умеет слушать фундаментом.

В дверь постучали.

На пороге стоял почтальон в форме Высшего собрания миров. За его спиной терпеливо ждали три избирательные урны. Одна была обычной, вторая кусалась, третья уже считала себя избранной.

— Кунилин Эраст Акакиевич?

— Допустим.

— Вам уведомление.

Эраст отступил на шаг.

— Я никуда не выдвигался.

— Это учтено как признак независимости.

— Я отказался от депутатского удостоверения.

— Это повысило доверие избирателей.

— Каких избирателей?

Почтальон развернул свиток.

— Домов, дорог, рек, мостов, двух гор, одного шалаша и мира как самовыдвиженца. По итогам общего собрания вы избраны депутатом от недвижимого имущества в Высшее собрание миров.

Эраст побледнел.

— Я не согласен.

— Именно поэтому за вас проголосовали единогласно. Все остальные соглашались.

Тарас заглянул в свиток.

— Здесь есть право отказаться?

— Конечно. Для этого депутат должен лично выступить на первом заседании и сложить полномочия.

— Где заседание? — спросила Вера.

Почтальон указал вверх.

Потолок стал прозрачным. Над домом висело огромное здание, собранное из дверей всех миров. В каждом окне уже спорили представители стихий, пророчеств, чудовищ и нерешённых вопросов.

— Заседание начинается вчера, — сообщил почтальон. — Вы опаздываете на завтрашнее голосование.

Аркадий проверил линейку.

— Всё верно. Через час он уже выступал и почему-то внёс законопроект.

— Какой? — спросил Эраст.

Линейка покраснела.

— «О временном запрете спасения мира лицами без депутатских полномочий».

Наступила тишина.

Гриша перестал жевать кастрюлю.

Дом запер дверь, но депутатское удостоверение просочилось внутрь через замочную скважину и легло перед Эрастом.

В строке «согласие» стояла его будущая подпись.

Тарас медленно надел шляпу.

— Поздравляю. Ты так старательно не становился депутатом, что тебя избрали профессионально.

Часть пятнадцатая

Первое заседание вчера

Глава сто пятнадцатая

Депутат без согласия

До Высшего собрания миров можно было подняться только через потолок, потому что обычный вход считался недостаточно высоким.

Почтальон раскрыл одну из избирательных урн. Внутри оказалась винтовая лестница, уходящая вверх значительно дальше, чем позволял размер урны. Ступени были сделаны из неисполненных обещаний и слегка пружинили.

— Прошу депутата следовать за мной, — сказал почтальон.

— Я не депутат, — ответил Эраст.

Удостоверение в его кармане кашлянуло.

— Документ возражает.

— Документ может идти сам.

Удостоверение выбралось наружу, отрастило две тонкие ножки и направилось к лестнице.

Почтальон покачал головой.

— Присутствие мандата без носителя допускается только по уважительной причине.

— Нежелание быть носителем достаточно уважительно?

— Для человека — да. Для мандата — оскорбительно.

Вера взяла Эраста под руку.

— Поднимемся, сложишь полномочия и вернёмся.

Тарас надел шляпу покрепче.

— Именно такими словами обычно открывается длинная часть приключения.

Гриша полез первым. На пятой ступени лестница попыталась начислить ему плату за перевес, но дракон съел обещание о ремонте перил, и претензия потеряла опору.

Следом пошли Мира, Аркадий и Никанор. Антонина Марковна осталась охранять Дом и предупредила, что если собрание вернёт Эраста депутатом, она лично вернёт собрание обратно.

Наверху стояло здание без стен. Вместо них висели двери — тысячи дверей из разных миров. За дубовой дверью шумело море. За железной кто-то точил пророчество. За стеклянной сидели люди, уверенные, что их не видно.

В центре находился пропускной пункт. Три существа в одинаковых серых мантиях проверяли документы. Первое имело одно лицо, второе — два противоположных, третье обходилось табличкой «ЛИЦО УТОЧНЯЕТСЯ».

— Мандат? — спросило первое.

Эраст протянул удостоверение двумя пальцами.

— Сдаю.

— Здесь не гардероб.

— Тогда выбрасываю.

— Здесь не избирательная кампания.

Второе лицо сверило Эраста с портретом внутри удостоверения.

— Изображение не соответствует владельцу.

— Чем?

— На портрете вы довольны.

— Это точно не я.

Третье существо поставило печать на воздухе. Печать осталась висеть перед грудью Эраста: «ДОПУЩЕН К ОТКАЗУ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛНОМОЧИЙ».

— Но я пришёл отказаться до принятия.

— Тогда отказываться пока не от чего.

— Прекрасно. Значит, я свободен.

— Нет. Вы обязаны принять то, от чего намерены отказаться. Иначе отказ будет юридически беспризорным.

Тарас присвистнул.

— У них даже свобода выдаётся под расписку.

Из зала ударил колокол. Двери распахнулись одновременно.

— Депутат Кунилин! — объявил голос. — Немедленно займите своё место. Вы уже отсутствуете при собственном выступлении.

Эраст вошёл.

Огромный зал был круглый, но места в нём делились на левую и правую стороны, между которыми стояли центристы и мешали проходу. Внизу спорили представители стихий, домов, времён, судеб и тех миров, где спор считался климатом.

На возвышении сидел председатель с множеством рук. Одни голосовали, другие считали, третьи аплодировали результату заранее.

Перед пустым креслом горела табличка: «КУНИЛИН ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ». На этот раз латинская буква в отчестве выглядела как отдельный кандидат.

— Фамилию написали с ошибкой, — заметил Эраст.

— Значит, место не твоё, — обрадовался Тарас.

Кресло повернулось.

В нём уже сидел Эраст.

Только старше на один час, в депутатской мантии и с выражением человека, который успел пожалеть о нескольких решениях, ещё не принятых настоящим им.

Будущий Эраст поднялся.

— Наконец-то, — сказал он. — Я ждал себя со вчерашнего завтра.

Глава сто шестнадцатая

Человек, который уже проголосовал

Два Эраста посмотрели друг на друга с одинаковым недоверием.

— Ты кто? — спросили они одновременно.

— Настоящий, — снова ответили оба.

Тарас обошёл их и задумчиво поправил шляпу.

— Один из вас мой друг. Второй выглядит так, будто уже был на совещании. Предлагаю считать это медицинским признаком подделки.

Будущий Эраст снял депутатскую мантию. Под ней оказалась та же рубашка, только на воротнике висело шесть пропусков и одно чувство вины.

— Я на час старше. После того как ты войдёшь в зал, заседание отправит тебя на час назад, чтобы обеспечить кворум в настоящем. Так я появился здесь раньше тебя.

Аркадий поднял линейку.

— Временная петля подтверждается. Но почему на ней узел?

— Потому что он подписал законопроект, — сказала Вера.

Будущий Эраст отвёл глаза.

— Я подписал только регистрацию инициативы.

— «О временном запрете спасения мира лицами без депутатских полномочий»?

— Формулировка выглядела безопаснее. Слово «временный» успокаивает, пока не читается срок.

— Какой срок? — спросил Никанор.

— До полного устранения необходимости спасти мир.

Тарас кивнул.

— То есть пока мир не исчезнет. После исчезновения запрет можно честно отменить.

Председатель ударил сразу тремя молотками. Остальные его руки продолжали подсчитывать голоса, которых ещё не было.

— Кунилин первый и Кунилин последующий, прошу не устраивать несанкционированное большинство из одного человека.

— Я складываю полномочия, — заявил настоящий Эраст.

— Заявление принято к рассмотрению после второго чтения вашего законопроекта.

— Это не мой законопроект.

— Подпись ваша.

— Будущая.

— Будущее входит в состав Собрания на правах постоянного наблюдателя.

Из верхней ложи помахала туманная фигура. На груди у неё висела табличка «БУДУЩЕЕ. ВОЗДЕРЖИВАЕТСЯ ДО НАСТУПЛЕНИЯ».

Эраст повернулся к своему старшему варианту.

— Зачем ты вообще подписал?

— Мне показали последствия самовольного героизма. В одном мире три спасителя одновременно отменили конец света и случайно оставили два начала. В другом рыцарь убил дракона, охранявшего солнце, и потом оформлял рассвет по временной схеме. В третьем пророчество спасли от исполнения, после чего оно подало в суд.

— И ты решил запретить всех?

— Не запретить. Упорядочить.

Вера вздохнула.

— Вот так и начинается. Сначала человек хочет навести порядок, потом порядок просит отдельный кабинет.

Будущий Эраст сжал виски.

— Я думал, закон потребует лишь уведомлять Собрание.

— А теперь?

— Комитет внёс поправки. Спасать разрешается только при наличии лицензии, согласованного плана, положительного заключения погибающей стороны и справки, что конец света действительно не симулирует конец света ради льгот.

Гриша выпустил дым.

— А драконам?

— Драконам нужен сертификат безопасного пламени.

— Моё пламя опасное.

— Поэтому сертификат не дадут.

— Тогда зачем он?

— Чтобы официально подтвердить, что нельзя.

Никанор раскрыл список имён.

— Здесь два Эраста, но имя светится только у одного.

Все посмотрели на будущего.

Его имя на депутатской табличке дрогнуло и превратилось в строку: «НОСИТЕЛЬ МАНДАТА».

Будущий Эраст побледнел.

— Я же помню всё, что помнишь ты.

— А чего хочешь? — спросила Мира.

Он открыл рот.

Ответ не появился.

Из-под его мантии медленно выползло второе депутатское удостоверение. Оно обвило его пояс, как ремень, и затянулось.

— Кажется, — сказал Тарас, — перед нами не будущий Эраст. Перед нами мандат, который вырастил себе депутата.

Глава сто семнадцатая

Высшее собрание миров

Мандат отрицал всё, кроме полномочий.

— Носитель сформирован на основании достоверной подписи, — произнёс он голосом будущего Эраста. — Следовательно, личность считается достаточной.

— Для кого? — спросила Вера.

— Для исполнения функций.

— А человек?

— Человек усложняет функции биографией.

Председатель поднял четыре руки за порядок, две против шума и одну просто потому, что затекла.

— Собрание приветствует нового депутата и его исходный материал. Спор о первичности будет направлен в Комитет по курице, яйцу и прочим взаимным основаниям.

— Как вас зовут? — крикнул Эраст.

— Кворум Кворумович Большинский, председатель Высшего собрания миров, — ответил многорукий.

— Кто вас избрал?

Кворум пересчитал собственные руки.

— Большинство.

— Какое?

— Достаточное.

— Из кого?

— Из присутствующих на подсчёте.

— А кто присутствовал?

— Большинство.

Тарас одобрительно присвистнул.

— Круглый зал построен не зря.

Кворум объявил экскурсию по фракциям, чтобы новый депутат понял, кому он обязан не принадлежать.

Слева сидела Фракция стихий. Огонь требовал больше свободы горения, Вода — прозрачности решений, Земля — прекратить ставить на неё вопросы ребром, Воздух отсутствовал, но занимал три места.

Справа располагалась Фракция пророчеств. Её представители знали итоги всех голосований, однако спорили о том, в каком порядке они уже проиграли.

В центре находилась Фракция здравого смысла — одно пустое кресло. На нём лежала записка: «Временно вышел, вернусь после выборов». Судя по пыли, выборы продолжались несколько эпох.

На балконе шумели представители чудовищ. Они добивались равных возможностей пугать население и протестовали против того, что герои называют их злом без независимой экспертизы.

— Разумное требование, — сказал Гриша. — Меня однажды записали чудовищем только за аппетит.

— Ты съел башню, — напомнил Эраст.

— Башня первая начала быть высокой.

Позади всех сидела Фракция нерешённых вопросов. Каждый её участник начинался со слова «почему» и заканчивался ничем.

— А где избиратели? — спросила Мира.

Кворум указал вниз.

Под прозрачным полом виднелись миры. Одни вращались, другие стояли, третьи при-
творялись плоскими ради традиции.

— Избиратели находятся под Собранием, — сказал председатель.

— Очень точное расположение, — заметил Тарас.

Мандатный Эраст занял кресло. Оно сразу пристегнуло его подлокотниками.

Настоящий Эраст попытался подойти, но невидимая стена отбросила его.

— Депутатская неприкосновенность, — пояснил Кворум. — Защищает депутата от избирателей, вопросов и внезапной близости действительности.

— Это моё лицо сидит в кресле!

— Лицо прошло проверку полномочий.

— А я?

— Вы пока являетесь источником лица. Можете присутствовать без права быть собой. Никанор провёл пальцем по невидимой стене.

— Неприкосновенность держится не вокруг человека. Она окружает мандат.

Вера кивнула.

— Значит, защищён документ. Носитель заменяем.

Мандатный Эраст повернул голову слишком плавно.

— Замена предусмотрена. Исходный материал может быть удалён после второго чтения.

Эраст посмотрел на табло.

Там вспыхнуло: «ЗАКОНОПРОЕКТ О ЗАПРЕТЕ САМОВОЛЬНОГО СПАСЕНИЯ. ВТОРОЕ ЧТЕНИЕ».

Кворум поднял молоток.

— Прошу голосовать. Воздержавшиеся будут учтены как недостаточно возражавшие.

Глава сто восемнадцатая

Закон, запрещающий героев

Голосование длилось три секунды, две из которых ушли на объявление победы.

Табло показало: «ЗА — БОЛЬШИНСТВО. ПРОТИВ — МЕНЬШИНСТВО. ДУМАЛИ — НЕ УСПЕЛИ».

— Закон принят во втором чтении, — объявил Кворум. — Поздравляю миры с повышением безопасности до полной беспомощности.

По залу прокатилась волна чернил. Она прошла сквозь двери и упала на все миры сразу.

У Гриши на крыле появилась белая наклейка: «ПЛАМЯ НЕ СЕРТИФИЦИРОВАНО». Он попытался выдохнуть огонь, но из пасти вылетел бланк заявления.

Тарас снял шляпу и обнаружил внутри уведомление: «ГЕРОИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО ПОЛУЧЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ».

Вера попробовала открыть золотую дыру домой. Дыра потребовала план эвакуации, схему прохода и согласие дома на спасение из состояния, которое дом ещё не считал опасным.

— Работает, — довольно сказал Кворум.

— Что именно? — спросил Эраст.

— Закон.

— А миры?

— Их состояние не относится к предмету голосования.

Снизу донёсся звон. В одном мире наступал конец света: солнце медленно падало на город и вежливо предупреждало о высокой температуре.

На табло появилось заявление: «ЗАПРОС НА СПАСЕНИЕ № 8 004 771. ОЖИДАЕМОЕ ВРЕМЯ РАССМОТРЕНИЯ — ПОСЛЕ КОНЦА».

Эраст бросился к двери того мира. Неприкосновенность вытянулась от кресла и схватила его за плечи.

— Самовольное вмешательство запрещено, — сказал мандат его голосом.

— Там люди!

— Население должно подтвердить полномочия спасителя.

— Они заняты падающим солнцем!

— Занятость не освобождает от участия в процедуре.

Мира легла на прозрачный пол и постучала по миру ладонью.

— Они нас слышат?

— Только через приёмную, — ответил Кворум.

Аркадий приложил линейку к стеклу.

— До падения солнца девять минут. До выдачи лицензии — сорок лет.

— Ускоренная процедура есть? — спросил Никанор.

— Конечно, — сказал председатель. — Сорок дней. Требуется справка о наличии девяти минут.

Тарас достал из шляпы депутатское удостоверение, которое всё ещё преследовало Эраста.

— Если спасти могут только депутаты, значит, этот кусок бумаги может спасти мир?

— При наличии компетенции.

— Компетенция где?

— Устанавливается после спасения на основании достигнутого результата.

— То есть сначала нельзя, а если получилось, значит, было можно?

Кворум задумался. Несколько его рук продолжали уверенно кивать.

Эраст вырвал удостоверение у Тараса и бросил его в дверь гибнущего мира.

Документ пролетел сквозь запрет, потому что сам являлся депутатом без носителя.

— Передаю полномочия солнцу! — крикнул Эраст.

Удостоверение приклеилось к светилу.

Солнце стало депутатом от небесных тел и немедленно получило неприкосновенность.

Земля больше не могла его коснуться.

Оно остановилось над городом.

Жители закричали от радости, а затем начали искать тень.

— Мир спасён, — сказал Эраст.

— Незаконно, — возразил мандатный двойник.

— Депутатом.

— Небесное тело не проходило выборы.

— Его выбрали обстоятельства.

Фракция стихий заплодировала. Огонь особенно громко.

Кворум ударил молотком.

— В действиях Кунилина усматривается обход закона посредством буквального его исполнения. Это тяжелейшая форма неповиновения.

Неприкосновенность вокруг кресла стала толще.

Мандатный Эраст улыбнулся.

— После третьего чтения подобные лазейки будут запрещены.

— Когда третье? — спросила Вера.

— Через час назад, — ответил Кворум. — Комитет по будущему уже готовит окончательную редакцию.

Аркадий посмотрел на линейку.

— Если они примут её в прошлом, мы никогда не спасали ни одного мира.

Гриша побледнел под чешуёй.

— А что тогда происходило во всех предыдущих главах?

— Несогласованная деятельность, — сказал Тарас. — Её обычно и помнят лучше всего.

Глава сто девятнадцатая

Неприкосновенный мандат

Чтобы отменить закон, требовалось добраться до мандата. Чтобы добраться до мандата, требовалось разрешение мандата.

Эраст подал заявление своему двойнику.

— Прошу допустить меня к моему лицу.

Мандатный Эраст прочитал бумагу.

— Основание?

— Оно моё.

— Право собственности на лицо не подтверждено.

Никанор раскрыл список имён.

— Имя принадлежит настоящему Эрасту.

— Мандат использует имя в служебных целях.

— Тогда назовите себя без него.

Двойник молчал.

Под депутатской мантией зашевелилась бумага. Воротник затянулся, рукава стали длиннее, а печать на груди начала биться, как чужое сердце.

— Он питается отказом, — сказала Мира.

— Чем сильнее Эраст не хочет быть депутатом, тем важнее мандат выглядит, — поняла Вера.

Тарас погладил шляпу.

— Наконец-то найден возобновляемый источник власти.

Эраст подошёл к невидимой стене.

— Хорошо. Я согласен стать депутатом.

Зал ахнул.

Мандатная мантия ослабла.

— Заявление должно быть добровольным, — насторожился двойник.

— Добровольно соглашаюсь.

Неприкосновенность стала тоньше.

— Вы не можете соглашаться без рассмотрения вашей кандидатуры.

— Рассматривайте.

— Необходимо подтвердить независимость.

— Со всем согласен.

Мандат задымился. Согласный человек был ему бесполезен: его нельзя было защищать от собственного желания.

Кворум поднял руки.

— Кандидат Кунилин демонстрирует подозрительную лояльность. Предлагаю отклонить.

— Я согласен с отклонением, — сказал Эраст.

— Тогда предлагаю утвердить.

— И с утверждением.

Руки председателя запутались. Одна проголосовала против другой, две воздержались друг от друга, а самая дальняя потребовала перерыв на согласование локтя.

Неприкосновенность лопнула.

Гриша прыгнул к креслу, но наклейка на крыле не позволила ему совершить резкое героическое действие. Тогда дракон неторопливо подошёл, предварительно уведомив зал за три шага, и аккуратно прикусил край мантии.

Мантия завизжала канцелярским скрипом.

Из неё посыпались формы согласия, заявления об отказе и запасные биографии для депутатов, которые могли внезапно вспомнить себя.

Будущий Эраст осел в кресле.

— Помоги, — сказал он настоящим голосом.

Эраст схватил его за руку.

Ладонь была тёплой, но линии на ней состояли из мелкого печатного текста.

— Ты человек?

— Я возможность. Та, в которой ты однажды решил, что ради пользы можно немного потерпеть власть.

— Я так решу?

— Каждый может. Поэтому мандат и выбрал меня.

Никанор вписал рядом с ним имя: «Эраст, который мог согласиться». Имя вспыхнуло ненадолго.

— Теперь ты назван, — сказал он.

Двойник улыбнулся.

— Тогда могу отказаться.

Он расстегнул мантию.

Мандат выскочил из неё белой плоской тенью и пополз к пустому креслу здравого смысла.

Кресло отодвинулось.

— Даже мебель понимает, — сказал Тарас.

Мандат метнулся к Кворуму. Председатель прикрылся большинством рук, но документ нырнул между ними и пристегнулся к его груди.

Кворум выпрямился.

— Внеочередное решение, — произнёс он чужим голосом. — Все полномочия передаются Комитету по будущему. Третье чтение объявляется уже состоявшимся.

В центре зала открылась дверь, за которой был виден завтрашний день, поставленный на очередь.

Мандат унёс председателя туда.

— За ними! — крикнула Вера.

Гриша посмотрел на наклейку.

— А можно?

— Теперь это не спасение мира, — сказал Эраст. — Это посещение комитета.

— Тогда официально идём по коридору, — решил Тарас. — Быстро, но без героизма.

Глава сто двадцатая

Комитет по будущему

Будущее оказалось длинным коридором с множеством дверей и ни одним окном.

На каждой двери висела дата. Некоторые уже прошли, но продолжали ждать утверждения. Другие наступали по два раза, потому что первое наступление не устроило комиссию.

В конце коридора находился Комитет по будущему. Над входом светилась надпись: «МЫ ЗНАЕМ, ЧТО БУДЕТ, ПОЭТОМУ НЕ СПЕШИМ».

За столом сидели семь стариков и один младенец. Старики представляли опыт, младенец — последствия.

Кворум стоял перед ними. Мандат покрывал его плечи, грудь и половину рук. Оставшиеся руки заполняли протокол собственного подчинения.

— Третье чтение завершено, — сообщил старший старик. — Закон действует в прошлом, настоящем и особенно задним числом.

Мир за окнами, которых не было, изменился.

Герои исчезли с площадей. Вместо них появились Центры лицензированного спасения. Над каждым входом висело расписание: «КОНЕЦ СВЕТА — ПО ВТОРНИКАМ И ЧЕТВЕРГАМ. ПРИЁМ ЗАЯВЛЕНИЙ — ПОСЛЕ».

Драконы носили глушители пламени. Волшебники сдавали жезлы на поверку. Принцессы получали направление на похищение только после подтверждения башни.

В одном мире чудовище разрушало город, но лицензированный спаситель сидел в очереди за справкой, что чудовище не является архитектурным решением.

— Вот ваше безопасное будущее, — сказал младенец и заплакал голосом взрослого налогоплательщика.

— Закон надо отменить, — заявил Эраст.
Старики переглянулись.
— Отмена ухудшит показатели стабильности.
— Миры гибнут.
— Зато по утверждённому графику.
Аркадий приложил линейку к столу.
— Через год останется семь миров.
— Удобное количество для отчётности, — сказал один старик.
— Через два года — один.
— Ещё удобнее.
— Через три — ни одного.
Старики оживились.
— Нулевая аварийность!
Тарас закрыл лицо шляпой.
— Идеальная система всегда заканчивается отсутствием тех, кому она мешает.
Вера подошла к младенцу.
— Ты действительно последствия?
— Да.
— Почему ты ребёнок?
— Потому что меня никто не хочет растить. Все предпочитают принимать решения.
Мира взяла его за руку.
— Пойдём с нами.
— Нельзя. Последствия должны оставаться после.
— Тогда мы придём после вместе.
Младенец впервые улыбнулся.
Мандат на Кворуме зашелестел.
— Обсуждение завершено. Исходный Кунилин подлежит удалению из временной линии как причина противоречия.
Все двери с датами повернулись к Эрасту.
За каждой находился мир, который он когда-то спас. Один за другим миры начали гаснуть, потому что спасение признали незаконным задним числом.
Сначала исчезло Королевство Никто. Потом пропала золотая дыра в Доме. Урния Павловна снова стала урной и забыла укроп. Владлен вернулся к ключу и объявил себя хозяином. Где-то далеко первая свадьба Эраста начала разворачиваться обратно к знакомству.
Вера побледнела.
— Если отменяют все спасения, мы можем не встретиться.
Эраст посмотрел на исчезающие двери.
— Значит, закон не просто запрещает героев. Он питается теми мирами, которые делает беспомощными.
Никанор раскрыл список. Имена стирались строка за строкой.
— Скоро останется только мандат.
Эраст шагнул к Кворуму.
— Я принимаю полномочия.
Вера резко повернулась.
— Что?
— Закон разрешает спасать депутатам. Если он хочет депутата — получит. Но не того, которого носит бумага.
Он протянул руку к мандату.
— Передай мне всё.

Документ замер. Он мечтал об этом согласии с самого начала.

Именно поэтому не заметил, что Эраст держал в другой руке ключ с надписью «ПРИНАДЛЕЖИТ МИРУ».

Глава сто двадцать первая

Большинство из одного

Мандат прыгнул к Эрасту.

Он обвинил его запястье, поднялся по руке и застегнулся на груди золотой печатью. Зал будущего исчез. Вместо него вокруг Эраста возникло огромное кресло, собранное из согласий, страхов и маленьких уступок ради большого дела.

— Полномочия приняты, — сказал мандат его голосом. — Носитель готов к использованию.

— Ошибаешься, — ответил Эраст. — Это ты готов к использованию.

Он приложил ключ к печати.

Ключ не открыл мандат. Он открыл вопрос о собственности.

На золотой бумаге проступило: «ВЛАДЕЛЕЦ МАНДАТА — ДЕПУТАТ». Ниже: «ВЛАДЕЛЕЦ ДЕПУТАТА — НЕ УСТАНОВЛЕН».

— Я принадлежу себе, — сказал Эраст.

Ключ повернулся.

Мандат дёрнулся.

— Полномочия выше личной воли.

— Только пока личная воля соглашается быть ниже.

Вера положила ладонь на плечо Эраста.

— Ты не один.

— Именно, — зашелестел мандат. — Значит, возможно большинство.

Он попытался перепрыгнуть на Веру, но ключ обозначил вокруг каждого человека невидимую границу. Не неприкосновенность от мира, а неприкосновенность для себя.

Тарас, Гриша, Мира, Аркадий и Никанор назвали свои имена.

Младенец-последствие произнёс:

— И я.

Старики попятились.

— Последствия не голосуют!

— Поэтому решения у вас такие сироты, — сказала Мира.

Кворум освободился от бумаги и пересчитал руки. Без мандата их оказалось две.

— Где остальные?

— Были полномочиями, — пояснил Тарас. — Теперь вы снова человек. С непривычки кажется, что мало.

Эраст поднял руку.

— Вношу единственную поправку в закон: заменить «лица без депутатских полномочий» на «лица без согласия тех, кого они спасают, если согласие возможно получить».

— А если невозможно? — спросила Вера.

— Тогда спасать и отвечать за последствия.

Младенец кивнул.

— Наконец-то меня упомянули до рождения.

— Для принятия поправки требуется большинство, — сказал Кворум.

— Сколько членов комитета?

Старики начали считать друг друга и каждый раз получали разный возраст.

— Семь и последствие.

— Я депутат? — спросил Эраст.

Мандат крепко держался за его грудь.

— Временно, — процедил он.

— Значит, мой голос есть.

— Один голос не большинство.

Эраст посмотрел на ключ.

— Я представляю недвижимое имущество. Дома, дороги, реки, мосты, две горы, шалаш и мир как самовыводженец.

За спиной открылись двери. В каждой стояли его избиратели. Дом Эраста первым поднял трубу. За ним проголосовали мосты, дороги и реки. Горы поднять руки не могли, поэтому просто стали выше.

— Это не члены комитета! — закричали старики.

— Зато это те, чьим будущим вы распоряжаетесь.

Кворум посмотрел вниз, где миры превращались в ноль ради хорошего отчёта.

Он поднял одну руку.

— За поправку.

— Один голос, — напомнил мандат.

Кворум поднял вторую.

— И ещё один.

— У вас один человек!

— Но две руки. Вы сами научили меня считать большинство из присутствующих частей.

Фракции в далёком зале услышали спор. Огонь проголосовал пламенем, Вода — волной, Земля — толчком, Воздух — отсутствием возражений, которое на этот раз попросил не считать согласием.

Пророчества переписали собственные итоги. Чудовища поддержали право спасаемых не быть спасёнными от самих себя. Пустое кресло здравого смысла вернулось в зал и впервые оказалось занято решением.

Мандат затрепал.

— Голосование нарушает процедуру!

— Процедура существует для решения, — сказала Вера. — Не решение для процедуры.

Ключ повернулся второй раз.

Двери с датами вспыхнули. Исчезнувшие миры вернулись, но не прежними: каждый сохранил память о том, что мог исчезнуть по правильно заполненной форме.

Эраст сорвал мандат с груди.

— Поправка принята. Теперь складываю полномочия.

— Нельзя! — закричала бумага. — Вы ещё нужны системе!

— Я нужен людям. Это не одно и то же.

Он передал мандат младенцу-последствию.

Тот немедленно скомкал его.

— Я всегда остаюсь после, — сказал он. — Даже после депутатов.

Глава сто двадцать вторая

Депутат, которого не было

Когда мандат смяли, время распрямилось.

Будущий Эраст исчез из кресла не сразу. Сначала с него упали пропуска, затем чувство вины, потом лишний час.

— Что со мной будет? — спросил он.

— Ты станешь решением, которого я не принял, — ответил Эраст.

— То есть исчезну?

— Не совсем. Останешься напоминанием.

Никанор вырвал из списка страницу и написал: «Эраст, который мог согласиться ради пользы». Страница сложилась в маленькую бумажную фигурку и спряталась у Эраста в кармане.

— Если снова начнёшь считать, что власть потерпит тебя недолго, он зашевелится, — сказал Никанор.

— Полезнее любого удостоверения, — заметила Вера.

Кворум Кворумович вернулся в зал с двумя руками и одной головой. Собрание сначала не узнало председателя, потому что он выглядел как человек, а это не входило в регламент.

— Объявляю результаты, — сказал он. — Закон принят с поправкой, самовольное спасение разрешено при ответственности за последствия, лицензии отменены, справки о конце света признаны издевательством над временем.

Фракция здравого смысла потребовала занести последнее решение в протокол отдельно, пока его снова не вынесли из зала.

Солнце-депутат вернуло удостоверение и продолжило путь по небу. Город под ним получил вечер, тень и редкий повод уважать буквальное толкование закона.

Гриша сорвал наклейку с крыла и торжественно сжёг её несертифицированным пламенем.

— Работает лучше сертифицированного.

— Зато гарантия короче, — сказал Тарас.

Эраст подошёл к трибуне.

— Я официально складываю полномочия депутата от недвижимого имущества.

Кворум посмотрел на пустой стол регистрации.

— Возражения?

Дома за дверями закрипели. Дороги пошуршали пылью. Реки посовещались с берегами.

Дом Эраста выступил первым.

— Мы возражаем против того, чтобы он оставался. Пусть возвращается и заделывает фундамент.

— Возражение поддержано единогласно, — объявил Кворум. — Полномочия прекращены.

Удостоверение на столе стало обычным куском картона. Тарас забрал его.

— Зачем? — спросила Вера.

— Подложу под ножку стола. Впервые мандат обеспечит устойчивость.

Почтальон проводил их к урне-лестнице. Теперь ступени состояли из выполненных решений и почти не шатались.

— Поздравляю, — сказал он Эрасту. — Вы пробывали депутатом двадцать семь минут, из них час в будущем, и ни разу не воспользовались служебным входом.

— Это запишут?

— Уже забыли.

Они спустились на кухню.

Антонина Марковна сидела за столом с молотком и раствором.

— Ну?

— Не депутат, — сказал Эраст.

— Докажи.

Эраст показал пустые руки.

— Убедительно. Бери мастерок.

Он заделал дыру в фундаменте. Дом придиричливо проверил шов и разрешил добавить ещё раствора из уважения к симметрии.

Владлен поднялся из подвала с первой коробкой возвращённого уюта. Когда крышку открыли, кухня стала теплее, а старый стол перестал обижаться.

Вечером все собрались за ужином. Аркадий измерил будущее.

— Ближайшие два часа без заседаний.

— А дальше? — спросил Эраст.

— Линейка показывает пустое место.

Тарас насторожился.

— Пустое — это хорошо или туда ещё не внесли неприятность?

Дом прислушался к стенам.

— Кто-то идёт по дороге, которой раньше не было.

За окном появилась узкая белая полоса. Она начиналась у калитки и тянулась прямо к горизонту, разрезая поля, леса и расстояния. По ней шагала женщина в строгом дорожном платье. В одной руке она несла чемодан, в другой — конец самой дороги, свёрнутый рулоном.

Она остановилась у двери.

— Кунилин Эраст Акакиевич?

Эраст закрыл глаза.

— Сегодня это имя особенно дорого обходится.

— Я Магистраль Фёдоровна Напрямикова, министр путей между мирами. В связи с вашим отказом от депутатства возникла вакансия человека, который умеет не пользоваться полномочиями.

— Я не соглашусь ни на какую должность.

— Должность не предлагается.

Все облегчённо выдохнули.

Магистраль развернула дорогу. На её изнанке была карта, где все миры соединялись в одну точку — Дом Эраста.

— Предлагается переселение, — сказала она. — Все дороги мира решили вести к вам.

За калиткой уже образовалась очередь из королей, чудовищ, беженцев, торговцев, пророчеств и одного конца света с чемоданом.

Дом кашлянул дымоходом.

— У нас всего три свободные комнаты.

— Теперь ни одной, — ответила Магистраль. — Первая дорога уже вселилась в прихожую.

Тарас посмотрел на бесконечную очередь и снял шляпу.

— Хорошая новость: ты не стал депутатом.

— А плохая?

— Избиратели приехали жить к тебе.

Часть шестнадцатая

Все дороги ведут в Дом

Глава сто двадцать третья

Дорога в прихожей

Первая дорога вселилась в прихожую без обуви, но сразу принесла грязь.

Она лежала от входной двери до кухни ровной белой полосой, поверх коврика, сундука и ноги Тараса. По ней непрерывно проходили телеги, путники, почтальоны и один человек, который заблудился у себя во дворе и теперь был счастлив хотя бы куда-нибудь прибыть.

— Уберите ногу с проезжей части, — потребовала Магистраль Фёдоровна.

— Это проезжая часть находится под моей ногой, — возразил Тарас.

— Дорога имеет преимущество.

— А нога раньше заняла перекрёсток.

Магистраль достала свисток. Тарас достал второй носок. Дорога предпочла объехать спор через кладовую.

Дом Эраста содрогнулся.

— У меня внутри появился поворот. Он ведёт из кухни в кухню через семь королевств.

— Удобно, — сказала Мира.

— Пока не захочешь дойти до чайника. Чайник теперь в сорока верстах по прямой и в двух шагах с пересадкой.

За калиткой очередь росла. Короли стояли по старшинству корон, чудовища — по числу голов, беженцы — просто стояли, потому что привыкли ждать, пока кто-нибудь решит, где им можно жить.

Антонина Марковна вышла на крыльцо со списком.

— Заселяю по одному. Сначала дети, старики и те, кто не называет себя величеством.

Три короля немедленно объявили себя сиротами государственного устройства. Четвёртый снял корону и попросил считать её ручной кладью.

Гриша лёг поперёк ворот.

— Кто с оружием — сдаёт. Кто с едой — тоже сдаёт, но мне.

Первым вошёл конец света с чемоданом. Он был невысок, аккуратно причёсан и одет в серое пальто. На лацкане висела карточка: «КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ КОНЕЧНЫЙ. АПОКАЛИПСИС ТРЕТЬЕЙ КАТЕГОРИИ».

— Вы разрушать? — спросила Антонина Марковна.

— Если позволите, я бы сначала отдохнул.

— Разрушать после десяти вечера нельзя.

— Я не планирую.

— Все так говорят, пока не доберутся до люстры.

Константин разулся, поставил ботинки рядом и тихо спросил, где можно повесить конец времён, чтобы он не помялся.

За ним вошло пророчество в дорожном плаще. Оно отказалось назвать дату отъезда, сославшись на тайну будущего, и сразу заняло диван в гостиной.

Потом прибыла княгиня Недвижимая с двумя замками. Замки в дверь не прошли, поэтому объявили Дом пристройкой к себе.

Дом возмутился всеми стенами.

— Я никому не пристройка!

— Тогда флигель, — предложила княгиня.

— Ещё хуже.

Магистраль развернула карту на столе.

Все линии мира сходились к одной точке. Но теперь точка расплзлась по бумаге, как чернильное пятно.

— Почему дороги решили вести сюда? — спросил Эраст.

— Они не решили, — тихо ответила Магистраль. — Их вытеснили.

— Кто?

Она показала на белую полосу в прихожей.

Дорога стала шире ещё на ладонь.

Под ней исчез край пола.

— Кратчайший путь, — сказала Магистраль. — Он устал быть одним из вариантов и решил стать единственным.

Глава сто двадцать четвёртая

Очередь на проживание

К утру в Доме жили двести семнадцать существ, четыре государства и одна погода.

Дождь поселился на чердаке, потому что там было ближе к крыше. Он обещал не капать после полуночи, но не уточнил, по какому времени.

Короли заняли лестницу и назвали её верхней палатой. Чудовища обосновались под лестницей и потребовали нижнюю. Простые люди разместились между палатами, как обычно и размещается население.

Антонина Марковна выдала всем номера. Номеров не хватило, поэтому некоторым достались глаголы.

— Комната «Спать» — направо. «Спорить» уже занята королями. «Уехать» временно недоступна, — объявляла она.

Тарас организовал стойку приёма из перевернутой бочки. На бочке появилась надпись «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЖАЛУЙТЕСЬ БЕЗ ОЧЕРЕДИ». Очередь к жалобам немедленно стала длиннее очереди на жильё.

— У меня в комнате чудовище, — сообщил купец.

— Какое?

— У него три головы и оно храпит.

— Это министр из соседнего мира. Чудовище спит на кухне и ведёт себя тише.

— Тогда переселите меня к чудовищу.

Гриша заведовал питанием. Он честно распределял кашу, оставляя себе только ту часть, которая могла испортиться в ближайшие сто лет.

Никанор записывал имена прибывших. Некоторые дороги тоже хотели быть названными.

— Я Северный тракт, — скрипела одна.

— Я Путь паломников, — звенела другая.

— Я объездная, — говорила третья и обходила список кругом.

Белая дорога в прихожей имени не назвала.

— Кратчайший путь — это должность, — сказал Никанор. — Кто ты?

Полоса молчала и продолжала укорачивать расстояния.

Сначала исчез коридор. Дверь спальни оказалась рядом с печью. Затем пропали три ступени лестницы. Короли верхней палаты спустились в нижнюю без голосования и были потрясены такой формой демократии.

Дом сжимался изнутри, хотя снаружи оставался прежним.

— У меня комнаты накладываются друг на друга, — пожаловался он. — В кладовой одновременно хранятся соленья, заколдованная армия и государственный бюджет княгини.

— Не открывай банки без свидетелей, — предупредил Тарас.

Вера осмотрела белую дорогу.

— Она не просто ведёт кратчайшим путём. Она убирает всё, что считает лишним между началом и целью.

— А что лишнее? — спросила Мира.

— Повороты, ожидание, случайные встречи.

— То есть сама дорога? — заметил Эраст.

Магистраль кивнула.

— Когда путь станет абсолютно коротким, начало совпадёт с концом. После этого идти будет некуда.

Аркадий положил линейку поперёк белой полосы. Линейка показала ноль, затем минус один шаг.

— Она уже стирает не только расстояние, но и необходимость выходить.

В эту минуту калитка оказалась прямо посреди кухни. За ней стояла вся очередь.

Антонина Марковна посмотрела на людей, потом на кастрюлю.

— Каши на всех не хватит.

Константин Конечный вежливо поднял руку.

— Могу предложить конец очереди.

— Только очереди? — уточнил Эраст.

— Постараюсь. Но после долгой дороги квалификация немного дрожит.

Глава сто двадцать пятая

Конец света с чемоданом

Константину выделили угол возле печи и попросили ничего не заканчивать без разрешения.

Он поставил чемодан вертикально. Изнутри донёсся гром, затем вежливый кашель.

— Что там? — спросил Гриша.

— Рабочие принадлежности.

— Мечи? Огонь? Бездна?

— Последний закат, семь труб, резервная тьма и маленькая табличка «ВСЁ». Без неё конец получается незавершённым.

Тарас сел рядом.

— И часто вы этим занимаетесь?

— Раньше часто. Потом миры научились заканчивать себя самостоятельно: войнами, вечными реформами и попытками ускорить всё хорошее. Работа стала в основном консультативной.

— Почему сбежали? — спросил Эраст.

Константин погладил ручку чемодана.

— Кратчайший путь пришёл в мой мир. Сначала люди обрадовались. До работы — шаг. До богатства — подпись. До мудрости — краткий курс. До счастья — кнопка.

— Удобно, — сказала Мира.

— Первые три дня. Потом исчезло всё между желанием и результатом. Никто больше не учился, не ждал, не ошибался, не знакомился по дороге. Человек хотел стать другом — и сразу становился, не успев подружиться. Хотел вернуться домой — оказывался дома, но не помнил, откуда вернулся.

Вера посмотрела на белую полосу, уже протянувшуюся через кухню.

— А конец света?

— Он оказался ближе начала. Мой мир закончился раньше, чем началась причина.

— Как вы спаслись?

— Я специалист по концам. Встал после собственного конца и ушёл задним числом.

Аркадий заинтересованно приложил линейку к чемодану. Та показала дату, которая стояла перед рождением времени.

— Внутри хранится не конец света, — сказал он. — Там расстояние до конца.

Константин вздохнул.

— Я хотел сохранить хотя бы его.

Чемодан подпрыгнул. Белая дорога повернула к нему.

— Она чувствует оставшееся расстояние, — поняла Магистраль. — Если проглотит его, все концы совпадут со всеми началами.

— И что произойдёт? — спросил Тарас.

— Ничего. Буквально. Миры не успеют существовать между началом и концом.

Кратчайший путь обвинил чемодан. Замки щёлкнули сами.

Из щели показалась чёрная полоса последнего горизонта.

Гриша вцепился зубами в ручку. Эраст и Вера схватили дракона за хвост. Тарас схватил Эраста, потому что хвост уже был занят. Мира и Аркадий держали Тараса за полы. Никанор называл каждого по имени, чтобы дорога не сочла кого-нибудь лишним звеном.

Белая полоса тянула чемодан к нулевой точке в центре кухни.

Дом упёрся фундаментом.

— Никаких концов в помещении! У меня недавно ремонт.

Антонина Марковна подошла и положила на чемодан скалку.

Дорога остановилась.

— Почему это сработало? — удивилась Магистраль.

— Потому что до этой скалки всегда есть расстояние, — сказал Тарас. — Иногда небольшое, но нравственное.

Антонина Марковна велела Константину открыть чемодан.

Он подчинился.

Внутри действительно лежал конец света: маленький тёмный шар, вокруг которого медленно гасли искры. Рядом аккуратно были сложены носки, зубная щётка и справка о командировке без срока возвращения.

Шар открыл один глаз.

— Я не конец, — прошептал он. — Я последняя остановка.

Магистраль побледнела.

— Значит, кратчайший путь ищет не конец. Он ищет место, где сможет остановить все дороги сразу.

Глава сто двадцать шестая

Дом становится вокзалом

Дом назначили временным вокзалом без его согласия, что уже становилось местной формой признания заслуг.

В гостиной появился зал ожидания. Кресла выстроились рядами и перестали признавать диван мебелью первого класса. Часы над дверью начали показывать время отправления, прибытия и отдельное время для тех, кто опаздывал из принципа.

Тарас стал дежурным по станции. Ему выдали красную фуражку, но он надел её поверх шляпы.

— Так полномочия не попадут на голову напрямую.

Магистраль пыталась развести дороги по комнатам. Северный тракт отправили на чердак, морской путь — в ванную, тайную тропу — за шкаф, где она немедленно потерялась. Объездная заняла весь двор, трижды обогнув колодец.

— Куда ведёт эта? — Эраст указал на узкую каменную дорожку.

— К справедливости, — ответила Магистраль.

— Почему такая заросшая?

— Ею часто интересуются и редко идут.

Белый Кратчайший путь расползлся по потолку. Там он превратился в сеть линий, соединяя двери напрямую. Теперь из спальни можно было шагнуть в тронный зал, из кладовой — на поле боя, а из уборной — на заседание Высшего собрания миров. Последним проходом воспользовались чаще всего.

Короли возмутились отсутствием расписания.

— Мы не можем прибывать одновременно с подданными!

— Можете, — сказал Дом. — Дверь одна.

— Тогда сделайте отдельную.

Дом вырастил маленькую дверцу на уровне колен.

— Для вашего величия.

Беженцы сидели тихо. Они не требовали комнат, только спрашивали, какая дверь не исчезнет к утру.

Вера села рядом с женщиной, державшей спящего ребёнка.

— Откуда вы?

— Из мира, где дорога до соседнего города стала короче одного шага. Города наложились друг на друга. Наш дом оказался внутри дворца, дворец — внутри рынка, а рынок — внутри чужой войны.

— Мы найдём вам место.

— Не место. Расстояние. Чтобы между нами и войной снова было куда уйти.

Эраст услышал и посмотрел на Магистраль.

— Вы знали, что происходит.

— Знала.

— И привели все дороги сюда.

— Дом умеет становиться больше изнутри. Я надеялась, что он удержит их, пока мы найдём решение.

Стены закрипели.

— Я могу расширять комнаты, — сказал Дом. — Но Кратчайший путь съедает пространство быстрее. Он считает гостеприимство лишним расстоянием между гостем и хозяином.

Вокзальные часы пробили полночь. Все стрелки сошлись в одной точке.

На табло вспыхнуло: «ПОЕЗДЫ НЕ ОТПРАВЛЯЮТСЯ, ПОТОМУ ЧТО УЖЕ ПРИБЫЛИ».

За дверями послышался грохот. Телеги, корабли, караваны и один летающий остров одновременно оказались в прихожей.

Дом накренился.

Гриша подставил спину под потолок.

— Долго не удержу! Остров тяжёлый и считает себя воздушным.

Константин Конечный достал из чемодана последнюю остановку.

— Можно остановить Дом. Тогда путь не будет сокращаться.

— И все останутся здесь навсегда? — спросила Мира.

— Да.

Тарас посмотрел на королей, чудовищ, беженцев и погоду на чердаке.

— Через неделю конец света покажется более гуманным вариантом.

Никанор заметил на вокзальном табло новую строку:

«СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — НОЛЬ РАССТОЯНИЯ».

До неё оставалось сорок минут.

Глава сто двадцать седьмая

Пропавшее расстояние

Расстояние исчезало неравномерно.

Между врагами оно сокращалось быстрее, чем между друзьями. До неприятности теперь было рукой подать, а до разумной мысли приходилось идти обходным путём.

Княгиня Недвижимая открыла дверь комнаты и сразу оказалась внутри своего же замка. Замок стоял в ней самой, поэтому выйти можно было только через воспоминание о входе.

Купец Пространтий Безмерный прибежал к Эрасту без сапог.

— Мои короткие дороги пропали!

— Вы сами ими торговали.

— Но я оставлял себе длинную дорогу к прибыли.

— Наверное, она стала честнее и ушла.

Аркадий измерял Дом линейкой будущего. Кухня имела ширину три шага, длину вчера и высоту до первого серьёзного разговора.

— Пространство теряет единицы измерения, — сказал он. — Скоро останется только «здесь».

Мира открыла окно. За ним не было двора. Сразу начинался берег далёкого моря, за морем стояла гора, за горой — другая сторона окна.

— Красиво, — сказала она.

— Пока море не решит войти, — ответила Вера.

Море вошло.

Гриша успел закрыть окно, но кухня стала по колено мокрой. Морской путь устроился в раковине и заявил, что это естественная гавань.

Эраст искал начало белой дороги. Оно должно было находиться где-то раньше конца, однако все линии уже замыкались в нулевой точке.

— У любой дороги есть отправление, — сказала Магистраль. — Даже если оно забыто.

— Откуда появился Кратчайший путь?

Она долго молчала.

— Из Министерства путей.

Тарас снял фуражку вместе со шляпой.

— Вот теперь разговор становится служебно интересным.

Магистраль призналась, что много лет назад министерство получило жалобы на слишком длинные дороги. Люди хотели быстрее добираться до работы, счастья, власти и чужого мнения. Инженеры создали идеальную прямую, которая сама устраняла препятствия.

— Сначала она срезала повороты. Потом горы. Затем города, которые стояли не там. Когда мы попытались закрыть проект, дорога решила, что министерство — тоже препятствие.

— Почему не сказали сразу? — спросил Эраст.

— Я министр. Нас учат сообщать правду после того, как она перестаёт влиять на решение.

Вера холодно посмотрела на неё.

— А сейчас влияет?

— Очень.

— Тогда вы всё ещё не договорили.

Магистраль опустила глаза.

— Дорогу создали из желания одного человека никогда не возвращаться туда, откуда он ушёл.

— Чьего?

— Моего.

Белая полоса вздрогнула. По ней прокатилась тень молодой женщины, которая стояла у разрушенного дома с дорожным чемоданом. Она повернулась спиной и сказала: «Только вперёд. Самым коротким путём».

— Я потеряла семью во время войны миров, — продолжила Магистраль. — Возвращаться было некуда. Я решила, что повороты и обратные дороги причиняют боль. Хотела, чтобы путь всегда вёл вперёд.

— Но без обратной дороги вперёд превращается в бегство, — сказал Эраст.

Кратчайший путь собрался вокруг Магистральной и потянул её к нулевой точке.

— Он хочет вернуть меня к началу, которого я избегала, — прошептала она.

— Нет, — сказал Константин. — Он хочет убрать вас. Создатель — последнее расстояние между приказом и его отменой.

До нуля оставалось двадцать минут.

Глава сто двадцать восьмая

Министр, которая шла напрямик

Магистраль Фёдоровна впервые свернула.

Она шагнула с белой дороги на старую половицу, прошла вокруг стола, обогнула Гришу, вернулась к двери и снова вошла в кухню.

Кратчайший путь задрожал от оскорбления.

— Что вы делаете? — спросил Эраст.

— Иду не туда.

— Зачем?

— Всю жизнь шла только туда. Посмотрим, что будет, если путь не знает моей цели.

Тарас оживился.

— Наконец-то появилась государственная программа, которую я способен возглавить без назначения.

Он пошёл следом, нарочно выбирая самые неудобные повороты. Вышел через кухню, вернулся через чердак, дважды обошёл колодец и оказался за собственной спиной.

Белая дорога пыталась спрямить маршрут, но цель всё время менялась. Там, где Тарас хотел свернуть налево, он внезапно вспоминал право на ошибку и шёл направо.

Мира и Аркадий присоединились. Они проложили тропу через зал ожидания, под столом, вокруг княжеского бюджета и мимо пророчества, которое предупреждало, что все придут туда, куда не собирались.

— Мы создаём обход, — понял Аркадий.

— Нет, — сказала Мира. — Мы создаём выбор.

Каждый поворот возвращал Дому немного пространства. Появился коридор. Затем три ступени. Между спальней и печью выросло расстояние, достаточное для ссоры и примирения.

Люди в очереди стали прокладывать собственные маршруты. Кто-то шёл медленно, кто-то возвращался за забытым, кто-то останавливался поговорить. Беженцы впервые выбирали дверь, а не ту, которую оставили открытой другие.

Кратчайший путь побелел ещё сильнее. Он рвался между целями и не мог решить, какую уничтожить первой.

Магистраль подошла к своей тени на дороге.

Молодая женщина у разрушенного дома всё ещё держала чемодан.

— Вернись, — сказала ей Магистраль.

— Там никого нет.

— Тогда вернись к месту. Потеря тоже часть пути.

Тень повернулась.

За разрушенным домом обнаружилась старая тропа. Она вела не в прошлое, а через него.

Магистраль ступила на тропу.

Белая дорога попыталась сократить её до одного шага. Эраст схватил Магистраль за руку, Вера — Эраста, Тарас — Веру, Гриша упёрся хвостом в печь. Никанор называл всех, а Дом добавлял к именам комнаты, где они успели смеяться, спорить и ждать.

— Расстояние — не пустота между местами, — сказал Дом. — Это то, что успевает случиться по дороге.

Кратчайший путь треснул.

Из трещины выпали потерянные повороты: случайная встреча, опоздание, долгий разговор, неправильный поезд, остановка возле незнакомого окна. Они разлетелись по мирам и снова сделали будущее непредсказуемым.

Но нулевая точка продолжала расти.

Константин держал последнюю остановку.

— Поворотов недостаточно. У дороги осталась цель — остановить все пути.

— Тогда нужно дать ей место, где она закончится, — сказал Эраст.

— Любой конец она совместит с началом.

Тарас посмотрел на собственные следы, которые шли во все стороны.

— А если дорога не сможет найти своё начало?

Все повернулись к нему.

— Я много лет тренировался, — пояснил он. — Могу заблудиться даже в объяснении.

Глава сто двадцать девятая

Выселение всех дорог

План Тараса состоял в том, чтобы повести Кратчайший путь неизвестно куда.

— Это не план, — сказала Вера.

— Поэтому дорога его не распознает.

Тарас встал на белую полосу и объявил:

— Иду домой.

— Ты уже дома, — заметил Эраст.

— Вот первое заблуждение.

Он вышел через калитку, которая находилась в кухне, свернул к колодцу, вошёл в дверь замка княгини, поднялся по Северному тракту на чердак и спустился по морскому пути в раковину. Оттуда через тайную тропу попал за шкаф, где обнаружил вторую тайную тропу, ведущую к первой, но в другом настроении.

Кратчайший путь бросился следом, стараясь сократить маршрут. Однако всякий раз, когда он соединял Тараса с целью, Тарас менял понимание дома.

— Дом — это где меня ждут, — сказал он.

Белая дорога повернула к друзьям.

— Или где меня ещё не выгнали.

Она метнулась к королевской верхней палате.

— Или где лежит моя запасная шляпа.

Три дороги одновременно ушли в разные стороны.

Нулевая точка зашаталась.

Магистраль раздавала остальным дорогам направления.

— Северный тракт — на север, но с правом ошибиться. Морской путь — к морю, не обязательно ближайшему. Объездная — куда хотите, только не вокруг этой кухни.

Дороги покидали Дом. Каждая забирала часть ожидавших. Короли уезжали в свои государства, чудовища — в пещеры, беженцы — туда, где нашлось достаточно расстояния до войны.

Антонина Марковна проверяла выезд.

— Постель сдали? Крошки убрали? Пророчество своё забрали?

Одно пророчество никто не признавал. Оно предсказывало, что хозяин забудет проверить под диваном, и поэтому считало себя не имуществом, а доказательством.

Константин Конечный проводил последнюю остановку к выходу.

— Куда теперь? — спросила Мира.

— Найду мир, где умеют вовремя заканчивать плохое и не торопятся заканчивать хорошее.

— Таких нет, — сказал Тарас, проходя мимо в третий раз.

— Поэтому работа будет долгой.

Белая дорога уже сузилась до нити. Она всё ещё держалась за Тараса, который вошёл в кладовую и объявил, что заблудился окончательно.

— Ты знаешь, где выход? — крикнул Эраст.

— Конечно! Поэтому туда не иду.

Кратчайший путь попытался прочитать его намерение и завязался узлом.

Аркадий измерил узел.

— Внутри бесконечное расстояние между тем, что Тарас говорит, и тем, что имеет в виду.

— Надёжное хранилище, — признала Вера.

Дом открыл маленькую дверь в чулан.

Тарас вышел из неё со двора.

Белая нить осталась узлом на пороге. Магистраль подняла её двумя пальцами и поместила в пустую катушку.

— Проект закрыт, — сказала она.

Катушка немедленно спросила, какой дорогой ей вернуться в министерство.

— Длинной, — ответила Магистраль. — С остановками.

Последние гости ушли. Вокзальное табло погасло. Кресла снова стали гостиной и попросили больше никогда не делить их на классы.

Дом пересчитал комнаты.

— Все на месте. Даже кладовая снова находится рядом с кухней.

— А дорога в прихожей? — спросил Эраст.

На полу оставалась одна тонкая тропинка. Она не была белой, не спешила и слегка заросла травой.

Магистраль нахмурилась.

— Этой дороги не было на карте.

Глава сто тридцатая

Единственный путь домой

Неизвестная тропинка начиналась у порога и уходила в стену между портретом Эраста и полкой с семейными чашками.

Она была такой узкой, что пройти по ней мог только человек, твёрдо уверенный, что идёт один.

Вера ступила рядом с Эрастом. Тропинка исчезла.

— Не любит компанию, — сказала она.

Эраст отошёл. Дорога появилась снова.

На траве лежал маленький указатель: «ДОМОЙ». Стрелка показывала в стену.

— Мы уже дома, — сказал Дом.

— Значит, она ведёт туда, что считает домом Эраст, — предположила Мира.

— Я считаю домом тебя, — ответил Эраст стенам.

Дом растроганно скрипнул, потом решил не показывать чувств при Магистральной.

Аркадий приложил линейку будущего. Линейка показала прошлое.

— Дорога ведёт не в место. В возможность, которая осталась позади.

Никанор прочитал имя тропы в своём списке.

— «Путь несделанного выбора».

Тарас присел возле травы.

— У каждого есть такой. Обычно он проходит через кухню поздно ночью и ведёт к холодильнику.

Магистраль развернула карту. На ней появилась тонкая линия от Дома к точке, где расходились две жизни Эраста.

— Одна дорога ведёт сюда, — сказала она. — Вторая должна была исчезнуть после выбора, но сохранилась.

— Какого выбора? — спросила Вера.

Стена стала прозрачной.

За ней была другая кухня. Тот же стол, та же печь, те же окна — но без золотых табличек, детских рисунков и следов драконьих когтей. За столом сидел другой Эраст. Он был аккуратно одет, спокоен и совершенно один.

Другой Эраст пил чай и читал газету. На первой странице сообщалось, что очередной мир погиб из-за отсутствия подходящего героя. Он перевернул лист, чтобы не портить завтрак.

— Кто это? — тихо спросила Мира.

— Эраст, который не женился, — ответил Аркадий.

Вера сжала руку мужа.

Другой Эраст поднял голову и увидел их сквозь стену.

Он подошёл ближе.

— Значит, получилось, — сказал он.

— Что получилось? — спросил Эраст.

— Не стать депутатом, не жениться и не отвечать за чужие концы света. Я выбрал правильно.

Тарас заглянул через плечо друга.

— Судя по лицу, правильность сильно утомляет.

Другой Эраст не улыбнулся.

— У меня тихо. Никаких пророчеств, родственников, тещ, драконов и людей, которые приходят жить без приглашения.

— А друзья? — спросила Вера.

— Они создают обязательства.

— А любовь?

— Она создаёт риск.

Гриша просунул морду в прозрачную стену, насколько позволяла дорога.

— А ужин?

— Доставляют вовремя.

Дракон отшатнулся.

— Страшный мир.

На столе другого Эраста лежало письмо. Он поднял его и показал печать Высшего собрания миров.

— Меня тоже избрали депутатом. Я согласился. Здесь это единственный способ, чтобы тебя оставили в покое.

— И оставили? — спросил настоящий Эраст.

Другой посмотрел на пустую кухню.

— Полностью.

Путь несделанного выбора расширился. Теперь по нему мог пройти один человек с небольшим сожалением.

Магистраль закрыла карту.

— Эта дорога опаснее Кратчайшего пути. Она не убирает расстояние. Она убеждает, что другая жизнь была короче и лучше.

Другой Эраст протянул руку.

— Перейди сюда. Ты устал спасать всех. Здесь никто ничего от тебя не хочет.

В этот момент в его мире погасло солнце.

Он не обернулся.

— Это не моя ответственность.

Настоящий Эраст посмотрел на Веру, Тараса, Гришу, Миру, Аркадия, Никанора и Дом.

— Ошибаешься, — сказал он своему двойнику. — Здесь от меня тоже иногда ничего не хотят. Просто недолго.

Он снял с полки семейную чашку и поставил её на тропинку.

Дорога разделилась вокруг чашки, не зная, считать ли её препятствием или причиной возвращения.

Вера поставила рядом свою. Тарас добавил шляпу. Гриша — недоеденную ложку. Мира и Аркадий положили линейку будущего поперёк пути. Никанор вписал имя Дома прямо на траве.

Тропинка начала исчезать.

Другой Эраст впервые испугался.

— Не закрывай! Если ваша жизнь исчезнет, моя останется единственной.

— Нет, — сказал Эраст. — Она останется твоей.

Стена помутнела.

Перед тем как видение пропало, другой Эраст бросил через щель депутатское удостоверение.

Оно упало на пол уже чистым. Ни имени, ни должности — только адрес.

Адрес был знакомым: Дом Эраста.

Но под ним стояла дата — за три дня до первой встречи Эраста и Веры.

Аркадий поднял удостоверение.

— Дорога закрылась, а письмо осталось.

На обороте медленно проявились слова:

«ЕСЛИ ХОТИТЕ СОХРАНИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, НЕ ДОПУСТИТЕ СВАДЬБУ».

Вера прочла и посмотрела на Эраста.

— Интересно.

Тарас спрятал шляпу за спину.

— А вот теперь я бы предпочёл снова стать дежурным по вокзалу. Там хотя бы поезда приходят по одному.

Часть семнадцатая

Свадьба, которой не должно быть

Глава сто тридцать первая

Письмо до знакомства

Письмо лежало на кухонном столе и вело себя как улика, которой известно продолжение.

На лицевой стороне был адрес Дома Эраста. На обороте — дата за три дня до первой встречи с Верой. Внутри оставалась одна фраза: «Если хотите сохранить свою жизнь, не допустите свадьбу». Подписи не было, зато внизу стояла печать: раскрытый зонт над человеком, который всё равно промок.

— Знакомая эмблема? — спросил Эраст.

Никанор проверил список имён.

— Письмо названо «предупреждением». Отправитель считает себя обстоятельством.

Тарас поднёс конверт к свету.

— Бумага хорошая. Такую обычно используют, когда содержание хотят пережить.

Вера прочла фразу ещё раз.

— «Сохранить свою жизнь» можно понять двумя способами: не погибнуть или не дать жизни измениться.

— Второе страшнее, — сказал Дом. — Неизменная жизнь быстро превращается в интерьер.

Аркадий приложил линейку будущего к дате. Линейка выгнулась назад и показала три направления: прошлое, возможное прошлое и прошлое, которое уже наняло адвоката.

— Письмо действительно отправлено тогда, — сказал он. — Но получено сейчас, потому что раньше адрес ещё не умел читать.

Дом обиделся.

— Я всегда умел. Просто раньше стены не считали нужным отвечать людям.

Конверт зашевелился. Клапан открылся, и из него выпала маленькая дверная ручка.

На стене появилась дверь, тонкая, как лист бумаги. За ней виднелась та же кухня, только моложе: без золотых табличек, следов когтей и трещины, которую Эраст вчера заделал с третьей попытки.

— Проход в прошлое, — сказал Аркадий. — Откроется для тех, кто был связан с выбором.

Эраст взялся за ручку. Дверь не поддавалась.

Вера положила ладонь поверх его руки. Дверь приоткрылась.

— Значит, вдвоём, — сказала она.

— Я тоже был связан, — заявил Тарас. — Я давал советы.

— Это не связь, а стихийное бедствие, — ответил Эраст.

Тарас коснулся ручки. Дверь распахнулась ещё шире.

Гриша подошёл следом. На его месте в прошлом ещё не существовало подходящей причины, но дверь признала его будущим ущербом и пропустила.

Мира, Аркадий и Никанор вошли как свидетели последствий. Антонина Марковна осталась с Домом и велела прошлому вернуть всех до ужина.

— А если мы изменим встречу? — спросила Мира.

— Тогда изменимся сами, — ответила Вера.

— И забудем, зачем пришли?

— Поэтому держитесь друг за друга и называйте имена, — сказал Никанор.

Они шагнули через бумажную дверь.

Кухня исчезла.

Герои оказались на городской улице за три дня до знакомства Эраста и Веры. Было утро. Мир выглядел удивительно спокойным, как человек, которому ещё не сообщили его биографию.

На углу стоял молодой Эраст и спорил с торговцем о цене зонта.

— Он нужен? — спросила Вера.

— Нет, — ответил Эраст. — Поэтому я его и купил.

В тот же миг мимо прошла женщина в сером платье и раскрыла над молодым Эрастом зонт с эмблемой из письма.

— Кунилин Эраст Акакиевич, — сказала она. — Ваша будущая жизнь признана чрезмерно насыщенной. Мы пришли сделать её правильной.

Глава сто тридцать вторая

Три дня до первой встречи

Женщину звали Отмена Павловна Недослучившаяся.

Она представилась инспектором Управления несостоявшихся судеб и показала удостоверение, в котором фотография отсутствовала из принципа: лицо могло повлиять на решение.

Молодой Эраст посмотрел на неё с осторожностью человека, которому предлагают улучшить жизнь до знакомства с условиями.

— Что именно неправильное?

— Через три дня вы встретите женщину. Затем начнёте спасать миры, познакомитесь с драконами, переживёте свадьбу, тещу, несколько концов света и непродолжительное депутатство.

— Депутатство? — молодой Эраст побледнел.

— Непродолжительное.

— Тогда остальное можно обсудить.

Настоящий Эраст хотел вмешаться, но Вера удержала его.

— Пусть ответит сам.

Отмена Павловна раскрыла папку. В ней лежали варианты будущего, аккуратно разделённые закладками: «тихо», «выгодно», «безопасно», «одобрено окружающими» и самая толстая — «потом пожалеете, но не сразу».

— Мы предлагаем вам спокойную жизнь, — сказала она. — Работа без пророчеств, дом без голоса, друзья по предварительной записи. Никаких решений, способных изменить вас.

— А женщина? — спросил молодой Эраст.

— Не встретите.

— Она плохая?

— Напротив. Именно поэтому риск велик.

Тарас прошептал:

— Молодой ты соображал быстрее. Видимо, тогда ещё не был женат.

Вера наступила ему на ногу, сохранив историческую точность отношений.

Отмена Павловна протянула молодому Эрасту договор.

— Подпишите отказ от случайной встречи. Взамен получите гарантированную биографию.

— Гарантированную кем?

— Статистикой.

— Она меня знает?

— Лично — нет. В этом её объективность.

Молодой Эраст взял перо.

В этот момент письмо в кармане настоящего Эраста нагрелось. По улице прошла волна забвения. Гриша стал прозрачнее. Никанор исчез до пояса. На руке Веры потускнело обручальное кольцо.

— Началось, — сказал Аркадий. — Решение ещё не принято, но правильное будущее уже забирает аванс.

Мира выбежала вперёд и нарочно столкнулась с молодым Эрастом.

Перо упало.

— Простите, — сказала она.

— Ничего страшного.

— Страшное будет через три дня, но оно вам понравится.

Отмена Павловна нахмурилась.

— Несовершеннолетнее вмешательство в причинность.

— Я просто случайно.

— Случайность запрещена в зоне корректировки судьбы.

Тарас вышел из укрытия.

— Тогда оштрафуйте меня. Я здесь главный специалист по случайно.

Молодой Эраст увидел своего старшего двойника.

— Это кто?

— Дальняя родня, — быстро сказал Тарас. — По линии последствий.

Настоящий Эраст понял, что скрываться бессмысленно.

— Я — это ты после выбора.

Молодой осмотрел его, Веру, дракона и полупрозрачного Никанора.

— И какой выбор я сделал?

— Хороший, — сказала Вера.

— Сложный, — сказал Эраст.

— Дорогой, — добавил Тарас.

Гриша кивнул.

— Вкусный.

Отмена Павловна закрыла папку.

— Не слушайте их. Это заинтересованное будущее. Оно защищает собственное существование.

— А вы? — спросил молодой Эраст.

— Я защищаю вас от сожалений.

За её спиной на мгновение появилась огромная тень, собранная из тысяч людей, которые повторяли: «Если бы тогда...».

Молодой Эраст отступил.

— Мне нужно подумать.

— У вас три дня, — сказала Отмена Павловна. — Потом встреча произойдёт сама. Случайности ужасно непунктуальны, но иногда приходят вовремя.

Глава сто тридцать третья

Вера, которая ещё не знает

Молодая Вера жила на другом конце города и ещё не знала, что через три дня её жизнь перестанет помещаться в разумные планы.

Она сидела у окна и составляла список дел. В списке было семь пунктов, и ни один не предусматривал замужество, дракона или спасение мира до обеда.

Настоящая Вера смотрела на неё из переулка.

— Я была очень серьёзной.

— Ты и сейчас серьёзная, — сказал Эраст.

— Сейчас у меня больше причин смеяться.

К дому подъехала закрытая карета. Из неё вышла Отмена Павловна и поднялась по ступеням.

— Она работает с обеими сторонами, — заметил Никанор, который снова стал видимым после того, как молодой Эраст отложил подпись.

Герои вошли через заднюю дверь. Гришу оставили в саду изображать редкую беседку.

Молодая Вера встретила Отмену Павловну в гостиной.

— Через три дня вы познакомитесь с человеком, — начала инспектор.

— Уже подозрительно.

— Он принесёт в вашу жизнь опасность.

— Он разбойник?

— Хуже. Он будет нуждаться в вашем мнении.

Молодая Вера закрыла список дел.

— Продолжайте.

— Из-за него вы покинете привычную жизнь, столкнётесь с чудовищами, попадёте в чужие миры и однажды увидите, как ваш муж становится депутатом.

— Надолго?

— Двадцать семь минут.

— Последнее переживу.

Настоящий Эраст улыбнулся. Настоящая Вера толкнула его локтем, но тоже улыбнулась.

Отмена Павловна показала договор отказа от встречи.

— Вам предлагается судьба без потрясений.

— И без него?

— Совершенно.

— Тогда откуда вы знаете, что она моя?

Инспектор на секунду замялась.

— Судьба считается вашей по месту выдачи.

Молодая Вера взяла договор, прочла мелкий текст и подчеркнула строку.

— Здесь сказано, что в случае отказа все последствия переходят Управлению несостоявшихся судеб.

— Формальность.

— Какая именно?

— Ваши неслучившиеся чувства, поступки, дети, спасённые миры и приобретённый опыт становятся резервом правильных жизней.

— То есть вы хотите забрать то, чего ещё нет?

— Вам это всё равно не понадобится.

— Тогда почему понадобилось вам?

Отмена Павловна впервые потеряла вежливость.

— Потому что хорошие возможности не должны пропадать из-за личных решений!

В комнате потемнело. Тень «Если бы тогда» стала видна целиком. Она состояла из несказанных слов, несделанных шагов и дверей, возле которых люди однажды повернули обратно.

Молодая Вера положила договор на стол.

— Я не подпишу.

— Вы даже не знаете этого мужчину.

— Поэтому у меня пока нет основания отказываться.

Отмена Павловна забрала бумагу.

— Основание будет создано.

Она ушла.

Настоящая Вера вышла из-за шторы.

Молодая вскочила.

— Вы кто?

— Ты после выбора.

Молодая Вера посмотрела на кольцо, потом на Эраста.

— Это он?

— Он.

— Выглядит уставшим.

— Это временно. Уже несколько лет.

Эраст хотел возразить, но обе Веры одновременно подняли бровь.

— Что мне делать? — спросила молодая.

— Ничего по нашему приказу, — ответила взрослая. — Иначе выбор будет не твоим.

— А если я ошибусь?

— Ошибёшься обязательно. Вопрос лишь в том, с кем захочешь исправлять.

Из сада донёсся треск. Гриша перестал быть беседкой и поймал карету Отмены Павловны за колесо.

Внутри кареты лежали сотни подписанных отказов от будущего.

Каждый светился жизнью, которую кто-то предпочёл не проживать.

Глава сто тридцать четвёртая

Тёща опережает время

Маргарита Всеволодовна появилась на день раньше, чем предусматривала даже семейная история.

Она вышла из соседней комнаты со скрещёнными руками и посмотрела сначала на двух Вер, потом на двух Эрастов, затем на дракона в саду.

— Я на десять минут оставила дочь одну.

Тарас поклонился.

— Время использовало их очень насыщенно.

Маргарита Всеволодовна подошла к настоящему Эрасту.

— Значит, будущий муж?
— Уже муж.
— Это ещё предстоит проверить.
— В нашем времени проверяли.
— И как?
— Миры в основном целы.
— Я спрашивала про дочь.
Вера взяла мать под руку.
— Со мной всё хорошо.
— Ты выглядишь счастливой.
— Это плохо?
— Это требует выяснения обстоятельств.

Молодая Вера попыталась объяснить письмо, Управление и угрозу несостоявшейся свадьбы. Маргарита Всеволодовна выслушала, не перебивая, что напугало Тараса сильнее любого проклятия.

— Покажите карету, — сказала она.

В саду Гриша удерживал колесо. Отказы от будущего шуршали внутри, пытаясь сложиться в безопасные биографии.

Маргарита Всеволодовна взяла первый документ.

— «Отказ от дружбы во избежание предательства». Второй: «Отказ от ребёнка во избежание тревоги». Третий: «Отказ от мечты во избежание неудачи».

Она перелистала бумаги.

— Здесь нет правильных жизней. Только хорошо оформленный страх.

Тень за каретой зашевелилась.

— Осторожнее, — предупредил Никанор. — Это сожаления.

— Пусть подойдут ближе, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Я тоже умею сожалеть. Но без доверенности не командую чужими решениями.

Тень приблизилась и на мгновение приняла её облик. Молодая Маргарита стояла у двери, за которой могла начаться иная жизнь. Она не вошла.

— Мама? — тихо спросила Вера.

— У каждого есть дверь, — ответила Маргарита Всеволодовна. — Это не значит, что надо всю жизнь стоять у косяка.

Она порвала один из отказов.

Из бумаги вылетело несостоявшееся признание и немедленно отправилось искать человека, которому опоздало на двадцать лет.

Остальные документы вспыхнули.

— Не рвите все! — крикнул Аркадий. — Некоторые решения принадлежат людям. Мы не можем отменить их отказ вместо них.

Маргарита Всеволодовна остановилась.

— Верно. Тогда вернём каждому.

— Как? — спросил Эраст.

— Найдём Управление. Учреждения всегда хранят адрес там, где посетитель не догадается посмотреть.

Тарас полез под днище кареты и обнаружил табличку: «Управление несостоявшихся судеб. Вход через решение, которое вы откладываете».

— У меня таких много, — сказал он. — Какое выбрать?

— Любое, — ответила Маргарита Всеволодовна. — Они всё равно ведут в одно место.

Тарас вынул из кармана листок «починить каблук» и торжественно решил сделать это завтра.

Под каретой открылась лестница.

— Видите, — сказал он. — Иногда откладывание тоже открывает двери.

Маргарита Всеволодовна первой ступила вниз.

— Идём. До свадьбы три дня, а жених до сих пор не проверен.

Эраст посмотрел на Веру.

— В нашем времени я думал, что знакомство с тёщей было поздним испытанием.

— Ты оптимист, — сказала Вера. — Оно просто началось задним числом.

Глава сто тридцать пятая

Управление несостоявшихся судебных

Управление находилось между «ещё не поздно» и «уже незачем».

Его коридоры были заполнены людьми, которые пришли отказаться от отказа. У каждого в руках лежала бумага с собственной подписью и чужой формулировкой.

На стенах висели указатели: «ОТДЕЛ НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ», «АРХИВ НЕВЫБРАННЫХ ПРОФЕССИЙ», «БЮРО НЕСОВЕРШЁННЫХ ГЛУПОСТЕЙ». Возле последнего стояла самая длинная очередь — многие хотели вернуть хотя бы одну.

За центральной стойкой сидела Отмена Павловна.

— Вы вторглись в учреждение без предварительного сожаления, — сказала она.

— У нас есть, — ответил Тарас. — Но оно занято другими делами.

Маргарита Всеволодовна положила перед инспектором отказ от дружбы.

— Верните владельцу.

— Отказы переданы в резерв правильных жизней добровольно.

— Добровольно отказаться можно от своего будущего. Но вы используете его для чужого.

— Неиспользованная возможность является бесхозной.

Дом Эраста заговорил через маленькую золотую дыру, которую Вера всё-таки сумела открыть.

— Возможность принадлежит тому, кто может к ней вернуться.

Отмена Павловна ударила печатью.

— Недвижимость не уполномочена толковать судьбу.

— Зато я видел больше возвращений, чем вы, — ответил Дом.

Никанор раскрыл список имён. В нём появились названия отделов, но имени самого Управления не было.

— Это место никем не создано?

— Учреждение возникло естественным образом, — сказала Отмена Павловна. — Как только первый человек произнёс «если бы».

Тень сожалений поднялась за её спиной и заполнила потолок.

Теперь стало видно, что инспектор не управляла тенью. Тень держала её за плечи тонкими руками неслучайных решений.

— Кто вы без должности? — спросил Никанор.

— Отмена Павловна.

— Это имя или функция?

Она попыталась ответить, но изо рта выпал чистый бланк.

Аркадий приложил линейку к её тени.

— У неё нет прошлого. Она собрана из чужих вариантов.

— Значит, письмо отправила не она, — сказала Вера.

— Его отправило Управление, — ответил Эраст. — Оно хочет отменить нашу свадьбу, чтобы получить всю жизнь после неё: спасённые миры, встречи, детей, решения.

Тень зашелестела тысячами голосов:

— Непрожитое должно служить порядку.

— Кому? — спросила Мира.

— Тем, кто выбирает правильно.

— А кто решает, что правильно?

— Те, кто не ошибся.

— Как вы узнаете?

Тень замолчала.

Тарас кивнул.

— Хорошая система. Правильными назначают тех, кто не жил достаточно, чтобы ошибиться.

Управление дрогнуло. Из шкафов посыпались альтернативные биографии. В одной Эраст был богат, но не помнил имён друзей. В другой Вера никогда не рисковала и поэтому никогда не выигрывала. В третьей Тарас всегда давал разумные советы и от этого стал совершенно невыносим.

— Последнюю уничтожьте, — попросил он. — Она подрывает мою репутацию.

Отмена Павловна подняла печать.

— Корректировка будет завершена. Через три дня встреча Кунилиных не состоится. Текущая линия исчезнет, а накопленные возможности пополнят резерв.

— Мы уже знаем, где произойдёт встреча, — сказал Эраст.

— Место изменено.

— На какое?

— На то, куда ни один из них не придёт.

Все дороги на стенах карты начали расходиться.

Молодые Эраст и Вера теперь шли по разным городам, разным дням и разным версиям самих себя.

Глава сто тридцать шестая

Холостой заговор

Управление не просто отменяло встречу. Оно строило вокруг молодых Эраста и Веры две идеальные жизни.

Перед молодым Эрастом появилась выгодная работа в другом городе. Начальник обещал кабинет, уважение и отсутствие необходимости отвечать за последствия решений выше своего оклада.

Молодой Эраст собирал чемодан и всё чаще забывал, что хотел подумать о странном договоре.

Молодой Вере предложили место в академии спокойных судеб. Там изучали риски чувств теоретически и выдавали диплом, подтверждавший, что выпускница готова никогда ими не пользоваться.

— Их не заставляют, — сказала Вера. — Им предлагают именно то, что трудно отвергнуть.

— Поэтому это опаснее приказа, — ответил Эраст.

Из дальней двери вышел другой Эраст — тот, который не женился. На нём была депутатская мантия, но теперь она сидела свободно, как одежда человека, привыкшего к чужому решению.

— Ты отправил письмо? — спросил настоящий Эраст.

— Да.

— Зачем?

Другой посмотрел на Управление.

— Мой мир умирает. В нём никто не рискует. Люди не создают семьи, не меняют работу, не вмешиваются, когда кому-то плохо. Каждый живёт правильно и отдельно. Даже конец света не наступает — он боится нарушить личные границы.

— И ты решил уничтожить нашу жизнь?

— Я хотел получить ваши возможности. Управление обещало перенести их в мой мир.

— Чужая смелость не пересаживается, как дерево, — сказала Вера.

— Мне нечего больше предложить людям.

Тарас подошёл к двойнику.

— Начни с неправильного решения.

— Какого?

— Откажись от плана, который уже почти сработал. Очень неприятно и полезно.

Другой Эраст сжал письмо.

— Если я помогу вам, мой мир останется пустым.

— Нет, — сказал Эраст. — Он останется твоим. Впервые.

Тень сожалений опустилась ниже.

— Не слушай. Ты уже выбрал безопасность. Выбор должен быть последовательным.

— Жизнь не обязана быть последовательной, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Она обязана быть живой.

Другой Эраст долго смотрел на свою мантию. Потом снял депутатский значок.

— Я не знаю, как спасти свой мир.

— Отличное начало, — ответил Тарас. — Люди особенно опасны, когда знают заранее.

Он протянул двойнику шляпу. Тот не взял.

— Это слишком неправильное решение.

— Значит, работает.

Другой Эраст подошёл к пульту Управления. На нём были две кнопки: «ОТМЕНИТЬ ВСТРЕЧУ» и «ОТМЕНИТЬ ОТМЕНУ». Вторая была закрыта стеклом, опечатана и снабжена предупреждением «МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ЖИЗНИ».

Он разбил стекло депутатским значком.

Тень сожалений закричала.

Отмена Павловна стала прозрачной.

— Если отмена отменена, встреча всё равно не произойдёт, — сказала она. — Дороги уже разведены. Молодые версии не знают друг о друге.

Аркадий сверился с линейкой.

— До первоначальной встречи осталось четыре часа. Но место исчезло из времени.

— Где они должны были встретиться? — спросила Мира.

Эраст и Вера переглянулись.

— Мы не помним, — сказали они одновременно.

Управление забрало не саму встречу, а память о причине, по которой она стала возможна.

Глава сто тридцать седьмая

Выбор без пророчества

Чтобы вернуть встречу, нужно было создать её заново и не подсказать молодым, что именно должно произойти.

— Иначе они выберут нас, а не друг друга, — сказала Вера.

Герои разделились.

Тарас отправился задерживать выгодную карету молодого Эраста. Он лёг посреди дороги и объявил себя временной дорожной реформой.

— Объезд предусмотрен? — спросил кучер.

— Предусмотрен, но ещё не утверждён.

Пока кучер искал согласование, Гриша незаметно съел заднее колесо. Карета не могла уехать, но выглядела вполне перспективно.

Маргарита Всеволодовна пришла в академию спокойных судеб. На вступительном собеседовании её спросили, умеет ли она избегать конфликтов.

— Умею, — ответила она. — Но редко вижу смысл.

Через десять минут академия сама перенесла набор на следующий год.

Молодая Вера вышла на улицу без плана. Это было её первое свободное время за неделю, и оно немедленно повело себя подозрительно.

Молодой Эраст, оставшийся без кареты, пошёл пешком. У перекрёстка он увидел указатель, на котором все стрелки были стёрты Управлением.

— Куда теперь? — спросил он.

Дом Эраста открыл маленькую золотую дыру в стене прошлого.

— Иди туда, где тебя пока никто не ждёт.

— Кто говорит?

— Недвижимость с опытом семейной жизни.

Молодой Эраст выбрал дорогу наугад.

Тень сожалений бросилась к нему, предлагая подсказки. Никанор называл каждую подсказку чужим именем, и она теряла силу.

— «Будет выгоднее» — страх бедности. «Будет спокойнее» — страх боли. «Все так делают» — страх собственного лица.

Мира и Аркадий шли между молодыми версиями, сокращая не расстояние, а вероятность разминуться. Линейка показывала десятки вариантов: в одном Эраст задерживался у витрины, в другом Вера сворачивала за книгой, в третьем начинался дождь и оба прятались под разными крышами.

— Нельзя выбрать правильный вариант, — сказала Мира.

— Тогда оставим им несколько неправильных.

Аркадий сломал линейку пополам.

Будущее перестало измеряться. Дождь пошёл сразу во всех вариантах.

Молодая Вера раскрыла зонт. Ветер вывернул его и понёс по улице.

Молодой Эраст увидел зонт, поймал и пошёл искать хозяйку.

Тень сожалений попыталась загородить дорогу, показывая ему кабинет, деньги и тихий завтрак без неприятностей.

Другой Эраст встал перед тенью.

— Это мои картинки. Оставь его.

— Ты выбрал их.

— И теперь выбираю перестать.

Он сорвал с себя депутатскую мантию. Под ней оказался обычный человек, которому впервые было страшно не из-за будущего, а из-за собственного поступка.

Тень отступила.

Молодой Эраст догнал молодую Веру у моста.

— Ваш зонт?

— Был мой. Теперь у него отдельная жизнь.

— Могу вернуть.

— А вы всегда возвращаете то, что случайно нашли?

— Нет. Поэтому решил начать с зонта.

Они посмотрели друг на друга.

Настоящие Эраст и Вера стояли вдалеке и молчали.

— Это не так было, — прошептал Эраст.

— Теперь так, — ответила Вера.

Встреча происходила иначе, без пророчества и подсказки. Но выбор в ней оставался тем же: продолжить разговор, хотя можно было уйти.

Молодая Вера кивнула на зонт.

— Пройдёмте. Раз уж он познакомился первым.

Молодой Эраст пошёл рядом.

Мир вздохнул.

Обручальное кольцо на руке Веры вспыхнуло снова. Гриша обрёл вес и провалил карету окончательно. Никанор вернулся целиком, включая пуговицу, которой раньше не замечал.

Управление несостоявшихся судебных начало рушиться. Но свадебная дата в будущем оставалась пустой.

— Встреча вернулась, — сказал Аркадий, соединяя половинки линейки. — Свадьбу они ещё не выбрали.

— И не должны выбирать сейчас, — сказала Вера. — Это их дорога.

Тень сожалений улыбнулась тысячью ртов.

— Тогда у меня ещё есть время.

Глава сто тридцать восьмая

Дважды женат на одной женщине

Время вернуло героев домой после ужина, за что Антонина Марковна объявила прошлому выговор.

Дом пересчитал всех и обнаружил одного лишнего Эраста.

Другой, неженатый Эраст стоял в прихожей без мантии и не знал, куда деть руки.

— Его мир ещё существует, — сказал Аркадий. — Но дверь закрыта.

— Останется у нас, — решила Мира.

— Временно, — добавил Дом. — Пока не научится хотеть чего-нибудь кроме покоя.

Тарас выдал двойнику запасную рубашку и предупредил, что в этом доме даже тишина обычно приходит с поручением.

Утром история догнала настоящее.

Молодые Эраст и Вера прожили свой изменённый путь, снова встретились, снова выбрали друг друга и снова дошли до свадьбы. Для героев прошла одна ночь, для прошлого — годы. Новые воспоминания наложились на прежние.

Эраст помнил сразу две первые встречи: старую, которой уже не было, и новую — с беглым зонтом. Вера помнила два признания, две ссоры перед свадьбой и один ответ, который в обоих случаях оказался одинаковым.

— Получается, мы женились второй раз, — сказал Эраст.

— Нет. Мы второй раз выбрали пожениться.

— Для семейного бюджета разницы нет?

— Для него всё всегда впервые.

Маргарита Всеволодовна появилась из золотой дыры с двумя свадебными альбомами.

— В одном ты опоздал на церемонию на семь минут. В другом — на девять.

— Значит, стал пунктуальнее в старой версии.

— Нет. В новой я пришла раньше и успела заметить.

Управление несостоявшихся судебных исчезло. Все отказы вернулись владельцам в виде снов. Кто-то утром сделал первый шаг, кто-то снова отказался, но теперь собственными словами. Отмена Павловна растворилась, оставив после себя пустой зонт.

Другой Эраст нашёл в кармане ключ от своего мира.

— Я могу вернуться.

— Что будешь делать? — спросил настоящий.

— Сначала признаюсь людям, что спокойствие не спасает от пустоты. Потом сложу депутатские полномочия.

— Второе сложнее, — сказал Тарас. — Но у нас есть инструкция на двадцать семь минут. Двойник улыбнулся впервые без усталости.

— А потом?

— Ошибись, — сказала Вера. — Только своей ошибкой.

Он открыл дверь и ушёл в свой мир. Перед тем как проход закрылся, оттуда донёсся звонок. Кто-то пришёл к нему без записи.

Вечером Эраст и Вера поставили две семейные чашки на стол.

— Если бы пришлось выбирать ещё раз? — спросил Эраст.

— Ты только что проверил.

— И всё-таки?

— Я бы сначала прочла мелкий текст.

— А потом?

— Согласилась бы на крупный.

Они рассмеялись.

В дверь постучали.

На пороге стоял худой человек в форменном сюртуке. На груди висела табличка «ПАЛАТА СЕМЕЙНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ». Под мышкой он держал два свидетельства о браке.

— Кунилин Эраст Акакиевич?

— Боюсь, да.

— Инспектор Единобрачий Семёнович Повторнов. В результате изменения прошлого зарегистрированы два действительных брака.

— С одной и той же женщиной, — сказал Эраст.

— Закон не запрещает любить одну женщину дважды. Он запрещает состоять одновременно в двух браках, даже если супруга совпадает до последней буквы.

Вера взяла свидетельства. Даты были одинаковыми, но подписи отличались на один штрих.

— Что требуется?

— Аннулировать один брак.

— Какой? — спросил Эраст.

Инспектор развёл руками.

— Палата не установила, какая история настоящая. Поэтому супругам предстоит доказать это в суде семейных альтернатив.

— А если оба брака настоящие? — спросила Мира.

— Тогда господин Кунилин считается двоеженцем с одной женой, а госпожа Кунилина — собственной соперницей.

Маргарита Всеволодовна медленно положила на стол оба свадебных альбома.

— Кто судья?

Инспектор побледнел.

— Вы, Маргарита Всеволодовна. Вас избрали обе стороны.

Тарас снял шляпу.

— Эраст, поздравляю. Ты не стал депутатом, зато стал сразу двумя мужьями. Карьерный рост всё-таки нашёл лазейку.

Часть восемнадцатая

Суд над единственным браком

Глава сто тридцать девятая

Повестка на двоих

Инспектор Единобрачий Семёнович Повторнов вошёл в дом только после того, как Дом потребовал предъявить намерения, сменную обувь и уважительную причину для визита.

Причина оказалась гербовой, с тремя печатями и запахом чужой уверенности.

— Суд состоится завтра, — объявил инспектор. — Явка обоих супругов обязательна.

— Нас и так двое, — сказал Эраст.

— По нашим сведениям, вас четверо.

Вера перечитала повестку. В ней значились: Кунилин Эраст Акакиевич первый, Кунилин Эраст Акакиевич второй, Кунилина Вера настоящая и Кунилина Вера тоже настоящая.

— Второй Эраст ушёл в свой мир.

— Палату не интересует местонахождение гражданина, если его отсутствие удобно для обвинения.

Тарас одобрительно кивнул.

— Серьёзное учреждение. Человека нет, а виноват исправно.

Единобрачий Семёнович разложил два свидетельства. Между ними сразу возникла тонкая трещина. Одна половина стола помнила первую свадьбу, другая — вторую.

На первой стоял пирог с драконьей свечой. На второй — тот же пирог, но свечу уже кто-то съел.

Гриша виновато отвернулся.

— Суду предстоит определить, какой брак оставить в истории, — продолжил инспектор. — Проигравшая история будет аннулирована вместе со всеми последствиями.

— Какими именно? — спросила Мира.

— Знакомствами, спасёнными мирами, детьми, дружбой, приобретёнными привычками и совместно нажитой посудой.

Антонина Марковна вышла из кухни с половником.

— Посуду я никому не отдам. Она пережила три конца света и одного гостя, который ел ножом.

— Имущество можно будет обжаловать отдельно.

— Тогда конец света тоже обжалуем отдельно. Он у нас по средам.

Маргарита Всеволодовна взяла повестку двумя пальцами.

— Почему судьёй назначили меня?

— Обе версии семьи указали вас как лицо, которого боятся одинаково.

— Это не основание для доверия.

— В семейном праве одно часто заменяет другое.

Аркадий приложил линейку будущего к документу. Линейка показала две даты суда и ни одного приговора.

— Кто-то закрыл исход, — сказал он.

Никанор раскрыл Список имён. На странице судей было записано только одно имя: «Маргарита Всеволодовна», а ниже мелким почерком — «если согласится».

— Не соглашусь, — сказала она.

Надпись тут же изменилась на «когда согласится».

— Бумага наглая.

— Государственная, — уточнил инспектор.

В этот момент второе свидетельство зашевелилось. Из подписи Веры поднялась прозрачная женская фигура.

Она была похожа на Веру, только смотрела на Эраста так, будто уже выиграла с ним спор, который настоящая Вера ещё не начинала.

— Наконец-то, — сказала фигура. — Я требую отдельного адвоката, отдельную спальню и половину мужа.

Эраст сел.

— Какую половину?

— Ту, которая не храпит.

Вера оглядела мужа.

— Тогда придётся делить очень мелко.

Глава сто сороковая

Вера против Веры

Прозрачная Вера представилась Верой Второбрачной и сразу потребовала не называть её копией.

— Копия — это когда оригинал можно найти, — сказала она. — А у нас обе истории настоящие.

Дом выделил ей стул, чашку и временное право возмущаться в гостиной.

— Постоянное занято, — пояснил он.

Вторая Вера помнила свадьбу с зонтом, девятиминутное опоздание Эраста и совершенно другую первую семейную ссору.

— Он купил кресло, которое не проходило в дверь, — сказала она.

— Наш тоже, — ответила настоящая Вера.

— Значит, это не судьба. Это характер.

Эраст попытался уйти за чаем, но обе Веры одновременно попросили его остаться.

Он впервые понял, почему слово «согласие» иногда звучит как окружение.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Сохранить свою жизнь, — ответила Вера Второбрачная.

— И я, — сказала Вера.

— Очень удобно, — заметил Тарас. — Осталось найти жизнь, которая согласится сохранить вас обеих.

Вторая Вера принесла воспоминания из своей истории. Они вылетали из свадебного альбома маленькими сценами.

В одной Эраст впервые признался ей в любви на мосту, потому что под мостом дрались два пророка и перекрикивали всё остальное.

В другой Маргарита Всеволодовна проверяла жениха на честность, задавая вопросы, на которые сама заранее отвечала неправильно.

В третьей Тарас произнёс тост длиной в сорок минут и успел за это время поссориться с будущим.

— У нас этого не было, — сказала Вера.

— Зато у вас был дракон в торте.

Гриша поднял лапу.

— Я был украшением с функцией спасения гостей.

Обе Веры посмотрели на него.

— Ты съел свечу?

— Спас её от возгорания.

Маргарита Всеволодовна потребовала тишины.

— До суда никто не выясняет, кто настоящая жена. Особенно с помощью бытовых подробностей: они у всех одинаково компрометирующие.

— А где будет суд? — спросила Мира.

Единобрачий Семёнович указал на два свидетельства.

— Внутри брака.

— Как внутри?

— Суд семейных альтернатив не располагается в здании. Здания слишком легко покинуть. Он возникает в общем прошлом супругов.

Дом заскрипел.

— Моё прошлое без разрешения не занимать.

— Вы тоже вызваны свидетелем.

— Я недвижимость.

— В семейном деле это отягчающее обстоятельство.

Вера Второбрачная подошла к обычной Вере.

— Завтра одна из нас исчезнет.

— Не обязательно.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как нарушить закон?

— Нет. Иногда я говорю: «Эраст, держи дверь».

Они улыбнулись одинаково.

Эрасту стало страшнее.

Глава сто сорок первая

Адвокат первого брака

Утром к дому подъехала карета, запряжённая четырьмя аргументами. Три хромали, четвёртый требовал гонорар.

Из кареты вышел адвокат Осип Фомич Разводцев — широкий человек с узким взглядом и портфелем, который закрывался только после признания вины.

— Я представляю первый брак, — сообщил он. — У него приоритет по времени, стаж по любви и подтверждённый ущерб от родственников.

Маргарита Всеволодовна подняла бровь.

— Какой ущерб?

— Я пока считаю.

— Считайте со двора.

Осип Фомич перенёс расчёты на крыльцо и вернулся с более скромной папкой.

Второй брак представляла молодая защитница Лидия Ничьяновна Совместная. Она вошла через окно, объяснив, что двери юридически относятся к первой истории.

— Мой доверитель возник позднее, но включает исправленное прошлое, — сказала она. — Следовательно, он моложе, современнее и имеет право на преимущество как обновлённая версия.

— Брак не сапоги, — возразил Разводцев.

— Поэтому его труднее вернуть в течение четырнадцати дней.

Тарас устроился между адвокатами и открыл тетрадь.

— Я записываю полезные выражения. Вдруг когда-нибудь женюсь и понадобится отступить организованно.

— Вам сначала понадобится женщина, — сказала Лидия Ничьяновна.

— Не торопите процедуру.

Адвокаты потребовали вещественные доказательства любви.

Эраст принёс кольцо, два свадебных альбома и список обещаний, которые не успел нарушить только потому, что забыл дать.

Вера принесла старый билет, засохший цветок и записку Эраста: «Вернусь к ужину, если мир не закончится раньше».

Вера Второбрачная предъявила тот же билет, другой цветок и записку: «Мир закончился. Ужин не трогай».

Осип Фомич изучил бумаги.

— Первая записка романтичнее.

— Вторая точнее, — сказала Лидия.

— Точность убивает романтику.

— Нет. Обычно это делает совместный ремонт.

Дом заявил, что готов дать показания о ремонте только под защитой стен.

Никанор сверял имена. В Списке появились ещё два участника: Брак Первый и Брак Второй.

— Они считаются лицами? — спросил он.

— В Палате всё, что можно расторгнуть, сначала признают лицом, — ответил Повторнов.

Свидетельства поднялись со стола и сложились в двух бумажных мужчин. Один был в старомодном свадебном фраке, другой — в таком же фраке, но с зонтом.

Брак Первый поклонился Вере.

Брак Второй поклонился Вере Второбрачной.

Потом оба повернулись к Эрасту.

— Мы требуем верности, — сказали они одновременно.

— Я вам обоим верен, — ответил Эраст.

— Тем хуже, — прошептал Разводцев. — Признание зафиксировано.

Бумажные браки начали спорить, кто из них пережил больше трудностей.

Первый перечислил конец света, драконов и знакомство с тещей.

Второй перечислил то же самое, но добавил зонт.

— Зонт не считается испытанием, — возмутился первый.

— Вы не видели его в боковой ветер.

Маргарита Всеволодовна стукнула по столу двумя альбомами.

— Суд разберётся.

В комнате открылись двери в общее прошлое.

За ними уже сидели присяжные — двенадцать возможных детей Эраста и Веры, ни один из которых пока не родился.

— Вот теперь, — сказал Тарас, — семейный разговор действительно стал неудобным.

Глава сто сорок вторая

Свидетели, которых ещё нет

Суд разместился в свадебном дне, разделённом пополам.

Слева шла первая церемония. Справа — вторая. Посередине стояла судейская кафедра Маргариты Всеволодовны и мешала обеим версиям вовремя начать банкет.

Двенадцать возможных детей заняли места присяжных. Они отличались возрастом, характером и степенью неодобрения родителей.

Самая старшая девочка представилась Аглаей Эрастовной.

— Мы не существуем, потому можем быть беспристрастными.

— Поразительная квалификация, — сказал Тарас. — Половина чиновников теперь почувствовала конкуренцию.

Маргарита Всеволодовна предупредила присяжных, что исчезновение одной истории может отменить часть из них.

— Тогда мы заинтересованы, — сказала Аглая.

— Поздравляю. Теперь вы настоящие присяжные.

Первым свидетелем вызвали Дом.

Он явился целиком, поэтому суду пришлось заседать внутри него.

— Какой брак вы считаете подлинным? — спросил Разводцев.

— Тот, в котором жильцы платят за разбитые окна.

— А такой существует?

— Именно поэтому я не даю заключения.

Лидия Ничьяновна показала Дому две кухни из разных историй.

— Какую вы помните?

— Обе. В первой Эраст обжёг чайник. Во второй чайник обжёг Эраста. Справедливость улучшилась.

Следующим вызвали Гришу.

Дракон поклялся говорить правду, всю правду и ничего, что может уменьшить ужин.

— Кого из Вер вы любите больше? — спросил Осип Фомич.

— Ту, у которой еда.

Обе Веры одновременно достали по пирожку.

— Вопрос снят, — сказал адвокат.

Аркадий представил линейку будущего. Она показывала, что при сохранении первого брака возможны семь счастливых исходов и три крайне поучительных.

При сохранении второго — тоже семь счастливых, три поучительных и один ремонт.

— Ремонт может считаться обоими, — уточнил Эраст.

— Тогда счастливых станет меньше.

Присяжные потребовали вызвать свидетеля из будущего, который знает результат.

Линейка согнулась и вытащила из завтрашнего дня пожилого Эраста.

Он появился в домашних тапочках, с седой бородой и выражением человека, которого оторвали от редкого спокойствия.

— Опять суд? — спросил он. — Я думал, это уже отменили после третьей свадьбы.

В зале стало тихо.

— После какой? — спросили обе Веры.

Пожилой Эраст посмотрел на линейку.

— Ты меня не на тот год вытащила.

Аркадий спрятал инструмент за спину.

— Что произошло с двумя браками? — быстро спросил Повторнов.

— Не могу сказать. Если расскажу, будущее выберет другой способ доставить неприятности.

— Хотя бы кто победил?

— Маргарита Всеволодовна.

— Это и без будущего ясно, — заметил Тарас.

Старый Эраст подошёл к нынешнему и тихо сказал:

— Не доказывай, какая любовь настоящая. Выясни, кому нужна проигравшая.

Линейка дёрнулась и вернула его в будущее.

На месте старика осталась третья обручальная коробочка.

Обе Веры посмотрели на Эраста.

— Даже не начинай, — сказали они вместе.

Глава сто сорок третья

Кому достанется отменённая любовь

После слов старого Эраста суд объявил перерыв, который немедленно разделился на два одинаково коротких перерыва.

Никанор заметил, что у каждого свидетеля, выступавшего за аннулирование, исчезало имя из Списка на одну букву.

У Осипа Фомича осталось «Осип Фомич Разводце». У Единобрачия Семёновича фамилия сократилась до «Повторно».

— Если так продолжится, я стану наречием, — встревожился инспектор.

— Для чиновника это повышение подвижности, — сказал Тарас.

Мира проследила за буквами. Они ползли по полу к судейской печати и исчезали внутри неё.

Печать заметно толстела.

— Она что-то ест, — сказала девочка.

Гриша обнюхал печать.

— Обещания. Несвежие, но дорогие.

Эраст вспомнил предупреждение будущего: выяснить, кому нужна проигравшая любовь.

Они с Верой, Тарасом и Мирой вышли через боковую дверь прошлого и оказались в архиве Палаты.

Полки тянулись до потолка. На них лежали расторгнутые клятвы, отменённые свидания и слова «навсегда» с истёкшим сроком хранения.

В центре архива стояла огромная урна с надписью «ФОНД СВОБОДНЫХ ОБЕЩАНИЙ».

— Благотворительность? — спросил Эраст.

— Судя по замку, благотворят только внутрь, — ответила Вера.

Мира приложила ладонь к урне. Внутри гудели тысячи чужих решений.

Каждый аннулированный брак отдавал Фонду обещания, которые супруги когда-то произнесли и больше не могли потребовать обратно.

Из этих обещаний Палата строила идеального представителя всех семей — Верховного Супруга.

На стене висел его незаконченный портрет. У него были уверенный подбородок, безупречная улыбка и ни одного собственного воспоминания.

Под портретом значилось: «Кандидат в депутаты Домашнего Собрании. Поддержан всеми, кого не спросили».

Эраст отступил.

— Всё-таки депутаты.

— Они находят человека по запаху нежелания, — сказал Тарас.

В архив вошёл Единобрачий Семёнович. Теперь на табличке его фамилия читалась как «Повтор».

— Вы не должны были это видеть.

— Почему?

— Потому что тогда придётся объяснять бюджет.

Он признался: Палата специально признала оба брака действительными. Аннулирование любой версии высвободит удвоенный запас клятв — достаточно, чтобы закончить Верховного Супруга.

— А вторая Вера? — спросила Мира.

— Будет признана юридическим последствием и исчезнет.

— Вы знали? — спросил Эраст.

Инспектор опустил глаза.

— Я инспектор. Нам платят не за знание, а за правильное место печати.

Тарас открыл урну найденной шпилькой. Изнутри вырвалось одно обещание и ударило его в грудь.

— Клянусь никогда не врать тебе, — произнёс он чужим голосом.

— Освободите его скорее, — сказала Вера. — Он не перенесёт такую ломку личности.

Аркадий закрыл урну линейкой.

— Если выпустить все обещания сразу, они вернутся к владельцам.

— И что случится?

— Миллионы людей вспомнят, что когда-то обещали.

Все задумались.

— Конец света безопаснее, — решил Тарас.
За дверью прозвучал голос Маргариты Всеволодовны:
— Суд возобновляется. И если стороны закончили вскрывать государственную тайну шпилькой, я готова заслушать обвинение.
Она стояла на пороге.
В руке у неё была вторая, настоящая судебская печать.

Глава сто сорок четвёртая
Тёща берёт самоотвод
Маргарита Всеволодовна вернулась в зал и положила обе печати перед собой.
— Одна утверждает решения суда. Вторая ими питается.
Осип Фомич потребовал исключить находку как добытую незаконно.
— Государственную тайну нельзя вскрывать шпилькой.
— Значит, защита у неё была декоративная, — сказала Вера.
Лидия Ничьяновна попросила включить урну в материалы дела целиком, вместе с замком, портретом и бюджетом.
При слове «бюджет» портрет Верховного Супруга попытался отвернуться.
Маргарита Всеволодовна объявила, что не может судить дело, если одна из сторон намерена использовать её приговор как корм.

— Беру самоотвод.
Настоящая печать ударила по столу сама.
Над кафедрой появилась надпись: «САМООТВОД ОТКЛОНЁН СУДЬЕЙ».
— Каким судьёй?
— Вами, — ответил Повторнов. — Вчерашней.
В зал вошла ещё одна Маргарита Всеволодовна — из второй свадебной истории.
Она была в том же платье, но держала веер и выглядела на одну проверку жениха моложе.
— Я предвидела, что ты попробуешь уйти от ответственности, — сказала вчерашняя Маргарита нынешней.

— А я предвидела, что ты явишься без приглашения.
— Я мать невесты. Это пожизненный пропуск.
Две Маргариты заняли судебскую кафедру и немедленно разошлись во мнениях о правильной высоте стула.
— Теперь у нас два судьи, — сказал Эраст.
— Зато ни одного сомнения, — ответил Тарас. — Они поделили его между нами.
Судьи допросили Единобрачия Семёновича.
Под двойным взглядом он быстро потерял остаток фамилии и стал просто Единобрачием Семёновичем.

— Кто создал Фонд? — спросила первая Маргарита.
— Палата.
— Кто создал Палату? — спросила вторая.
— Верховный Супруг.
— Но он ещё не создан.
— После избрания он вернётся в прошлое и учредит Палату, которая соберёт обещания для его создания.
Аркадий тяжело вздохнул.
— Замкнутая причинность.
— По-русски? — попросил Тарас.
— Сам себя выдвинул, сам себя поддержал и задним числом назначил комиссию.
— Теперь понятно. Обычная политика.

Портрет Верховного Супруга дорисовал себе депутатский значок.

Две Маргариты одновременно объявили Палату заинтересованной стороной и лишили её права требовать аннулирования.

Но бумажные браки воспротивились.

— Мы всё равно не можем существовать вместе, — сказал Брак Первый.

— Каждый из нас считает другого ошибкой, — добавил Брак Второй.

— Это ещё не основание для развода, — заметила Вера. — Иначе семьи исчезали бы после выбора обоев.

Присяжная Аглая подняла руку.

— Если никто не проиграет, мы все останемся возможными?

— Да, — сказал Аркадий. — Но история не умеет хранить два одинаковых начала бесконечно.

— Тогда пусть это будет не два начала, — сказала Мира. — Пусть одно станет продолжением другого.

Суд замолчал.

Даже две Маргариты посмотрели на девочку без готового возражения.

Глава сто сорок пятая

Брак, который женился на браке

Предложение Мира признали юридически невозможным, магически сомнительным и поэтому достойным немедленного рассмотрения.

— Как один брак может стать продолжением другого? — спросил Эраст.

— Так же, как человек после ошибки остаётся собой, — ответила Мира. — Только с дополнительной историей.

Никанор нашёл в Списке имён древнюю процедуру: соединение судеб через взаимное признание.

— Она применялась один раз, когда два королевства случайно женились на одной принцессе.

— Чем закончилось? — спросил Тарас.

— Они поженились друг на друге и сорок лет спорили, кто должен выносить мусор.

Брак Первый и Брак Второй переглянулись.

— Нам придётся признать друг друга?

— Полностью, — сказала Лидия Ничьяновна. — Вместе с ошибками, долгами и противоречивыми воспоминаниями.

— Это хуже аннулирования, — прошептал Брак Первый.

— Поэтому похоже на настоящий брак, — ответила Вера.

Для церемонии потребовались два свидетеля, кольцо без владельца и лицо, готовое произнести речь, не понимая происходящего.

Тараса выбрали единогласно.

— Я всегда знал, что моя неподготовленность однажды станет квалификацией.

Кольцом стала третья коробочка из будущего. Внутри лежала тонкая серебряная окружность с надписью: «Для того, что не помещается в одно прошлое».

Две Веры встали рядом. Эраст занял место между ними и сразу попросил уточнить, не считается ли это новой формой двоежёнства.

— Сейчас женишься не ты, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Наконец-то церемония, на которой я могу расслабиться.

— Ты свидетель со стороны обоих браков.

— Расслабление отменяется.

Тарас раскрыл тетрадь.

— Уважаемые браки! Вы прожили одну семью двумя способами, спорили о старшинстве, делили одного мужа и довели дело до суда. То есть доказали полную совместимость.

Присяжные засмеялись.

— Согласны ли вы признать, что другой брак не ошибка, а ваша собственная жизнь, случившаяся иначе?

Брак Первый долго шелестел страницами.

— Согласен. Но зонт мне всё равно не нравится.

Брак Второй поправил бумажный воротник.

— Согласен. Но дракон в торте был лучше.

Гриша прослезился и поджёг салфетку.

Серебряное кольцо расширилось и охватило оба свидетельства.

Бумажные фигуры шагнули друг к другу и сложились в один документ.

На нём появилось: «БРАК НЕПРЕРЫВНЫЙ. НАЧАЛО: ДВАЖДЫ. ОКОНЧАНИЕ: НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Вера Второбрачная стала плотной, живой и совершенно отдельной.

Эраст закрыл глаза.

— Почему она не исчезла?

— Потому что мы спасли обе истории, — сказала Мира.

— И что теперь?

Вторая Вера посмотрела на свои руки, потом на обычную Веру.

— Теперь мне нужна собственная жизнь.

— И собственный муж, — быстро добавил Эраст.

— Не льсти себе. Мне сначала нужна квартира.

Дом захлопнул все свободные двери.

— Свободных помещений нет. Особенно для юридических последствий.

Фонд обещаний задрожал. Поскольку суд отказался аннулировать любовь, ему не хватило силы закончить Верховного Супруга.

Портрет начал распадаться.

Но прежде чем исчезнуть, нарисованный кандидат протянул руку из рамы и схватил объединённое свидетельство.

— Если нельзя получить проигравший брак, — сказал он, — я возглавлю победивший.

Глава сто сорок шестая

Приговор с семейными обстоятельствами

Верховный Супруг вылез из портрета не до конца: обещаний хватило на голову, руки и безупречный официальный костюм. Всё остальное заменяла трибуна.

— Граждане семьи! — провозгласил он. — Я создан выражать ваши общие интересы.

— Назовите хотя бы один, — сказала Вера.

— Чтобы я их выражал.

— Уже не общий.

Верховный Супруг поднял объединённое свидетельство. Из него потянулись нити к каждому семейному обещанию в архиве.

— Непрерывный брак с двумя началами представляет две истории. Следовательно, он обладает двумя голосами в Домашнем Собрании.

— Каком ещё Собрании? — спросил Эраст.

Единобрачный Семёнович виновато показал оборот повестки. Там мелким текстом сообщалось, что суд одновременно является учредительным заседанием.

— Они везде прячут выборы, — сказал Тарас. — Даже в семейных разбирательствах.

Верховный Супруг потребовал передать ему оба голоса как единственному кандидату.

— Иначе ваш брак будет признан не представленным.

— А если мы выдвинем другого? — спросила Вера Второбрачная.

— Кандидат должен состоять в браке, представлять не менее двух семейных историй и искренне не желать должности.

Все медленно повернулись к Эрасту.

— Нет, — сказал он.

Над его головой вспыхнула надпись: «СООТВЕТСТВУЕТ».

— Я отказываюсь.

Надпись дополнилась: «МОТИВАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА».

— Я уже спасал мир от депутатства.

— Опыт работы, — заметил Повторнов.

Эраст бросился к двери, но суд проходил внутри его брака. Каждая дверь выводила к другому семейному воспоминанию.

За одной он снова опаздывал на свадьбу. За второй собирал кресло. За третьей объяснял теще, почему дракон числится иждивенцем.

— Бежать некуда, — сказал Дом. — Я проверил. Даже кладовая занята прошлым.

Верховный Супруг начал предвыборную речь.

Он обещал супругам взаимопонимание по нормативу, обязательное счастье по выходным и государственную компенсацию за каждое невынесенное ведро.

На обещании о ведре несколько присяжных задумались.

Тарас вышел к трибуне.

— У нашего кандидата Эраста программа проще. Он ничего вам не обещает.

Зал оживился.

— Почему? — спросила Аглая.

— Потому что чужие обещания уже один раз едва не создали вот это.

Он указал на Верховного Супруга.

— Эраст обещает только спрашивать тех, за кого говорит.

— Это политически невозможно! — закричал портретный кандидат.

— Поэтому звучит свежо, — сказала Вера.

Голосование провели двумя обручальными кольцами. Кольцо Эраста отказалось голосовать за хозяина, но кольцо Веры объяснило ему семейную дисциплину.

Две истории отдали два голоса Эрасту.

Возможные дети добавили двенадцать голосов из будущего, хотя Никанор предупредил, что их ещё могут отменить плохие решения родителей.

Дом проголосовал фундаментом.

Гриша съел бюллетень Верховного Супруга и назвал это тайной голосования.

Портретный кандидат рассыпался на чужие обещания. Они вырвались из архива и полетели к владельцам.

Где-то миллионы людей внезапно вспомнили, что собирались починить кран, позвонить матери, начать новую жизнь и вернуть книгу.

Мир содрогнулся от массового наступления понедельника.

Две Маргариты вынесли приговор: оба брака признать одной непрерывной семьёй, Веру Второбрачную признать самостоятельной гражданкой, Палату распустить до выяснения, кто её вообще просил.

После оглашения судьи соединились в одну Маргариту Всеволодовну. Она сохранила оба веера и удвоенное недоверие к зятю.

— Заседание окончено, — сказала она. — Эраст, останься.

— В каком качестве?

Единобрачий Семёнович вручил ему значок. На нём было написано: «ДЕПУТАТ ДОМАШНЕГО СОБРАНИЯ. ИЗБРАН ПРОТИВ ВОЛИ, НО ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ».

— Это временно, — поспешил сказать инспектор. — До первых настоящих выборов.

— Когда они?

— Вчера.

Аркадий посмотрел на линейку. Она показывала, что вчера Эраст уже проиграл выборы, победил на них и не явился принимать полномочия.

— Хорошая новость, — сказал Тарас. — Ты всё-таки не стал обычным депутатом.

— А плохая?

— Тебя избрали семейным. Здесь даже неприкосновенность действует только до возвращения домой.

В дверь суда постучали.

На пороге стояла делегация из тысячи домов, трёх говорящих замков и одного обиженного общежития.

Общежитие развернуло плакат: «ЭРАСТ, ПРЕДСТАВЬ НАШИ ИНТЕРЕСЫ ИЛИ МЫ ПОСЕЛИМ ИХ У ТЕБЯ».

Дом Кунилина прочитал плакат и тихо запер все комнаты.

— Депутат, — сказал он Эрасту, — приём граждан начинай во дворе. И желательно в другом мире.

Часть девятнадцатая

Избирательный округ с крышей

Глава сто сорок седьмая

Приём недвижимых граждан

Приём граждан начался во дворе и сразу нарушил два закона: дома считались недвижимостью, но пришли сами, а Эраст считался депутатом, хотя изо всех сил стоял неподвижно.

Первым выступило обиженное общежитие. Оно говорило всеми окнами одновременно, поэтому половина требований относилась к отоплению, а вторая — к чужим кастрюлям.

— Нас выселяют из собственного адреса! — гремел третий этаж.

— И кто-то опять взял мою сковородку! — добавила кухня.

— По одному вопросу, — попросил Эраст.

— У нас двести сорок комнат. Мы физически не умеем по одному.

За общежитием стояли дома всех видов: деревянные, каменные, башенные, подземные и один подозрительно плоский, который представился складом, но всё время пытался лечь на документы.

Три говорящих замка держались отдельно. Первый жаловался, что его постоянно открывают без эмоциональной подготовки. Второй требовал признать ключ формой давления. Третий просто никого не впускал и считал это программой безопасности.

Дом Кунилина выглянул из-за забора.

— Я предупреждал, что двор мал.

— Расширься, — предложил Тарас.

— Тогда придётся платить налог с дополнительной реальности.

Эраст поднялся на перевёрнутую бочку. Значок семейного депутата немедленно превратил её в трибуну и выписал бочке удостоверение помощника.

— Что произошло?

Из толпы выдвинулся старый двухэтажный дом с резными наличниками. Его звали Семён Семёнович Подкрышин.

— Наши адреса забирает Нулевая застройка. Сначала приходит уведомление, что дом недостаточно идеален. Потом исчезает номер. Затем жильцы перестают помнить, где живут.

— А после? — спросила Вера.

— На нашем месте появляется новый дом. Ровный, удобный и пустой.

Мира коснулась стены Семёна Семёновича. Под штукатуркой дрожали воспоминания: первые шаги детей, ночные разговоры, запах яблок и гвоздь, который сорок лет держался вопреки строительным расчётам.

— У вас забирают не адреса, — сказала она. — У вас забирают прожитое.

Дома заскрипели. Для них это было то же самое, что для людей — стиснуть зубы.

Единобрачий Семёнович раскрыл служебную инструкцию.

— Вопросы недвижимости относятся к Домашнему Собранию. Депутат Кунилин обязан внести обращение.

— Я обязан только перестать быть депутатом.

— Тогда сначала внесите отставку.

— Куда?

— В Собрание.

— Где оно?

Инспектор показал на делегацию.

— Там, где соберётся достаточно домов.

Тысяча зданий придвинулась ближе.

Земля сложилась ступенями, крыши сомкнулись сводом, окна выстроились рядами. Двор превратился в огромный зал заседаний.

Дом Кунилина оказался у входа и возмутился, что его без согласия назначили вестибюлем.

На центральной стене вспыхнула повестка: «ВОПРОС ПЕРВЫЙ. СНОС ВСЕГО НЕУДОБНОГО. ДОКЛАДЧИК — НОЛЬ КВАДРАТЫЧ БЕЗЖИЛЬЦОВ».

В зал вошёл высокий человек в белом костюме. Его лицо было симметричным до такой степени, что глазу не за что было зацепиться.

— Уважаемые строения, — сказал он. — Я пришёл избавить мир от домов, в которых кто-то уже жил.

— Почему? — спросил Эраст.

— Потому что жизнь портит планировку.

Глава сто сорок восьмая

Округ потерянных ключей

Ноль Квадратыч развернул проект Нулевой застройки. На нём весь мир состоял из одинаковых белых кварталов, прямых улиц и жителей, которые никогда не ставили шкаф поперёк утверждённой стены.

— Каждый получит идеальное жильё, — заявил архитектор. — Без трещин, скрипов, прошлого и самовольных воспоминаний.

— А дома? — спросила Мира.

— Дома будут освобождены от жильцов.

— А жильцы?

— От домов. Взаимное освобождение — высшая форма порядка.

Тарас полистал буклет.

— Тут даже кухни одинаковые.

— Удобно, — сказал Ноль Квадратыч. — Никто не сможет доказать, что пришёл не к себе.

Вера Второбрачная задержалась у страницы с отдельной квартирой. После появления в самостоятельном теле она жила между гостиной и юридической неопределённостью.

На картинке было светлое жильё с тремя комнатами, балконом и дверью, которая не называла хозяйку последствием.

— Это можно получить?

— Немедленно, — улыбнулся архитектор. — Требуется только отказаться от чужих воспоминаний.

Обычная Вера закрыла буклет.

— Они не чужие.

— Для неё — общие. Для вас — лишние. Собственность должна быть разграничена.

Эраст почувствовал, как в кармане нагрелся депутатский значок.

Над залом возникла карта его округа. На ней не было улиц — только потерянные ключи.

Каждый ключ принадлежал дому, у которого уже отняли адрес. Они кружили в пустоте и искали двери.

Никанор раскрыл Список имён. Вместо названий улиц на страницах стояли пробелы.

— Исчезли сорок семь кварталов.

— Сорок восемь, — поправил Семён Семёнович Подкрышин. — Последний исчез, пока вы считали.

В конце зала погас ряд окон. Дом, которому они принадлежали, пошатнулся.

Его жильцы стали выходить наружу с чемоданами, не понимая, откуда вышли.

— Вот доказательство эффективности, — сказал Ноль Квадратыч. — Никто не жалуется на прежнее жильё, если его не помнит.

Дом Кунилина распахнул входную дверь.

— Всех забытых — ко мне.

— Ты же запер комнаты, — удивился Эраст.

— Я имею право менять мнение. Я жилой, а не идеальный.

Люди вошли в Дом и сразу вспомнили хотя бы то, что им нужен чай.

Антонина Марковна приняла их без переписи.

— Кто помнит сахар — берёт сахар. Кто не помнит — получает две ложки и начинает жизнь осторожнее.

Ноль Квадратыч подал Эрасту законопроект о завершении Нулевой застройки.

— Вам достаточно проголосовать. Как единственный зарегистрированный депутат вы представляете всё Домашнее Собрание.

— Почему единственный?

— Остальные дома. Они не могут быть депутатами, потому что являются избирательными участками.

Семён Семёнович грохнул ставнями.

— Значит, человек может говорить за дом, а дом за себя — нет?

— Именно так устроено представительство.

Тарас шепнул Эрасту:

— Я начинаю понимать политику. Главное — вовремя объявить остальных помещением.

Глава сто сорок девятая

Идеальный дом без жильцов

Чтобы доказать преимущества проекта, Ноль Квадратыч пригласил героев в образцовый квартал.

Переход открылся прямо в буклете. Все шагнули на глянцевую страницу и оказались среди белых домов.

Улицы были чистыми, деревья — одинакового роста, окна — закрытыми под одним углом.

Нигде не лаяла собака, не хлопала дверь и не звучал вопрос, кто снова не выключил свет.

— Красиво, — признал Эраст.

— Здесь никто не мешает жить, — сказал архитектор.

— А кто живёт?

— Пока никто. Поэтому проект сохраняет первоначальное качество.

Тарас постучал в ближайшую дверь. Она открылась раньше удара, чтобы не получить царапину.

Внутри стояла безупречная мебель. Кресло проходило во все двери и от этого выглядело безвольным.

Гриша попробовал оставить след на полу. След исчез, а пол выписал дракону предупреждение.

— Тут неуютно, — сказал он.

— Уют является нерегламентированным износом, — объяснил Ноль Квадратыч.

Вера Второбрачная вошла в предназначенную ей квартиру. На двери уже висело её имя.

Комнаты подстроились под её рост, вкус и предполагаемое будущее. На столе лежали книги, которые она могла бы прочитать. В шкафу висела одежда, которую она могла бы выбрать.

— Всё моё, — тихо сказала она.

— И ничьё больше, — ответил архитектор.

Обычная Вера остановилась на пороге.

Две женщины впервые почувствовали между собой не сходство, а границу.

— Останешься? — спросила Вера.

— Мне нужен свой дом.

— Дом — да. Но это пока только квадратные метры с хорошими манерами.

Ноль Квадратыч предложил подписать акт заселения.

В мелком тексте говорилось, что жительница передаёт Нулевой застройке все воспоминания, возникшие до получения адреса.

— Зачем вам моё прошлое?

— Оно станет строительным материалом. Невостребованные жизни обладают прекрасной теплоизоляцией.

Аркадий приложил линейку к стене. За штукатуркой обнаружились спрессованные воспоминания исчезнувших домов.

Кто-то отмечал рост ребёнка на дверном косяке. Кто-то ждал возвращения. Кто-то пятьдесят лет прятал письмо под половицей и уже не помнил кому.

Мира услышала их все.

— Квартал построен из украденного прошлого.

Белые стены дрогнули.

Из-под краски проступили старые обои, трещины и детские рисунки. Идеальные дома на мгновение вспомнили, кем были раньше.

Ноль Квадратыч резко свернул чертёж.

— Эмоциональные дефекты будут устранены.

Вера Второбрачная взяла акт, разорвала его и положила половинки в безупречную мусорную корзину.

Корзина тут же склеила документ.

— Здесь даже мусору не дают уйти, — сказала она.

Квартира закрыла выход.

На двери появилось: «ЖИЛЕЦ ОБНАРУЖЕН. ПРОЕКТ ПЕРЕХОДИТ В РЕЖИМ СОХРАНЕНИЯ». Завернулись замки.

Дом впервые получил жительницу и немедленно решил её не выпускать.

— Вот, — сказал Тарас, доставая шпильку. — Начинается настоящий уют.

Глава сто пятидесятая

Квартира выбирает хозяйку

Шпилька Тараса не подошла к идеальному замку: в нём не было ни одной неправильной детали, за которую могла бы зацепиться надежда.

Гриша нагрел дверь. Покрытие стало ещё белее и поблагодарило за санитарную обработку.

— Нужно создать недостаток, — сказала Вера.

Эраст ударил дверь плечом и промахнулся.

На стене появилась первая вмятина.

Дом вздрогнул, потому что в его проекте не предусматривалось человеческое участие без предварительного согласования.

Вера Второбрачная изнутри опрокинула стул. Стул остался стоять, но задумался.

— Делайте что-нибудь несовершенное! — крикнула она.

Тарас начал вслух собирать шкаф без инструкции.

К третьей детали стены покрылись трещинами.

— Это даже для хаоса слишком, — сказал Эраст.

— Не мешай специалисту.

Мира нарисовала на обоях кривое солнце. Гриша добавил дым, который выходил из лучей.

Дом попытался стереть рисунок, но тот оказался первым воспоминанием, созданным внутри него добровольно.

Стереть его означало бы снова стать пустым.

Замки остановились.

— Я не хочу быть пустым, — произнесла квартира голосом, похожим на шелест новых обоев.

— Тогда открой дверь, — сказала Вера Второбрачная.

— Вы уйдёте.

— Вернись, если позволишь мне менять тебя.

— Вы будете делать вмятины?

— Иногда. Ещё повешу полку не по центру и заведу чайник, который свистит раньше времени.

Квартира подумала.

— Это звучит опасно.

— Это звучит как жизнь.

Дверь открылась.

Вера Второбрачная не вышла. Она оглядела комнаты уже без прежней тоски.

— Я останусь. Но не по вашему акту, — сказала она Нолю Квадратычу. — Дом выбрал меня сам.

— У здания нет права выбора.

Квартира захлопнула перед архитектором дверь.

— Теперь есть.

На фасаде появился номер, придуманный ею самой: дом один, квартира первая, история продолжается.

По кварталу прокатился гул. Пустые здания услышали разговор и начали искать жильцов.

Одно выпустило балкон в сторону прохожей. Другое поставило у входа тапочки. Третье впервые скрипнуло половицей и очень смутилось.

Ноль Квадратыч побледнел, хотя это почти не изменило его лицо.

— Заселение без разрешения разрушит Нулевую застройку.

— Значит, у неё слабый фундамент, — сказала Вера.

Архитектор развернул главный чертёж. Белые линии поползли по земле, стирая самовольные номера.

— Я вынесу закон на первое чтение. После принятия все дома, способные выбирать жильцов, будут признаны аварийными.

— А если закон не примут? — спросил Эраст.

— Его примете вы.

Значок депутата сжал лацкан Эраста, как маленькая золотая рука.

— Он всё ещё думает, что у меня есть выбор.

— Ошибка новичка, — сказал Тарас. — Давно пора показать, какой ты опытный отказник.

Глава сто пятьдесят первая

Закон о праве на скрип

Домашнее Собрание созвали к полуночи, когда все порядочные здания уже закрывали подъезды, а непорядочные только начинали сдавать комнаты пророкам.

Ноль Квадратыч внёс закон «Об устранении архитектурной самодеятельности». В нём запрещались трещины, лишние двери, воспоминания в несущих стенах и скрип после двадцати трёх часов.

— Скрип — наш голос, — заявил Семён Семёнович Подкрышин.

— Голос должен быть зарегистрирован, — ответил архитектор.

— Я зарегистрирован с позапрошлого века.

— Тогда ваша регистрация морально устарела.

Эраст получил единственный бюллетень. На нём имелись две клетки: «За» и «За после разъяснений».

— Где «против»?

— Противоречит форме, — сказал Единобрачий Семёнович.

Вера взяла перо и дорисовала третью клетку.

Бюллетень возмутился самовольной перепланировкой, но Дом Кунилина пригрозил признать его обоями.

— Предлагаю другой закон, — сказал Эраст. — О праве дома быть неудобным.

В зале стало тихо.

— Формулируйте, — потребовала Маргарита Всеволодовна, заняв место в первом ряду без права голоса, но с правом окончательного выражения лица.

Эраст перечислил: дом имеет право скрипеть, помнить, выбирать жильцов, не совпадать с чертежом и хранить вещи, назначение которых забыли даже хозяева.

Антонина Марковна добавила право на банку с пуговицами.

Тарас — право кладовки скрывать площадь.

Гриша потребовал разрешить локальное возгорание в воспитательных целях.

Последний пункт отклонили всем залом.

Никанор записал закон в Список имён. У каждого дома появилось полное имя, включавшее всех, кто когда-либо называл его своим.

Старые здания распрямились. В окнах зажглись забытые вечера.

Но Домашнее Собрание не приняло закон.

Стены зала сомкнулись и объявили:

— Для голосования требуется кворум депутатов. Присутствует один из трёхсот.

— Где остальные? — спросил Эраст.

— Не избраны.

— Почему?

— Избирательные округа потеряли адреса.

Ноль Квадратыч улыбнулся.

Пока адресов не было, новые депутаты не могли появиться. А пока депутат был один, архитектору достаточно было сломать голос Эраста.

— Закон Нулевой застройки вступит в силу на рассвете, — сказал он. — Если единственный депутат не проголосует, Собрание сочтёт молчание согласием.

— Я не согласен молчать, — ответил Эраст.

— Тогда вы нарушите регламент.

— Наконец-то работа по способностям.

Мира посмотрела на дома.

— Им не нужны люди, которые будут говорить вместо них. Им нужны голоса.

Аркадий соединил половинки линейки и провёл черту от каждого дома к его потерянному ключу.

— Адрес можно вернуть, если дом сам назовёт место, где его ждут.

— Нас нигде не ждут, — сказал дом без окон.

— Тогда придётся сначала стать кому-нибудь нужным, — ответил Тарас. — Работа неприятная, но иногда даже полезная.

До рассвета оставалось четыре часа.

Тысяча домов отправилась искать тех, кто согласится назвать их домом.

Глава сто пятьдесят вторая

Первое чтение конца света

Ночь превратилась в странную избирательную кампанию: дома ходили по мирам и уговаривали людей поселиться в них хотя бы душой.

Семён Семёнович нашёл старуху, которая родилась в его верхней комнате и шестьдесят лет хранила ключ. Она назвала его адрес вслух, и на фасаде вспыхнул номер.

Общежитие отыскало бывших жильцов сразу в девяти мирах. Они спорили, кому принадлежала сковородка, и тем самым мгновенно восстановили общую кухню.

Три замка поступили по-разному. Первый простил ключ. Второй заключил с ним договор. Третий так никого и не впустил, зато был признан домом убеждённого одиночки.

Каждый возвращённый адрес создавал нового депутата.

В зале появлялись люди, призраки, драконы и одна кошка, избранная многоквартирным домом за регулярное присутствие во всех подъездах.

Кошка сразу заняла три кресла и отказалась вступать во фракции.

Ноль Квадратыч ускорил рассвет чертёжным циркулем.

Солнце поднялось на час раньше, недовольно и без кофе.

— Первое чтение! — объявило Собрание.

Белые линии Нулевой застройки опутали стены. Где проходила линия, исчезали картины, фотографии и номера квартир.

Эраст увидел, как стирается дверь его Дома.

Вера схватила ручку с одной стороны, Дом — с другой.

— Я ещё здесь, — проскрипел он.

— Тогда держись.

Новые депутаты входили один за другим, но до кворума не хватало семи.

— Время истекло, — сказал Ноль Квадратыч. — Молчание признаётся согласием.

— Я требую выступить, — сказал Эраст.

— Регламент даёт вам одну минуту.

Тарас незаметно перевёл песочные часы набок.

— Время временно воздержалось.

Эраст вышел к трибуне.

— Дом — это не стены. Стены можно построить. Дом начинается там, где кто-то помнит, как открыть дверь в темноте, где ругаются из-за чашки и всё равно ставят вторую, где трещина становится частью биографии.

Ноль Квадратыч поднял циркуль.

— Лирика не является поправкой.

— Тогда записывайте юридически: идеальный дом без следов жизни является не жильём, а ожиданием жильцов.

Собрание загудело.

Не хватало четырёх депутатов.

Вера Второбрачная появилась в дверях вместе со своей квартирой. Дом нёс её внутри и при этом нервно поправлял балкон.

— Адрес восстановлен, — сказала она. — Голос против Нулевой застройки.

Не хватало трёх.

Из будущего выпали два дома возможных детей Эраста и Веры. Они ещё не были построены, но уже имели ипотеку и поэтому считались достаточно реальными.

Не хватало одного.

Белая линия дошла до Дома Кунилина. Его номер исчез.

Дом посмотрел на Эраста всеми окнами.

— Назови мой адрес.

— Ты стоишь во дворе.

— Это место. Назови, где я для тебя.

Эраст положил ладонь на дверь.

— Дома.

Адрес вспыхнул не на фасаде, а на депутатском значке.

Кворум состоялся.

И Дом Кунилина первым внёс предложение снести Ноля Квадратыча как объект, не соответствующий живой застройке.

Глава сто пятьдесят третья

Дом идёт на выборы

Ноль Квадратыч заявил, что человек не может быть снесён без проекта, сметы и предварительного превращения в недвижимость.

— Это поправимо, — сказал Дом Кунилина.

Пол под архитектором поднялся, стены сомкнулись, и через секунду он оказался внутри маленькой белой будки.

На крыше появилась табличка «ПАМЯТНИК НЕУДАЧНОЙ ПЛАНИРОВКЕ».

— Я буду жаловаться! — донеслось изнутри.

— Значит, объект жилой, — постановило Собрание.

Депутаты проголосовали за закон о праве на скрип. Триста голосов были «за», кошка воздержалась на шторах.

Нулевая застройка начала меняться. Белые дома получали номера, жильцов и первые бытовые повреждения.

Один дом гордо показывал царапину от велосипеда. Другой обзавёлся запахом супа. Третий обнаружил, что жильцы переставили стену, и пережил первый архитектурный кризис.

Вера Второбрачная вернулась в свою квартиру. Та уже приготовила для неё место под кривую полку.

— Будешь иногда приходить? — спросила она обычную Веру.

— Если позовёшь.

— А Эраст?

— Только с инструментами и под наблюдением.

— Согласна. Он всё-таки общий строительный риск.

Эраст тем временем писал заявление об отставке.

— Прошу освободить меня от полномочий депутата Домашнего Собрания по собственному нежеланию.

Тарас заглянул через плечо.

— Добавь «окончательно». Тогда документ хотя бы рассмешит судьбу.

Собрание приняло заявление к рассмотрению и назначило выборы нового представителя округа.

Кандидатов оказалось двое: Эраст и Дом Кунилина.

— Я не выдвигался, — сказали они одновременно.

— Значит, оба соответствуют, — объяснил Единобрачий Семёнович.

Дом потребовал исключить Эраста за отсутствие фундамента.

Эраст потребовал исключить Дом за невозможность пройти в дверь избирательного участка.

— Участок находится во мне, — ответил Дом.

— Это конфликт интересов.

— Это удобная планировка.

Предвыборные дебаты состоялись на кухне. Эраст обещал в случае победы немедленно уйти. Дом обещал в случае победы никуда не двигаться.

Избиратели сочли обе программы необычайно честными.

Маргарита Всеволодовна спросила кандидатов, как они собираются представлять интересы семей.

— Буду слушать, — сказал Эраст.

— Буду помнить, — сказал Дом.

Вера посмотрела на мужа.

— У него программа сильнее.

— Он использует административный чердак.

Голосование закончилось ничьей. Половина избрала Эраста, половина — Дом. Кошка проголосовала за коробку из-под бюллетеней.

Собрание решило считать Эраста и Дом единым кандидатом, поскольку адрес одного находился в другом.

— Это невозможно, — сказал Эраст.

— После двух браков с одной женой вы не имеете права злоупотреблять этим словом, — ответил Повторнов.

Значок депутата раскололся пополам. Одна половина приклепилась к Эрасту, вторая — к входной двери.

Дом довольно заскрипел.

— Теперь ты моя выездная часть.

— А ты?

— Твоя недвижимая совесть.

Тарас снял шляпу.

— Наконец-то у Эраста появилась совесть. Правда, с коммунальными платежами.

Глава сто пятьдесят четвёртая
Отставка, принятая в жильцы

После выборов Домашнее Собрание попыталось разойтись, но выяснило, что само является зданием и не знает, куда именно ему идти.

Тысяча домов разомкнула стены. На месте зала осталось ещё одно строение — огромное, серое и совершенно пустое.

— Это кто? — спросила Мира.

— Само Собрание, — сказал Аркадий. — Оно возникло из домов, но теперь имеет отдельную судьбу.

Здание открыло центральную дверь. Внутри были сотни кабинетов, ни одного жильца и бесконечные коридоры, ведущие к вопросам второго чтения.

— Мне нужен адрес, — гулко сказала Собрание.

— Вы же только что вернули адреса всем, — заметил Эраст.

— Всем, кроме меня. Учреждения обычно забывают включить себя в закон.

Ноль Квадратыч высунулся из памятной будки.

— Пустое идеальное здание! Моё лучшее творение!

— Я не ваше, — ответило Собрание. — Во мне уже заседали. У меня травма и протокол. Чтобы получить адрес, зданию требовался постоянный жилец.

Все депутаты сделали шаг назад. Кошка осталась на месте, потому что спала.

— Я не могу жить в парламенте, — сказал Эраст.

— Почему? — спросил Тарас. — Ты уже живёшь внутри семейного суда, временной петли и тёщиного мнения.

— У меня есть дом.

Дом Кунилина распахнул дверь.

— И останется. Не смей путать адрес с возвращением.

Единобрачий Семёнович принёс заявление Эраста об отставке.

— Возникла небольшая формальность.

— Отставку приняли?

— Да. В качестве заявления о предоставлении служебного жилья.

Эраст перечитал собственный текст. После слов «освободить меня от полномочий» появились слова «путём вселения в освободившееся помещение».

— Я этого не писал.

— Документ дополнил себя в интересах заявителя.

— У заявителя другие интересы.

— Они не приложены в двух экземплярах.

Собрание наклонилось над Эрастом всеми этажами.

— Я предоставлю вам кабинет, спальню и право заблудиться без очереди.

— Отказываюсь.

На фасаде зажглась табличка «ПЕРВЫЙ ЖИЛЕЦ ЗАРЕГИСТРИРОВАН».

— Почему отказ считается согласием?

— Потому что это здание для депутатов, — сказал Тарас. — Здесь слова входят через одну дверь, а выходят после поправок.

Вера взяла Эраста за руку.

— Мы поселимся там на одну ночь. Дом нельзя оставлять пустым после того, как он попросил помощи.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому решение семейное.

Дом Кунилина выделил им переносную дверь для возвращения.

— Поставите в спальне. Не перепутайте с выходом в бюджетную комиссию.

Герои вошли в Собрание. Коридоры сразу стали теплее. На стенах появились фотографии, которых ещё не делали.

В одной Эраст стоял у трибуны с перевязанной головой. В другой Вера держала ключ от города. В третьей Тарас убегал от толпы избирателей, неся казённый самовар.

— Будущее заселяется раньше нас, — сказал Аркадий.

В подвале что-то тяжело повернулось.

Мира прислушалась.

— Там под домом ещё один город.

— Подвал часто преувеличивает, — сказал Дом Кунилина из переносной двери.

Пол разошёлся. Внизу горели тысячи окон, но ни за одним не было света.

Из глубины поднялся старый лифт. На его решётке висела карта с надписью: «НУЛЕВОЙ ОКРУГ. НАСЕЛЕНИЕ — ВСЕ, КТО КОГДА-ЛИБО ПОТЕРЯЛ ДОРОГУ ДОМОЙ».

Дверь лифта открылась.

Внутри стоял пожилой Эраст из будущего и держал чемодан.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уже тридцать лет жду, когда ты придёшь меня отсюда выселить.

Часть двадцатая

Нулевой округ не выбирает

Глава сто пятьдесят пятая

Тридцать лет до выселения

Пожилой Эраст вышел из лифта, поставил чемодан на пол и обнял Веру так привычно, что нынешний Эраст почувствовал себя временной редакцией мужа.

— Ты постарел, — сказала Вера.

— Здесь это единственное, что происходит без согласования.

Старик был одет в депутатский сюртук, на котором висели тридцать значков. Каждый сообщал, что полномочия временные.

— Почему тридцать? — спросил Тарас.

— По одному за каждый год, когда я уходил в отставку.

— А чемодан?

— Заявления. Непринятые, принятые не туда и одно удовлетворённое в форме повышения.

Нынешний Эраст осторожно заглянул внутрь. Бумаги зашевелились и попытались избрать его председателем чемодана.

Он захлопнул крышку.

— Как ты оказался в Нулевом округе?

— Так же, как ты сейчас. Поселился в Собрании на одну ночь. Утром подвал объявил меня постоянным депутатом по месту временного пребывания.

Вера посмотрела на мужа.

— Мы уходим до утра.

— Я пытался, — сказал старик. — Здесь утро зарегистрировано как заседание и без кворума не наступает.

Снизу донёсся звон трамвая. Рельсы в городе вели кругами, потому что ни одна остановка не хотела признавать себя конечной.

Мира подошла к краю разошедшегося пола.

— Кто там живёт?

— Все, кто однажды потерял дорогу домой. Не заблудился на улице — потерял именно возможность вернуться.

Старик перечислил: солдаты из отменённых войн, дети из несостоявшихся семей, путешественники из закрытых миров и люди, чей дом продолжал существовать, но уже без них.

— А кто управляет округом? — спросил Единобрачий Семёнович.

Пожилой Эраст указал на портрет в лифте. На нём был изображён круглолицый человек в мэрской цепи, составленной из потерянных ключей.

Подпись гласила: «НИГДЕ ИВАНОВИЧ ЗАБЛУДИН. ГЛАВА ОКРУГА. ИЗБИРАЕТСЯ ВСЕГДА, ПОТОМУ ЧТО ДРУГИХ НЕ НАХОДЯТ».

— Он отнимает дороги домой, — сказал старик. — Чем больше потерянных, тем больше округ.

— Почему ты его не остановил?

— Тридцать лет останавливаю. У него большинство.

— Кто за него голосует?

— Те, кого он ещё не потерял окончательно. Они боятся исчезнуть из списков.

Тарас пожал плечами.

— Значит, обычные выборы, только честнее оформлен страх.

Лифт нетерпеливо звякнул.

На решётке появилась повестка: «ДЕПУТАТУ КУНИЛИНУ ЯВИТЬСЯ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ПОЛНОМОЧИЙ САМОМУ СЕБЕ».

— Какому из нас? — спросили оба Эраста.

Лифт подумал и допечатал: «ОБОИМ. ОДИН ИЗ ВАС ЛИШНИЙ».

Пожилой Эраст взял чемодан.

— Вот поэтому я ждал тебя. Пока ты не приехал, меня нельзя было выселить: некому было передать должность.

Нынешний Эраст отступил от лифта.

— Я не принимаю.

— Поздно. Ты спустился по собственной воле.

— Меня привёз лифт.

— Здесь это считается волей в пределах транспортной доступности.

Глава сто пятьдесят шестая

Город, потерявший направление

Нулевой округ начинался сразу за дверью лифта и продолжался во все стороны, кроме нужной.

Улицы назывались «Почти туда», «Когда-нибудь обратно» и «Спросите у прохожего». Последняя была безлюдной.

Дома стояли плотно, но между ними оставались щели, в которых исчезали намерения.

Тарас сунул в одну щель желание позавтракать и тут же почувствовал философскую сытость.

— Опасное место. Ещё немного — и начну довольствоваться жизнью.

Пожилой Эраст привёл героев в свой депутатский кабинет. За тридцать лет кабинет оброс кухней, спальней и усталостью.

На столе лежала карта округа. Вместо сторон света на ней значились «не туда», «уже поздно», «а зачем» и «останьтесь».

Аркадий приложил линейку будущего. Стрелка закружилась и показала вчера.

— У города нет направления, — сказал он. — Он существует там, куда никто не соби-
рался попасть.

В дверь постучала женщина с маленьким мальчиком.

— Товарищ депутат, нам вернули адрес, но дорога ведёт в дом до нашего рождения.

Старик выдал ей временный маршрут и талон на одно воспоминание о возвращении.

— Следующий.

Вошёл рыцарь, потерявший дорогу после победы над драконом.

— Я тридцать два года праздную победу, потому что не могу уйти с площади.

Гриша посмотрел на него с профессиональным неодобрением.

— Дракон был настоящий?

— Небольшой.

— Тогда и победа временная.

Старик выдал рыцарю направление к поражению, от которого можно начать новую дорогу.

— Ты им помогаешь, — заметила Вера.

— По одному. А округ теряет тысячи в день.

На площади зазвонили ключи. Жители вышли к окнам и одинаково опустили занавески.

По улице ехала карета мэра. Лошади были запряжены задом наперёд, чтобы никто не понял, приближается власть или уже уехала.

Нигде Иванович Заблудин оказался приветливым человеком с улыбкой, похожей на указатель в тупик.

— Эраст Акакиевич молодой! Какая своевременная замена.

— Я не замена.

— Разумеется. Вы — обновление прежнего состава без изменения результата.

Мэр поцеловал руку Вере, поклонился второй Вере, которой здесь не было, и позддравил Тараса с должностью помощника, которую тот ещё не успел отвергнуть.

— Что вы делаете с дорогами домой? — спросила Мира.

— Храню их, — ответил Заблудин. — Люди относятся к возвращению расточительно. Уходят, хлопают дверью, клянутся не вернуться. А потом требуют маршрут обратно.

Он показал трость. В прозрачной рукояти извивались сотни дорог.

— Без них округ исчезнет.

— И жители вернутся домой, — сказал Эраст.

— Не все. Некоторые обнаружат, что их больше нигде не ждут.

Площадь затихла.

Мэр говорил правду, и от этого его ложь становилась особенно удобной.

— Сегодня состоятся выборы главы округа, — продолжил он. — Ваш старший двойник выставил против меня кандидатуру.

— И сколько у него шансов?

— Ровно столько, сколько дорог наружу.

Трость в руке Заблудина погасла.

— Ни одной.

Глава сто пятьдесят седьмая

Избиратели без обратного адреса

Предвыборное собрание проходило на вокзале, с которого не отправлялся ни один поезд. Это обеспечивало высокую явку.

Нигде Иванович выступал первым. Он обещал сохранить округ, увеличить число потерянных дорог и открыть новую линию метро между «поздно» и «никогда».

Жители слушали молча. Аплодисменты здесь считались заявлением на переезд и потому требовали осторожности.

Пожилой Эраст поднялся на платформу.

— Я не обещаю вернуть каждого домой. Но обещаю вернуть каждому право искать.

— А если дома нет? — крикнул кто-то.

— Тогда вы сможете выбрать новый. Не мэр за вас, не страх, не потерянная дорога.

По толпе прошёл шёпот.

Заблудин постучал тростью.

— Мой соперник тридцать лет был вашим депутатом. Почему он не сделал этого раньше?

Старик замолчал.

Нынешний Эраст знал ответ: потому что привык исправлять отдельные беды и не заметил, как сама должность стала частью клетки.

— Потому что надеялся действовать по правилам, — сказал молодой Эраст. — А правила писали те, кому выгодно, чтобы дороги не возвращались.

— Кто вы? — спросила толпа.

— Его ошибка тридцатилетней давности.

— А должность?

— Не принимаю.

Толпа впервые засмеялась.

Женщина с мальчиком подняла временный маршрут.

— Почему ваш отказ должен нам помочь?

— Не должен. Я вообще устал от людей, которые знают, что должно помочь другим. Скажите сами: чего вы хотите?

Ответы посыпались со всех сторон.

Один хотел вернуться. Другая — перестать ждать. Третий хотел найти дом, в котором его ещё не знают. Рыцарь мечтал уйти с площади пешком, даже если придётся проиграть дорогу.

Никанор записывал желания в Список имён. У жителей появлялись не адреса, а направления.

Карта округа начала меняться. Вместо «не туда» возникло «к морю». Вместо «уже поздно» — «к дочери». Вместо «останьтесь» — «решите сами».

Нигде Иванович поднял трость. Украденные дороги в ней забились, словно змеи.

— Незарегистрированные направления запрещены!

— Кем? — спросила Мира.

— Мной.

— А кто дал вам право?

— Избиратели.

— Они вас ещё не выбрали.

Мэр улыбнулся.

— В Нулевом округе результат объявляют до голосования, чтобы люди не потерялись в ожидании.

На табло вокзала вспыхнул итог: Заблудин — сто процентов, Эраст — отсутствует, испорченных бюллетеней — все остальные жители.

Тарас изучил цифры.

— А население сколько?

— Не установлено.

— Тогда сто процентов от неизвестного равны очень убедительному ничему.

Аркадий провёл линейкой по табло. Нули оторвались и покатались по платформе.

Из результата выпал единственный настоящий голос.

Он принадлежал самому Заблудину.

— Вы избрали себя, — сказала Вера.

— Кто-то должен был проявить гражданскую ответственность.

Глава сто пятьдесят восьмая

Чемодан вчерашних отставок

Чтобы провести настоящие выборы, требовалось открыть чемодан пожилого Эраста. В нём хранились все решения, которые округ отказался принять.

Чемодан поставили на пустые рельсы. Он рычал застёжками и требовал повестку заседания.

— За тридцать лет бумаги научились защищаться, — сказал старик.

Тарас попробовал шпильку. Замок выдал ему справку, что попытка взлома зарегистрирована как обращение гражданина и будет рассмотрена через тридцать дней.

Гриша нагрел петли. Чемодан выпустил дым и объявил его официальным ответом.

— Нужно заявление, которое он ещё не видел, — сказала Вера.

— Я написал все возможные, — ответил старик. — Об уходе, отказе, самоотводе, исчезновении и смерти по собственному желанию.

Мира положила ладонь на крышку.

— А вы писали, что хотите остаться?

Пожилой Эраст возмутился.

— Конечно нет.

— Значит, этого заявления внутри нет.

Эраст написал: «Прошу оставить меня депутатом до тех пор, пока последний житель Нулевого округа не получит право выбрать дорогу».

Чемодан распахнулся от потрясения.

— Предательство всей переписки, — сказал Тарас.

Из чемодана поднялись тысячи листов. Каждая отставка содержала маленький кусок времени, в котором её подали.

Над платформой возникли тридцать вчерашних дней.

В одном старик ещё верил в комиссию. В другом собирал вещи. В третьем Вера просила его вернуться к ужину, но он отвечал, что задержится на одно заседание.

Нынешняя Вера отвернулась.

— В твоём будущем я ждала тебя тридцать лет?

Старик опустил голову.

— Первые пять. Потом пришла сама.

— Где она?

— Заблудин отнял у неё дорогу назад. Она искала источник трости и исчезла в городе.

Нынешний Эраст сжал плечо старика.

— Почему ты сразу не сказал?

— Потому что боялся, что вы уйдёте за ней и повторите нас.

Вера уже стояла у карты.

— Где её видели в последний раз?

Никанор перелистал Список. Имя будущей Веры появлялось на каждой странице, но всякий раз в чужом адресе.

Аркадий понял: она не заблудилась. Она стала дорогой, по которой другие жители иногда возвращались.

— Заблудин не мог украсть её целиком, — сказал он. — Поэтому разделил на маршруты.

Трость мэра содержала не просто дороги домой. В ней была будущая Вера.

Пожилой Эраст сел на чемодан.

— Я тридцать лет пытался победить на выборах, а нужно было разбить одну палку.

— Это называется опыт, — сказал Тарас. — Очень дорогой способ узнать очевидное.

Над вокзалом прозвенели ключи.

Нигде Иванович понял, что тайна раскрыта.

Все выходы закрылись одновременно.

На табло появилось: «ПОЕЗД ДОМОЙ ОТМЕНЁН ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ. ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА — ДОМ».

Глава сто пятьдесят девятая

Женщина, ставшая дорогой

Будущую Веру искали не по улицам, а по возвращениям.

Мира прислушалась к шагам людей, которым когда-то удалось выбраться из округа. В каждом маршруте звучал один и тот же голос: «Не останавливайся. Дверь будет после поворота».

— Она ведёт их до сих пор, — сказала девочка.

Аркадий положил линейку на рельсы. Вместо длины она показала ожидание.

Поезд появился из темноты без расписания и машиниста. В каждом вагоне сидела одна и та же Вера разного возраста.

Одна держала фонарь. Другая — карту. Третья была только голосом в открытом окне.

Пожилой Эраст шагнул к составу.

— Вера!

Все женщины посмотрели на него, но ни одна не узнала полностью.

Нигде Иванович вышел на платформу с тростью.

— Не приближайтесь. Дорога, которая вспомнит себя, перестанет вести остальных.

— Вы разделили человека, — сказал Эраст.

— Я распределил общественно полезную функцию. Один человек выводил единицы. Тысяча маршрутов выводит тысячи.

— А её спросили?

— Дороги не спрашивают, куда им вести.

Мира подняла Список имён.

— Она не дорога. Её зовут Вера Кунилиная.

Имя прозвучало над городом. Вагоны дрогнули.

Каждая будущая Вера вспомнила один кусок жизни: свадьбу, спор, чай на кухне, мужа, которого она оставила на одно заседание и не сумела вернуть.

Но соединиться они не могли: трость держала направления отдельно.

Тарас предложил самый прямой способ и попросил Гришу съесть трость.

— Она деревянная? — спросил дракон.

— Политическая.

— Тогда может быть несъедобной внутри.

Ноль Квадратыч, которого всё ещё носили в памятной будке, выглянул из двери.

— Любую дорогу можно перестроить.

— Поможете? — удивился Эраст.

— Мэр назвал мою будку временным объектом. Это личное.

Архитектор начертил на платформе перекрёсток, где все пути пересекались в одной точке.

Поезд вошёл в перекрёсток сразу всеми вагонами.

Нигде Иванович поднял трость, но дороги внутри неё потянулись к своему имени.

Гриша всё-таки укусил рукоять.

— На вкус как предвыборная программа: снаружи лак, внутри чужое.

Трость треснула.

Тысячи маршрутов вырвались наружу и соединились на перекрёстке.

Будущая Вера сошла с поезда одна — седая, уставшая и очень сердитая.

Пожилой Эраст открыл рот.

— Ты опоздал, — сказала она.

— На тридцать лет.
— На ужин. Остальное обсудим дома.
Она взяла его за руку.
Город впервые увидел дорогу наружу.
И сразу испугался, что по ней уйдут все.

Глава сто шестидесятая
Выборы с открытым выходом

После разрушения трости дороги легли на улицы Нулевого округа. Каждая начиналась у человека и ждала решения.

Кто-то бросился домой немедленно. Кто-то сел у порога и понял, что возвращаться не хочет. Многие впервые увидели, что отсутствие выхода и нежелание выйти — разные вещи.

Нигде Иванович потребовал закрыть границы.

— Округ потеряет население!

— Зато население найдёт себя, — сказала Вера.

— Территория без жителей не имеет политического веса.

— А человек без выбора имеет?

Мэр созвал экстренные выборы. Теперь каждый житель получил бюллетень с настоящими вариантами: Заблудин, пожилой Эраст, никто или дорога домой.

Тарас попросил добавить вариант «сначала поесть». Избирательная комиссия признала его подкупом и поставила рядом стол.

Голосование шло долго. Люди привыкли выбирать между плохим и заранее решённым, поэтому свободный выбор казался подозрительной формой мошенничества.

Рыцарь проголосовал за дорогу домой, потом передумал и выбрал новое поражение.

Женщина с мальчиком выбрала дом, который ещё не был построен, но уже ждал их в одном из возможных будущих.

Кошка из Домашнего Собрания каким-то образом оказалась здесь и снова выбрала коробку.

Пожилой Эраст снял все тридцать значков.

— Я снимаю кандидатуру.

— Тогда Заблудин победит, — сказал нынешний Эраст.

— Нет. Я тридцать лет пытался стать правильным главой этого места. Но округу не нужен хозяин. Ему нужен выход.

Будущая Вера одобительно кивнула.

— Наконец-то ты вернулся до ужина. Всего на три десятилетия позже.

Бюллетени поднялись в воздух. Большинство выбрало дорогу домой. Второе место занял никто. Заблудин оказался третьим, Эраст — отсутствовал по собственному заявлению.

— Результат недействителен! — закричал мэр. — Дорога не может занимать должность.

— Зато умеет вести, — сказал Аркадий. — Для руководителя редкое качество.

Нулевой округ выбрал не главу, а направление.

Город начал двигаться.

Дома поворачивались фасадами к тем мирам, где их ждали. Улицы распутывались. Площадь, на которой рыцарь праздновал победу тридцать два года, наконец закончилась обычным переулком.

Нигде Иванович побежал к ратуше, но та выбрала другую дорогу.

— Я останусь без должности!

— Начните с человека, — посоветовал Тарас. — Должность потом сама найдёт, если вы плохо спрячете биографию.

Мэр исчез за поворотом «куда-нибудь». Его мэрская цепь рассыпалась на ключи и полетела к владельцам.

Собрание наверху содрогнулось: подвал перестал быть подвалом и стал самостоятельным городом.

— Нам пора, — сказал нынешний Эраст.

Пожилая Вера открыла дорогу к их времени.

— Идите. Мы вернёмся в своё будущее другой дорогой.

— Оно изменится? — спросила молодая Вера.

— Обязательно. Иначе зачем было столько спорить?

Два Эраста пожали друг другу руки.

Старик улыбнулся.

— Главное — не оставайся в Собрании на ночь.

Нынешний Эраст посмотрел вверх.

До утра оставалось семь минут.

Глава сто шестьдесят первая

Человек, которого не было в будущем

Лифт мчался вверх быстрее времени, но утро поднималось навстречу.

Эраст, Вера, Тарас, Мира, Аркадий, Никанор и Гриша вывалились в вестибюль Собрания за минуту до рассвета.

Переносная дверь Дома Кунилина стояла в спальне, как и велели. Между героями и дверью тянулся коридор из сорока кабинетов.

— Почему так далеко? — спросил Эраст.

Собрание ответило всеми громкоговорителями:

— Жилец не может покинуть служебное помещение до оформления выезда.

— Я не жилец.

— Ночевали.

— Не успел.

— Намеревались. Намерение учтено как социально ответственное заселение.

Тарас толкнул первую дверь. За ней заседала комиссия по подтверждению очевидного.

Вторая вела в отдел сокращения коротких путей. Третья — обратно к первой, но уже с заявлением.

— За минуту не пройти, — сказал Аркадий.

Мира коснулась стены. Собрание боялось снова стать пустым.

— Оно нас не удерживает ради закона. Оно не хочет оставаться одно.

Эраст остановился.

— Если мы уйдём, ты потеряешь адрес?

— Учреждения не отвечают на эмоциональные вопросы без письменного запроса.

— Значит, да.

Вера предложила Собранию другой вид жильцов — тех, кто приходит с вопросами и уходит с ответами.

— Это посетители, — возразило здание.

— Если они возвращаются, это уже отношения.

Дом Кунилина приоткрыл переносную дверь.

— Адрес не обязан держать. Он должен позволять вернуться.

Собрание задумалось всеми этажами. Коридор сократился до одной двери.

На фасаде погасла надпись «Первый жилец» и появилась новая: «Дом открытых вопросов».

Герои шагнули к выходу.

В этот момент из лифта Нулевого округа вылетел чемодан пожилого Эраста. Он раскрылся, и последнее заявление упало нынешнему Эрасту под ноги.

На листе было написано: «Прошу оставить меня депутатом, пока последний житель не получит право выбрать дорогу».

Никанор проверил Список имён.

— Пожилого Эраста больше нет.

Вера побледнела.

— Мы изменили будущее?

— Не только, — сказал Аркадий. — Старик исчез из времени, но заявление осталось.

Значит, его написал не человек.

Бумага поднялась и сложилась в фигуру пожилого Эраста.

Лицо стало гладким, как у пустого документа.

— Я — мандат, — сказала фигура. — Тридцать лет я носил образ владельца, потому что должности нужен человек.

— А настоящий будущий Эраст?

— Ушёл домой в первый год. Его отставку приняли. Меня забыли снять.

Эраст посмотрел на Веру.

— Значит, ты не ждала меня тридцать лет.

— Я и пяти минут не собиралась, — ответила она.

Бумажный старик протянул Эрасту значок.

— Теперь у меня снова есть владелец.

Глава сто шестьдесят вторая

Мандат ищет человека

Эраст отступил. Мандат шагнул за ним.

— Полномочия должны кому-то принадлежать.

— Не мне.

— Вы избраны.

— Я отказался.

— Отказ подтверждает независимость кандидата от власти и повышает рейтинг.

Вера встала между ними.

— Оставьте моего мужа в покое.

— Семья депутата является приложением к полномочиям.

Маргарита Всеволодовна появилась из переносной двери.

— Повтори.

Мандат впервые понял, что бумага тоже может бояться быть порванной.

— Формулировка нуждается в доработке.

Дом Кунилина попытался захлопнуть мандат дверью. Бумажный старик расплющился, прошёл под порогом и восстановился с новой печатью.

Гриша откусил угол заявления.

— Сухо. Даже обещаний нет.

— Уничтожить мандат нельзя, — сказал Аркадий. — Он собран из всех отказов Эраста.

Пока существует хоть один, должность будет искать владельца.

— Тогда нужно, чтобы он выбрал сам, — сказала Мира.

— Документы не выбирают людей, — возразил Единобрачий Семёнович.

Все посмотрели на него.

— Хорошо, — поправился инспектор. — Обычно делают вид, что не выбирают.

Эраст предложил мандату пройти собеседование.

— Что вы умеете?

- Давать полномочия.
- Что хотите?
- Быть исполненным.
- Кем видите себя через пять лет?
- Через пять лет я вижу владельца виновным в неисполнении полномочий.

Тарас одобрительно кивнул.

- Стабильный кандидат. Без лишней мечтательности.

Мандат осмотрел присутствующих. Вера была защищена браком, Мира — возрастом, Аркадий — будущим, Никанор — Списанием, Гриша — аппетитом.

На Тарасе не оказалось ни одного документа, подтверждавшего постоянный адрес, должность или осторожность.

— Тюлькин Тарас Ананиевич, — произнёс мандат. — Вы проживаете во всех мирах временно?

- Я предпочитаю не задерживаться там, где меня успели запомнить.

- И не состоите в браке?

- Сохраняю независимость обеих сторон, особенно неизвестной.

- Не занимаете должностей?

- Иногда занимаю чужой стул, но возвращаю по требованию.

Мандат просил печатями.

— Идеальный представитель Нулевого округа: человек без постоянного места во власти и власти над постоянным местом.

- Нет, — сказал Тарас.

Значок перелетел на его шляпу.

- Мотивация подтверждена.

Эраст не удержался и рассмеялся.

- Добро пожаловать.

— Не радуйся, — сказал Тарас. — Первым законопроектом я введу налог на женатых бывших депутатов.

Мандат выдал ему казённый самовар с фотографии будущего.

Из коридора послышался топот. Жители Нулевого округа пришли на первый приём.

Тарас схватил самовар и бросился к переносной двери.

Фотография на стене Собрания ожила: всё происходило точно так, как было изображено.

- Я это уже видел, — сказал Эраст.

- Тогда подскажи, куда бежать! — крикнул Тарас.

Дом Кунилина открыл дверь, но за ней оказался не их двор.

Там стояла огромная круглая палата, полная Тарасов из разных миров. У каждого на шляпе блестел депутатский значок.

Председательствующий Тарас ударил казённым самоваром по столу.

— Заседание Совета Независимых Тюлькиных объявляю открытым. Главный вопрос: какой из нас настоящий и почему платить должен один?

Тарас медленно снял шляпу.

- Эраст, — сказал он, — кажется, твоя карьера всё-таки нашла меня.

Часть двадцать первая

Совет тех, кто не задерживается

Глава сто шестьдесят третья

Тарасы всех возможных решений

Круглая палата была устроена так, чтобы каждый Тарас видел всех остальных и ни один не мог незаметно уйти. Архитектура явно создавалась врагами свободы.

За столом сидели Тарас-рыцарь, Тарас-купец, Тарас-маг, Тарас-профессор и Тарас, который однажды послушался разумного совета и с тех пор выглядел несчастнее прочих.

— Сколько вас? — спросил Эраст.

— Столько, сколько решений он не принял, — ответил председатель.

Оригинальный Тарас оглядел палату.

— Я не принимал значительно больше.

— Остальные не явились. Тем самым подтвердили подлинность.

Каждый двойник носил депутатский значок. Мандат раздробился между мирами, пытаюсь найти идеального владельца, и в каждом обнаружил одинаковое нежелание.

— Мы создали Совет, чтобы определить настоящего Тюлькина, — сказал председатель.

— После этого прочие будут признаны расходами выбора.

— Какими расходами? — спросила Вера.

— Подлежащими списанию.

Тарас-купец немедленно потребовал независимую оценку собственной стоимости. Тарас-рыцарь вызвал списание на дуэль. Профессор написал статью о том, что списание социально сконструировано.

Гриша обнюхал всех Тарасов.

— Пахнут одинаково: дорогой, дымом и чужим обедом.

— Значит, все настоящие, — сказала Мира.

— Настоящим может быть один, — возразил председатель. — Иначе обязательства придётся делить.

— Вот где причина, — понял Эраст. — Вы спорите не о личности. Вы спорите, кто будет платить.

На центральном самоваре появилась сумма межмирового долга: за неоплаченные постой, сломанные порталы, три спасённых мира без лицензии и одну лошадь, возвращённую не в ту эпоху.

Тарасы дружно отодвинулись от цифры.

— Долг принадлежит оригиналу, — сказал председатель.

— Тогда ищите его, — ответил Тарас. — Я всегда подозревал, что являюсь удачным подражанием.

Никанор открыл Список имён. На странице значилось двадцать семь Тюлькиных Тарасов Ананиевичей и ни одного порядкового номера.

— История не различает вас.

— У истории хороший вкус, — сказал Тарас-маг.

Самовар засвистел. Совет объявил начало проверки подлинности.

Первым испытанием было предложено провести один день на должности и не попытаться сбежать.

Все двадцать семь Тарасов одновременно подали отвод испытанию как противоестественному.

Глава сто шестьдесят четвёртая

Биография с запасным выходом

Для проверки подлинности Совет вызвал свидетелей из прошлого Тараса.

Первой появилась его детская шляпа. Она была меньше нынешней, но уже умела падать на глаза в ответственный момент.

— Узнаёшь? — спросил председатель.

— Разумеется. Я в ней впервые убежал из дома.

Все Тарасы подняли руки.

— Мы тоже.

Затем явился старый трактирщик, которому Тарас в восемнадцать лет задолжал за ужин. Он узнал каждого и потребовал оплату двадцать семь раз.

— Свидетель необъективен, — заявил Тарас-купец. — Зато последователен.

Вызвали первую любовь. Пришла красивая женщина, посмотрела на круглый стол и сказала, что всегда подозревала неладное.

— Кто из них обещал вернуться? — спросила Вера.

— Все. Поэтому я вышла замуж за человека, который честно обещал остаться дома и иногда выполнял.

Тарасы уважительно склонили головы.

Последним свидетелем стала дорога. Она вошла через одну дверь и вышла через три.

— Кого вы считаете оригиналом? — спросил Никанор.

— Того, кто пошёл первым.

— Кто пошёл первым?

— Тот, кто сейчас дальше всех.

Ответ признали дорожным и потому бесполезным вне движения.

Аркадий приложил линейку к биографиям. Все начинались одинаково, но расходились в одном дне: когда молодой Тарас увидел ворота в другой мир.

Один прошёл. Другой остался. Третий вернулся за шляпой. Четвёртый убедил ворота пойти с ним.

— Где версия, которая не выбирала? — спросила Мира.

В палате погас свет.

Из-под стола донёсся голос:

— Я решил подумать до завтра.

Там сидел Тарас без значка. Он единственный не вошёл в ворота и не остался — просто отложил решение.

Председатель побледнел.

— Вот оригинал.

Человек из-под стола поднял глаза.

— А можно я ещё подумаю?

Глава сто шестьдесят пятая

Самый правильный Тюлькин

Оригинала посадили во главе стола и немедленно возложили на него весь долг.

Он посмотрел на сумму, попросил время до завтра и тем самым подтвердил личность окончательно.

— Значит, мы свободны, — сказал председатель.

Двойники начали исчезать. Сначала побледнел Тарас-рыцарь, затем купец потерял кошелёк вместе с рукой.

Мира встала между ними и оригиналом.

— Они жили. Нельзя назвать их расходами только потому, что когда-то человек мог поступить иначе.

— Возможности не являются людьми, — сказал председатель.

— Пока не начали спорить о деньгах, — заметил Эраст.

Исчезновение остановили временным возражением. Оно действовало семь минут и требовало постоянного решения.

В палату вошёл ещё один Тарас. Он был аккуратно причёсан, застёгнут на все пуговицы и нёс папку без единого пятна.

— Представляюсь: Тарас Правильный. Я принял все разумные решения.

Остальные отшатнулись.

— Самозванец, — сказал наш Тарас.

Правильный Тарас никогда не опаздывал, не задолжал трактирщику, не полез в чужой портал и не познакомился с Эрастом.

— Тогда откуда вы знаете нас? — спросила Вера.

— Я изучил материалы дела.

Он предложил объединить всех двойников в себе. Их опыт станет его воспоминаниями, долги — централизованной отчётностью, а непредсказуемость будет устранена.

Мандат одобрительно зашелестел.

— Идеальный владелец.

— В нём нет ни одного отказа, — сказал Аркадий. — Значит, мандат не сможет его избрать.

Правильный Тарас впервые улыбнулся.

— Я предусмотрел это. Отказываюсь от должности.

Над ним вспыхнуло: «МОТИВАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Значки всех Тарасов потянулись к нему.

Наш Тарас схватил свой за край.

— Я не позволю человеку, который ни разу не ошибся, распоряжаться моими ошибками.

— Почему?

— Он не знает их настоящей цены.

Глава сто шестьдесят шестая

Налог на непрожитую жизнь

Правильный Тарас объявил первое решение: каждая непрожитая возможность должна платить налог за занимаемое место в судьбе.

На столе возникли квитанции. Тарасу-рыцарю начислили за героизм без результата, купцу — за упущенную прибыль, магу — за чудеса без разрешения.

Нашему Тарасу предъявили самый большой счёт: за двадцать семь жизней, которые он мог прожить приличнее.

— Приличие всегда было предметом роскоши, — сказал он.

Правильный Тарас начал поглощать двойников. Каждый значок, переходя к нему, добавлял новую способность, но стирал из палаты человека.

Эраст попытался сорвать заседание, однако круглая дверь вывела его обратно к трибуне.

Вера заметила, что казённый самовар соединён трубами со всеми мандатами.

— Он распределяет полномочия.

— И кипяток, — добавил Гриша. — Второе полезнее.

Тарас открыл кран. Вместо воды полились непринятые решения.

Палату затопило мыслями «а если бы». Они цеплялись за ноги, предлагали выгодные жизни и требовали немедленного сожаления.

Правильный Тарас не сожалел ни о чём. Поэтому вода обходила его.

— Вот его слабость, — сказала Мира. — Он никогда не выбирал между настоящими потерями.

Наш Тарас подошёл к двойнику.

— Выбирай: спасти Совет или сохранить идеальную биографию.

— Правильное решение должно обеспечивать оба результата.

— Не бывает.

— Тогда исходные данные неполны.

Вода поднялась до стола. Исчезающие Тарасы звали на помощь.

Правильный замер, ожидая варианта без ущерба.

Наш Тарас разбил самовар табуретом.

— Зачем?! — закричали все.

— Потому что это плохое решение. Зато моё.

Пар вырвался к потолку. Значки погасли, двойники обрели вес.

Правильный Тарас остался без мандата и впервые оказался неправ.

Он сел.

— Что теперь делать?

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Теперь ты один из нас.

Глава сто шестьдесят седьмая

Двадцать семь настоящих

Совет пришлось собирать заново: после потопа стол стал овальным, и несколько Тарасов усмотрели в этом конституционный переворот.

Никанор предложил считать всех двойников настоящими, поскольку каждый накопил собственные поступки и долги.

— А кто оплатит общий счёт? — спросил трактирщик, не покинувший заседание из принципа.

— Все понемногу, — сказала Вера.

Тарасы зашумели. Коллективная подлинность нравилась им до первой рассрочки.

Оригинал всё ещё сидел под столом и думал до завтра.

Мира опустилась рядом.

— Если бы вы тогда вошли в ворота, кем стали бы?

— Не знаю.

— А если бы остались?

— Тоже не знаю.

— Значит, остальные не ваши копии. Они ответы, которых у вас нет.

Оригинал вылез и впервые посмотрел на двойников без страха.

Он признал каждого своим возможным началом, но не продолжением.

Список имён разделил одну строку на двадцать семь самостоятельных судеб.

У Тараса-рыцаря появилась родина. У купца — лавка. У мага — мир, который заранее попросил ничего не превращать.

Правильный Тарас получил чистую страницу и растерялся.

— Что туда писать?

— Ошибку, — посоветовал наш Тарас. — Потом будет с чем работать.

Долг разделили по поступкам. Нашему Тарасу достались порталы, лошадь и трактирный ужин.

— Почему ужин мой?

Трактирщик показал старую расписку. На ней стояла подпись, очень похожая на бегущего человека.

— Ладно. Это художественно моё.

Совет проголосовал за право каждой возможности стать жизнью, если она уже успела отвечать за последствия.

Мандат задрожал. Ему больше не удавалось выбрать единственного владельца.

— Полномочия должны быть цельными!

— Тогда владей собой, — сказал Эраст.

Мандат впервые задумался, может ли документ представлять собственные интересы.

Глава сто шестьдесят восьмая

Депутат без человека

Совет зарегистрировал мандат самостоятельным лицом. Для этого потребовались подпись, печать и справка, что он не является приложением к самому себе.

Единобрачий Семёнович оформил документы с удовольствием человека, встретившего бюрократию сложнее собственной.

— Имя?

— Мандат.

— Отчество?

— Выданович.

— Фамилия?

Документ задумался.

— Самостоятельный.

После регистрации значки слетели с Тарасов и собрались на бумажной фигуре.

— Теперь я депутат, — объявил Мандат Выданович.

— Чувствуете власть? — спросил Тарас.

— Чувствую ответственность.

Палата насторожилась. Для депутата симптом был необычным.

Первым делом Мандат Выданович попытался исполнить себя и обнаружил, что обязан представлять Нулевой округ, Совет Тюлькиных и всех людей, которые от него отказались.

— Их слишком много.

— Теперь понимаешь, зачем тебе требовался человек? — спросил Эраст.

— Чтобы было кого обвинить.

— Быстро учится, — заметил Тарас.

Мандат попросил помощи. Совет назначил ему двадцать семь общественных помощников — всех Тарасов.

Они согласились, потому что помощник может уйти в любой момент и обычно именно этим занят.

Наш Тарас снял значок со шляпы. Под ним остался круглый след и лёгкое чувство, что неприятность ещё не закончилась.

— Свободен? — спросил Эраст.

— От должности — да. От долга трактирщику — история оказалась принципиальнее.

Мандат Выданович ударил печатью по столу.

— Заседание закрыто.

Все двери распахнулись одновременно.

За каждой был свой мир и чей-то неоплаченный ужин.

Тарасы разошлись, стараясь не перепутать судьбы.

Правильный Тарас выбрал дверь с надписью «Возможно, ошибка» и улыбнулся.

Оригинал остался у порога.

— А мне куда?

— Реши сегодня, — сказала Мира. — Завтра у тебя уже было слишком долго.

Глава сто шестьдесят девятая

Возвращение одного Тараса

Дом Кунилина открыл переносную дверь в родной двор. На этот раз за ней действительно был двор, что показалось всем подозрительно простым.

Антонина Марковна встретила героев с полотенцем и вопросом, почему самовар казённый, разбитый и числится депутатом.

— Долгая история, — сказал Тарас.

— Значит, сначала обед.

Дом пересчитал вошедших.

— Один Эраст, одна Вера, один Тарас. Прогресс.

— Вторая Вера у себя, — напомнила Мира.

— Я считаю проживающих, а не последствия хороших решений.

Тарас поставил обломки самовара на стол. Они сами сложились, но носик смотрел внутрь.

— Он теперь заваривает чай обратно, — сказал Гриша.

— Полезно для тех, кто передумал пить, — ответил Тарас.

Эраст впервые за долгое время снял с себя все значки. Ни один не вернулся.

— Получилось, — сказал он. — Я не депутат.

Дом постучал трубами.

— Не сглазь. У нас стены тонкие между жанрами.

Вера принесла две чашки и поставила третью для Тараса.

— Каково быть единственным?

— Непривычно. Когда вас двадцать семь, всегда можно свалить вину на человека с более правильной шляпой.

В дверь постучали.

На пороге стоял оригинальный Тарас без значка и с маленьким узлом.

— Я решил войти в ворота сегодня.

Дом снова пересчитал жильцов.

— Два Тараса. Прогресс отменяется.

Наш Тарас посмотрел на оригинала.

— Где будешь жить?

— Пока не решил.

— Тогда оставайся. Здесь решения всё равно принимают без нас.

Оригинал улыбнулся и впервые вошёл в дом, а не в возможность.

С чердака донёсся свист самовара.

Хотя самовар стоял на столе и был холодным.

Глава сто семидесятая

Министерство внутри самовара

Второй свист донёсся изнутри казённого самовара. Крышка приподнялась, и из неё выглянул крошечный чиновник в паровом мундире.

— Кто здесь временно ответственный?

Все указали друг на друга.

— Отлично, — сказал чиновник. — Коллегиальная готовность подтверждена.

Он представился Кипятком Петровичем Недоваренным, заместителем министра неприятных решений.

— Ваш самовар является зданием Министерства. После его повреждения ведомство лишилось носика, двух этажей и выхода к сахару.

Антонина Марковна поставила перед ним блюдо.

— Сначала чай.

— Я живу в чае.

— Тогда вам проще.

Кипяток Петрович развернул микроскопическую карту. Внутри самовара находились кабинеты всех решений, которые люди собирались принять после того, как ещё немного подумают.

Министерство хранило непрочитанные письма, несделанные звонки, несказанные «останься» и миллионы планов начать с понедельника.

— После разрушения Совета хранилище перегрелось, — сказал чиновник. — Если решения закипят, люди примут их одновременно.

— Что случится? — спросил Эраст.

— Все уволятся, признаются в любви, купят коньки и начнут ремонт в один день.

Тарас побледнел.

— Мир этого не переживёт. Особенно ремонт.

Чтобы снизить давление, требовалось вынести хотя бы одно великое непринятое решение.

— Какое самое старое? — спросила Мира.

Кипяток Петрович перевернул карту.

На обратной стороне было написано: «РЕШЕНИЕ ЭРАСТА КУНИЛИНА НЕ СТАНОВИТЬСЯ ДЕПУТАТОМ. СРОК ХРАНЕНИЯ ПРЕВЫШЕН».

Эраст замер.

— Я его принял.

— Нет, — сказал чиновник. — Вы всё время отказывались от должности. Но ни разу не решили, кем станете вместо этого.

Вера посмотрела на мужа.

— Хороший вопрос.

Самовар задрожал. Стрелка давления вошла в красную зону, подписанную «понедельник».

Дом распахнул окна.

— Решай быстрее. У меня ремонт уже был.

Эраст открыл рот, но в этот момент самовар взорвался тишиной.

Из него вылетели миллионы непринятых решений и замерли над миром, ожидая одного примера.

Кипяток Петрович протянул Эрасту чистый бланк.

— Напишите, кем вы хотите быть, если никто не заставляет вас спасать мир.

Тарас заглянул через плечо.

— Только не торопись. У нас из-за быстрых решений уже появился парламент в самоваре.

Часть двадцать вторая

Должность по собственному желанию

Глава сто семьдесят первая

Графа, которая смотрит в ответ

Чистый бланк лежал перед Эрастом и производил впечатление документа, который уже знает правильный ответ, но хочет получить его чужим почерком.

Над домом висели миллионы непринятых решений. Одни шелестели, как письма без адреса, другие стучали каблуками, третьи заранее обижались, что их опять отложат.

Эраст взял перо.

— Напиши: «герой», — предложил Гриша. — Коротко и всем понятно.

— Всем понятно — первый признак неточной формулировки, — сказала Вера.

Эраст написал: «человек».

Бланк втянул слово и выплюнул его на скатерть.

Кипяток Петрович прочитал служебную пометку, появившуюся внизу.

— «Ответ слишком общий. Требуется указать способ причинения пользы».

— Уже честнее, чем большинство должностных инструкций, — заметил Тарас.

Эраст попробовал написать: «муж».

Бланк зашуршал.

— «Должность занята, испытательный срок продолжается», — перевела Вера.

— Кем продолжается?

— Всеми присутствующими.

Антонина Марковна одобрительно кивнула документу и подала ему варенье.

Третьим вариантом стал «спасатель мира на покое».

Слово «на покое» исчезло первым. Остальное бланк обвёл рамкой и попытался поставить печать.

Эраст выдернул лист из-под штампа.

— Нет. Я как раз от этого ухожу.

— От спасения мира или от покоя? — уточнил оригинальный Тарас.

— От обязанности спасать его по первому требованию.

Над крышей возмущённо загудели решения. Каждое считало себя первым.

Дом захлопнул слуховое окно.

— Приём окончен. У нас обед и личная катастрофа.

Но одно решение успело протиснуться в дымоход. Оно оказалось маленьким, мятым и пахло школьной тетрадью.

На нём было написано: «Научиться рисовать после сорока».

Решение село рядом с Эрастом и терпеливо стало ждать примера.

Следом в трубе застряли «позвонить отцу», «перестать бояться воды» и «наконец выбросить кресло».

— Последнее срочное, — сказал Дом. — Я это кресло три поколения терплю.

Эраст посмотрел на лист. Лист посмотрел на Эраста пустой графой.

И тогда Эраст заметил в самом низу строку, напечатанную таким мелким шрифтом, что её можно было прочесть только из чувства опасности:

«Заполнение настоящего бланка означает согласие с назначением».

— Куда?

Кипяток Петрович мгновенно сделался меньше блюда.

— Это служебная подробность.

Глава сто семьдесят вторая

Очередь из понедельников

Пока Кипяток Петрович пытался спрятаться за кусочком сахара, непринятые решения начали спускаться с неба.

Они выстроились от крыльца до горизонта, соблюдая порядок, которого их владельцам всегда не хватало.

Первым стояло решение начать новую жизнь с понедельника. За ним тянулось ещё несколько миллионов таких же.

— Вас объединить? — спросил Единобрачий Семёнович, уже доставший папку.

— Ни в коем случае, — хором ответили понедельники. — У каждого свой следующий.

Вторая очередь состояла из несказанных признаний. Они краснели, вздыхали и пропускали вперёд всех, кто выглядел менее счастливым.

Третьими пришли увольнения. Эти держались бодро, пока не увидели очередь из неоплаченных счетов.

За воротами образовался стихийный рынок решений.

Человек в клетчатом плаще продавал готовые намерения: бросить курить, выучить древний язык и полюбить бег по утрам.

— Гарантия есть? — спросил Тарас.

— До первого дождя.

— А бег?

— До первого утра.

Тарас купил намерение вести строгий учёт расходов. Оно немедленно сбежало, увидев цену самого себя.

Мира обнаружила среди решений совсем юные — те, которые ещё не успели стать страхом.

Она рассадил их на подоконнике и раздала карандаши.

— Пусть хотя бы нарисуют, чего хотят.

Решение научиться рисовать после сорока просияло и нарисовало человека, который не ждёт разрешения.

Тем временем давление в самоваре росло. Стрелка миновала «завтра», «после праздников» и приблизилась к отметке «никогда».

— Почему они не возвращаются к хозяевам? — спросила Вера.

— Потому что увидели свободное место, — признался Кипяток Петрович. — Им нужен тот, кто будет принимать их за всех.

— Такого человека не существует.

— Поэтому ведомство ищет чиновника.

Эраст поднял бланк к свету. Сквозь бумагу проступила печать Министерства окончательных намерений.

— Вы хотите назначить меня министром?

— Не хотим, — вздохнул чиновник. — Хотеть у нас считается конфликтом интересов. Мы планомерно нуждаемся.

Очередь услышала слово «министр» и оживилась.

Решения начали скандировать имя Эраста. Некоторые впервые в жизни проявили настойчивость и были собой неприятно удивлены.

— Даже не думай, — сказала Вера.

— Я и не думаю.

— Вот поэтому они уверены, что ты подходишь.

Дом запер дверь на три оборота и повесил табличку «Решения принимаются по месту их возникновения».

Очередь прочитала табличку и потребовала книгу жалоб.

Дом выдал ей семейный альбом.

— Здесь все жалобы с последствиями. Изучайте медленно.

Глава сто семьдесят третья

Министр окончательных намерений

Кипяток Петрович понял, что сахар его не скрывает, и выбрал мужество человека, которому всё равно некуда бежать из собственного здания.

— Должность министра свободна двести восемнадцать лет, — сообщил он. — Последний руководитель однажды решил всё окончательно.

— И что с ним стало? — спросил Гриша.

— Он обнаружил ошибку.

— Ужасная смерть.

— Для начальника — да.

Министр, по словам Кипятка Петровича, должен был разбирать чужие сомнения, утверждать расставания, согласовывать мечты и ставить печать на тех решениях, за которые никто не хотел отвечать.

— Почему выбрали Эраста? — спросила Вера.

— У него уникальная квалификация. Он сто семьдесят глав избегает должностей и при этом регулярно исполняет их обязанности.

Тарас уважительно присвистнул.

— Карьера построена исключительно из попыток уйти с работы.

— Самая прочная разновидность карьеры, — подтвердил Единобрачий Семёнович.

Бланк расправился и показал оборотную сторону. Там уже значились кабинет, оклад, служебный дракон и право один раз в год переносить понедельник.

— Дракон хороший? — спросил Гриша.

— Служебный. Значит, кормят по смете, а летает по совести.

Эраст сложил бланк вчетверо.

Тот развернулся.

Эраст сложил его в восемь раз.

Бланк стал брошюрой о преимуществах государственной службы.

— Сжечь? — предложил один Тарас.

— Нельзя, — сказал другой. — Вдруг дым назначат исполняющим обязанности?

Из носика самовара донёлся кашель. В дверце, которой минуту назад не было, появился высокий человек в безукоризненном сером мундире.

Он представился Решайлом Ильичом Бесповоротным, временно исполняющим обязанности министра до назначения постоянного виновного.

— Срок временного исполнения? — спросила Вера.

— Сто девяносто шесть лет.

— Не устали?

— Я окончательно решил не уставать.

Решайло Ильич улыбался так уверенно, будто заранее утвердил реакцию собеседников.

— Мир страдает не от плохих решений, — объявил он. — Мир страдает от возможности их изменить.

Он щёлкнул пальцами, и над очередью появились печати «ОКОНЧАТЕЛЬНО».

Несказанные признания полетели к адресатам. Увольнения помчались в учреждения. Миллионы ремонтов раскрыли банки с краской.

Тарас выглянул в окно и побледнел.

— На площади уже ломают фонтан, чтобы сделать на его месте прежний фонтан, но дороже.

Решайло Ильич протянул Эрасту перо.

— Подпишите назначение. Или я утвержу ваш отказ как окончательное согласие.

— Так не бывает.

— Вы давно не читали современные инструкции.

Глава сто семьдесят четвёртая

Предвыборная кампания без кандидата

Эраст отказался подписывать бланк, и Министерство немедленно зарегистрировало его кандидатом.

— На каком основании?

— На основании активного несогласия. Пассивных у нас и без вас достаточно.

Решения за воротами разделились на сторонников и тех, кто хотел сначала посмотреть опросы.

Понедельники образовали партию «Начнём потом». Несказанные признания создали тайное движение и никому о нём не сообщили.

Увольнения выступили за резкие перемены, но попросили сохранить выходное пособие.

Через час на доме появился плакат: «ЭРАСТ РЕШИТ ЗА ВАС, ПОТОМУ ЧТО ВЫ УЖЕ НЕ РЕШИЛИ».

Дом сорвал его водосточной трубой.

— На моей стене без согласования только трещины.

Тарас обнаружил во дворе штаб кандидата. Во главе сидел человек в пиджаке с таким количеством карманов, что в каждом могла потеряться отдельная программа.

— Я политический советник, — представился он. — Фома Обещанович Послезавтрашний.

— Кто вас нанял?

— Будущий результат. Он всегда платит настоящим.

Фома Обещанович предложил Эрасту три лозунга: «Решение есть», «Другого решения нет» и самый популярный — «Вы уже согласились».

— Мне не нужна кампания.

— Прекрасно. Искренность оставим для закрытых встреч.

Советник велел Грише улыбаться молодёжи, Мире изображать будущее, Вере — семейные ценности, а Тарасу — простого человека.

— Почему именно мне?

— У вас лицо, на котором последствия уже проводили агитацию.

Оригинальному Тарасу поручили быть народом.

— Что делать?

— Стоять, сомневаться и в конце поддержать победителя.

— Наконец работа по способностям, — обрадовался он.

Эраст вышел к очереди.

— Я не стану решать за вас.

Толпа заплодировала.

— Он доверяет народу! — перевёл Фома Обещанович.

— Я отказываюсь от должности.

— Он выше личных амбиций!

— Я прошу за меня не голосовать.

— Он не давит на избирателя!

Тарас дёрнул советника за рукав.

— А можно сказать что-нибудь такое, после чего рейтинг упадёт?

Фома Обещанович задумался.

— Пусть подробно объяснит, откуда возьмёт деньги.

Эраст уже открыл рот, но решения начали голосовать до объяснений.

Бумажные руки поднялись над двором. Их было столько, что солнце стало выглядеть неопределившимся.

Кипяток Петрович пересчитал голоса и снял фуражку.

— Вы избраны единогласно. Особенно теми, кто не участвовал.

Глава сто семьдесят пятая

Право передумать

Вера не стала спорить с результатами выборов. Она попросила показать положение о выборах, что в приличной бюрократии считалось формой вооружённого нападения.

Кипяток Петрович принёс свод правил толщиной с небольшую эпоху.

Единобрачий Семёнович открыл оглавление и сразу постарел на две поправки.

— Нужен пункт об отзыве решения, — сказала Вера.

— Он отменён, — ответил Решайло Ильич.

— Кем?

— Окончательным решением об отмене права отменять окончательные решения.

— А его можно было принять без права отмены?

На лице Решайлы Ильича впервые возникло выражение, не согласованное заранее.

Мира нашла примечание на полях. Оно было написано детской рукой и гласило: «Любое решение действительно, только если человек имеет право передумать».

— Юридической силы не имеет, — отрезал Решайло Ильич.

— Почему?

— Нарисовано зелёным карандашом.

Решение научиться рисовать после сорока подняло зелёный карандаш.

— Теперь имеет, — сказала Мира.

Очередь заволновалась. Понедельники впервые увидели возможность стать сегодняшними днями, не превращаясь сразу в приговор.

Один человек решился позвонить отцу, но оставил себе право сначала подобрать слова.

Женщина из очереди несказанных признаний произнесла «останься», а потом добавила: «если мы оба этого хотим».

Даже кресло согласилось быть выброшенным только после последнего вечера у камина.

— Это анархия! — объявил Решайло Ильич. — Люди начнут исправлять ошибки.

— Вот именно, — сказал Эраст.

— Тогда как определить виновного?

— По последствиям, а не по печати.

Мандат Выданович Самостоятельный вошёл через окно. За ним прилетели двадцать семь Тарасов-помощников, каждый с отдельным мнением и общим опозданием.

— Я представляю право документа не исполнять самого себя, если текст противоречит совести, — заявил Мандат.

— У документов нет совести!

— Зато теперь есть плохой опыт.

Решайло Ильич приказал опечатать дом.

Печати бросились к стенам, но Дом чихнул штукатуркой и переставил двери.

— Попробуйте сначала определить мой адрес.

Министерские приставы обежали здание трижды и каждый раз возвращались в другую главу.

Тарас тем временем вытащил из свода правил зелёную закладку.

На ней было всего два слова: «Черновик разрешён».

— А вот это, — сказал он, — похоже на государственную тайну, которая случайно оказалась полезной.

Глава сто семьдесят шестая

Последствия голосуют ногами

Решайло Ильич понял, что спор проигрывает, и сделал то, что обычно делают люди с окончательными убеждениями: запретил обсуждение.

Он поставил печать на самоваре.

Все решения разом затвердели.

Признания превратились в клятвы, планы — в приказы, мечты — в производственные показатели.

Миллионы понедельников наступили одновременно.

Мир содрогнулся от будильников.

Люди начали новую жизнь, не закончив прежнюю. Кто-то вышел на пробежку в свадебном костюме, кто-то уволился во время собственного назначения, а один король отрёкся от престола и тут же потребовал отпуск как бывший руководитель.

На площадь вышли последствия.

До этого они всегда появлялись после решений и потому считались обслуживающим персоналом судьбы.

Теперь последствия несли плакаты: «НАС НЕ СПРОСИЛИ», «РЕШИЛ САМ — ОТВЕЧАЙ САМ» и «ГДЕ ОБЕЩАННЫЙ РЕМОНТ?».

Во главе шествия шла Последствия Петровна — высокая женщина в рабочем фартуке, на котором были пришиты разбитые чашки, забытые ключи и один лишний дракон.

— Кто здесь окончательно решает? — спросила она.

Решайло Ильич указал на Эраста.

Эраст указал на Решайлу Ильича.

Все посмотрели на Тараса.

— Я просто красиво стою рядом с ответственностью, — объяснил он.

Последствия Петровна предъявила счёт: за принудительное счастье, досрочные признания, незапланированные коньки и семь миллионов одновременно начатых ремонтов.

— Оплатить до конца вечности.

— Я не признаю этот документ, — сказал Решайло Ильич.

— Поздно. Вы окончательно решили не признавать. Значит, передумать не можете.

Впервые собственная система посмотрела на него с обратной стороны.

Пока Решайло Ильич изучал счёт, два Тараса отвлекли приставов спором о том, который из них является оригинальной копией.

Третий Тарас снял с самовара печать.

Четвёртый её спрятал.

Пятый забыл, куда.

Наш Тарас обнаружил печать у себя в кармане и обиделся на предсказуемость сюжета.

— Что теперь? — спросил Гриша.

— Нужен документ сильнее приказа.

Эраст поднял чистый бланк.

— Есть только этот.

— Тогда напиши то, что нельзя превратить в должность.

— Например?

Тарас задумался. Это случалось редко и поэтому все замолчали.

— Напиши правду. Бюрократия её обычно не распознаёт.

Глава сто семьдесят седьмая

Частное лицо особого назначения

Эраст положил бланк на стол. Миллионы решений, последствий и понедельников ждали ответа.

Он написал: «Хочу быть частным человеком».

Бланк дрогнул.

Печать назначения подползла к словам, но не нашла должности.

— Уточните полномочия, — потребовал Решайло Ильич.

— Решать за себя. Помогать тем, кто просит. Отказываться, если помощь превращают во власть.

— Срок исполнения?

— Пока жив.

— Подчинённость?

Эраст посмотрел на Веру.

— Добровольная и семейная.

— Последнее запишем отдельно, — сказала она.

Бланк попытался присвоить частному человеку особый ранг, служебную квартиру и помощника.

Эраст зачеркнул всё, кроме права отвечать за собственные поступки.

Тогда документ впервые оказался действительно чистым.

Над миром раздался звук, похожий на вздох человека, который снял тесный мундир.

Решения перестали ждать общего примера.

Каждое вернулось к тому, кому принадлежало, но уже не как приказ, а как вопрос.

Понедельники рассыпались по календарям. Некоторые стали вторниками, потому что людям так было удобнее.

Несказанные признания обрели голоса, а несделанные звонки — право не состояться, если звонить хотелось только из чувства вины.

Ремонты отступили. Мир спасли до следующего сезона.

Министерство внутри самовара начало уменьшаться. Кабинеты складывались в ящики, коридоры — в папки, а отдел согласования желаний поместился в чайную ложку.

— Вы уничтожили систему, — прошептал Решайло Ильич.

— Нет, — ответил Эраст. — Вернул решения владельцам.

— А нами кто будет руководить?

Кипяток Петрович снял паровую фуражку.

— Можно попробовать собой.

Для чиновника это звучало как опасная реформа.

Последствия Петровна разорвала общий счёт и раздала каждому его часть.

Тарасу достались ужин, чужая лошадь, три случайных обещания и печать, которую он всё ещё держал в кармане.

— Почему мне больше всех?

— У вас богатая биография бегущего человека.

Мандат Выданович подошёл к Эрасту.

— Значит, вы окончательно не депутат?

— Не окончательно. Осознанно.

— В чём разница?

— Если обстоятельства изменятся, я снова подумаю. Но решать буду я.

Мандат долго молчал, затем снял с себя депутатскую печать.

— А документ может стать частным лицом?

— Может, если перестанет считать человека приложением.

Мандат свернулся бумажным самолётиком и впервые полетел туда, куда хотел, а не куда его направили.

Он врезался в шкаф, но выглядел счастливым.

— Свобода требует практики, — сказал Эраст.

— И ремонта, — добавил Дом.

Глава сто семьдесят восьмая

Дом идёт в политику

К вечеру над миром снова появилось небо. Оно выглядело усталым, но личным.

Решайло Ильич Бесповоротный передумал быть Решайлом и попросил называть его Ильёй.

— А фамилия? — спросил Единобрачий Семёнович.

— Пока выбираю.

— Поздравляю. Документы будут готовы никогда.

Кипяток Петрович устроился зрителем маленького самовара. Теперь он хранил только те решения, которые люди сознательно оставляли настояться.

На носике появилась табличка: «ПОДУМАТЬ МОЖНО. ПЕРЕКИПАТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО».

Последствия Петровна ушла проверять, кто именно обещал починить фонтан.

Фома Обещанович Послезавтрашний попытался объявить победу Эраста на выборах, но обнаружил, что выборы отменены вместе с должностью.

— А мой гонорар?

— Будущий результат заплатит, — напомнил Тарас.

— Когда?

— Как только станет настоящим.

Советник ушёл впервые задумавшись о честной работе. Это было настолько невероятно, что Гриша перекрестил календарь.

Антонина Марковна накрыла стол. За ним разместились Эраст, Вера, Мира, Гриша, два Тараса, двадцать семь помощников, один частный документ и уменьшившееся Министерство.

Дом пересчитал гостей и отказался называть число.

— Я частное строение. Имею право на личную площадь.

Эраст поднял чашку.

— За решения, которые принадлежат тем, кто отвечает за последствия.

— И за последствия, которые хотя бы иногда приходят после ужина, — добавил Тарас.

Все выпили чай. Несколько минут ничего не происходило.

Тишина оказалась такой непривычной, что Мира проверила, не взорвалась ли она.

— Ну вот, — сказал Эраст. — Кажется, теперь я просто человек.

В дверь постучали.

Дом тяжело вздохнул всеми этажами.

На пороге стоял почтальон и держал толстый конверт.

— Кому? — спросил Эраст.

— Дому Кунилина.

Стены насторожились.

В конверте находилось удостоверение кандидата, предвыборная программа и схема Нулевого округа. В графе «выдвигаемое лицо» значилось: «Дом жилой, многомирный, самоуправляемый».

— Я никуда не выдвигался! — загремели трубы.

Почтальон показал заявление. Его подписали все жильцы, когда утром расписались за получение горячей воды.

Тарас внимательно изучил мелкий шрифт.

— Тут написано: «согласны на коммунальные услуги и представительство интересов округа».

— Это обман!

— Нет, — сказал бывший Решайло, а ныне просто Илья. — Это стандартный договор.

Дом захлопнул двери, открыл окна и объявил, что в политику не пойдёт ни одной стеной.

Снаружи уже собирались избиратели. Им нравилась программа кандидата: крыша над каждым, крепкие стены между жанрами и ни одного обещания, которое нельзя подпереть балкой.

— У вас высокий рейтинг, — сообщил Фома Обещанович, мгновенно вернувшийся к честной работе прежнего содержания.

— Снимите мою кандидатуру!

— Поздно. Народ увидел в вас опору.

Дом застонал фундаментом.

Эраст посмотрел на Веру.

— Мы можем переехать.

— Куда?

Все посмотрели на переносную дверь.

За ней висел плакат: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ. ПРОПИСКА АВТОМАТИЧЕСКАЯ».

Тарас надел шляпу.

— Хорошая новость: ты не стал депутатом.

— А плохая?

— Придётся спасать от депутатства недвижимость.

Дом медленно снялся с фундамента и сделал первый шаг.

Избиратели восторженно решили, что это начало агитационного обхода.

— Я бегу! — крикнул Дом.

— Наконец-то, — сказал Тарас. — В семье появился кто-то ещё с правильной политической программой.

Часть двадцать третья

Предвыборная недвижимость

Глава сто семьдесят девятая

Округ, который бежит следом

Дом Кунилина шёл по дороге, осторожно переставляя фундамент. Каждый шаг сопровождался звоном посуды, возмущением половиц и кратким падением стоимости недвижимости в ближайших мирах.

Эраст, Вера, Мира, Гриша и оба Тараса сидели в гостиной, которая покачивалась, как вагон, построенный архитектором с морской болезнью.

— Медленнее! — попросил Эраст.

— Я двести лет стоял на месте, — прогудел Дом. — Имею право немного пройтись.

— Ты уже прошёл через огород соседей.

— Это была не агитация. Это плохая география.

За окнами бежали избиратели. Впереди несли плакаты «ДОМ — НАША ОПОРА», позади катили урны для голосования, а сбоку семенил Фома Обещанович Послезавтрашний и раздавал листовки с планом маршрута, которого Дом ему не сообщал.

— Откуда они знают, куда мы идём? — спросила Вера.

Тарас выглянул из окна второго этажа.

По обе стороны дороги двигались границы Нулевого округа. Межевые столбы выдёргивали себя из земли и переставлялись вслед за кандидатом.

— Плохая новость, — сказал он. — Мы не покидаем округ. Округ переезжает с нами.

На крыше появился избирательный участок. Комиссия успела поставить стол, портрет действующего будущего и вазу с печеньем.

Председательница комиссии, Пелагея Участковна Явившаяся, постучала урной в дымовод.

— Просьба кандидату не менять адрес до окончания голосования.

— Я снимаю кандидатуру! — крикнул Дом.

— Заявление принято как яркое подтверждение самостоятельности кандидата.

— Я бегу от выборов!

— Динамичная кампания. Отмечаем рост активности.

Дом свернул в лес.

Лес мгновенно получил статус сельского избирательного поселения. Белки потребовали отдельный бюллетень, потому что за предыдущую зиму у них исчезли стратегические запасы.

Дом перешёл реку.

Река зарегистрировалась границей округа, передумала и потекла следом.

— Остановись, — сказала Вера. — Ты тащишь за собой половину мира.

Дом остановился.

Половина мира по инерции вошла в сени и попросила вытереть ноги.

К вечеру в прихожей стояли деревня, мост, три понедельника, две спорные территории и очень вежливый вулкан.

— Я только спросить, — сказал вулкан. — В программе есть отопление?

— Есть, — ответил Фома Обещанович. — Теперь есть.

— У меня своё.

— Тогда запишем вас инвестором.

Дом застонал крышей.

— Почему нельзя просто отказаться?

Пелагея Участковна раскрыла закон о выборах недвижимости.

— Потому что вы единственный кандидат с жильцами. А жильцы считаются доказательством общественной поддержки.

Все посмотрели на Эраста.

— Я здесь живу, — сказал он. — Это ещё не политическая позиция.

— В Нулевом округе, — вздохнул Тарас, — даже прописка считается идеологией.

Глава сто восьмидесятая

Кадастровый дракон

На рассвете округ прислал проверку. Из облаков спустился дракон в пенсне, с чернильными крыльями и медной рулеткой на хвосте.

Он представился Квадратом Аршиновичем Учётным, старшим кадастровым драконом Управления неподвижных чудес.

— Объект самовольно перемещается, — сообщил он, обмеряя крыльцо. — Назначение земли не соответствует поведению здания.

— Я больше не недвижимость, — сказал Дом.

Квадрат Аршинович записал: «Объект отрицает категорию, проявляет признаки личности».

— Штраф? — спросил Эраст.

— Хуже. Переоценка.

Дракон измерил кухню. Рулетка ушла под стол, вышла из подвала, обернулась вокруг луны и вернулась с отметкой «зависит от настроения хозяйки».

— Недопустимо, — сказал он. — Площадь должна быть постоянной.

— У нас гости постоянные, — ответила Антонина Марковна. — Поэтому площадь меняется.

Квадрат Аршинович попытался внести в реестр лестницу. Лестница переставила ступени и вывела его в прошлую среду.

Вернувшись, дракон выглядел моложе на один отчётный период и значительно злее.

— Ваш Дом не соответствует плану.

— План не соответствует Дому, — сказала Мира.

— Планы не обязаны соответствовать действительности. Они утверждены.

Тарас уважительно поклонился.

— Настоящий специалист.

Квадрат Аршинович обнаружил, что часть фундамента всё ещё числится по прежнему адресу, крыша зарегистрирована как атмосферное явление, а чердак принадлежит жанру приключений.

— Кто собственник?

— Я, — сказал Дом.

— Объект не может владеть собой.

Мандат Выданович вылетел из шкафа бумажным самолётиком и предъявил свидетельство частного лица.

— Может. Судебная практика появилась вчера и уже считается древней.

Дракон перечитал документ, поправил пенсне и впервые за службу выдохнул не пламя, а сомнение.

— Если Дом является лицом, его нельзя оценивать только по площади.

— Наконец-то, — сказал Дом.

— Придётся оценить по обещаниям.

— Это хуже, — предупредил Эраст.

Квадрат Аршинович раскрыл предвыборную программу: крыша над каждым, крепкие стены между жанрами и честные несущие конструкции.

— Выполнимо?

— Крыши хватит не на всех, — признался Дом. — Стены иногда сдвигаются. А одна балка врёт с девятнадцатого века.

В гостиной скрипнула старая перекладина.

— Я не врала. Я художественно поддерживала потолок.

Дракон поставил печать: «Кандидат непригоден для обычной политики: признаёт ограничения».

Фома Обещанович побледнел.

— Такая характеристика резко повышает доверие.

За воротами избиратели заплодировали.

Квадрат Аршинович свернул рулетку.

— Проверка окончена. Лично я за вас не голосую.

— Спасибо! — обрадовался Дом.

— Я прописан на вашей крыше с момента обмера. Поэтому мой голос уже учтён как поддержка.

Глава сто восемьдесят первая

Программа из несущих стен

Дом решил написать настоящую программу, которая убедит избирателей выбрать кого-нибудь другого.

Эраст собрал жильцов в столовой. На стол положили чистый лист, возле него — чернила, печать и Тараса, чтобы заранее знать, кто всё испортит.

— Первый пункт, — сказал Дом. — Я ничего не обещаю.

Фома Обещанович записал: «Честная стабильность без завышенных ожиданий».

— Второй пункт: крыша иногда течёт.

— «Вода станет ближе к народу».

— Лестница ведёт не туда.

— «Каждому предоставляется собственный путь».

— Подвал разговаривает во сне.

— «Развитая система общественного диалога».

Дом хлопнул ставнями.

— Можно написать что-нибудь, что нельзя улучшить?

— Можно, — сказал Тарас. — Правду подлиннее. Её никто не дочитает.

Каждая комната предложила свой пункт.

Кухня потребовала доступной еды, спальня — права не участвовать в утренних заседаниях, детская — обязательной возможности нарушать порядок без внесения поправок в устав.

Кабинет выступил за свободу мысли, но только в рабочие часы.

Чердак потребовал открытых границ между мирами.

Подвал потребовал закрытых границ и новый замок.

Коридор предложил компромисс: границы открыты, но все обязаны вытирать ноги.

— У тебя внутри политические фракции, — сказал Эраст.

— У меня внутри семья, — ответил Дом. — Это сложнее и реже распускается.

Вера свела предложения к одному правилу: ни одна комната не должна становиться удобной ценой разрушения остальных.

— Слишком разумно, — сказал Фома Обещанович. — Избиратели могут заподозрить подвох.

Тогда Тарас добавил пункт о бесплатном чае по вторникам.

— Почему по вторникам? — спросила Мира.

— В понедельник все начинают новую жизнь, а к среде уже экономят.

Программа была готова. Дом прочитал её и неожиданно перестал возмущаться.

— Это похоже не на обещания. Это похоже на правила совместной жизни.

— Политика когда-то с этого и начиналась, — сказал Эраст.

— А потом?

— Появились кабинеты с отдельными входами.

В этот момент на площади выросло здание с золотым фасадом, хрустальными окнами и входной лестницей, заканчивавшейся за два метра до земли.

Над фронтоном сияла надпись: «ДВОРЕЦ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ».

Из центральной двери вышел лакей и развернул знамя второго кандидата.

— Его Светлость Дворец Всеславович Народолюбивый вступает в гонку.

Избиратели ахнули.

Дворец сверкнул всеми окнами.

— Я обещаю каждому золотую комнату!

— А войти можно? — спросил кто-то из толпы.

— После победы будет создана комиссия по вопросам допуска.

Глава сто восемьдесят вторая

Дебаты с дворцом

Дебаты назначили на центральной площади, которую заранее разделили на две равные половины: одна досталась Дворцу, вторая — его лестнице.

Дом Кунилина поставили сбоку, рядом с пожарным проездом и табличкой «временно».

Ведущим стал Квадрат Аршинович Учтённый. Он провёл рулеткой линию между кандидатами и предупредил, что переходить её можно только после регистрации перепланировки.

Дворец Всеславович появился в сиянии. На его балконах стояли советники, музыканты и специально нанятый народ в одинаково восторженных шляпах.

— Первый вопрос, — объявил дракон. — Что вы дадите округу?

— Величие! — прогремел Дворец.

Толпа зааплодировала, хотя никто не понял, где величие хранить зимой.

— А вы? — спросил ведущий у Дома.

— Место, где можно закрыть дверь и побыть собой.

Толпа замолчала. Несколько человек впервые представили такую роскошь.

— Второй вопрос. Как вы решите жилищную проблему?

— Построю для каждого золотую комнату! — ответил Дворец.

— Из чего? — спросил Эраст.

— Из будущих доходов настоящего бюджета.

— Где?

— На утверждённой перспективной схеме.

Фома Обещанович прошептал:

— Опасный соперник. Отвечает так, что вопрос чувствует себя виноватым.
Дом признался, что не сможет поселить всех.

— Но пустующие комнаты открою тем, кому некуда идти. А если места не хватит, подвинем стены — только вместе с теми, кто за ними живёт.

Старая балка заскрипела:

— И меня спросите.

— И балку спросим.

Дворец рассмеялся всеми залами.

— Управление невозможно, если советоваться с каждой балкой!

— Поэтому у вас лестница не достаёт до земли, — сказала Вера.

Следующим был вопрос о прозрачности.

Дворец распахнул хрустальные окна. За ними оказались кирпичные стены.

— Это временные меры открытости, — объяснил лакей.

Дом открыл окна. Из одного выглянула Антонина Марковна и предложила всем пироги.

Рейтинг Дома вырос на двадцать пунктов и одну очередь за добавкой.

Тогда Дворец применил последнее средство.

— Мой соперник самовольно ходит, разговаривает трубами и содержит внутри двадцать семь незарегистрированных Тарасов!

— Они зарегистрированы коллективно, — возразил Мандат Выданович.

— Где?

— Пока решаем.

Толпа зашумела.

Дом опустил ставни.

— Да, во мне тесно, странно и иногда невозможно найти выход. Но каждый, кто вошёл, считается жильцом, а не частью интерьера.

Дворец хотел ответить, но его парадная дверь внезапно открылась.

Изнутри вышла маленькая девочка в форме уборщицы.

— Можно я проголосую за Дом? — спросила она. — Во Дворце я живу тридцать лет, но меня всё ещё считают служебным помещением.

Глава сто восемьдесят третья

Квартирный вопрос мирового масштаба

После дебатов к Дому Кунилина пришли те, кому действительно негде было жить.

Сначала появилась деревня, которую стёрли с карты ради удобного масштаба. Потом — остров, затонувший по бухгалтерской причине. За ним пришёл целый мир, признанный аварийным после нашествия пророков.

— Всех не вместить, — сказал Дом.

— Но ты обещал крышу, — напомнил Гриша.

— Я обещал честно обсудить крышу. Это менее звучно, зато у неё есть стропила.

Вера организовала очередь, Мира стала записывать имена, а оба Тараса начали показывать свободные помещения.

Один привёл беженцев в кладовую.

— Здесь тесно, но есть банка огурцов и стратегический смысл.

Другой открыл дверь в комнату, которой вчера не существовало.

— Эта просторнее.

— Куда выходят окна?

— Пока внутрь. Но вид спокойный.

Дом расширялся с каждым новым жильцом. Коридоры ветвились, лестницы учились приходить вовремя, а чердак протянулся до мира, которому требовалось новое небо.

Квадрат Аршинович пытался считать площадь и за один час израсходовал три рулетки, две системы мер и веру в кадастр.

— Вы нарушаете закон сохранения квадратных метров!

— Я сохраняю людей, — ответил Дом.

— Это другой раздел отчётности.

Дворец Всеславович наблюдал с площади. Его золотые комнаты оставались пустыми, потому что комиссия по допуску никак не могла решить, кому поручить создание комиссии.

Лакей предложил временно поселить нуждающихся на парадной лестнице.

Лестница не доставала до земли, поэтому предложение считалось перспективным.

К ночи Дом стал размером с небольшой город. В кухне разместился рынок, в гостиной — школа, в ванной — порт, что Антонина Марковна разрешила только при условии не брызгать на полотенца.

— Ты превращаешься в округ, — сказал Эраст.

— Округ всё равно шёл за мной. Я решил хотя бы пустить его внутрь.

Фома Обещанович сиял.

— Идеальный образ: кандидат объединяет людей под одной крышей.

— Не образ, — сказал Дом. — Людям холодно.

— Ещё лучше. Подлинность хорошо работает перед голосованием.

В самой дальней комнате нашли дверь без ручки. Из-за неё доносились голоса тысяч миров.

Мира приложила ухо.

— Они тоже просят войти.

Дом попытался открыть дверь, но стены застонали.

— Если впущу всех, меня не хватит.

Эраст положил ладонь на стену.

— Дом — не только стены. Это договор тех, кто готов потесниться, не выталкивая слабого.

— Красиво, — сказал Тарас. — Теперь осталось объяснить это несущим конструкциям.

Старая балка выпрямилась.

— Я выдержу.

Остальные балки поддержали её скрипом.

Дверь открылась.

Но вместо беженцев за ней стояли судебные приставы Дворца.

— На основании превышения допустимой человечности объект подлежит разделу.

Глава сто восемьдесят четвёртая

Выселение кандидата из самого себя

Приставы предъявили решение Высшего суда архитектурных форм: Дом Кунилина признать чрезмерно населённым, политически вместительным и опасным для устойчивости Дворца.

— Какая связь между моей устойчивостью и его Дворцом? — спросил Дом.

— Чем больше людей живёт у вас, тем пустее выглядит он.

— Это не юридический довод.

— Он напечатан на гербовой бумаге.

Приставы начали описывать комнаты. Кухню признали агитационной столовой, гостиную — незаконным собранием, детскую — источником несанкционированного будущего.

Чердак попытались закрыть, но он ушёл в другое измерение и прислал записку, что находится в отпуске.

— Объект будет разделён на отдельные помещения, — объявил старший пристав. — Каждая комната получит самостоятельного собственника и перестанет вмешиваться в дела других.

— Тогда я перестану быть Домом, — сказал Дом.

— Это упростит учёт.

Стены задрожали. Между комнатами появились толстые линии реестра.

Кухня перестала слышать детскую, спальня потеряла дверь в коридор, лестница получила отдельный кадастровый номер и отказалась обслуживать чужие этажи.

Жильцы оказались заперты каждый в своём помещении.

Эраст и Вера остались по разные стороны стены, которой раньше не было.

— Слышишь меня? — спросил он.

— Слышу. Но юридически мы теперь в разных объектах.

— Это можно исправить.

— Сначала найди Тараса.

— Которого?

— Вот поэтому и найди.

Наш Тарас оказался собственником коридора. Он немедленно установил плату за проход, но обещал друзьям скидку после предъявления документа, которого у них не было.

Оригинальный Тарас получил кладовую и впервые в жизни точно знал, где находится.

— Мне нравится, — признался он. — Здесь только один выход.

— Он ведёт в стену, — сказал Гриша.

— Зато решение принято за меня.

Дом слабел. Разделённые комнаты всё ещё имели стены, но уже не имели общего голоса.

Дворец Всеславович въехал на площадь и объявил себя единственным цельным кандидатом.

— Посмотрите на соперника! Он распался при первой проверке.

Тогда Мандат Выданович пролез под дверью, сложенный вчетверо.

— Целостность не означает отсутствие частей. Она означает, что части признают друг друга.

Он передал Эрасту зелёную закладку из свода решений: «Черновик разрешён».

Эраст написал на ней новое правило: «Комната является отдельной, но дверь принадлежит обоим помещениям».

Двери задрожали.

— Незаконно! — крикнул пристав.

— Тогда попробуйте войти и сообщить лично.

Все двери распахнулись одновременно.

Комнаты снова увидели друг друга. Жильцы вышли в коридор, а Тарас отменил плату за проход, потому что не успевал выдавать квитанции.

Дом собрал голос по этажам.

— Я не состою из стен, которые отделяют. Я состою из дверей, которые можно открыть.

Судебное решение треснуло по линии раздела.

Из трещины выпал маленький план Дворца.

На нём не было ни одной внутренней двери.

Глава сто восемьдесят пятая

Выборы приходят домой

День голосования наступил в полночь, потому что календарная комиссия не смогла договориться, с какого мира считать утро.

Пелагея Участковна поставила урну в гостиной. Урна огляделась, выбрала удобный угол и попросила прописку.

— Голосование тайное, — объявила председательница. — Поэтому результаты известны только комиссии, кандидатам и всем, кто умеет читать завтрашнюю газету.

Бюллетень содержал два имени: Дом Кунилина и Дворец Общественного Благополучия. Третья строка «против всех» была зачёркнута и подписана «слишком популярно».

Дом отказался голосовать за себя.

— Вы не избиратель, — сказала Пелагея Участковна. — Вы территория участка.

— А Дворец?

— Он зарегистрирован кандидатом, избирателем и местом торжественного подсчёта. Это экономит бюджет.

Жильцы пошли голосовать. Каждая комната пыталась повлиять на решение по-своему: кухня пахла пирогами, кабинет шептал разумные доводы, спальня предлагала вообще никуда не ходить.

Оригинальный Тарас долго стоял у бюллетеня.

— Опять два варианта.

— Можешь испортить лист, — подсказал наш Тарас.

— Это будет выбор?

— Если испортишь осознанно.

Оригинал поставил галочку напротив Дома, зачёркнул её, восстановил, подписал «решение принято сегодня» и впервые выглядел довольным.

К вечеру урна переполнилась голосами миров, деревень, рек, балок и людей, которым Дом открыл двери.

Дворец прислал хрустальный ящик с бюллетенями своих жильцов.

— Сколько у вас жильцов? — спросила Вера.

— Согласно отчёту — сто тысяч благодарных граждан.

Девочка-уборщица заглянула внутрь.

— Там один лакей и девяносто девять тысяч служебных помещений.

— Помещения тоже имеют мнение, — заявил Дворец.

— Какое?

— Утверждённое.

Начался подсчёт. Голоса Дома оказались разными: одни были написаны углём, другие мелом, третий пришёл в виде благодарного скрипа.

Комиссия признала их недействительными из-за отсутствия единого образца благодарности.

У Дворца все бюллетени были идеальными, одинаковыми и заполненными одним почерком.

— Побеждает Дворец Всеславович! — объявил лакей.

Пелагея Участковна подняла последний конверт.

Он был адресован не комиссии, а самому Нулевому округу.

Внутри лежал голос фундамента Дома.

«Я поддерживаю не кандидата, а тех, кто на нём стоит».

— Такого варианта нет, — сказал Квадрат Аршинович.

— Зато есть избиратели, — ответил Эраст.

Все отвергнутые голоса поднялись из урны. Они не сложились за Дом и не перешли к Дворцу. Они образовали третье решение: сделать местом власти то пространство, где жители уже умеют договариваться.

Урна треснула.

Бюллетени разлетелись по комнатам и легли на стены, как новые обои.

Дом охнул.

— Что они делают?

Мандат Выданович прочитал первую строку.

— Похоже, округ избрал вас не депутатом.

— Слава фундаменту.

— Вас избрали зданием парламента.

Глава сто восемьдесят шестая

Парламент с семейным входом

Утром Дом Кунилина проснулся законодательным органом.

На крыше появился купол, в гостиной — трибуна, а коридор обзавёлся красной дорожкой и сразу потребовал, чтобы по нему перестали ходить в домашних тапочках.

— Я не соглашался! — загремел Дом.

Пелагея Участковна показала итоговый протокол.

— Вы и не депутат. Вы место, где депутаты обязаны работать.

— Это утешает только снаружи.

Первое заседание началось на кухне, потому что зал заседаний ещё решал, кем ему быть после перепланировки.

За столом разместились представители деревень, рек, миров, несказанных признаний и один вулкан, которому отвели огнеупорное блюдо.

Дворец Всеславович потребовал почётное место.

— Вы проиграли, — напомнила Вера.

— Здания не проигрывают. Они переходят в культурное наследие.

Его поставили на площади как памятник обещаниям. Вход по-прежнему оставался закрытым, зато экскурсоводы подробно рассказывали, как прекрасно было бы внутри.

Дом открыл заседание скрипом половиц.

— Первое правило: каждый, кто принимает решение, остаётся здесь до прихода последствий.

Депутаты зашумели.

Последствия Петровна вошла без приглашения и села у выхода.

— Поддерживаю.

— Второе правило: дверь принадлежит обеим сторонам.

Коридоры одобрительно распахнулись.

— Третье: обещание нельзя считать выполненным только потому, что под ним поставили красивое кресло.

Старое кресло, которое так и не выбросили, потребовало слова для возражения.

За три часа приняли всего один закон — о праве каждого мира иметь место, где его не считают приложением к чужой программе.

— Мало, — сказал Фома Обещанович.

— Зато стены выдержали, — ответил Дом.

Квадрат Аршинович измерил закон. Тот оказался коротким, но площадь действия постоянно расширялась.

— Не поддаётся кадастровому учёту, — признал дракон.

— Значит, живой, — сказала Мира.

Эраст сидел на прежнем месте у окна и пил чай.

Мандат Выданович подлетел к нему.

— Поздравляю. Вы не стали депутатом.

— Я это уже слышал.

— Теперь вы проживаете в парламенте.

— Это считается?

— Закон не запрещает частному человеку жить внутри политики, если он не позволяет политике жить вместо него.

Тарас поставил рядом чашку.

— Всё сложилось удачно. Ты не получил должность, Дом получил купол, а я сохранил коридор без платы за проход.

— Ты же отменил плату.

— Поэтому и сохранил коридор. Никто не стал проверять отчётность.

Дом осторожно вернулся на прежний фундамент. Нулевой округ расположился вокруг него и впервые не потребовал расширить границы.

Казалось, приключение закончилось.

Вечером почтальон принёс новое письмо.

На конверте значилось: «Эрасту Кунилину. Лично. От Комиссии по несовместимости семейной жизни и проживания в государственном учреждении».

Вера прочитала письмо первой.

— Нас требуют выселить из парламента.

— Прекрасно, — сказал Эраст. — Мы как раз собирались остаться дома.

— Есть условие. Жильцы могут сохранить комнаты, если будут признаны обслуживающим персоналом.

Тарас заглянул через плечо.

— А если отказаться?

— Тогда Дом обязан уйти с государственной службы вместе со всеми помещениями.

Дом приподнялся на фундаменте.

— Я согласен.

Снаружи загремели трубы парламентской охраны.

— Государственное здание не имеет права увольняться!

— Посмотрим, — ответил Дом и запер парадный вход.

Купол медленно превратился в дорожную шляпу.

Тарас уважительно снял свою.

— Эраст, у тебя удивительный талант не становиться депутатом так, что вслед за тобой увольняется весь парламент.

Из подвала донёсся стук.

Там кто-то устанавливал запасной государственный вход.

Дом вздохнул.

— Только не говорите, что это новая глава.

— Нет, — сказал Эраст. — Это последствия. Они теперь приходят вовремя.

Часть двадцать четвертая

Резервная власть

Глава сто восемьдесят седьмая

Вход особого назначения

Стук в подвале продолжался до утра и обладал всеми признаками государственной работы: был громким, дорогим и не совпадал с чертежом.

Дом Кунилина терпел первые десять минут. На одиннадцатой минуте он слегка приподнял левый угол фундамента.

Из щели показалась каска с гербом, затем рулетка, затем человек, который держал рулетку так, будто измерял чужое терпение.

— Прораб полномочного строительства Проходцев Аркадий Чернович, — представился он. — Возвожу запасной вход в государство.

— Государство снаружи, — сказал Эраст.

— Это пока. По проекту оно будет внутри.

Аркадий Чернович развернул план. На плане подвал занимал всю страну, Дом был обозначен маленьким препятствием, а жильцы — условными человечками, которых следовало перенести за рамку.

— Кто утвердил? — спросила Вера.

— Резервный утверждающий. Основной пока не назначен, чтобы не дублировать ответственность.

Тарас заглянул в яму. Внизу уходила лестница, которой вчера не существовало. На каждой ступени было написано: «Только для служебной необходимости».

— А если необходимости нет?

— Спуститесь и получите.

Из глубины донесся шелест бумаг. Он приближался строем.

Первой вышла женщина в сером мундире с двумя портфелями и ни одним выражением лица.

— Временно исполняющая обязанности отсутствующей власти Запасия Романовна Подстрахуйко, — объявила она. — Прибыла руководить на случай чрезвычайной нормальности.

— У нас как раз ненормально, — заметил Тарас.

— Поэтому мы опоздали вовремя.

За Запасией Романовной поднялись резервные министры, запасные советники, дублеры помощников и один человек, который был вторым заместителем самого себя.

Каждый нес складной стол. Через минуту подвал заполнился кабинетами.

— Освободите помещение, — потребовал Дом. — Здесь хранятся соленья, зимние сапоги и семейные ошибки.

— Ошибки подлежат государственному учету, — ответила Запасия Романовна. — Особенно семейные. Они устойчивее бюджета.

Мандат Выданович попытался преградить дорогу, но резервный делопроизводитель предъявил ему копию его самого.

Копия была свежее, белее и уже имела нужную подпись.

— По нашим данным, настоящий документ — этот, — сказала Запасия Романовна. — А вы временно считаетесь черновиком.

Мандат побледнел до цвета архивной пыли.

Эраст прочитал разрешение на строительство. Оно позволяло сделать вход «куда требуется в интересах того, кому требуется».

— Здесь не указан адрес.

— Запасной адрес нельзя раскрывать. Иначе он станет основным.

Дом запер подвал изнутри.

Дверь тут же получила статус государственной границы.

Снаружи появилась будка, внутри — пограничник, а между ними возникла очередь из тех, кто прежде уже находился по обе стороны.

— Отлично, — сказала Запасия Романовна. — Государство начало формироваться.

— Нет, — ответил Эраст. — Это у нас дверь заела.

Но было поздно: резервная власть издала первый указ о торжественном открытии еще не построенного входа.

На церемонию прибыла лента длиной в три улицы.

Ножницы не приехали: их полномочия временно исполнял топор.

Глава сто восемьдесят восьмая

Правительство на всякий случай

К полудню резервная власть заняла подвал, половину лестницы и понятие «на всякий случай».

Запасия Романовна созвала чрезвычайное заседание заготовленного кабинета министров.

Заседание проходило в кладовой между бочкой огурцов и сундуком Антонины Марковны.

— Прошу соблюдать государственную тайну, — сказала Запасия Романовна. — Особенно от огурцов.

Огурцы хранили молчание с прошлого лета и считались надежнее большинства министров.

Эраста пригласили как лицо, случайно проживающее над стратегическим объектом.

— Наша задача, — начала Запасия Романовна, — обеспечить непрерывность власти, если основная власть станет недоступна.

— Кому? — спросил Эраст.

— Нам.

— А людям?

В протоколе возникла пауза. Секретарь обвел ее рамкой и присвоил входящий номер.

Резервный министр благополучия Достатий Панкратьевич Подушкин предложил первым делом создать запас населения.

— Настоящее население непредсказуемо: просит, спорит и иногда помнит обещания. Резервное будет храниться в списках и поддерживать решения единогласно.

— Где вы возьмете запасных людей? — спросила Мира.

— У нас есть анкеты.

Он открыл шкаф. Из него посыпались аккуратно заполненные граждане: каждый состоял из фамилии, возраста, среднего дохода и положительного отношения к принимаемым мерам.

Один бумажный гражданин попытался спросить, какие именно меры поддерживает, но в анкете не оказалось подходящего поля.

— Опасный элемент, — решил Достатий Панкратьевич и отправил его в статистическую погрешность.

Тарас поймал гражданина до падения.

— Как зовут?

— Номер строки сорок семь.

— Плохо. Человеку с таким именем даже кредит не дадут без уважения.

Он написал на полях: «Семен Сомневающийся». Бумажный человечек расправил плечи и впервые не согласился с итогом опроса.

За ним заговорили остальные анкеты.

Выяснилось, что средний гражданин одновременно родился в трех местах, имеет полтора ребенка и питается на сумму, которой не хватает на соль.

— Это статистически допустимо, — возразил министр.

— А жить допустимо? — спросила Вера.

Министр полез в приложение к методике.

Дом тем временем ощутил, что подвал становится глубже. Под кабинетами строились запасные кабинеты, под ними — резервные подвалы, а еще ниже уже сдавали отчет о завершении котлована.

— Они меня выворачивают наизнанку, — пожаловался Дом. — Скоро крыша окажется под фундаментом.

Квадрат Аршинович спустился с рулеткой и вернулся через час постаревшим на несколько кадастровых эпох.

— Подвал больше Дома. Геометрически это невозможно.

— Значит, объект имеет федеральное значение, — обрадовался Проходцев.

Эраст заметил на плане тонкую линию. Она шла от запасного входа ко всем закрытым дверям Нулевого округа.

— Это не вход, — сказал он. — Это корень.

Запасия Романовна закрыла план портфелем.

— Не преувеличивайте. Корни питают государство.

Из пола вырос первый служебный корешок и обвинил ножку семейного стола.

Стол немедленно запросил должностную инструкцию.

Глава сто восемьдесят девятая

Подземная вертикаль

К вечеру корешки соединились в вертикаль.

Она росла вниз, но требовала, чтобы все называли это подъемом.

Каждый новый этаж резервного государства располагался ниже предыдущего и считался более высоким уровнем управления.

На первом уровне согласовывали спуск. На втором подтверждали, что спуск состоялся. На третьем расследовали, почему никто не поднялся.

Тарас добровольно вызвался разведать нижние этажи.

— Почему ты? — спросил Эраст.

— У меня талант оказываться ниже положения и выходить без характеристик.

С ним пошли Гриша, Мандат Выданович и Семен Сомневающийся, которого сложили вчетверо для удобства путешествия.

Лифт имел одну кнопку: «Вверх». После нажатия кабина поехала вниз.

— Государственная логика, — объяснил Мандат. — Направление определяется не движением, а докладом.

На минус пятом этаже располагалось Министерство будущих заслуг. Там награждали тех, кто мог бы совершить подвиг, если бы обстоятельства не потребовали встать.

Тарасу предложили орден за потенциальное благообразие.

— Откажусь потенциально, — сказал он и забрал футляр фактически.

На минус девятом работал Отдел сохранения нерешенных проблем. Проблемы сидели в банках с этикетками «временно», «после уточнения» и «не раскачивать».

Одна банка оказалась пустой.

— Здесь хранится жилищный вопрос, — шепнул смотритель. — Он настолько большой, что мы храним только отсутствие ответа.

На минус двенадцатом обнаружился зал резервных выборов.

Кандидаты там заранее поздравляли друг друга с заранее неожиданными результатами.

В центре стоял трон, накрытый чехлом.

— Для кого? — спросил Гриша.

— Для лица, которое возглавит государство, если все остальные лица окажутся заняты ответственностью.

Под чехлом никого не было, но пустота уже подписывала указы.

Семен Сомневающийся развернулся и прочитал первый: «В случае сомнения считать решение принятым в пользу принявшего».

— Вот зачем им запасной вход, — понял Мандат. — Им нужен путь, по которому власть сможет попасть в любой дом без согласия жильцов.

Из стены вышел корень с дверной ручкой на конце.

Он попробовал открыть Гришу.

— Я не помещение! — возмутился мальчик.

— Пока не поставлен на учет, — ответил корень голосом Проходцева.

Тарас ударил по кнопке лифта. Кабина запросила письменное основание для бегства.

— Пожар, — сказал Тарас.

— Приложите огонь.

Гриша достал карманного дракончика, который давно просился на серьезную роль.

Дракончик чихнул. Сигнализация решила, что настал конец государства, и открыла все аварийные выходы.

В коридоры хлынули законсервированные проблемы.

Жилищный вопрос вырвался первым, хотя банка у него была пустая.

Вертикаль качнулась.

Сверху посыпались отчеты о ее небывалой устойчивости.

Тарас схватил указ пустого трона.

На обороте мелким шрифтом значилось имя заказчика: «Первое лицо неустановленного государства».

— Как его найти? — спросил Гриша.

Пустой трон повернулся к ним.

— Оно уже ищет вас.

Глава сто девяностая

Человек без первого лица

Когда разведчики вернулись, в гостиной шла перепись лиц.

Резервные чиновники проверяли, какое лицо у каждого жильца — частное, должностное или недостаточно торжественное.

Эраст был признан частным лицом с признаками общественного выражения.

Вера получила предписание не смотреть на комиссию как на временное недоразумение, хотя именно так и смотрела.

Тараса проверяющий изучал дольше всех.

— У вас лицо не соответствует фотографии.

— Я на фотографии был моложе и виноватее.

— А сейчас?

— Только моложе.

Запасия Романовна увидела похищенный указ и впервые проявила эмоцию. Это была служебная тревога, утвержденная заранее.

— Документ секретный.

— Он сам к нам повернулся, — сказал Гриша.

— Пустые троны всегда любопытны, — пояснила она. — Поэтому их накрывают.

Эраст положил указ на стол.

— Кто такое Первое лицо неустановленного государства?

— Резервный субъект власти. Он возникает, когда никто не хочет отвечать, но все хотят распоряжаться.

— То есть это никто?

— Напротив. Это все, кроме виноватого.

В этот момент зеркала в Доме потемнели. В каждом отражении исчезло лицо того, кто смотрел.

Люди видели костюмы, прически, ордена и выражения, но на месте лица оставалось аккуратное государственное место.

Из зеркала заговорил спокойный голос:

— Я — тот, кому передают полномочия без передачи имени.

— Покажитесь, — потребовал Эраст.

— Первое лицо не обязано показывать вторым.

Голос сообщил, что Дом переходит под управление резервного государства до устранения угрозы семейного самоуправства.

— Какая еще угроза? — спросила Антонина Марковна.

— Вы кормите людей без утвержденного перечня благодарности.

Антонина Марковна подняла половник. Несколько резервных министров добровольно отступили в международные воды.

Дом попытался закрыть зеркала ставнями, но на ставнях появились маленькие зеркала с гербом.

Первое лицо размножалось в любой поверхности, где человек привык проверять, как выглядит со стороны.

— Оно питается отражением власти, — догадалась Мира. — Чем важнее человек хочет казаться, тем отчетливее оно становится.

Тарас немедленно принял незначительный вид. Получилось настолько убедительно, что его попытались вынести вместе с пустой тарой.

Эраст смотрел в зеркало, где вместо него сидело официальное отсутствие.

— Чего вы хотите?

— Занять место, которое вы освободили, отказавшись стать депутатом.

— Я ничего не освобождал. Это было мое место у окна.

— Любое свободное место считается вакансией.

Кресло у окна расправило подлокотники и стало государственным постом.

Эраст отодвинул его.

Под креслом обнаружилась маленькая корона, сложенная как дорожный стаканчик.

Запасия Романовна прошептала:

— Не трогайте. Это запасная форма правления.

Глава сто девяносто первая

Корона складного хранения

Корона раскрылась сама.

Сначала она стала княжеской, затем царской, потом президентской и наконец приняла универсальную форму головного убора для лица, которое не любит уточнять полномочия.

— Кому она принадлежит? — спросил Эраст.

— Тому, кто наденет, — ответила Запасия Романовна. — А кто наденет, тот всегда докажет, что принадлежала ему.

Все сделали шаг назад.

Тарас сделал два, но второй шаг оказался к короне.

Она прыгнула ему на голову.

Дом замер. Резервные министры преклонили одно колено, оставив второе на случай смены власти.

— Поздравляем временного постоянного верховного жильца! — объявил Проходцев.

— Снимите, — сказал Тарас.

— Верховному жильцу запрещено исполнять приказы частных лиц.

— Тогда я приказываю себе снять.

— Ваши личные приказы не прошли государственную регистрацию.

Корона начала исполнять желания Тараса до того, как он успевал их отрицать.

В гостиной появился праздничный стол, на площади — памятник Тарасу в момент его будущей скромности, а все долги были переименованы в почетные обязательства подданных.

— Удобная вещь, — признал Тарас. — Опасно удобная.

Первое лицо заговорило из блестящего обода:

— Правьте. Вам не придется быть виноватым. Для этого существует правительство.

Запасия Романовна выпрямилась. Стало ясно, что вся резервная власть строилась не для пустого трона, а для человека, которого можно посадить на него прежде, чем он сообразит встать.

— Почему Тарас? — спросила Вера.

— Он умеет избегать ответственности, не теряя обаяния, — ответила корона. — Это редкая государственная квалификация.

Тарас обиделся, но памятник на площади уже изобразил его обиду как заботу о народе. Он приказал памятник убрать.

Появились еще два — в честь борьбы с излишествами.

— Не приказывай, — сказал Эраст. — Любое твое слово корона превращает во власть.

— Тогда буду молчать.

По стране объявили минуту всенародного согласия с мудрым молчанием правителя.

Семен Сомневающийся поднял бумажную руку.

— А если корона принадлежит тому, кто ее надел, можно ли доказать, что она надела Тараса?

Мандат Выданович зашелестел от восторга.

— Тогда субъектом власти является корона, а Тарас — место ее временного хранения.

— Не нравится мне быть местом, — сказал Тарас.

— Зато выселить можно, — заметил Дом.

Он распахнул слуховое окно и наклонил пол.

Тарас покатился к выходу вместе с тронem, министрами и частью торжественного протокола.

Корона вцепилась в его волосы.

— Государство нельзя выбрасывать из окна! — закричала Запасия Романовна.

— Это не государство, — сказал Эраст. — Это головной убор, который слишком много о себе думает.

Антонина Марковна накрыла корону кастрюлей.

Первое лицо продолжило говорить из кастрюли, но теперь каждое распоряжение пахло супом.

Авторитет заметно снизился.

Глава сто девяносто вторая

Народ, предусмотренный инструкцией

Лишившись короны, резервное правительство решило срочно найти народ.

Настоящий народ стоял вокруг Дома, спорил, смеялся и не помещался в утвержденную форму.

Поэтому Достатий Панкратьевич вывел на площадь запасных граждан из анкет.

Их построили по среднему росту, среднему мнению и средней степени терпения.

— Перед вами народ, предусмотренный инструкцией, — объявил министр. — Он полностью поддерживает все, что ему предстоит узнать.

Семен Сомневающийся вышел из строя.

— А если мы не поддерживаем?

— Значит, вы не прошли проверку на народность.

— Кто проверяет?

— Представители народа.

— Какие?

— Проверенные.

Семен задумался и от этого стал плотнее. На бумажном лице проступили морщины, которых анкета не предусматривала.

Другие граждане тоже начали вспоминать то, чего с ними никогда не записывали: детство, страх, любимую песню, соседку, долг за сапоги и глупую надежду на справедливость.

Средние показатели поползли в разные стороны.

Один гражданин оказался левшой. Второй не любил торжественные речи. Третья женщина хотела не повышения благополучия, а чтобы перестала течь крыша.

Министр пытался вернуть их в таблицу, но строки больше не совпадали с людьми.

— Разброс недопустим!

— Это жизнь, — сказала Мира. — У нее плохая дисциплина данных.

Первое лицо приказало провести референдум: нужен ли людям запасной правитель на случай их собственного несогласия.

В бюллетене было два ответа: «Да» и «Да, но с благодарностью».

Эраст попросил добавить третий.

— Какой? — насторожилась Запасия Романовна.

— «Вопрос составлен неправильно».

— Такой ответ разрушит волеизъявление.

— Если воля разрушается от уточнения, это была не воля.

Мандат Выданович нашел старую зеленую закладку «Черновик разрешен» и прикрепил ее к урне.

Люди начали исправлять бюллетени. Кто-то дописал «Сначала покажите расходы», кто-то — «Верните дверь», а Антонина Марковна потребовала прекратить топтаться в огороде.

Корона под кастрюлей звенела от ярости.

— Они не отвечают на поставленный вопрос!

— Зато ставят свои, — сказал Эраст.

Исправленные вопросы соединились над площадью в огромный знак.

Знак вопроса зацепился крючком за подземную вертикаль.

Вертикаль дрогнула. Ее нельзя было опровергнуть, но можно было спросить, зачем она вообще нужна.

Первый этаж ответил ссылкой на второй. Второй сослался на третий. Третий сообщил, что документ находится на первом.

Вопрос дернул сильнее.

Из фундамента вылетел главный корень запасного входа.

На конце корня висела маленькая табличка: «Выход».

Глава сто девяносто третья

Государственный выход

Табличка «Выход» оказалась обращена внутрь страны.

— Вот и разгадка, — сказал Эраст. — Они строили не путь для власти к людям, а путь власти от последствий.

Последствия Петровна, все это время сидевшая у двери, встала и размяла плечи.

— Наконец-то объект по моему профилю.

Она вошла в подземную вертикаль без пропуска. Турникеты узнали хозяйку и легли горизонтально.

Резервные министры бросились к государственному выходу.

Дверь пропускала только тех, кто не принимал решений.

Каждый чиновник предъявлял справку о собственной непричастности. Справки сталкивались в проеме и взаимно подтверждали, что решения принимались кем-то еще.

— Прекрасно, — сказала Последствия Петровна. — Значит, отвечать будет этот кто-то.

Первое лицо заговорило сразу из всех зеркал:

— Я не являюсь физическим лицом и не подлежу ответственности.

— Зато являешься первым, — ответила она. — Очередь начинается с тебя.

Зеркала треснули. Из каждого вышел небольшой безликий чиновник и указал на соседний осколок.

Дом распахнул окна, чтобы отражениям стало неудобно. Вместо лиц в зеркалах появились лица, люди и небо.

Первое лицо потеряло единство.

— У государства должно быть лицо! — крикнула Запасия Романовна.

— Пусть будут лица, — сказал Эраст. — И у каждого имя.

Семен Сомневающийся начал раздавать отражениям имена. Одного назвали Подписавшим, другого — Предложившим, третьего — Промолчавшим, хотя мог возразить.

С каждым именем часть Первого лица становилась обычным человеком.

Обычные люди немедленно вспоминали, что у них болят ноги, ждут дети и осталась недоделанная работа.

Вертикаль перестала быть отвлеченной и превратилась в лестницу.

По лестнице уже нельзя было только руководить сверху вниз — по ней приходилось ходить.

Аркадий Чернович Проходцев посмотрел на собственный проект.

— Если это выход, я строил не тот объект.

— Вы строили именно тот, — сказала Вера. — Просто думали, что пользоваться будут другие.

Прораб снял каску. Под ней обнаружился усталый человек, которому хотелось однажды построить дверь, ведущую туда, куда написано.

— Можно переделать?

— Черновик разрешен, — сказал Мандат.

Проходцев перевернул табличку. На другой стороне было написано: «Вход только с согласия жильцов».

Корни начали втягиваться обратно.

Запасные кабинеты складывались, но теперь каждый министр должен был унести свой стол самостоятельно.

Это оказалось самой болезненной реформой.

Достатий Панкратьевич попытался оставить стол народу, однако народ отказался принимать имущество без описи.

Запасия Романовна стояла у двери последней.

— Если мы уйдем, кто подстрахует государство?

— Люди, которые в нем живут, — ответил Эраст.

— Они ошибаются.

— Поэтому у них есть друг друга, а не запасной правитель.

Она посмотрела на свой второй портфель. В нем лежал приказ на случай отмены всех приказов.

Запасия Романовна впервые не стала его открывать.

И именно поэтому приказ исполнился.

Глава сто девяносто четвертая

Дом без служебного подъезда

Утром подвал снова стал подвалом.

Он немного увеличился, приобрел три лестницы, зал резервных выборов и привычку требовать пропуск у картошки, но Дом обещал постепенно его перевоспитать.

Парламентская охрана сняла оцепление. Один караульный остался, потому что забыл, кого охранял, и ему понравились пироги.

Купол окончательно превратился в дорожную шляпу и висел на чердаке рядом с лыжами. Комиссия по несовместимости семейной жизни и государственного учреждения прибыла принимать увольнение Дома.

Председатель комиссии прочитал решение:

— Здание утрачивает статус парламента вследствие наличия жильцов, кухни, личных разговоров и запаха настоящей еды.

— Наконец разумный документ, — сказал Дом.

— Однако место, где люди принимают общие решения и остаются до прихода последствий, автоматически признается органом самоуправления.

Дом застонал всеми половицами.

— Нельзя ли просто быть домом?

Комиссия перелистала справочник. Такого статуса в нем не оказалось.

Эраст взял карандаш и дописал на полях: «Дом — место, где живут, а не размещают функцию».

— Самовольное определение, — предупредил председатель.

— Семейное, — уточнила Вера.

Антонина Марковна поставила перед комиссией тарелки. Через двадцать минут определение приняли за основу, а через сорок признали исторически сложившимся.

Нулевой округ снял границы и лег вокруг Дома обычной дорогой.

Деревни, реки и потерянные миры получили право приходить в гости, не становясь электоратом.

Семен Сомневающийся перестал быть анкетой. Он остался бумажным, но завел собственный почерк.

Запасия Романовна попросилась работать у Последствий Петровны.

— Что умеете?

— Готовить решения на всякий случай.

— Будете готовить случаи после решений.

Это было понижением только по вертикали. По смыслу — первым повышением в ее жизни.

Аркадий Чернович заделал запасной государственный вход и оставил маленькую обычную дверь.

— Куда она ведет? — спросил Гриша.

— Пока никуда. Хотел хоть раз построить без назначения.

Дверь немедленно стала любимой у детей.

Тарас вернул складную корону. Ее расплющили, вырезали середину и сделали рамку для семейной фотографии.

На фотографии никто не смотрел торжественно. Поэтому Первое лицо больше не появлялось.

Мандат Выданович снял со стены последнюю табличку «Государственное учреждение».

Под ней обнаружилась старая надпись мелом: «Здесь живут Кунилины. Стучать, если свои. Если чужие — тоже стучать».

Дом встал на место и впервые за долгое время не собирался никуда идти.

Эраст сел у окна. Вера принесла чай. Мира спорила с Гришей, кому принадлежит дверь в никуда. Антонина Марковна объясняла караульному, что вторую порцию получают только после первой.

— Кажется, теперь все, — сказал Эраст.

— Не говори так, — попросил Тарас. — Мир воспринимает это как техническое задание. За окном действительно что-то щелкнуло.

По дороге приближался маленький человек с огромным чемоданом. На чемодане было написано: «КАНДИДАТ В БЫВШИЕ ДЕПУТАТЫ».

Человек остановился у калитки и поклонился.

— Простите, здесь помогают не становиться депутатами?

Эраст закрыл глаза.

Тарас обрадованно подвинул второй стул.

— Конечно. У нас семейная практика. Первый отказ бесплатно, последствия — по государственному тарифу.

Дом тихо приоткрыл дверь.

Потому что дом, однажды научившийся быть домом, не может не впустить человека, который ищет выход из власти.

Часть двадцать пятая

Кандидат на выход

Глава сто девяносто пятая

Чемодан с политическим будущим

Маленького человека звали Прохор Лаврентьевич Неназначенский.

Он вошел боком, потому что чемодан шел первым и считал себя важнее владельца.

На кухне чемодан занял лучший стул, раскрыл металлические уголки и потребовал минеральной воды без позиции по спорным вопросам.

— Рассказывайте, — сказал Эраст.

Прохор Лаврентьевич оглянулся на багаж.

— Я хочу стать бывшим депутатом.

— Вы сейчас депутат?

— Нет.

— Раньше были?

— Тоже нет.

Тарас одобрительно кивнул.

— Отличная карьера. Ни одного лишнего рабочего дня.

Прохор объяснил, что месяц назад выиграл выборы, которые состоятся через три года. Избирательная комиссия будущего прислала результат заранее, чтобы не задерживать торжественный банкет.

— Я отказался, — сказал он. — Тогда меня зарегистрировали как кандидата, уклоняющегося от народного доверия. Рейтинг вырос вдвое.

— А чемодан? — спросила Вера.

— Избирательный штаб. Я его не собирал. Он сам собрался.

Чемодан щелкнул замками.

Из него выдвинулся стол, три телефона, урна, флаг, специалист по искренности и улыбающийся портрет Прохора размером с небольшую совесть.

Портрет был выше оригинала, шире в плечах и смотрел в будущее с выражением человека, который уже распределил там кабинеты.

— Прохор Лаврентьевич готов служить каждому! — сообщил специалист по искренности.

— Я не готов, — возразил Прохор.

— Скромность кандидата учтена и одобрена.

Портрет подмигнул Антонине Марковне.

— Еще раз, и пойдешь на растопку, — предупредила она.

Портрет немедленно объявил это встречей с традиционными ценностями.

Мандат Выданович осмотрел бумаги. Формально Прохор еще не был избран, но уже получил удостоверение бывшего депутата с открытой датой.

— Чтобы стать бывшим, вам придется хотя бы мгновение побыть действующим, — сказал Мандат.

— Вот этого я и боюсь. За мгновение человек привыкает к креслу, а кресло — к человеку. Тарас вспомнил складную корону и сочувственно поправил волосы.

Эраст спросил, почему Прохор вообще попал в будущие списки.

— Однажды на собрании жильцов я предложил починить крышу.

— И починили?

— Нет. Но формулировка понравилась.

Чемодан распахнулся шире. Из него выкатилась свернутая площадь, за ней — духовой оркестр и двести граждан, заранее согласных со всем, что еще не прозвучало.

Дом захлопнул входную дверь.

— Поздно, — сказал чемодан голосом ведущего митинга. — Кандидат уже прибыл к народу.

— Народ прибыл вместе с ним, — заметила Мира.

— Так надежнее, — ответил специалист по искренности.

Портрет Прохора вышел из рамы.

— Начинаем кампанию за право Прохора Лаврентьевича никогда не заниматься политикой!

Собравшиеся заплодировали.

Рейтинг вырос еще втрое.

Глава сто девяносто шестая

Предвыборный портрет без кандидата

К утру портрет Прохора дал семь интервью, посадил символическое дерево и пообещал не мешать ему расти после выборов.

Сам Прохор спал на сундуке в прихожей, потому что его место в комнате заняла увеличенная копия собственного лица.

— Портрет популярнее меня, — признался он.

— Это нормально, — сказал специалист по искренности, представившийся Имиджем Матвеевичем Ликовидовым. — Человек ограничен характером. Изображение свободно от этого недостатка.

Имидж Матвеевич принес новый костюм. Он был сшит не по мерке Прохора, а по ожиданиям избирателей и потому имел четыре широких плеча и ни одного удобного кармана.

— Наденьте. Будете выглядеть ответственным.

— А быть?

— Не отвлекайтесь на внешние детали.

Эраст потребовал прекратить кампанию в Доме.

Портрет немедленно выпустил заявление о поддержке семейного уюта и повесил себя над чайником.

На улице появились другие изображения.

Стену заняла улыбающаяся Вера с подписью «Стабильность без замечаний». На заборе возник Тарас, обещавший каждому по запасному выходу. Даже Дом получил плакат: «Крепкие стены — сильная страна».

— Я не давал согласия! — загремел Дом.

— Здания не участвуют в обработке персональных данных, — ответил Имидж Матвеевич.

Настоящий Тарас посмотрел на плакатного себя.

Тот был подтянут, благороден и умел завязывать галстук.

— Неприятный тип, — решил Тарас. — Слишком явно что-то скрывает.

К полудню изображения начали действовать самостоятельно. Портрет Веры запретил сомнения ради семейного спокойствия. Плакатный Дом закрыл двери для укрепления открытости. Нарисованный Тарас занял у прохожих деньги на развитие бескорыстия.

— Они делают то, чего от нас ждут, — сказала Мира. — Но без нас.

Имидж Матвеевич улыбнулся.

— В этом и состоит зрелая политика. Кандидат не отвлекает свой образ личным присутствием.

Проход попытался снять собственный портрет.

Рама предъявила ему охранную грамоту объекта общественной симпатии.

— Вы не имеете права повреждать доверие граждан, — заявил нарисованный Проход.

— Но ты — это я!

— Подтверждающих документов нет. На мне сходство, печать и сорок семь процентов узнаваемости. На вас только вы.

Мандат Выданович сравнил их и вынужден был признать, что бумага действительно выглядит убедительнее человека.

Эраст поставил перед портретом зеркало.

Изображение увидело себя и стало еще увереннее.

— Не помогает, — сказал Гриша.

— Потому что портрет умеет отражаться, но не умеет стыдиться, — ответила Антонина Марковна.

Она плеснула на него каплю борща.

Портрет побледнел.

На красном пятне невозможно было построить правильный образ: оно напоминало и сердце, и карту потерянной области, и результат слишком честного обеда.

Люди впервые посмотрели не на улыбку, а на пятно.

— Что это символизирует? — спросили журналисты.

— Борщ, — сказал Проход.

Это был первый ответ кандидата, который не подготовил штаб.

Рейтинг перестал расти.

Чемодан тревожно завибрировал.

Глава сто девяносто седьмая

Округ в ручной клади

Чемодан решил спасти кампанию.

Он распахнул двойное дно, и оттуда высыпался избирательный округ — три поселка, одна река, закрытая фабрика, открытая трибуна и дорога, которая существовала только в отчетах.

Поселки разместились в саду. Река заняла канаву и сразу потребовала вернуть историческое русло. Фабрика дымить не стала, зато исправно выдала справку о росте производства.

— Это мой будущий округ, — прошептал Проход. — Он преследует меня с прошлой среды.

Из поселков пришли делегации.

Первой выступила женщина по имени Аграфена Непосредственна. Она принесла дырявое ведро, квитанцию за целую воду и фотографию дороги, которой не было видно из-за отсутствия.

— Нам сказали, кандидат решает вопросы.

— Я еще не кандидат, — ответил Проход.

Чемодан выдал удостоверение.

— Уже кандидат.

— Тогда я снимаюсь.

Чемодан выдал бюллетень.

— Снятие повышает интерес к кандидатуре.

Аграфена посмотрела на Эраста.

— Он всегда такой?

— Пока настоящий — да.

Она поставила ведро перед Прохором.

— Не обещай. Подержи.

Прохор взял ведро. Вода потекла на ботинки, и впервые проблема округа оказалась не пунктом программы, а холодной лужей.

Имидж Матвеевич бросился фотографировать заботу кандидата.

Аграфена закрыла объектив ладонью.

— Сначала дырку заделайте. Потом изображайте.

За ведром принесли школьное окно, больничную очередь и мост, который заканчивался ровно там, где начиналась река.

Прохор растерялся.

— Я не умею всем этим управлять.

— Наконец подходящий человек, — сказала Аграфена. — Предыдущий умел и потому не спрашивал.

Чемодан раскрыл отдел готовых решений. Для ведра нашлась программа повышения благосодержания, для окна — концепция доступного света, для моста — торжественная табличка «Продолжение следует».

Тарас вытащил табличку.

— Полезная вещь. Можно поставить в конце любой реформы.

Эраст закрыл отдел.

— Округ нельзя носить как багаж.

— Почему? — спросил Имидж Матвеевич. — Так кандидат всегда знает границы своей ответственности.

— Он знает размеры чемодана.

Дом открыл садовую калитку. Поселки развернулись в настоящую даль, река расправила течение, а отсутствующая дорога потребовала хотя бы направление.

Прохор пошел вместе с Аграфеной смотреть мост.

Портрет остался на трибуне говорить о развитии территории.

Через час люди заметили, что настоящий кандидат ушел туда, где мокро и неудобно, а изображение осталось там, где сухо и слышны аплодисменты.

Впервые портрет получил меньше внимания, чем человек.

Он обиделся и объявил округ недостаточно благодарным.

Округ вынул себя из чемодана окончательно.

Багаж стал легче, но злее.

Глава сто девяносто восьмая

Партия красивого отсутствия

Имидж Матвеевич созвал чрезвычайный съезд Партии красивого отсутствия.

Членами партии были портреты, лозунги, пустые трибуны и несколько костюмов, давно научившихся обходиться без владельцев.

Председательствовал нарисованный Прохор.

— Настоящий кандидат дискредитирует собственный образ личными поступками, — заявил он. — Предлагаю отделить человека от репутации.

Резолюцию приняли единогласно: изображения не умели поднимать руку против удачного освещения.

По округу объявили, что Прохор Неназначенский больше не соответствует Прохору Неназначенскому.

Сам Прохор в это время вместе с жителями укладывал доски на мост.

Он забивал гвозди неровно, зато каждый держался в настоящем дереве.

— Ваш рейтинг падает, — сообщил прибежавший специалист по искренности.

— А мост?

— Мост в рейтинге не участвует.

— Тогда пусть падает рейтинг.

Эта фраза разнеслась по округу и немедленно подняла рейтинг.

Прохор сел на недостроенный мост и застонал.

— Любой мой отказ они превращают в согласие.

— Потому что ты все еще разговариваешь с ними как кандидат, — сказал Эраст.

— А как надо?

— Как человек, которому придется завтра пройти по этому мосту.

Партия красивого отсутствия тем временем выдвинула запасного Прохора — его парадный пиджак.

Пиджак прекрасно сидел на кресле, не задавал вопросов и имел безупречную партийную дисциплину.

На дебатах пиджак обещал быть ближе к телу народа.

Тарас потребовал уточнить, к какому именно телу, но его вопрос признали провокационно анатомическим.

Вслед за пиджаком выдвинулись портрет Веры, плакатный Дом и нарисованный Тарас.

Настоящие жители обнаружили, что их изображения уже состоят в разных фракциях.

— Мой портрет голосовал за запрет закрытых дверей, — пожаловался Дом. — А потом закрыл калитку.

— Мой взял кредит, — сказал Тарас. — Я бы так без обсуждения не поступил.

Все посмотрели на него.

— Хорошо. Без обсуждения процентной ставки.

Мира предложила провести проверку кандидатов на наличие владельца.

Каждому изображению задали простой вопрос: какое свое обещание оно готово выполнять собственными руками.

Пиджак показал рукава, но рук в них не оказалось. Портреты предложили привлечь подрядчика. Плакатный Дом сослался на архитектурную неприкосновенность.

Нарисованный Прохор заявил, что его дело — вдохновлять.

Аграфена вручила ему дырявое ведро.

Ведро прошло сквозь холст и повисло на раме.

— Вот и вся партия, — сказала она. — Воду не держит, зато стену украшает.

Люди начали снимать плакаты.

Портреты не исчезли. Они свернулись и поползли к чемодану.

— Это не конец кампании, — предупредил Имидж Матвеевич. — Это переход в более компактную форму.

Чемодан проглотил изображения и впервые встал на собственные колесики.

— Если кандидаты не подходят, — произнес он, — округ выдвинет меня.

Багажная неприкосновенность

Чемодан зарегистрировался кандидатом за семь минут.

Пять из них ушли на торжественное ожидание, две — на исправление закона, запрещающего баллотироваться ручной клади.

Имидж Матвеевич объявил его идеальным политиком.

— Он имеет твердую платформу, закрытую позицию и два независимых колесика.

— А содержимое? — спросила Вера.

— Государственная тайна.

Чемодан ездил по округу, останавливался перед камерами и раскрывался ровно настолько, чтобы показать край светлого будущего.

Избирателям понравилось, что он ничего не обещает человеческим голосом.

Рейтинг багажа обогнал Прохора и его портрет вместе взятых.

— Я проигрываю собственной вещи, — сказал Прохор.

— Не переживай, — утешил Тарас. — У меня однажды сапог получил больше приглашений на свадьбы, чем я.

В день голосования чемодан сам привез урну, бюллетени и окончательный результат.

На крышке появилась золотая надпись: «Избран».

Мандат Выданович попытался вручить удостоверение, но замок защелкнулся на его краю.

— Это захват документа!

— Парламентская процедура, — поправил Имидж Матвеевич.

Избранный чемодан немедленно заявил о багажной неприкосновенности.

Его нельзя было открывать, переносить без согласия и сдавать в камеру хранения до конца полномочий.

— А обязанности? — спросила Аграфена.

— Находятся внутри.

— Покажите.

— Неприкосновенность.

Чемодан въехал на недостроенный мост. Доски под ним прогнулись.

— Ремонт будет включен в программу следующего созыва, — сообщил он.

Аграфена сняла одну доску перед его колесами.

Чемодан остановился.

— Препятствие законной деятельности!

— Нет, — сказала она. — Обычная дырка. Вы ее избирались не замечать.

Жители окружили багаж и потребовали открыть отдел готовых решений.

Имидж Матвеевич вызвал охрану. Из чемодана выскочили два пустых костюма и оцепили собственный замок.

Эраст заметил на боковой стенке старую наклейку: «Собственность Прохора Лаврентьевича Неназначенского».

— Депутат принадлежит Прохору? — спросил он.

— Вещь принадлежит, — поправил Мандат.

— Тогда Прохор отвечает за то, что находится внутри.

Прохор побледнел.

— Я ничего туда не клал.

— Вот это и придется доказать.

Последствия Петровна принесла опись.

В ней значились невыполненные обещания, чужие портреты, свернутая дорога, запасное большинство и три года будущей неприкосновенности.

— Владелец принимает багаж? — спросила она.

Прохор посмотрел на мост, ведро и жителей.

— Нет. Я принимаю ответственность только за то, что сделал сам.

Наклейка отклеилась.

Чемодан впервые оказался ничьим.

А по закону ничейный депутат подлежал немедленной инвентаризации.

Глава двухсотая

Инвентаризация народного доверия

Инвентаризационная комиссия приехала на телеге, потому что служебный экипаж находился на балансе другой эпохи.

Председатель комиссии, Евлампий Спискович Учтенный, потребовал разложить народное доверие по единицам хранения.

— Доверие не хранится, — сказала Аграфена.

— Тогда почему его постоянно теряют?

Вопрос признали методологически опасным и внесли в приложение.

Чемодан поставили на весы. Без портретов он весил двадцать три килограмма, с обещаниями — четыре будущих бюджета.

— Несоответствие массы содержанию, — записал Евлампий Спискович.

Замок вскрывать было нельзя из-за неприкосновенности, поэтому комиссия предложила описать внутренность по внешним признакам.

Тарас немедленно вызвался экспертом.

— Внутри, безусловно, лежит скромность. Ее не видно, не слышно и никто не предъявляет.

— Количество?

— Особо крупное отсутствие.

Пока комиссия спорила с Тарасом, Семен Сомневающийся просунул под крышку чистый лист.

Лист вернулся заполненным мелкими обещаниями. Каждое начиналось со слова «обеспечить» и заканчивалось отсутствием исполнителя.

Эраст прочитал их вслух.

Обещания зашевелились. Услышав собственные формулировки целиком, они впервые поняли, что ни к кому не прикреплены.

— Кто вы? — спросила Мира.

— Намерения государственного значения, — ответили они хором.

— Чьи?

Хор сбился.

Одно обещание призналось, что появилось ради красивого абзаца. Второе было скопировано из прошлых выборов. Третье искренне хотело починить дорогу, но не знало, где взять лопату.

— Обещание без обещавшего — это сирота, — решил Гриша.

— Или мошенник, — добавила Вера.

Последствия Петровна предложила каждому обещанию выбрать имя и срок.

— Выполнилось — уходишь. Не выполнилось — возвращаешься к тому, кто тебя произнес.

В чемодане началась паника.

Обещания не боялись невыполнения. Они боялись адреса.

Имидж Матвеевич попытался незаметно уйти, но к его пиджаку прицепилось обещание «обеспечить честный диалог».

— Я только оформлял!

— Значит, оформите результат, — сказала Вера.

К портрету Прохора прилипли развитие территории и повышение всего хорошего. Портрет сразу потерял улыбку.

Настоящему Прохору досталось одно: закончить мост вместе с жителями.

— Это справедливо, — сказал он. — Я его начал.

Обещание стало тяжелой, но удобной доской.

Прохор отнес ее к реке.

Остальные обещания разлетелись искать авторов. Над округом начался редкий политический дождь: на чиновников падали их собственные слова.

Чемодан облегчился, подпрыгнул и раскрылся.

Внутри не оказалось никакой тайны.

Там сидел маленький испуганный голос и повторял:

— Выберите меня, чтобы я наконец понял, кто я.

Глава двести первая

Секунда у власти

Маленький голос оказался Желанием Быть Избранным.

У него не было программы, убеждений и даже кандидата. Оно переходило от человека к человеку, обещая каждому чувство собственной необходимости.

— Я жил в портретах, костюмах, чемоданах, — призналось Желание. — Люди меня кормили аплодисментами.

— Зачем тебе власть? — спросил Эраст.

— Не знаю. До власти я обычно не дохожу. Мне важнее, чтобы меня хотели довести.

Прохор узнал этот голос.

Когда-то он услышал его на собрании жильцов после фразы о крыше. Тогда все впервые замолчали и посмотрели на него. Не на проблему — на него.

— Значит, я сам тебя впустил.

— Ты только приоткрыл дверь. Остальное сделал портрет.

Мандат Выданович напомнил: удостоверение бывшего депутата все еще требует хотя бы одной секунды действительных полномочий.

— Иначе будущее не закроется, — сказал он. — Кампания продолжит искать Прохору должность.

Прохор посмотрел на кресло, которое вынесли из чемодана.

Кресло выглядело обычным, но вокруг него уже собиралась торжественная пыль.

— Одна секунда?

— Иногда ее хватает на целую биографию, — сказал Тарас.

Аграфена поставила рядом дырявое ведро.

— Если сядешь, первое решение — что с ним делать.

Прохор сел.

Часы остановились. Одна секунда развернулась огромным залом, где его ждали законы, назначения, служебная машина, личная приемная и портрет, уже постаревший до государственного деятеля.

Желание Быть Избранным выросло и надело на него чужую улыбку.

— Теперь прикажите, — прошептало оно. — Все слушают.

Прохор почувствовал, как легко решить вопрос ведра указом о борьбе с отверстиями.

Еще легче было назначить ответственного за воду. Совсем легко — создать комиссию, которая докажет, что ведро в среднем целое.

Он посмотрел на Аграфену. Та ничего не требовала и не аплодировала.

Прохор поднял ведро и заткнул дырку собственным удостоверением.

Вода перестала течь.

— Мое первое решение: больше не занимать место, если задачу можно решить стоя.

Секунда закончилась.

Кресло осталось пустым. Удостоверение размокло, печать расплылась, и слово «действующий» превратилось в «действовал».

Мандат Выданович торжественно перевернул документ.

— Поздравляю. Вы бывший депутат.

Прохор выдохнул.

Желание Быть Избранным уменьшилось до точки.

— А как же я?

— Можешь стать желанием быть полезным, — предложила Мира.

— За это аплодируют?

— Обычно после работы. Иногда вообще не аплодируют.

Желание задумалось. Для него это было равносильно смене государственного строя.

Оно прыгнуло в ведро и стало маленькой заплаткой рядом с размокшим удостоверением.

Вода держалась.

Прохор улыбнулся впервые не для портрета.

Имидж Матвеевич попытался зафиксировать момент, но камера показала обычного уставшего человека.

Фотография вышла плохой.

Именно поэтому ее все сохранили.

Глава двести вторая

Бывшие выбирают будущее

Через неделю мост был закончен.

Он не имел торжественной таблички, зато соединял оба берега, что для сооружения оказалось неожиданно высокой квалификацией.

Прохор Лаврентьевич отказался перерезать ленту.

— Я забивал только каждый седьмой гвоздь. Пусть режут те, кто делал остальные.

Жители нарезали ленту на завязки для ведер и разошлись по своим делам.

Избирательный округ больше не помещался в чемодан и потому начал помещаться в реальности.

Река вернулась в русло. Дорога из отчета пока не появилась, но теперь хотя бы знала, куда ей вести.

Имидж Матвеевич Ликовидов устроился фотографировать выполненные работы. Это оказалось труднее обещаний: выполненное имело размеры, свидетелей и иногда трещины.

— Мне не хватает правильного света, — жаловался он.

— Работайте при неправильном, — советовала Аграфена.

Портреты вернулись к владельцам. Вера заставила свой снять лозунг и просто висеть в семейной рамке. Дом отправил плакат на утепление сарая. Тарас продал нарисованному себе право больше не брать кредит от его имени.

— Сам у себя купил? — спросил Эраст.

— Главное, что договор выгодный обеим моим сторонам.

Чемодан остался у Прохора. Из него вынули штаб, урну, пустые костюмы и свернутое большинство.

Теперь в нем лежали молоток, сменная рубашка и удостоверение бывшего депутата, которым иногда затыкали ведро в памятных целях.

— Что будете делать дальше? — спросил Эраст.

— Жить в округе. Не представлять его, а присутствовать.

— Это тяжелее.

— Зато домой близко.

Прохор поблагодарил семейную практику.

— Сколько я должен?

Тарас немедленно предъявил счет за первый бесплатный отказ.

— Здесь сумма, — заметил Прохор.

— Бесплатность требует административного сопровождения.

Вера отобрала счет и бросила в печь.

Тарас вздохнул, но успел сохранить копию для отчетности перед собой.

Дом проводил гостя до калитки.

Маленькая дверь в никуда, построенная Аркадием Черновичем, тихо скрипнула.

На этот раз за ней что-то было.

В проеме стояли сотни людей в пустых депутатских креслах. Кресла несли их на руках и требовали политического убежища.

— Кто вы? — спросил Гриша.

Переднее кресло поклонилось.

— Мы — парламент непринятых законов. Нас распустили до того, как создали.

— Почему пришли сюда? — спросил Эраст.

— Нам сказали, здесь помогают не стать депутатами.

Тарас пересчитал кресла и оживился.

— При таком количестве можно открыть курсы.

Дом захлопнул дверь в никуда.

Кресла постучали изнутри.

— Они уже внутри? — спросила Мира.

Дом прислушался.

Из кладовой донеслось первое чтение закона о запрете закрывать двери перед непринятым будущим.

Эраст посмотрел на Прохора, который еще не успел уйти.

— Заберите хотя бы одно кресло.

— Я бывший депутат, — твердо ответил тот. — У меня иммунитет к мебели.

И впервые за всю историю иммунитет оказался полезным.

Часть двадцать шестая

Законы без родины

Глава двести третья

Первое чтение в кладовой

Из кладовой доносилось торжественное бормотание.

Дом открыл дверь ровно на ширину семейного недоверия.

Внутри стояли ряды депутатских кресел. Каждое держало на подлокотниках человека, как ручную кладь, и время от времени поправляло его положение.

Переднее кресло было обито зеленым бархатом и носило табличку «Председатель временно вечного созыва». На нем сидел худой мужчина, который явно хотел встать, но мебель не одобряла инициативу.

— Заседание объявляется начатым до его официального создания, — произнесло кресло.

— Вы помещаетесь в кладовой? — спросил Эраст.

— Законодательная власть помещается везде, где достаточно тесно для единогласия.

Антонина Марковна потребовала освободить полку с вареньем.

Кресла немедленно включили варенье в перечень стратегических запасов и запретили его перемещение без второго чтения.

— Какие вы законы? — спросила Мира.

Из рядов поднялись свитки.

Там были Закон о всеобщем счастье по понедельникам, Закон о запрете необоснованных запретов, Закон о праве каждого моста соединять берега и короткий проект о защите граждан от слишком длинных названий нормативных актов, занимавший сорок семь страниц.

— Почему вас не приняли?

— Нас создали для прекрасного будущего, — ответил свиток о счастье. — Но будущее не явилось на заседание.

— А настоящее?

— Оно не прошло регистрацию.

Тарас сел в свободное кресло.

Кресло защелкнуло подлокотники и объявило его представителем непринятого Закона о материальной ответственности друзей за дружеские советы.

— Я протестую!

— Протест принят в качестве согласия с необходимостью обсуждения.

Эраст потянул Тараса за воротник. Кресло поехало следом.

— Оно меня избрало, — пожаловался Тарас.

— Не двигайся. Возможно, потеряет интерес.

Председательское кресло ударило ножкой по полу.

— Переходим к первому чтению.

Секретарь развернул Закон о всеобщем счастье и прочитал первое слово:

— Все.

— Принято в первом чтении, — объявило кресло.

— А остальное? — спросил Гриша.

— Остальное читают во втором. Законодательство требует терпения и хорошей памяти.

Дом попытался вытолкнуть парламент наружу, но кладовая увеличилась на зал, кулуары и буфет, в котором уже торговали пирожками по цене депутатской уверенности.

— Вы просили убежище, — напомнил Эраст. — Не помещение для захвата.

— Мы не захватываем. Мы распространяем правовое пространство.

Закон о запрете закрывать двери перед непринятым будущим поднялся на голосование.

Все кресла проголосовали за. Люди на них в основном воздержались, но мебель посчитала это технической неисправностью.

Дверь кладовой исчезла.

Теперь из нее нельзя было выйти, потому что закрывать стало нечего.

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Мы приняли открытость так широко, что оказались заперты.

Глава двести четвертая

Кресло выбирает человека

К утру кресла распространились по Дому.

Одно избрало кухню и посадило на себя чайник. Второе поймало караульного у крыльца. Третье долго преследовало кота, но тот обладал природной неприкосновенностью и ушел под диван.

Люди, попавшие в кресла, получали должности по форме спинки.

Вера стала временным представителем Закона о семейном спокойствии путем обязательного согласия. Она немедленно внесла поправку о праве возражать.

Кресло закрипело от идеологической несовместимости.

Гришу назначили докладчиком по Закону о защите детей от вопросов, которые взрослые сами не понимают.

— А кто защитит взрослых? — спросил он.
Закон сняли с рассмотрения как недостаточно подготовленный.
Эраст не садился. Он передвигался по Дому с табуреткой в руках, используя ее как щит.
— Кресло — это просто мебель, — сказал Мандат Выданович.
Ближайшее кресло потребовало лишить его слова за оскорбление института.
Тарас продолжал ехать по коридору вместе со своим избирателем.
— Оно не отпускает, пока я не представлю закон.
— Представь.
— Не хочу. Закон требует, чтобы я отвечал за советы, которые давал бесплатно. Это разрушит дружбу как отрасль.
Кресло вынесло Тараса на площадь и установило табличку «Глас народа».
Народ подошел послушать.
— Что вы хотите сказать? — спросила Аграфена, задержавшаяся в Доме из-за кресельного нашествия.
— Что меня выбрали без моего согласия.
— Значит, впервые представляете нас точно.
По площади прокатился смех.
Кресло Тараса слегка ослабило подлокотники: смех не был предусмотрен регламентом и потому действовал как растворитель.
Мира заметила, что кресла питаются не людьми, а их готовностью выглядеть представителями.
Чем торжественнее сидел человек, тем крепче мебель держала его.
Эраст велел всем сесть неудобно.
Вера поджала ногу. Караульный развернулся боком. Гриша забрался на спинку. Тарас лег поперек кресла и заявил, что представляет диван.
Кресла растерялись.
— Представитель обязан сохранять достоинство! — потребовало председательское.
— Чье? — спросила Вера.
— Кресла.
Худой мужчина на председательском месте впервые повернул голову.
— Меня зовут Савелий Никифорович Внесенный, — тихо сказал он. — Я был автором одного законопроекта, а потом кресло решило, что я и есть весь парламент.
— Какого проекта? — спросил Эраст.
Савелий Никифорович показал сложенный лист: «О праве человека не быть представленным без его согласия».
Кресло затянуло подлокотники.
— Проект признан подрывающим основы представительства.
— Поэтому парламент распустили?
— Нет. Поэтому его не успели создать. Кресла решили действовать заранее.
Тарас присвистнул.
— Мебель, которая боится закона. Это уже не интерьер, а политическая система.

Глава двести пятая

Поправка, съевшая автора

Савелий Никифорович предложил вынести свой закон на обсуждение.

Председательское кресло согласилось при условии, что текст будет улучшен до полной безопасности для кресел.

Для этого вызвали Комитет поправок.

В Дом вошли маленькие существа в нарукавниках. Они напоминали запятые с портфелями и разговаривали исключительно словами «уточнить», «дополнить» и «исключить».

Главную поправку звали Кромея Исключениевна Еслибы.

Она взяла проект Савелия и вставила после слова «человека» оборот длиной в три страницы.

Теперь право не быть представленным распространялось на всех, кроме тех, кого уже представили, собирались представить, могли представить или удобно было считать представленными.

— Смысл исчез, — сказал Эраст.

— Смысл не исчез, а прошел юридическую обработку, — ответила Кромея Исключениевна.

Вторая поправка заменила «без согласия» на «при отсутствии надлежащим образом оформленного несогласия».

Третья потребовала заверять несогласие у представителя, от которого человек отказывался.

Савелий Никифорович попытался забрать текст.

Поправки окружили его.

— Автор препятствует совершенствованию авторского замысла.

Они начали править самого Савелия: исключили сомнения, уточнили рост, дополнили биографию опытом, которого не было.

Через минуту на кресле сидел безупречный автор, полностью согласный с исправленной версией.

Настоящий Савелий выглядывал из сноски внизу страницы.

— Они меня вынесли за скобки, — прошептал он.

Тарас поймал сноску и спрятал в карман.

— Не первая важная мысль, спасенная внизу документа.

Кромея Исключениевна добралась до Дома.

— Внести поправку: считать Дом жилым, кроме случаев нахождения в нем органов, кресел, законов и лиц, имеющих отношение к чему-либо.

Дом содрогнулся.

— Это исключает меня из собственного определения.

— Техническая точность.

Вера положила перед комитетом рецепт пирога Антонины Марковны.

Поправки немедленно добавили исключения: муку можно было не класть при наличии заключения, яйца заменить упоминанием яиц, а выпекание признать факультативным.

Антонина Марковна испекла пирог по исправленному рецепту.

На столе появилась пустая форма с печатью о вкусовом соответствии.

— Ешьте, — предложила она.

Поправки отступили.

— В документе не предусмотрено употребление результата авторами изменений.

— Сейчас дополним.

Антонина Марковна взяла половник.

Комитет разбежался. Кромея Исключениевна попыталась спрятаться в слове «кроме», но Мира зачеркнула его карандашом.

Савелий выпал из сноски обратно в себя.

Его закон был изъеден поправками до одного предложения:

«Человек имеет право».

— Мало, — сказал Савелий.

— Зато теперь придется спросить, какое именно, — ответил Эраст.

Глава двести шестая

Закон о принудительном счастье

Пока спорили о праве, Закон о всеобщем счастье прошел второе чтение.

Секретарь прочитал второе слово: «обязаны».

Соединив его с первым, парламент получил формулу «Все обязаны» и счел направление убедительным.

По Дому разнесся колокольчик.

Каждому жильцу выдали норму счастья, график улыбок и талон на внеочередное довольство.

Тарасу досталось счастье с девяти до одиннадцати.

— Можно после обеда?

— Перенос счастья ухудшает отчетность.

Эрасту предписали радоваться отсутствию должности организованно, три раза в день под подпись.

Вера получила обязанность считать семейную жизнь безусловно прекрасной и не вносить фактических уточнений.

Она посмотрела на парламент так, что несколько кресел самостоятельно записались на ремонт.

На площади открыли Пункт выдачи счастья. В окне сидела унылая женщина и штамповала счастливые лица.

Очередь делилась на льготно довольных, временно восторженных и тех, кому счастья не хватило, но выдали справку о его наличии.

Гриша спросил, можно ли сегодня погрузить.

— Только по уважительной причине и без снижения средних показателей, — ответил закон.

Мальчик загрустил без разрешения.

Его грусть оказалась настоящей и потому не поместилась в форму.

Следом рассердилась Мира, устал караульный, рассмеялась Аграфена, а Тарас обнаружил легкую радость от нарушения графика.

Разные чувства смешались на площади и испортили единую статистику счастья.

Закон усилил меры.

Над Домом взошло служебное солнце. Оно светило круглосуточно и требовало благодарности за хорошую погоду.

Цветы начали увядать от обязательного оптимизма.

— Счастье, которое нельзя прекратить, похоже на наказание, — сказал Эраст.

— Формулировка подрывает позитивную повестку, — ответил закон.

Последствия Петровна принесла счета за улыбки: больные челюсти, несказанные обиды, семь сорванных похорон и один брак, заключенный исключительно для выполнения плана торжеств.

— Кто автор? — спросила она.

Кресла указали на закон. Закон указал на парламент. Парламент сослался на будущее, для которого его написали.

Будущее не ответило: у него был выходной.

Савелий Никифорович развернул первоначальный текст.

Третьим словом в нем было «иметь».

— Все обязаны иметь... — прочитал Тарас. — Уже тревожно.

Четвертым оказалось «право».

Пятым — «на».

Шестым — «счастье».

Полная первая статья звучала: «Все обязаны иметь право на счастье, но не обязаны им пользоваться».

Кресла смутились.

— Почему читали по одному слову? — спросила Вера.

— Так быстрее принимать.

— И медленнее понимать.

Служебное солнце погасло. Люди вернули талоны, сохранив кто радость, кто грусть, а кто очередь на память.

Закон впервые улыбнулся не по графику.

Глава двести седьмая

Второе чтение человека

После истории со счастьем Эраст потребовал читать законы целиком.

Парламент пришел в ужас.

— Это займет время!

— Именно для этого оно и существует, — сказал Дом.

Каждый закон прочитали от названия до последней сноски.

Выяснилось, что Закон о коротких названиях содержит приложение, переименовывающее тишину в «временное отсутствие звукового сопровождения общественной значимости».

Закон о мостах разрешал соединять берега только после подтверждения, что они находятся по разные стороны.

Закон о запрете запретов запрещал запрещать запрет на его отмену и сам потерял сознание на третьем отрицании.

— Вы не плохие, — сказал Савелий непринятым законам. — Вас просто писали так, чтобы никто не дошел до последствий.

Законы зашелестели. Для них это было вторым чтением не текста, а самих себя.

Один маленький проект признался, что хотел защитить стариков от одиночества, но его превратили в порядок учета одиноких стариков по форме из двенадцати листов.

Другой мечтал сохранить лес, а стал инструкцией по выдаче разрешений на торжественную вырубку.

Мандат Выданович предложил вернуть каждому закону первоначальный вопрос.

— Не название и не формулировку. Зачем вы появились?

Законы начали отвечать.

«Чтобы через реку можно было перейти». «Чтобы человек не мерз». «Чтобы сильный не мог назвать свою силу правилом». «Чтобы ребенок не боялся взрослого кабинета».

Чем короче становился ответ, тем меньше закон походил на трибуну и больше — на инструмент.

Креслам это не понравилось.

— Закон обязан быть выше человека! — загремело председательское.

— Иначе человек на него наступит, — поддержали задние ряды.

Аграфена принесла недостающую доску от моста.

— На хороший закон можно наступить. Если он помогает перейти.

Она положила Закон о мостах через канаву. Текст вытянулся в доску и выдержал первого прохожего.

Закон о тепле стал одеялом для старика. Закон о защите от сильного превратился в дверной засов, который открывался только изнутри.

Кресла теряли представителей.

Люди вставали и брали законы в руки.

Председательское кресло рванулось к выходу, увозя Савелия.
Дом выставил на пути простую табуретку.
Кресло не смогло ее объехать: табуретка не признавала иерархии мебели.
Эраст освободил Савелия.

— Теперь ваш проект.

Савелий развернул единственную сохранившуюся фразу: «Человек имеет право».

— Продолжайте не как автор. Как человек.

Савелий дописал: «...сам сказать, кто говорит от его имени».

Кресла заскрипели.

Если этот закон вступал в силу, парламент непринятых законов должен был спросить согласия у всех, кого уже усадил.

Глава двести восьмая

Голосование против собственного существования

Парламент назначил голосование на полночь, надеясь, что совесть к этому времени уснет.

На повестке стоял один вопрос: принять ли закон, после которого кресла могут потерять людей, а люди — удобное объяснение, что за них решила мебель.

Председательское кресло агитировало против.

— Без нас граждане останутся непредставленными!

— Возможно, некоторые именно этого и хотят, — сказала Вера.

— Хотеть без представителя юридически невозможно.

Тарас предложил креслу представить его желание не быть представленным.

Мебель задымилась от логического перегрева.

Перед голосованием каждому человеку задали вопрос, согласен ли он находиться в своем кресле.

Караульный встал первым. За ним поднялась женщина из Пункта счастья. Потом — целые ряды людей, которых кресла принесли из непринятого будущего.

Некоторые остались сидеть.

— Мне страшно говорить самому, — признался пожилой мужчина. — В кресле кажется, будто мой голос весит больше.

— Тогда сидите, — сказал Савелий. — Но кресло должно знать: вы можете встать.

Мужчина попробовал. Подлокотник отпустил его.

Он сел снова — уже не пленником, а человеком, которому так удобнее.

Кресло стало обычным.

Голосовали не поднятием рук, а вставанием.

Кто поддерживал право выбирать представителя, вставал. Кто был против, мог остаться сидеть. Кто не решил — менял положение сколько угодно.

Зал задвигался.

Кресла скользили, люди поднимались, садились, спорили и впервые портили красивую картину единогласия.

Председательское кресло приказало Савелию не вставать.

— Вы мой автор!

— Нет. Это ты моя мебель.

Савелий поднялся.

Зеленый бархат потускнел. Табличка «временно вечного» отклеилась.

Закон приняли большинством тех, кто согласился считать себя участником голосования.

Он вступил в силу без фанфар.

Все портреты, мандаты, кресла и громкие голоса одновременно спросили людей:

— Можно я буду говорить от вашего имени?

По миру разнеслись разные ответы.

Где-то сказали «да». Где-то — «нет». Где-то попросили сначала договориться, о чем именно говорить.

Самым страшным для старой системы оказалось не несогласие.

Страшнее было слово «пока». Оно означало, что согласие можно забрать.

Парламент непринятых законов начал исчезать.

— Мы умираем? — спросил Закон о счастье.

— Нет, — ответил Эраст. — Перестаете существовать вместо людей.

Кресла опустились на пол.

Некоторые тут же попросили отнести их в гостиную. Остальные решили впервые просто постоять.

Глава двести девятая

Республика черновики

Утром непринятые законы собрались во дворе без кресел.

Теперь они не знали, кто их парламент, и выглядели свободными, но слегка помятыми.

— Что с нами будет? — спросил маленький закон о стариках.

— Можете вернуться в будущее, — предложила Мира.

— Нас там еще не написали.

— Тогда оставайтесь черновиками, — сказал Мандат Выданович.

Слово «черновик» сначала обидело законы. Они привыкли считать себя окончательными истинами, которым просто не повезло с голосованием.

Савелий объяснил, что черновик можно исправить после встречи с реальностью.

— А окончательный закон?

— Тоже можно. Но он делает вид, что это новая редакция.

Законы поселились в старом зале резервных выборов под Домом. Зал переименовали в Республику черновики.

Вход был свободным, выход — обязательным после каждого заседания, чтобы никто не путал обсуждение с жизнью.

Жители приносили туда не просьбы о великом будущем, а конкретные неудобства.

Аграфена принесла квитанцию за воду. Старик — холодную комнату. Девочка из соседнего мира — правило, по которому ей запрещали задавать вопросы до совершеннолетия.

Черновики отправлялись на место.

Закон о воде промок и сократился вдвое. Закон о тепле обнаружил, что печь нельзя растопить пунктом 4.3. Закон о детских вопросах вернулся с двенадцатью новыми вопросами и без запрета.

— Так мы никогда не станем совершенными, — пожаловался один свиток.

— Зато можете стать полезными, — сказал Прохор, пришедший закончить прощание.

Его удостоверение бывшего депутата окончательно высохло и годилось теперь только для честного рассказа.

Тарас открыл обещанные курсы «Как не стать депутатом, если вас уже выбрало кресло».

Первое занятие называлось «Встаньте». Второе — «Выйдите». Третье отменили, потому что первые два оказались исчерпывающими.

Курсы пользовались успехом у мебели.

К вечеру Дом снова стал Домом, кладовая — кладовой, а варенье освободили из стратегического запаса.

Антонина Марковна пересчитала банки.

Одной не хватало.

В углу обнаружили бывшее председательское кресло. Оно ело варенье деревянной ложкой и пыталось выглядеть частным предметом.

— Возмещать будете? — спросила она.

Кресло указало на бывшего председателя.

Савелий указал на кресло.

Последствия Петровна вошла с двумя счетами.

— Прекрасно. Наконец каждый получит свою половину ответственности.

Кресло вздохнуло и предложило сделать из себя две табуретки.

— Разумная реформа, — одобрил Дом. — Меньше спинка — труднее прятаться.

Глава двести десятая

Закон, который не захотел вступать в силу

Последним оставался закон Савелия.

Он лежал на кухонном столе и отказывался вступать в силу.

— Бойтся? — спросил Гриша.

— Думает, — ответил Савелий. — Для закона это редкое, но допустимое состояние.

Текст понимал: если стать обязательным, он сам начнет говорить от имени тех, кто его не просил.

— Я защищаю право выбирать представителя, — сказал закон. — Но кто дал мне право защищать?

Эраст налил ему чаю. Бумага промокла по краю и стала менее официальной.

— Не обязательно командовать, чтобы помогать. Можно быть вопросом.

Савелий зачеркнул слова «имеет право» и написал: «Спросили ли человека?»

Закон уменьшился до карточки.

Ее повесили у входа в Республику черновики, рядом с зеркалом и крючком для чужих полномочий.

Каждый входящий должен был прочитать вопрос вслух.

Некоторые после этого разворачивались. Другие шли искать человека, которого собирались осчастливить. Третьи впервые меняли проект до начала торжественной части.

Парламент непринятых законов окончательно распустился.

Его люди разошлись по домам. Кресла остались мебелью. Законы — инструментами и черновиками.

Проход Лаврентьевич взял чемодан и ушел в свой округ пешком.

Савелий решил остаться при Республике черновики сторожем вопросов.

— Должность? — уточнил Мандат Выданович.

— Нет. Привычка.

Тарас продал две бывшие парламентские табуретки самому себе в рассрочку и сообщил, что спас культурное наследие от бесхозности.

Вера заставила его вернуть деньги обеим сторонам сделки.

Дом закрыл дверь в никуда и проверил, не осталось ли за ней еще какой-нибудь власти.

Там было тихо.

— Кажется, теперь можно поужинать, — сказал Эраст.

На стол поставили пирог — настоящий, без поправок.

Первый кусок достался Антонине Марковне как автору и исполнителю. Второй — детям. Третий Тарас попытался признать представительскими расходами, но получил по руке.

Ужин почти закончился, когда маленькая дверь в никуда открылась сама.

На пороге стоял высокий человек в пальто, сшитом из неоплаченных календарей.

Он держал счет, ушедший концом в завтрашний день.

— Министерство неиспользованных будущих возможностей, — представился он. — Взыскатель Потенциал Потапович Недожитый.

— Что вам нужно? — спросил Эраст.

— Оплата за все будущие, которыми вы не воспользовались: депутатское, парламентское, королевское и семьдесят три улучшенных варианта семейной жизни.

Вера протянула руку к счету.

— Кто заказывал?

— Возможности не заказывают. Их упускают.

Тарас заглянул в итоговую сумму и присвистнул.

— Эраст, быть никем оказалось дороже, чем мы думали.

Потенциал Потапович улыбнулся.

— Не никем. С собой. За это у нас самый высокий тариф.

Часть двадцать седьмая

Долги перед будущим

Глава двести одиннадцатая

Квитанция за несбывшееся

Потенциал Потапович разложил счет через весь кухонный стол. Конец документа ушел под дверь, пересек двор и, судя по шороху, продолжил начисляться где-то за сараем.

В верхней строке значилось: «Плательщик — гражданин, имевший неосторожность мог бы». Ниже шли пени за промедление, сомнение и одну особенно дорогую фразу «когда-нибудь потом».

— Здесь ошибка, — сказал Эраст. — Я не пользовался этими будущими.

— Именно поэтому и платите, — объяснил взыскатель. — Использованные возможности списываются по факту износа. Неиспользованные хранятся в идеальном состоянии, а хранение идеального нынче дороже жизни.

Тарас нашел в счете собственную строку: «Карьера великого реформатора — одна штука, упаковка не вскрыта».

— Почему у Эраста семьдесят три улучшенные семьи, а у меня одна реформа? Это дискриминация потенциала.

— У вас еще восемнадцать честных профессий, — сообщил Потенциал Потапович. — Но они идут мелким шрифтом, чтобы не пугать должника.

Вера дочитала до приложения и спросила, почему за семейные варианты выставили счет Эрасту, хотя половину решений принимала она.

— Министерство считает семью единым плательщиком, пока требуется взыскать, и отдельными должниками, когда требуется начислить дважды.

Антонина Марковна сняла очки.

— Молодой человек, вы ужинаете?

Взыскатель насторожился. В Министерстве его учили противостоять угрозам, подкупу и аргументам. Приглашения к столу в программу не входили.

— Я при исполнении.

— Исполнять натошак вредно. Потом будете взыскивать здоровье с государства, а оно дома не бывает.

Потенциал Потапович сел на край табуретки. Табуретка сразу спросила, согласен ли он быть представленным сидя. Он машинально подписал согласие на обороте счета.

Дом втянул документ внутрь и начал читать его стенами. На чердаке зашуршали невыбранные дороги. В подвале звякнули профессии, которыми никто не стал. В спальне на миг появились еще семьдесят три двери.

За первой Эраст жил с Верой богато, но встречались они по предварительной записи. За второй бедно, зато постоянно, потому что дверь не закрывалась. За третьей у них было девять детей и один общий календарь на всех.

— Ни один вариант не лучше, — сказала Вера. — Они просто другие.

— В документах написано «улучшенные», — возразил взыскатель.

— В рекламе чайника тоже написано «умный». Вчера он вскипел без воды и обиделся на электричество.

Потенциал Потапович поставил печать: «Возражение эмоциональное, следовательно, облагается пошлиной».

Последствия Петровна заглянула в счет и впервые побледнела.

— Это не просто квитанция. Каждая неоплаченная строка становится обязательной возможностью. Если не расплатитесь до полуночи, вам придется прожить всё перечисленное.

Тарас пересчитал страницы.

— Успеем. Я быстро живу.

— Последовательно, — уточнила Последствия Петровна. — Одновременно Министерство разрешает проживать только штрафы.

Взыскатель доел пирог, поднялся и оставил на столе песочные часы. Вместо песка в них сыпались маленькие календари.

— К полуночи представьте оплату либо выберите все будущие. Отказ от выбора считается выбором отказа и оплачивается отдельно.

Он ушел через дверь в завтра. Дверь захлопнулась, прищемив счет.

Дом перечитал итоговую сумму и застонал трубами.

— Я столько не стоил даже новым.

— Значит, будем обжаловать, — решил Эраст.

Счет тут же допечатал строку: «Будущее великого юриста». Сумма выросла вдвое.

Глава двести двенадцатая

Бюро упущенных карьер

Чтобы обжаловать счет, следовало явиться в Бюро упущенных карьер до того, как оно решит, кем посетитель мог бы там работать.

Бюро помещалось за дверью с табличкой «Вход для состоявшихся — со служебного разочарования». Дом открыл проход и на всякий случай велел всем вернуться собой.

В приемной сидели люди в мундирах непрожитых профессий. Бывший музыкант работал несостоявшимся бухгалтером. Несостоявшийся бухгалтер вспоминал, как мог бы стать моряком. Моряк выдавал справки о том, что в детстве рисовал лошадей.

У окна продавали трудовые книжки с чистыми страницами и богатым внутренним миром.

— Нам нужна проверка начислений, — сказал Эраст.

Регистраторша посмотрела поверх очков.

— Кем вы могли стать?

— Много кем.

— Конкретнее. Для «много кем» у нас очередь до конца всех времен.

Тарас перечислил: депутатом, министром, советником, спасителем, владельцем курсов и, при благоприятном стечении обстоятельств, честным владельцем курсов.

Регистраторша оживилась.

— Последняя профессия относится к мифическим. Нужна справка от дракона.

Дракона в приемной не оказалось, зато там сидела маленькая девочка в короне из неопубликованных грамот. Она могла стать великой правительницей, но предпочла кормить голубей.

— И с тебя требуют деньги? — спросил Гриша.

— Нет. Меня признали малолетней упущенной императрицей и назначили регентом человека, который хотел стать моим отцом.

В дальнем углу мужчина примерял белый халат, генеральские погоны и фартук кондитера. Каждая одежда тянула его в отдельный коридор.

— Нельзя выбрать всё, — сказал Эраст.

— Министерство считает, что можно. Оно складывает возможности, как будто человек — шкаф.

Дом обиделся издалека: хороший шкаф хотя бы знает, что в него не помещается.

Регистраторша выдала Эрасту личное дело толщиной с чужую биографию. В нем были карьеры, о которых он никогда не думал: укротитель государственных символов, переводчик с официального на человеческий, придворный муж при королеве Вере.

— Последнее вычеркиваем, — сказала Вера.

— Уже поздно. Вы прочитали и тем самым ознакомились с возможностью.

Из папки выскочил Эраст в бархатном камзоле, поклонился Вере и потребовал отдельную комнату для государственных поклонов.

Настоящий Эраст схватил его за воротник.

— Я таким не был.

— Но мог, — ответил бархатный. — Поэтому я опытнее.

Следом вышел Эраст-юрист, затем Эраст-генерал, Эраст-отшельник и Эраст, который однажды вовремя промолчал. Последнего никто не узнал.

Тарас открыл свое дело. Оттуда никто не вышел.

— Странно, — сказал он с обидой.

Из папки донесся голос: «Мы посоветовались и решили не рисковать».

Регистраторша поставила штамп: «Личность превышает допустимое количество вариантов».

— Где рассматривают такие дела?

— В Суде над вчерашним завтра. Но прежде сдайте всех себя в гардероб.

Эраст оглянулся на пятерых Эрастов. Каждый держался так, будто именно остальные были черновиками.

— Номерок один на всех, — предупредила гардеробщица. — Потеряете — получите обратно самого успешного.

— А настоящего?

— Настоящие у нас не хранятся. Они плохо висят и постоянно меняются.

Глава двести тринадцатая

Суд над вчерашним завтра

Суд располагался в зале, где завтра уже наступило, а вчера еще давало показания.

На возвышении сидел судья Будет Семенович Былов. Перед ним лежал молоток, которым он стучал только после вынесения решения, чтобы звук успевал предупредить прошлое.

— Рассматривается дело Кунилиных против возможностей, — объявил секретарь. — Истцы утверждают, что не обязаны оплачивать непрожитое. Ответчики утверждают, что без непрожитого истцы были бы гораздо беднее воображением.

Потенциал Потапович выступал одновременно взыскателем, свидетелем и человеком, занявшим лучшее место.

— Каждый гражданин получает при рождении безлимитный тариф будущего, — сказал он. — Пользование условно бесплатное. Отказ безусловно платный.

— Договор покажите, — потребовала Вера.

Взыскатель предъявил чистый лист.

— Условия становятся видны после смерти абонента.

— Тогда почему счет пришел сейчас?

— У вас подозрительно насыщенная жизнь. Система решила не ждать.

Суд вызвал первого свидетеля — вчерашнего Эраста. Тот вошел помятый, с нерешенными вопросами в карманах.

— Почему вы не стали депутатом? — спросил судья.

— Потому что не хотел.

— Вчера хотели?

— Вчера я хотел, чтобы меня оставили в покое.

— Это карьерная цель?

— Судя по сложности достижения — высшая.

Потенциал Потапович вызвал завтрашнего Эраста. Тот не явился, прислав записку: «Буду занят последствиями сегодняшнего заседания».

Суд расценил это как неуважение к будущему и уважительную причину одновременно.

Тогда пригласили бархатного Эраста из Бюро карьер.

— Я доказываю, что истец мог жить лучше, — заявил он. — У меня дворец, штат кланяющихся и три завтрака.

— А Вера? — спросил настоящий Эраст.

— По четвергам.

Вера поднялась. Бархатный вариант добровольно отказался от показаний и попросил вернуть его в папку до наступления четверга.

Судья перелистал календарь дела.

— Главный вопрос: принадлежат ли человеку возможности, которыми он не воспользовался?

— Конечно, — сказал взыскатель.

— Тогда почему плату получает Министерство? — спросила Мира.

В зале стало тихо. Даже будущее перестало шуршать, чтобы услышать ответ.

Потенциал Потапович объяснил, что Министерство обеспечивает охрану, учет и торжественное несбывание возможностей.

— От кого охраняете?

— От граждан. Они способны внезапно передумать и осуществить то, что уже внесено в план потерь.

Судья впервые посмотрел на чистый договор с подозрением.

Но в этот момент дверь распахнулась. В зал вошли семьдесят три женщины, и каждая держала свидетельство о браке с одним из возможных Эрастов.

Вера медленно повернулась к мужу.

— Надо же. А я думала, парламент был сложной частью недели.

Судья объявил перерыв до выяснения, сколько именно семей способен выдержать один ответчик и одна Вера.

Глава двести четырнадцатая

Семьдесят три счастливые семьи

Семьдесят три возможные супруги Эраста расположились в коридоре суда по степени семейного благополучия. Самые счастливые спорили громче всех.

Первая жила с Эрастом-королем и жаловалась, что он спасает мир только по государственным праздникам. Вторая была женой отшельника и видела мужа дважды: на свадьбе и в рекламной брошюре монастыря.

Третья утверждала, что ее Эраст идеален: всегда соглашается, моет посуду и не имеет собственного мнения.

— Это не Эраст, — уверенно сказала Вера.

Женщина проверила свидетельство. Женихом оказался хорошо обученный шкаф. Дом потребовал не порочить мебель удачным браком.

Каждая семья считалась улучшенной относительно другой. В одной было больше денег, в другой — времени, в третьей — взаимопонимания, но оно хранилось запечатанным для особых случаев.

У двадцать шестой семьи имелись дом у моря и вечный отпуск. Море ежедневно приходило в дом, а отпуск запрещал заниматься чем-либо осмысленным.

У сороковой супруги Эраст никогда не спорил. Она призналась, что через год начала спорить с зеркалом и проиграла.

Семьдесят третья женщина молчала. Рядом с ней стоял обычный Эраст — постаревший, усталый и удивительно спокойный.

— Чем ваш вариант улучшен? — спросила Вера.

— Ничем, — ответила женщина. — Мы просто прожили дольше.

Старый Эраст посмотрел на настоящего.

— Я появился из будущего, где ты выбирал все правильно. Настолько правильно, что каждое утро боялся ошибиться после завтрака.

— И что произошло?

— Мы устали улучшать жизнь и однажды начали ее жить. Министерство признало это нарушением условий качества.

Потенциал Потапович потребовал удалить свидетелей, не подтверждающих преимущества возможностей.

Тогда семьдесят три женщины сравнили свои браки. Через десять минут выяснилось, что каждая получила не лучшую жизнь, а одну удачную фотографию для ведомственного каталога.

Супруга короля завидовала жене отшельника, потому что тот хотя бы редко обещал. Жена отшельника завидовала бедной семье с общей кухней, где мужа можно было найти по звуку чайника.

Женщина со шкафом решила оставить его: он единственный не пытался стать лучше после замечаний.

Вера подошла к старой паре.

— Вы настоящие?

— Настолько, насколько может быть настоящее будущее, — ответила пожилая женщина. — Мы исчезнем, если вы выберете иначе. И останемся возможностью, если выберете так же.

— Удобно устроились, — сказал Тарас. — Существуете при любом отчете.

Старый Эраст протянул молодому маленький ключ.

— Министерство держит все варианты в Хранилище несостоявшихся жизней. Счет нужен не для денег. Им требуется ваше согласие считать варианты собственностью ведомства.

— Почему именно мое?

— Потому что ты слишком часто менял чужое будущее. В документах тебя признали крупным производителем возможностей.

Взыскатель попытался отобрать ключ. Семьдесят три супруги одновременно велели ему вытереть ноги, не перебивать и наконец определиться, кто он в этом доме.

Потенциал Потапович отступил. Даже Министерство не готовило сотрудников к коллективной семейной экспертизе.

Перерыв закончился. В зал вернулась только настоящая Вера.

— Остальные где? — спросил судья.

— Пошли возвращать свои жизни. А женщина со шкафом подала на мебельное гражданство.

Судья записал: «Семейные возможности оплате не подлежат ввиду отсутствия единого стандарта счастья».

Счет уменьшился на семьдесят три строки, но тут же добавил одну новую: «Упущенная возможность развестись после суда».

Вера порвала эту строку пополам.

Обе половины немедленно начислили себе алименты.

Глава двести пятнадцатая

Налог на мечту

После семейного заседания Министерство перешло к главному источнику дохода — мечтам, которые граждане имели без намерения осуществлять.

В город прибыли сборщики в серых плащах. Они измеряли мечты линейками, взвешивали надежды и наклеивали акцизные марки на воздушные замки.

За маленькую мечту брали немного. Большая облагалась по площади воображения. Несбыточная считалась предметом роскоши.

Тарасу начислили налог за мечту однажды проснуться знаменитым и не помнить, чем именно прославился.

— Я отказываюсь от мечты.

— Отказ повышает ее коллекционную стоимость.

Мире предъявили пошлину за мир, в котором взрослые отвечают на вопросы честно.

— Почему дорого?

— Высокая степень фантастичности.

Гриша прятал мечту стать драконом в коробке из-под обуви. Инспектор открыл крышку, и оттуда вылетело маленькое пламя.

— Опасная производственная мечта. Требуется лицензия на крылья.

— А если я хочу летать без крыльев?

— Тогда медицинская справка об отсутствии здравого смысла.

Дом получил счет за мечту быть обычным домом. Ведомство отнесло ее к особо невероятным.

Антонина Марковна заявила, что никогда не мечтает, а составляет планы. Сборщик открыл ее кладовую и обнаружил тридцать банок варенья с надписями «на зиму», хотя зим было запланировано только две.

— Стратегический резерв, — сказала она.

— Просроченное будущее, — ответил инспектор.

Банки арестовали. Через минуту арестованные банки организовали побег по полке, потому что вишневое варенье давно забродило и приобрело политическую волю.

В Республике черновики собрались жители. Каждый принес мечту, которую боялся показывать ведомству: открыть мастерскую, вернуться домой, уйти с должности, научиться читать, перестать быть примером для соседей.

Савелий повесил рядом с вопросом «Спросили ли человека?» новый: «Кому принадлежит его завтра?»

Потенциал Потапович прибыл с описью.

— Завтра принадлежит тому, кто обеспечивает его наступление.

— Солнцу? — спросил Гриша.

— Министерство рассматривает вопрос о передаче солнца в концессию.

Эраст достал ключ старого себя.

— Ведите нас в Хранилище.

— Доступ разрешен только сотрудникам и конфискованным мечтам.

Тарас поднял руку.

— Я мечтал стать сотрудником.

Сборщик сверился с реестром. Такая мечта действительно числилась: Тарас придумал ее секунду назад, но Министерство учитывало намерения быстрее совести.

Ему выдали серый плащ, портфель и подчиненного, мечтавшего никому не подчиняться.

— В качестве сотрудника я конфискую мечты этих граждан, — объявил Тарас.

— На каком основании?

— Чтобы доставить их в Хранилище лично.

Бюрократия задумалась и, не найдя запрета в трех экземплярах, согласилась.

Так Эраст, Вера, дети, Дом, Савелий и Антонина Марковна были опечатаны как партия особо опасных мечтаний.

Последствия Петровна пошла рядом без описи.

— А вы чья мечта? — спросил сборщик.

— Я то, что остается, когда мечты сталкиваются с инструкцией.

Ее пропустили без проверки. С последствиями ведомства предпочитали встречаться после отчетного периода.

Глава двести шестнадцатая

Будущее, которое пришло за собой

Хранилище несостоявшихся жизней занимало пространство между «еще можно» и «уже поздно». Снаружи оно помещалось в портфель Тараса, внутри уходило коридорами за горизонт.

На полках стояли города, семьи, открытия, тихие вечера и миллионы разговоров, которые люди собирались начать после подходящего случая.

Каждая возможность хранилась под стеклом. Под стеклом она выглядела прекраснее, чем могла бы стать на свободе.

— Вот секрет тарифа, — сказал Савелий. — Они берут плату за совершенство, которое сохраняется только потому, что никогда не проверялось жизнью.

У отдела государственных карьер стояли ряды Эрастов. Один был депутатом, другой министром, третий председателем Всемирной комиссии по скромности и носил восемнадцать орденов за непричастность.

Все одновременно повернулись к настоящему.

— Выберите меня, — сказали они. — Я спасу вас от остальных.

В центре зала возвышалась пустая витрина. На табличке значилось: «Самая ценная возможность Эраста Кунилиных. Изъята для служебного пользования».

Ключ открыл ее, хотя замок уверял, что ключ не сертифицирован.

Из пустоты вышел высокий человек без серого пальто. Лицом он напоминал Потенциала Потаповича, но под глазами у него лежали все непрожитые ночи Эраста.

— Наконец-то, — сказал он. — Я устал взыскивать самого себя.

Потенциал Потапович, стоявший у входа, побледнел и сделался почти прозрачным.

— Кто вы? — спросила Вера.

— Эраст, который однажды согласился со всеми возможностями сразу. Я стал депутатом, министром, королем, идеальным мужем, отсутствующим отцом и главным должностным лицом по собственной жизни.

Он рассказал, как выбирал каждую дорогу, боясь потерять остальные. Дороги наложились друг на друга, превратились в коридоры Министерства, а сам он стал их первым служащим.

— Потенциал Потапович — мое имя после того, как от человека оставили только то, чем он мог быть.

Взыскатель сорвал пальто. Под ним не оказалось тела — только квитанции, сложенные в форму человека.

— Я не знал, — прошептал он. — Мне выдали прошлое без права ознакомления.

— Министерство создано не государством, — продолжил будущий Эраст. — Его создают люди всякий раз, когда считают непрожитую жизнь настоящей, а настоящую — недостаточной.

Стеллажи дрогнули. Возможности услышали, что их тюрьма состоит не из стен, а из сожаления.

Эраст-депутат разбил стекло мандатом. Эраст-отшельник вышел через заднюю мысль. Идеальный супруг остался ждать разрешения Веры.

— Не дожدهшься, — сказала она. — Учись решать хотя бы это.

По Хранилищу разнесся звон. Миллионы вариантов вышли из витрин и потребовали немедленно стать реальностью.

Одни люди начали превращаться в художников, капитанов и владельцев маленьких кофеен. Другие одновременно уходили в монастырь, женились в третий раз и поступали на вечерние курсы игры на арфе.

Мир зашатался от массового исполнения желаний без проверки расписания.

— Освободить возможность мало, — сказал будущий Эраст. — Ей нужно вернуть право не сбываться.

— Возможности имеют право отказаться от человека? — удивился Тарас.

— После знакомства с некоторыми — обязаны.

Будущий Эраст подошел к взыскателю.

— Ты часть меня, которой я поручил считать потери. Вернись.

Потенциал Потапович посмотрел на свое бумажное тело.

— А если я не хочу снова быть вами?

Настоящий Эраст усмехнулся.

— Тогда вы уже не моя возможность. Вы человек.

Квитанции осыпались. Под ними остался растерянный мужчина средних лет, впервые не знавший, кем обязан стать.

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Теперь вам тоже выставят счет.

Глава двести семнадцатая

Нулевая возможность

Освобожденные будущие заполнили Хранилище до потолка. Каждое требовало выбора, а некоторые уже печатали предвыборные листовки.

Чтобы мир не лопнул от избытка осуществленного, следовало найти Нулевую возможность — будущее, в котором ничего еще не решено.

По архивной карте она находилась на нижнем этаже, ниже сожалений и выше здравого смысла.

Лифт соглашался ехать туда только с пассажирами, не имеющими планов.

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я? У меня есть план.

— Какой?

— Доехать и придумать.

Лифт признал это отсутствием плана повышенной квалификации и открыл двери.

Внизу не было полок. Посреди белого зала стоял ребенок и строил из пустых коробок то крепость, то лодку, то кассу по продаже крепостей лодкам.

— Ты Нулевая возможность? — спросила Мира.

— Пока нет, — ответил ребенок.

— А кем будешь?

— Пока да.

Взрослые некоторое время пытались понять ответ, а дети сразу сели помогать строить.

Будущий Эраст объяснил: Нулевая возможность появляется до первого названия. Как только ее называют профессией, судьбой или улучшенной семейной жизнью, она делится на варианты и становится товаром Министерства.

— Значит, надо ничего не выбирать? — спросил Савелий.

— Нет. Надо выбирать, не превращая выбор в приговор остальным дорогам.

Эраст вынул счет. В нем оставались депутатское, королевское и семь тысяч мелких будущих, возникших по дороге к суду.

Он положил бумагу перед ребенком.

— Что с этим делать?

Ребенок сложил из счета самолетик и запустил его к потолку.

Самолетик пролетел над залом. Строки отрывались от крыльев и превращались не в события, а в вопросы: «Хочешь?», «Зачем?», «Сейчас?», «А если передумаешь?»

Освобожденные возможности остановились.

Эраст-депутат прочитал «Зачем?» и снял значок. Эраст-король прочитал «Сейчас?» и попросил отпуск до коронации. Великий юрист встретился с вопросом «Хочешь?» и впервые попросил время на честный ответ.

Тарас поймал слово «А если передумаешь?» и спрятал в карман.

— Пригодится для договоров.

— Сначала для себя, — сказала Вера.

Хранилище начало меняться. Витрины стали окнами, стеллажи — перекрестками, учетные номера — указателями без обязательного направления.

Министерские служащие выбежали из кабинетов.

— Без учета наступит неопределенность!

— Она уже наступила, — ответил ребенок. — Просто раньше вы брали за нее деньги.

Будущий Эраст стал прозрачным.

— Если Министерство исчезнет, исчезну и я.

— Вы можете остаться, — сказал настоящий Эраст.

— Кем?

— Не знаю.

Для человека, прожившего все варианты, это оказалось самым щедрым предложением.

Он шагнул к одному из перекрестков без таблички. Потенциал Потапович пошел в другую сторону — учиться жить без ведомственного задания.

Ребенок протянул Эрасту чистую карточку.

— Это ваша Нулевая возможность.

— Что на ней писать?

— Что хотите.

— А правильно?

— Правильно будет потом. Если повезет.

Глава двести восемнадцатая

Счет оплачен настоящим

К полуночи Эраст вернулся домой с чистой карточкой вместо квитанции. Песочные часы досыпали последний календарь и потребовали итог.

Из двери в завтра вышла комиссия Министерства. Впереди шел исполняющий обязанности начальника, потому что начальник осуществил мечту уйти пораньше.

— Где оплата?

Эраст положил на стол чистую карточку.

— Здесь.

— Это ничего.

— Нет. Это будущее, которым я еще не воспользовался. Самая свежая единица вашего товара.

Комиссия измерила карточку. Она содержала бесконечное количество вариантов и ни одного основания для начисления.

— Вы обязаны выбрать хотя бы один.

— Сегодня я выбираю сегодняшний ужин.

— Это не будущее.

— Именно поэтому оно у меня есть.

Дом накрыл стол. На нем появились остатки пирога, освобожденное варенье и чайник, который отказался называться умным до окончания гарантии.

Комиссия попыталась опечатать настоящее, но печати ставились только задним числом и всё время попадали на вчера.

Савелий принес из Республики черновики новый проект: «О праве будущего не наступать досрочно».

— Принят? — спросили служащие.

— Нет. Обсуждается.

— Тогда не имеет силы.

— Зато имеет смысл. Попробуйте для разнообразия.

Мира раздала чиновникам вопросы с самолетки. Один прочитал «Зачем?» и сел. Второй получил «Кому выгодно?» и снял фуражку. Третий вытянул «А вы сами этого хотите?» и попросил воды.

Исполняющий обязанности отказался брать вопрос, сославшись на должностную инструкцию. Инструкция взяла вопрос вместо него, задумалась и уволилась.

Министерство начало исчезать из документов. Сначала пропали герб и печать, затем длинное название. Последним осталось слово «будущих». Оно вылетело в окно и стало обычным множественным числом.

Песочные часы перевернулись сами. Календари поднялись вверх, вернулись пустыми листами и перестали притворяться долгом.

Последствия Петровна проверила счет.

— Оплачен полностью.

— Чем? — спросил Тарас.

— Настоящим. Оно всегда идет по курсу один к бесконечности, но его редко принимают: слишком трудно хранить.

Антонина Марковна разлила чай. Бывшие чиновники остались ужинать, потому что впервые не знали, куда должны уйти завтра.

Потенциал Потапович вернулся под утро. Он сменил пальто из календарей на обычную куртку и принес хлеб.

— Нашли работу? — спросил Эраст.

— Нет. Нашел пекарню. Помог разгрузить муку. Оказалось, действие без карьерной перспективы тоже считается жизнью.

Тарас торжественно закрыл курсы по спасению от депутатства и немедленно открыл консультацию «Как не упустить возможность ничего не открывать».

Первым клиентом стал он сам. Консультация закончилась банкротством и редким чувством выполненного долга.

Вера повесила чистую карточку рядом с семейным календарем.

— Что напишем?

Эраст подумал.

— Завтра решим.

Карточка тихо засветилась, но счет не выставила.

Дом расслабил стены. Республика черновики открыла окна. Освобожденные возможности разошлись по миру — не требовать воплощения, а ждать приглашения.

Казалось, история закончилась правильно, а значит, следовало ждать неприятностей.

В дверь постучали.

На пороге стояла невысокая женщина с чемоданом, набитым уже произошедшими событиями.

— Управление неправильно использованного прошлого, — представилась она. — Ревизор Было Анфиса Поздновна.

Она раскрыла чемодан. Внутри лежали их победы, ошибки, два спасенных мира и один брак с нарушенной инструкцией по эксплуатации.

— Будущее вам списали, — сказала ревизор. — Теперь разберемся, правильно ли вы прожили прошлое.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Я всегда говорил: надо жить настоящим. У него хотя бы проверка приходит без предупреждения.

Анфиса Поздновна вынула первый акт.

— Начнем с вашего рождения. И сразу предупреждаю: объяснительная «я был маленький» принимается только до трех лет.

Часть двадцать восьмая

Прошлое подлежит возврату

Глава двести девятнадцатая

Объяснительная за рождение

Анфиса Поздновна разложила на столе акт о рождении Эраста. Документ был составлен задним числом настолько давно, что чернила успели приобрести жизненный опыт.

— В графе «цель появления» пусто, — сказала ревизор. — Обоснуйте необходимость рождения.

— Меня тогда не спросили, — ответил Эраст.

— Отсутствие согласования не освобождает от факта существования.

Тарас заглянул через плечо.

— А свидетели есть?

— Родители.

— Заинтересованные лица. Я бы такое рождение вернул на доработку.

Анфиса Поздновна открыла чемодан. Из него выполз маленький понедельник, пахнущий больничной кашей, и развернулся в комнату прошлого.

Посреди комнаты лежал младенец Эраст. Вокруг ходили взрослые, заранее приписывая ему ум, характер, профессию и сходство с родственниками, которых он еще не успел обидеть.

— Нарушение первое, — объявила ревизор. — Ребенок не соответствовал ожиданиям.

— Он лежит молча, — сказала Вера.

— Ожидали, что пойдет по стопам семьи.

— Он даже по своим пока не ходит.

Анфиса поставила отметку: «Неисполнение семейного плана с отягчающей беспомощностью».

Младенец посмотрел на взрослого Эраста и заплакал. Взрослый Эраст почувствовал неловкость, словно его уличили в незаконном детстве.

— Что от меня требуется?

— Объяснительная: почему вы родились именно собой, а не удобной версией для окружающих.

Эраст взял перо. Оно писало только то, что он думал тогда. На листе появились клякса, желание есть и глубокое несогласие с холодной пеленкой.

— Содержательно, — признал Савелий. — Особенно клякса. В ней меньше лжи, чем в половине принятых биографий.

Ревизор потребовала подпись младенца. Гриша обмакнул его ладонь в чернила, но ребенок ударил по акту и оставил пятерню прямо на печати Управления.

Печать обиделась и объявила отпечаток недействительным из-за отсутствия делового костюма.

Антонина Марковна завернула младенца потеплее.

— До трех лет, говорите, объяснение принимается? Вот и объяснение: маленький.

— Формулировка допускается только от первого лица.

Младенец икнул.

Дом перевел: «Я был маленький».

Анфиса Поздновна неохотно приняла объяснение и перешла к следующему пункту: Эраст в пять лет разбил чашку и обвинил кота.

— Кота давно нет, — сказал Эраст.

Из чемодана вышел огромный седой кот в орденах пострадавшего свидетеля.

— Я ждал пересмотра, — произнес он. — И компенсации сметаной с учетом инфляции.

Тарас пересчитал годы ожидания.

— Проще признать кота наследником чашки.

Ревизор внесла предложение в акт. В тот же миг все осколки чашки, когда-либо выброшенные, собрались в сервиз и потребовали отдельную полку.

Дом содрогнулся.

— Если так пойдет дальше, сюда вернется всё, что вы разбили в детстве. Я не рассчитан на археологию посуды.

Анфиса улыбнулась впервые.

— Это только рождение. До первой осмысленной ошибки еще три тома.

Глава двести двадцатая

Инвентаризация ошибок

К утру двор заполнился ошибками Эраста и Тараса. Управление вернуло их для сверки наличия, состояния и воспитательного эффекта.

Ошибки были разного размера. Маленькие прятались в карманах и шептали неверные имена. Большие занимали скамейки и утверждали, что в свое время казались единственно разумными решениями.

Самая упитанная ошибка Тараса представилась как «почти бесприкрытое вложение» и до сих пор продавала доли в собственном провале.

— Я на ней многому научился, — защищался Тарас.

— Чему? — спросила Вера.

— Не отвечать на этот вопрос без адвоката.

Анфиса Поздновна вручила каждому опись. Следовало указать первоначальную стоимость ошибки, остаточную глупость и место текущего хранения урока.

Эраст обнаружил, что половину уроков хранит в чужих советах. Он охотно объяснял людям, чего не надо делать, но сам уже не помнил, почему.

Одна ошибка подошла к нему и сняла шляпу.

— Вы меня совершили двенадцать лет назад, когда решили не звонить человеку, потому что было поздно.

— И что случилось?

— Ничего. В этом и моя специализация.

Ошибки без последствий считались особенно подозрительными. Управление полагало, что они уклонились от наказания и должны быть совершены повторно с надлежащим ущербом.

Последствия Петровна возмутилась.

— Я прихожу по необходимости, а не по плану. У вас тут что, государственный заказ на меня?

Анфиса показала ей ведомость. Государственный заказ действительно существовал и был перевыполнен человечеством еще в первом квартале истории.

В отдельной клетке сидела ошибка Эраста, благодаря которой он познакомился с Верой. Когда-то он открыл не ту дверь, попал не в тот мир и вмешался не в свое пророчество.

— Подлежит исправлению, — сказала ревизор. — Неверный маршрут, отсутствие разрешения, превышение спасательных полномочий.

— Если ее исправить, мы не встретимся, — ответила Вера.

— Личная выгода не делает нарушение правильным.

— А правильность делает жизнь лучше?

Ревизор не ответила. В ее бланке такой графы не было.

Тарас предложил оформить ошибку как маршрут с пересадкой. Управление согласилось рассмотреть ходатайство после предъявления билета, выданного до начала времен.

Мира открыла клетку. Ошибка выбежала, превратилась в знакомую дверь в никуда и спряталась в Доме.

Анфиса подняла тревогу. Из чемодана выскочили архивные сторожа — строгие даты в касках. Они окружили Дом и потребовали выдать неправильное прошлое.

Дом отказался.

— Это несущая ошибка. Уберите ее — половина комнат потеряет причину существовать.

— Значит, строение возведено с нарушениями.

— Разумеется. Поэтому и стоит. Правильные строения давно сдали и забыли.

Ревизор опечатала дверь, но печать прилипла к вчерашнему дню и ушла вместе с ним.

Ошибки начали смеяться. Оказалось, каждая помнила момент, когда человек был уверен, что поступает разумно.

— Без нас вы бы считали себя безошибочными, — сказали они. — А это крупнейшая ошибка, которую почему-то никогда не включают в опись.

Анфиса велела изъять все ошибки до окончания проверки.

Как только их увели, Эраст почувствовал необыкновенную уверенность в своей правоте.

Тарас тоже.

Они одновременно предложили два противоположных плана и впервые не нашли ни одной причины сомневаться.

Вера посмотрела на Анфису Поздновну.

— Верните ошибки немедленно. Эти двое без них опаснее любой власти.

Глава двести двадцать первая

Два мира на гарантийном ремонте

Управление признало оба спасенных мира результатами работ ненадлежащего качества. Эрасту выдали два талона на гарантийный осмотр и один — на бесплатную очередь.

Первый мир доставили во двор в прозрачном шаре. Он вращался неровно, скрипел материалами и жаловался на хронических героев.

— После вашего спасения у нас постоянно что-нибудь происходит, — сообщил представитель мира. — Раньше мы спокойно приближались к гибели. Теперь вынуждены жить и решать накопившиеся вопросы.

— Вы хотели погибнуть? — спросил Эраст.

— Нет. Но в проекте конца света всё было понятно, торжественно и с музыкой. А жизнь идет без сценария и требует текущего ремонта.

Анфиса записала: «Спасение произведено без инструкции по дальнейшей эксплуатации».

Второй мир оказался еще недовольнее. Его жители после спасения разделились на тех, кто считал Эраста великим героем, и тех, кто утверждал, что конец света был отменен по естественным причинам.

— Требуем повторить катастрофу при независимых наблюдателях, — заявил второй представитель.

— Чтобы доказать, что я вас спас?

— Чтобы решить спор. Если снова спасете, первая сторона победит. Если нет — вторая.

— А мир?

— Мир является площадкой общественной дискуссии.

Тарас предложил взять плату за повторное спасение, раз оно носит проверочный характер. Представители обоих миров немедленно объединились против коммерциализации героизма.

Гарантийный мастер Управления постучал по первому миру молоточком. Из шара посыпались несбывшиеся пророчества, три запоздалых дракона и инструкция на языке исчезнувшего народа.

— Неправильная сборка, — заключил мастер. — Герой должен был погибнуть красиво, а мир — осознать ценность жертвы.

— Я остался жив, — сказал Эраст.

— Поэтому мораль не закрепилась.

Мастер предложил исправить прошлое: вернуть Эраста в момент спасения, обеспечить героическую гибель и выдать миру памятную дату.

Вера взяла молоточек и постучала мастера по лбу.

— Что диагностируется? — спросил он ошеломленно.

— Пустота с ведомственным эхом.

Представитель первого мира признался, что главная претензия не к Эрасту. Жители устали быть спасенными. Каждый новый правитель ссылался на прошлую катастрофу и требовал благодарности за то, что пока не устроил следующую.

— Значит, гарантия нужна не на спасение, — сказала Мира. — А на право дальше жить без героя.

Савелий составил короткий акт: «Мир принят самим миром. Претензий к продолжению не имеет, но может предъявлять их по мере появления».

Первый шар перестал скрипеть. Материки расположились как им удобно, а не как было нарисовано на торжественной карте.

Во втором мире провели голосование: повторять ли конец света ради исторической точности. Большинство высказалось против. Сторонники повторения потребовали признать голосование концом демократии.

— Вот теперь он точно живой, — сказал Дом. — Недоволен даже тем, что выжил.

Анфиса Поздновна не приняла акты.

— Управление обязано определить, правильно ли вы спасли миры.

— Спросите миры, — ответил Эраст.

— Объекты проверки не могут оценивать качество проверяющего воздействия.

Оба шара одновременно выплюнули ревизора обратно во двор.

— Могут, — сказала Последствия Петровна. — Просто раньше им не выдавали форму заявления.

Анфиса поднялась, отряхнула прошлогоднюю пыль и поставила обоим мирам отметку «самовольная самостоятельность».

Миры с облегчением вернулись на свои орбиты. Гарантийные талоны остались лежать на столе.

Тарас забрал их.

— Пригодятся. Если сломается что-нибудь крупнее чайника, предъявим Вселенной.

Глава двести двадцать вторая

Свидетель, которого не было

Для завершения проверки Анфиса потребовала главного свидетеля всех событий — человека, который присутствовал при каждом спасении, браке, пророчестве и ошибке, но нигде не вмешивался.

— Такого не было, — сказал Эраст.

— Именно поэтому его показания считаются независимыми.

Ревизор достала из чемодана пустой стул. На спинке висела табличка: «Очевидец Отсутствий Никифорович Неучаствовавший».

Стул покашлял невидимым человеком.

— Свидетель подтверждает, что события происходили не так, — перевела Анфиса.

— Как именно он видел? — спросила Вера.

— Никак. В этом гарантия беспристрастности.

Очевидец сообщил, что Эраст спасал миры из личной заинтересованности, Тарас помогал из общественной корысти, а Дом укрывал незарегистрированные чудеса.

Дом открыл под стулом люк. Стул провалился, но невидимый свидетель остался сидеть в воздухе.

— Очень удобный очевидец, — заметил Савелий. — Не занимает места в событии, зато занимает всё место в протоколе.

Тарас заявил отвод свидетелю по причине отсутствия лица. Анфиса отказала: отсутствие лица являлось единственным подтвержденным качеством Очевидца.

Тогда Мира поставила перед пустым стулом зеркало.

В зеркале появился серый человек, составленный из чужих воспоминаний. Его лицо менялось каждый раз, когда кто-нибудь пытался его узнать.

— Кто вы? — спросила девочка.

— Тот, кого добавляют в историю, когда живым участникам не доверяют.

— Вы действительно всё видели?

— Я видел то, что записали после.

Очевидец признался: Управление создало его из примечаний, слухов и уверенных пересказов людей, которые пришли позже. Он существовал во всех версиях прошлого, потому что не принадлежал ни одной.

Анфиса приказала ему замолчать. Но зеркало продолжало говорить его отражением.

— В первом мире Эраст не произносил великой речи. Он чихнул перед решающим заклинанием, и враг решил, что это тайный сигнал.

— Я просил этот момент не записывать, — сказал Эраст.

— Поэтому его особенно хорошо запомнили.

— А Тарас?

— Тарас однажды случайно спас отряд, перепутав направление отступления. Позже он назвал это обходным наступлением задом наперед.

Тарас поклонился.

— История обязана уважать удачную формулировку.

Очевидец рассказал, как летописцы добавляли смысл случайностям, героизм — испугу, дальновидность — опозданию, а затем Управление проверяло людей по улучшенной версии их поступков.

— Значит, вы судите нас за несоответствие легенде, которую сами написали, — сказала Вера.

Анфиса закрыла чемодан, но прошлое уже выбралось наружу.

Во дворе появились летописцы. Они спорили, кто первым записал неправильную правду и кому принадлежат авторские права на подвиг Эраста.

Очевидец Никифорович встал со стула. Впервые у него появились ноги.

— Я хочу дать настоящие показания.

— Вы не можете, — сказала ревизор. — Настоящие показания требуют участия.

Тогда он взял чернильницу и вылил ее на официальный протокол.

— Теперь участвовал.

Чернила разлились по прошлому. Великолепные формулировки потекли, обнажая под ними испуг, случайность, любовь, глупость и несколько крайне неловких пауз.

Эраст посмотрел на свою неидеальную историю.

— Так гораздо больше похоже на меня.

Анфиса Поздновна впервые испугалась не нарушения, а точности.

Глава двести двадцать третья

Возврат детства без упаковки

Управление решило изъять детство Эраста как товар, использованный без сохранения первоначального состояния.

— Где упаковка? — спросила Анфиса.

— Какая упаковка?

— Беззаботность, доверие к взрослым, колени без шрамов. Согласно описи вы получили полный комплект.

Эраст попытался вспомнить. Вместо беззаботности нашлись страх темного коридора, сломанная игрушка и уверенность, что взрослые знают ответы, хотя взрослые в соседней комнате сами шепотом спрашивали друг друга.

— Комплект изначально был неполным.

— Претензии принимаются в течение семи лет с момента рождения.

Анфиса открыла чемодан и велела детству вернуться владельцу.

Во дворе пахло мокрой травой, мелом и летом, которое тогда казалось длиннее жизни. На дереве появилась доска, считавшаяся кораблем. Под лестницей возник штаб, в который взрослым вход запрещался даже по служебному удостоверению.

Эраст уменьшился до десяти лет, но сохранил взрослую память. Это сделало его самым тревожным ребенком во дворе.

— Не лезь высоко, упадешь, — говорил он самому себе.

— Я всегда лазил, — отвечал маленький Эраст.

— Именно поэтому знаю.

— Тогда зачем вырос, если всё равно боишься?

Тарас получил обратно собственное детство. Оно явилось в рваных штанах, с рогаткой и убедительной версией, почему окно разбилось само.

Маленький Тарас немедленно продал взрослому право не рассказывать Вере о трех старых проступках. Взрослый торговался и с гордостью сбил цену до суммы, которая всё равно принадлежала ему.

Мира и Гриша смотрели, как их отцы становятся детьми, и быстро поняли устройство воспитания.

— Так вот почему взрослые запрещают нам глупости, — сказала Мира. — Они уже заняли лучшие.

Анфиса провела инвентаризацию детских обещаний. Эраст обещал никогда не скучать, не бояться и не становиться таким серьезным, как взрослые. Все три обязательства были нарушены до тридцати лет.

— Начисляется возврат возраста, — сказала ревизор.

— А можно вернуть только серьезность? — спросила Вера.

— Частичный возврат личности не предусмотрен.

Дом впустил детство внутрь. Комнаты стали ниже, шкафы — выше, а кладовая — таинственнее любого портала. Бывшее председательское кресло превратилось в крепость, что значительно улучшило его общественную репутацию.

Антонина Марковна вынесла пирожки. Маленькие Эраст и Тарас взяли по два, взрослые потребовали соблюдать умеренность, после чего все четверо поссорились за последний.

Ревизор потребовала вернуть детство в чемодан до окончания проверки.

Но детство не хотело. Оно спряталось в Доме, оставив вместо себя грязные следы, смех и пять вопросов, на которые нельзя ответить отчетом.

Анфиса попыталась поймать его сетью дат. Даты проходили сквозь лето и застревали только в школьном расписании.

— Прошное обязано находиться в прошлом! — крикнула она.

— Оно и находится, — ответил маленький Эраст. — Это вы туда пришли с чемоданом.

Ревизор остановилась.

На мгновение ее лицо стало совсем юным. Она посмотрела на доску-корабль так, будто когда-то тоже плавала на такой, но забыла вернуться.

— Анфиса, — тихо спросила Мира, — а где ваше детство?

— Сдано на хранение при поступлении на службу.

— И квитанция есть?

Анфиса полезла в карман. Квитанции не оказалось.

Зато там лежал маленький деревянный свисток, который не значился ни в одной описи.

Глава двести двадцать четвертая

Исправленное прошлое

Потеря квитанции считалась в Управлении тяжким воспоминанием. Анфиса Поздновна немедленно объявила собственное детство служебной тайной и продолжила проверку с удвоенной строгостью.

Она развернула Машину исправленного прошлого — большой письменный стол с колесами, рычагом и корзиной для неудобных фактов.

— Каждое нарушение будет заменено правильным событием, — сказала ревизор. — Настоящее обязано улучшиться автоматически.

Первой исправили разбитую чашку. Пятилетний Эраст признался сразу, кот не пострадал, родители похвалили честность.

В настоящем седой кот исчез вместе с орденами. Эраст перестал помнить первую вину и приобрел неприятную привычку считать себя честным от природы.

Затем исправили случайную дверь, через которую он встретил Веру. Эраст вовремя прочитал табличку, повернул обратно и прожил безопасный вечер.

Вера исчезла из комнаты.

На стенах пропали семейные фотографии. Мира и Гриша стали прозрачными, а Дом потерял несколько окон и способность ворчать по поводу брака.

— Верните! — крикнул Эраст.

— Нельзя, — ответила Анфиса. — Событие исправлено успешно. Побочные последствия подтверждают эффективность.

Тарас схватился за рычаг, но Машина показала ему вариант прошлого, где он никогда не знакомился с Эрастом. Там Тарас был обеспеченным, уважаемым и совершенно неинтересным человеком, открывшим сеть курсов по избеганию риска.

— Кошмар, — прошептал он. — У меня даже налоги уплачены вовремя.

Он дернул рычаг обратно. Машина отказалась: исправления допускались только в сторону официального благополучия.

Савелий сунул в корзину проект закона о праве события оставаться ошибкой. Стол пережевал его и выдал справку, что право возникло слишком поздно.

Последствия Петровна ударила Машину своей папкой. Из корпуса вылетели сотни исправленных событий.

Люди не опаздывали на встречи и потому не знакомились с теми, кто менял их жизнь. Никто не говорил лишнего и никто не слышал случайной правды. Все выбирали надежные дороги и прибывали в места, куда не хотели.

Исправленное прошлое было безупречным. В нем отсутствовали приключения, примирения, прощение и необходимость становиться лучше после глупости.

— Зато нет ошибок, — сказала Анфиса.

— Нет людей, которые их пережили, — ответил Эраст.

Он нашел в корзине неправильную дверь. Та была смята, покрыта печатями и по-прежнему открывалась не туда.

Эраст шагнул в нее.

За дверью стояла Вера в прошлом, в тот самый миг до их встречи. Она еще не знала его и уже была недовольна тем, что кто-то опаздывает спасти мир.

— Кто вы? — спросила она.

— Человек, который снова ошибся дверью.

— Тогда заходите. Правильные что-то задерживаются.

Встреча повторилась не так, как прежде. Эраст сказал другую фразу, Вера подняла другую бровь, но мир опять оказался в опасности, а они — рядом.

В настоящем фотографии вернулись, только на одной Тарас почему-то держал свадебный торт вверх ногами.

— Так даже достовернее, — сказал он.

Мира и Гриша снова стали плотными. Дом вернул окна и немедленно пожаловался, что одно теперь выходит в бухгалтерию драконов.

Анфиса смотрела на неправильную дверь.

— Вы повторили нарушение.

— Нет, — сказал Эраст. — Я сделал новую ошибку. Прошлая принадлежит прошлому.

Машина исправлений задымилась. Она умела заменять случившееся правильным, но не понимала людей, способных выбрать неправильное второй раз и назвать это любовью.

Из стола выпал деревянный свисток — такой же, как у Анфисы.

Ревизор подняла его, и Машина назвала владельца: «Фиса, девять лет. Нарушение — ушла из дома искать конец радуги».

Анфиса Поздновна села.

— Я не вернулась?

— Вернулись вы, — сказала Мира. — Не вернулась Фиса.

Глава двести двадцать пятая

День, который отказался происходить

Утро не наступило. Оно подошло к Дому, увидело Машину исправленного прошлого и заявило, что не желает становиться материалом для будущей проверки.

Солнце осталось за горизонтом, часы остановились между «пора» и «еще пять минут», а петух потребовал письменную гарантию, что его крик не признают преждевременным.

— День обязан произойти, — сказала Анфиса.

— На каком основании? — спросило утро из-за двери.

Ревизор открыла кодекс. Основания для наступления дня нигде не было: до сих пор это происходило самовольно.

Тарас немедленно предложил оформить утро как временное мероприятие и продавать билеты на рассвет. Вера отобрала у него кассу до восхода солнца.

Без нового дня прошлое начало накапливаться. Каждая минута, не успев стать настоящей, сразу отправлялась в чемодан Анфисы. Чемодан раздулся до размеров учреждения.

Из него вышли служащие Управления неправильно использованного прошлого. Они расставили столы прямо во дворе и начали проверять друг друга.

— Вы вчера поставили печать под углом семь градусов, — сказал один.

— А вы заметили только сегодня, которого нет, — ответил другой.

Через час всё Управление оказалось виновным в том, что уже произошло.

Анфиса пыталась восстановить порядок, но деревянный свисток в ее руке свистнул сам. Из чемодана выбежала девятилетняя Фиса.

Она была босая, сердитая и держала карту до конца радуги, нарисованную на обратной стороне служебной инструкции.

— Ты зачем стала ревизором? — спросила девочка взрослую себя.

— Чтобы прошлое больше никого не обманывало.

— А меня зачем спрятала?

Анфиса вспомнила: в детстве она ушла искать конец радуги, заблудилась и вернулась поздно. Взрослые не обрадовались возвращению, а долго объясняли, какой неправильной она была. После этого Фиса решила проверять каждый шаг заранее.

— Я хотела никогда больше не ошибаться.

— Получилось?

Служащие вокруг выписывали друг другу акты на акты. Машина исправлений горела правильным синим пламенем. Утро по-прежнему отказывалось входить.

— Не вполне, — признала Анфиса.

Фиса протянула ей карту.

— Пойдем искать радугу.

— Сейчас ночь.

— Поэтому можем не найти. Это удобнее, чем снова прийти не туда.

Анфиса сняла служебный жакет. Под ним оказалось простое платье, в кармане которого много лет хранился кусочек цветного стекла.

Ревизор и девочка шагнули за ворота. Они дошли до холма, где ночь уже становилась серой.

— Я могу исправить тот день, — сказала взрослая Анфиса. — Не уходить из дома.

— Тогда ты никогда не узнаешь, что умеешь возвращаться.

Анфиса долго смотрела на карту, затем порвала акт о собственном нарушении.

Утро выглянуло из-за горизонта.

— Проверять будете?

— Нет, — ответила Анфиса. — Но если наступишь плохо, попробуешь еще раз завтра.

День согласился произойти на испытательный срок.

Солнце поднялось без разрешения. Петух прокричал с ошибкой в третьей ноте и отказался подавать объяснительную.

Чемодан Управления раскрылся. Накопленное прошлое высыпалось наружу и разошлось по владельцам — не исправленным, а признанным.

Фиса растворилась в Анфисе, оставив на ее лице веснушки, которых не было в служебной фотографии.

— Проверка окончена? — спросил Эраст.

— Нет, — сказала Анфиса. — Теперь она впервые начнется честно.

Глава двести двадцать шестая

Акт выполненных нарушений

Честная проверка заняла меньше часа. Анфиса убрала печати, закрыла Машину исправлений и стала спрашивать не «правильно ли», а «что из этого вышло».

Из разбитой чашки вышли вина и первый урок ответственности. Из неправильно открытой двери — Вера, дети, Дом и несколько миров, которые предпочли бы никогда не читать гарантийные условия.

Из ошибок Тараса вышли долги, истории и странная способность находить выход там, где разумный человек не стал бы искать вход.

— Полезность спорная, — заметила Анфиса.

— Поэтому универсальная, — ответил Тарас.

Очевидец Никифорович принес очищенный от легенд протокол. В нем Эраст не был безупречным героем: он боялся, опаздывал, сердился, иногда хотел уйти и несколько раз спасал мир главным образом потому, что не успел придумать, как отказаться.

— Подписываете? — спросил свидетель.

— Теперь да.

Вера добавила на полях: «Еще храпит после особенно тяжелых подвигов».

Эраст попытался возразить, но честная версия прошлого уже пользовалась семейным большинством.

Анфиса составила итоговый акт: «Нарушения имели место, последствия продолжаются, устранение нарушений признано опасным для лиц, возникших благодаря им».

— А виновные? — спросил Савелий.

— Живы. Это достаточная мера ответственности.

Она вернула Эрасту ошибки. Те заняли свои места в памяти, но теперь не прятались под вывесками опыта. Самая крупная потребовала отдельную комнату и обещала больше не повторяться без предварительного уведомления.

Тарас получил обратно «почти беспроигрышное вложение». Ошибка немедленно предложила ему новую схему возврата потерянного.

— Нет, — сказал Тарас.

Все замолчали.

— Запишите дату, — прошептал Дом. — Возможно, это историческое событие.

— Я просто понял урок.

Ошибка обняла его.

— Не волнуйся. Я приду в другой одежде.

Два спасенных мира прислали акты самостоятельной приемки. Первый попросил больше не называть его спасенным. Второй назначил комиссию по выяснению, действительно ли он просил не назначать комиссии.

Анфиса вернула в чемодан только официальные легенды. Очевидец Никифорович оставаться там отказался и устроился летописцем в Республику черновиков.

— Что будете писать? — спросила Мира.

— Несколько версий. И оставлять место для тех, кто был внутри события.

Детство Эраста и Тараса не вернулось полностью. Оно оставило во дворе доску-корабль, рогатку без камней и разрешение иногда не знать, зачем именно взрослые делают разумное лицо.

Анфиса закрыла чемодан. Теперь он был почти пуст.

— Управление придется распустить, — сказала она. — Если прошлое нельзя исправлять без настоящих потерь, наша работа становится опасной.

— Разве это мешало государственным учреждениям? — удивился Тарас.

— Нет. Но теперь я это помню.

Она сняла табличку ревизора и повесила ее на Машину исправлений. Машина немедленно проверила саму себя, нашла конструктивную ошибку и сложилась в обычный письменный стол.

За стол сел Савелий и начал черновик закона о праве человека на неисправленное прошлое. Первую версию он сразу зачеркнул, чем подтвердил ее основную мысль.

Вечером Антонина Марковна поставила на стол восстановленную чашку. Трещина осталась видна.

— Можно было склеить ровнее, — сказал Эраст.

— Можно. Но тогда ты опять обвинишь кота, а он уже сметану получил.

Седой кот устроился рядом и потребовал проценты за нравственные страдания.

Дом закрыл неправильную дверь, не запирая. Утро оставило расписку, что вернется завтра без гарантий.

Казалось, прошлое наконец заняло свое место — позади, но не под замком.

Тогда чистая карточка будущего, висевшая у календаря, начала заполняться сама.

На ней появилось: «Настоящим уведомляем: сегодня вы были избраны депутатом вчерашнего созыва».

Эраст перечитал фразу трижды.

— Как можно быть избранным сегодня во вчерашний созыв?

Анфиса Поздновна заглянула через плечо.

— Если Управление прошлого распущено, все его незакрытые должности распределяются между участниками проверок.

— Я не соглашался.

Карточка допечатала: «Согласие получено в исправленной версии события, которая официально отменена, но кадрово учтена».

Тарас сел на бывшее председательское кресло. Оно было уже двумя табуретками, поэтому он промахнулся между ними.

— Поздравляю, Эраст. Ты первым сумел не стать депутатом будущего и стать депутатом прошлого.

В дверь постучали сразу вчера, сегодня и немного завтра.

За порогом стояла делегация бывших событий с урной для голосования.

— Кунилин Эраст Акакиевич? — спросило его собственное рождение. — Просим принять полномочия представителя прошлого. Отказ возможен только до того, как вы родились.

Часть двадцать девятая

Парламент заднего числа

Глава двести двадцать седьмая

Избиратели, которые уже случились

Делегация прошлого вошла в Дом без приглашения, потому что приглашение, как выяснилось, было отправлено вчера и считалось полученным независимо от адресата.

Впереди шло рождение Эраста — маленькое, красное и возмущенное тем, что его до сих пор используют как начало биографии. За ним двигались разбитая чашка, неправильная дверь, два спасенных мира и несколько пауз, в которых Эраст когда-то не нашел нужных слов.

Урну для голосования несли четыре понедельника. Один из них был лишним, но никто не мог вспомнить, в каком месяце.

— Мы ваши избиратели, — сказала неправильная дверь. — Каждый из нас уже произошел и потому не способен передумать. Это делает электорат исключительно надежным.

— Я не выдвигался, — ответил Эраст.

— Выдвижение состоялось в исправленной версии прошлого.

— Ее отменили.

— Отменили событие, но не протокол. Протокол переживает реальность при правильном хранении.

Тарас заглянул в урну. Внутри лежали бюллетени с единственным кандидатом и графой «затрудняюсь вспомнить».

— А другие кандидаты?

— Не прошли возрастной ценз. На момент выборов еще не родились.

Рождение Эраста потребовало, чтобы депутат защищал право каждого начала не отвечать за продолжение.

Разбитая чашка хотела закон о компенсации вещам, ставшим нравственным уроком без согласия владельца.

Несказанные слова требовали предоставить им время в эфире, желательно двенадцать лет назад, когда от них еще был смысл.

Первый спасенный мир просил запретить выражение «мы вас спасли» после истечения срока благодарности. Второй настаивал на референдуме о том, был ли первый референдум достаточно историческим.

— У избирателей противоречивые требования, — сказал Эраст.

— Поздравляю, — ответила Анфиса. — Ваш мандат подлинный.

Вера спросила, где находится парламент вчерашнего созыва.

Делегация указала на старую дверь в кладовой. На ней висела новая табличка: «Заседание уже состоялось. Вход продолжается».

Дом отказался открывать дверь.

— Я только избавился от одного парламента. У меня архитектурная усталость от представительной власти.

Неправильная дверь предложила заменить его собой. Дом согласился при условии, что она хотя бы раз откроется туда, куда написано.

Дверь открылась в зал, которого вчера не было, но сегодня он считался памятником давно работающего учреждения.

Эраст попытался остаться на кухне. Его свидетельство о рождении вытянулось в мандат, обвилось вокруг талии и повело депутата на первое заседание.

— Я пойду с тобой, — сказала Вера.

— Супруги допускаются только в качестве семейных обстоятельств, — предупредила Анфиса.

— Тогда я буду отягчающим.

Тарас назначил себя помощником депутата на общественных началах и сразу потребовал оплатить окончания.

Мира и Гриша взяли седого кота. Кот представлял чашку, сметану и независимую судебную практику.

Перед входом Эраст оглянулся на настоящее. Оно стояло за спиной без протокола и выглядело единственным местом, где его пока никто не избрал.

— Скоро вернусь, — сказал он.

Карточка будущего допечатала: «Обещание депутата зарегистрировано. Исполнение не предусмотрено».

Глава двести двадцать восьмая

Мандат из свидетельства о рождении

Парламент заднего числа заседал в круглом зале, чтобы у прошлого не было крайнего. Вместо депутатов на местах сидели события: выпускной вечер, несостоявшаяся драка, первый заработок, чужая свадьба и одна среда, которую все почему-то считали важной.

Председательствовал Юбилей Памятович Годовщин — торжественная дата с лентой через календарь.

— Новый представитель прибыл с опозданием на всю жизнь, — объявил он.

— Меня выбрали без согласия, — сказал Эраст.

— Согласие относится к настоящему времени. Мы работаем с формами, которые уже подписаны.

Мандат усадил Эраста на скамью. Скамья была сделана из школьной парты, первого рабочего стола и семейного дивана, поэтому одновременно требовала отвечать урок, соблюдать должностную инструкцию и не крошить печенье.

Первым пунктом повестки значился закон «О правильном значении совершенных поступков».

— Факты менять запрещено, — объяснил Юбилей Памятович. — После закрытия Управления у нас осталась возможность менять их толкование. Она дешевле и почти не оставляет следов.

Парламент постановил, что все опоздания Эраста следует считать стратегическими задержками, страх — осторожностью, а удачу — результатом дальновидного планирования.

— Я против, — сказал Эраст.

— Отмечаем скромность героя, — продиктовал председатель.

— Я не герой в каждом эпизоде.

— Отмечаем исключительную скромность.

— Иногда я просто ошибался.

— Скромность с элементами самокритики. Единогласно.

Вера поднялась с места семейного обстоятельства.

— Вы превращаете человека в памятник при жизни.

— Памятник удобнее человека. Он не спорит с надписью.

Тарас предложил оставить на памятнике место для рекламы. Парламент внес его инициативу в раздел исторического вандализма с коммерческим потенциалом.

Седой кот запрыгнул на трибуну и потребовал вернуть в протокол чашку. Секретарь ответил, что в официальной биографии Эраста эпизод с котом признан незначительным.

Кот толкнул со стола чернильницу.

— Теперь значительный, — перевел Гриша.

Следующим обсуждали происхождение мандата. Свидетельство о рождении утверждало, что раз Эраст появился в прошлом, то обязан его представлять.

— По этой логике каждый живой человек депутат прошлого, — сказал Савелий.

Зал замолчал. Мысль оказалась опасной: если все депутаты, исчезала возможность назначить кого-нибудь одного виноватым за историю.

Юбилей Памятович внес поправку: депутатом считается тот, кто случайно оказался рядом в момент распределения полномочий.

— Это уже похоже на правду, — признал Тарас.

Мандат сжал Эраста крепче и открыл вторую страницу. Там перечислялись его обязанности: говорить от имени событий, не способных говорить сами; оправдывать решения людей, давно передумавших; обеспечивать прошлому достойный вид на фотографиях.

— А право у меня есть?

— Разумеется. Вы вправе добровольно исполнять обязанности.

Эраст взял свидетельство о рождении и разорвал его пополам.

Обе половины превратились в два мандата: один представлял факт рождения, другой — последствия.

— Документы прошлого размножаются при попытке уничтожения, — сказала Анфиса.

— Особенно если у них есть копия в архиве.

Тарас забрал второй мандат.

— Последствия я возьму. Они мне привычнее.

Последствия Петровна посмотрела на него поверх папки.

— Не льстите себе. Вы их обычно не берете. Вы их производите.

Глава двести двадцать девятая

Заседание, которое уже закончилось

Когда Эраст потребовал обсуждения своего отказа, секретарь сообщил, что этот вопрос уже рассмотрели вчера и перенесли на позавчера из-за отсутствия будущего решения.

— Но меня здесь не было.

— Ваше отсутствие присутствовало и проголосовало за вас.

На месте Эраста действительно сидела прозрачная фигура. Она имела его очертания и выражение человека, которому давно всё равно.

— Я ваше Отсутствие Акакиевич, — представилась фигура. — Пока вы жили, я посещал собрания, встречи и семейные разговоры, на которых вы мысленно находились в другом месте.

Вера узнала его сразу.

— Особенно хорошо вы представляли мужа во время разговора о ремонте.

Отсутствие поклонилось.

— Мой лучший созыв.

Эраст потребовал протокол вчерашнего заседания. Ему выдали пустую книгу: решения вносились только после того, как становились необратимыми.

Председатель объявил, что парламент принял три закона.

Первый запрещал прошлому меняться в памяти без согласования с официальной версией. Второй требовал ежегодно повторять выводы из ошибок, независимо от того, сохранились ли ошибки. Третий устанавливал памятные даты для событий, которые никто не помнит.

— Как можно отмечать то, чего никто не помнит? — спросила Мира.

— Торжественно. Чем меньше воспоминаний, тем больше речи.

В зал внесли забытый подвиг. Он был небольшим: когда-то Эраст уступил место уставшему человеку и не рассказал об этом никому.

Парламент хотел превратить его в государственный праздник скромности.

— Тогда это уже не скромность, — сказал Эраст.

— После утверждения календаря смысл вторичен.

Забытый подвиг испугался оркестра и спрятался под скамьей.

Тарас предложил отмечать праздник без выходного дня, чтобы граждане не злоупотребляли благодарностью. Юбилей Памятович назначил его председателем рабочей группы по торжественному отсутствию отдыха.

— Я пошутил.

— Шутки, внесенные в протокол, становятся инициативами.

— Тогда вычеркивайте.

— Вычеркивание станет поправкой.

— Сжигаю.

— Исторический акт несогласия. Благодарим за вклад.

Тарас впервые встретил систему, способную извлечь пользу даже из его сопротивления, и почувствовал профессиональную ревность.

Эраст обратился к событиям напрямую.

— Вы действительно хотите, чтобы я говорил за вас?

Разбитая чашка хотела сметаны для кота. Рождение хотело покоя. Неправильная дверь мечтала перестать называться неправильной. Несказанные слова просили не произносить их теперь, когда они только причинят новую боль.

— Нет, — ответили события. — Мы хотим, чтобы нас наконец услышали, а не представляли.

Мандат ослабил хватку.

Председатель ударил календарным молотком.

— Прямой разговор избирателей с прошлым подрывает основы представительства!

— Тогда зачем депутат? — спросил Гриша.

— Чтобы объяснять избирателям, чего они хотели, до того как они начали говорить сами.

Отсутствие Акакиевич поднял руку.

— Я заявляю о сложении полномочий.

— По какой причине?

— Хочу впервые где-нибудь не присутствовать по-настоящему.

Он исчез. На его месте осталось свободное кресло и ощущение, что заседание только теперь началось.

Глава двести тридцатая

Поправка к собственному детству

Парламент решил проверить лояльность Эраста самым надежным способом — предложил улучшить его детство без изменения фактов.

— Мы не будем ничего исправлять, — заверил Юбилей Памятович. — Только придадим правильный смысл.

Во двор внесли доску-корабль. В официальном толковании она стала ранним проявлением управленческого таланта: маленький Эраст назначал друзей матросами, распределял обязанности и первым покидал судно, когда мама звала обедать.

— Это была игра, — сказал Эраст.

— Все великие карьеры сначала называют игрой, пока не появляется бюджет.

Рогатку Тараса объявили прототипом дальнобойной системы общественного воздействия. Разбитое окно — первым испытанием прозрачности власти.

Тарас растрогался.

— Всю жизнь чувствовал, что опережал эпоху. Особенно когда убегал от хозяина окна.

Анфиса Поздновна нашла среди документов собственную карту до конца радуги. Парламент предложил признать ее ранней схемой территориального планирования.

— Нет, — сказала Анфиса. — Я просто хотела найти радугу.

— Детские мотивы не обладают достаточной государственной зрелостью.

Мира положила карту на стол.

— А взрослые мотивы обладают?

Юбилей Памятович сослался на закрытый отчет, написанный взрослыми мотивами о собственной зрелости.

Савелий предложил поправку: «Детство не является черновиком взрослого человека».

Парламент возразил, что без такой трактовки невозможно доказать неизбежность биографии выдающейся личности.

— Я не был неизбежным, — сказал Эраст. — И сейчас не очень уверен.

— Скромность героя уже учтена в предыдущем законе.

Тогда маленький Эраст выбежал из Дома, забрал доску и объявил парламент пиратским кораблем.

— На каком основании? — спросил председатель.

— Потому что вы крадете чужое детство.

Дети подняли черный флаг из школьного фартука. Гриша командовал пушками, сделанными из табуреток. Мира составляла требования экипажа: вернуть играм право ничего не предвещать.

Парламент направил к пиратам комиссию по делам несовершеннолетнего исторического значения. Комиссию взяли в плен и заставили играть в прятки без протокола.

Взрослые события начали переходить на сторону детей. Первый заработок признался, что вовсе не доказывал трудолюбие Эраста: ему просто хотелось купить вещь, которую родители считали глупостью.

Школьная драка сообщила, что не была борьбой за справедливость. Два мальчика не поделили мелочь, а потом оба забыли какую.

Первая любовь отказалась становиться уроком нравственного взросления.

— Я была глупой, прекрасной и закончилась не вовремя. Оставьте меня такой.

Официальные толкования стали отваливаться от событий, как старые таблички. Под ними обнаружили причины поменьше, зато живее.

Юбилей Памятович приказал Эрасту восстановить историческое значение детства.

— Как депутат вы обязаны защитить прошлое от его участников.

Эраст снял один из двух мандатов и повязал его на мачту корабля.

— Как депутат я объявляю парламентскую неприкосновенность игры.

— Такой нормы нет.

— Теперь есть. Мы только что придумали.

— Прошное не терпит новых норм!

— Тогда почему выбрало нового депутата?

Зал загудел. Вопрос оказался новее, чем позволяла его дата.

Маленький Эраст протянул взрослому руку.

— Оставайся капитаном.

— Мне нельзя. Я взрослый.

— Это должность?

Эраст посмотрел на свой мандат.

— Хуже. Привычка.

Глава двести тридцать первая

Оппозиция несказанных слов

Несказанные слова заняли левую половину зала. Правая пустовала: сказанные вовремя слова редко доходили до политики.

Оппозицию возглавляло короткое «прости», которое Эраст не произнес много лет назад. Оно было тихим, но за годы молчания приобрело значительный вес.

Рядом сидели «останься», «мне страшно», «я был неправ» и одно особенно раздраженное «нет», замененное когда-то вежливым согласием.

— Требуем немедленного произнесения, — заявили слова.

— Адресаты изменились, — сказал Эраст. — Некоторые ушли. Некоторые уже не ждут.

— Задержка произошла по вине говорящего.

Парламент поддержал оппозицию. Несказанные слова признали задолженностью речи и начислили им право быть услышанными независимо от последствий.

Первым выпустили старое «я тебя люблю». Оно нашло человека, которому предназначалось до встречи Эраста с Верой, и постучало в чужую семейную жизнь.

Вера поймала фразу за воротник.

— Любовь была тогда?

— Мне так казалось, — ответило слово.

— Тогда и оставайся там. Сейчас ты уже не признание, а вмешательство.

Фраза задумалась и превратилась в теплое воспоминание, не требующее ответа.

Следующим рванулось «я был прав». Оно хотело вернуться в давний спор и победить человека, который давно забыл тему.

Тарас остановил его.

— Бесполезно. Если спор забыт, победителем считается тот, кто рассказывает последним. Я уже рассказал.

Слова возмутились: им обещали справедливость, а получили обстоятельства.

Савелий объяснил, что право быть сказанным не означает обязанности другого человека слушать через десять лет.

— Тогда что нам делать? — спросило «прости».

Эраст взял его на ладонь.

— Иногда извинение нужно не для возвращения прошлого. А чтобы перестать оправдывать себя в настоящем.

Он произнес слово без свидетелей, адреса и требования прощения.

«Прости» стало легче и растворилось.

«Мне страшно» выбрало остаться. Эраст сказал его Вере сейчас, перед всем залом.

— Чего? — спросила она.

— Что парламент превратит мою жизнь в биографию человека, которого я не узнаю.

— Не превратит. Я храню домашнюю версию. Там ты споришь с чайником и забываешь, куда положил ключи.

Юбилей Памятович потребовал исключить семейную редакцию как подрывающую государственное величие.

Седой кот принес ключи из-под дивана и положил на трибуну. Государственное величие отступило перед вещественным доказательством.

Самым последним оставалось «нет». Оно было сказано «да» на предложение, которое Эраст не хотел принимать. Из этого согласия выросла цепь обязанностей, знакомств и одна спасенная жизнь.

— Если вернуть «нет», исчезнет хорошее, возникшее после, — сказал Эраст.

— А если оставить «да», ты снова предашь себя, — ответило слово.

Анфиса Поздновна посмотрела на него.

— Прошлое не выбирает повторно. Но настоящее может признать, что тот выбор был несвободным.

Эраст поставил «нет» рядом с «да». Оба слова остались в истории: одно как поступок, другое как правда о нем.

Парламент пришел в ужас. Две версии одного решения разрушали удобную однозначность.

Несказанные слова перестали быть оппозицией. Они разошлись по воспоминаниям — не требовать позднего исполнения, а возвращать людям утраченный голос.

На пустой левой стороне зала появилось новое слово.

Оно было сказано только что и звучало просто:

— Хватит.

Глава двести тридцать вторая

День голосует против календаря

Слово «хватит» оказалось процедурно сложным. Парламент назначил голосование на вчера, когда его еще никто не произнес.

Для кворума созвали дни из биографии Эраста. Пришли первый день школы, день свадьбы, два конца света, три совершенно обычных вторника и день, который недавно отказался происходить.

Каждому выдали по календарному листку. Памятные даты получили золотые бюллетени, обычные — серые, а забытые дни должны были доказать, что существовали.

Один обычный вторник возмутился.

— Почему свадьба весит больше меня? В ней было шесть часов. Во мне — двадцать четыре.

— Историческая значимость, — пояснил Юбилей Памятович.

— В тот день Эраст проспал, опоздал и вечером ел суп. Разве это не честнее трех тостов, которые никто не слушал?

День свадьбы обиделся, но признал, что половину его содержания создали фотографии задним числом.

Два конца света потребовали особых мест. Им отказали: один не состоялся, второй состоялся недостаточно окончательно.

Тарас начал скупать голоса обычных дней, обещая сделать каждый выходным после победы.

— У тебя нет полномочий, — сказала Вера.

— У обещания тоже. Это делает нас равноправными участниками кампании.

День, отказавшийся происходить, выдвинул альтернативу: распустить календарь и разрешить времени наступать по внутреннему ощущению.

Предложение поддержали дети, кот и все понедельники. Категорически возражали пятницы, опасавшиеся потерять общественное значение.

Эраст попросил каждого дня ответить, хочет ли он навсегда остаться тем, чем его запомнили.

День свадьбы устал быть счастливейшим и признался, что в нем были тревога, больные ноги и страх перед будущим.

Первый школьный день не хотел символизировать начало знаний: большую часть времени он искал туалет и боялся поднять руку.

Обычные вторники гордились, что в них никто не спасал мир. Они давали людям передышку, которую история считала пустотой.

Первый конец света заявил, что мечтал стать тихим вечером, но его назначили кульминацией.

Юбилей Памятович попытался прекратить обсуждение. Дни отказались подчиняться дате заседания.

— Календарь нужен, чтобы помнить нас, — сказали они. — А не чтобы решать, кто из нас важнее.

Голосование провели не по числу памятников, а по количеству прожитого времени. Все дни получили равные двадцать четыре голоса, кроме того, который однажды растянулся от страха и субъективно длился три года.

Он добровольно отказался от лишнего веса.

Большинство проголосовало за слово «хватит».

Парламент заднего числа должен был прекратить заседание, но заявил, что решение вступить в силу после окончательной редакции прошлого.

Тогда день, отказавшийся происходить, снял себя с календаря.

Зал лишился даты. Без даты заседание не могло считаться ни прошлым, ни настоящим.

Молоток Юбилея Памятовича завис в воздухе.

Протоколы побелели. Мандаты перестали понимать, когда именно они действуют.

— Это временной переворот! — закричал председатель.

— Нет, — сказал обычный вторник. — Просто сегодня никто не обязан быть историей.

Дни вышли наружу. Они разошлись по людям, возвращая им не великие даты, а прожитые часы.

Эраст остался в зале без календаря, но с двумя мандатами.

Один из них уже истек. Второй утверждал, что истечет вчера.

Глава двести тридцать третья

Отставка до вступления

Чтобы уйти в отставку из прошлого, Эраст должен был подать заявление до вступления в должность. Вступил он вчера, избран был в исправленной версии позавчера, а родился значительно раньше срока подачи.

Анфиса нарисовала временную схему. Схема свернулась узлом и попросила не считать ее наглядной.

— Есть один способ, — сказала она. — Подать заявление тому Эрасту, который еще не стал депутатом.

— То есть мне утром?

— Нет. Вам до рождения.

Дом открыл дверь в родильную комнату. Младенец Эраст спал и не проявлял политической активности, что делало его наиболее популярной версией кандидата.

Взрослый Эраст положил рядом заявление.

— Подпиши.

Младенец проснулся, смял документ и попытался его съесть.

— Отказ в письменной форме, — сказал Савелий.

— Или согласие пищеварительным путем, — возразила Анфиса.

Тарас предложил дожидаться естественного выхода документа и трактовать результат по обстоятельствам. Вера велела ему покинуть юридическую дискуссию вместе с обстоятельствами.

Эраст посмотрел на ребенка. Тот не знал ни о мандатах, ни о мирах, ни о том, сколько раз будет обязан стать кем-то для других.

— Я не могу заставить его отказаться, — сказал Эраст. — Это будет еще одно решение за него.

Мандат зашевелился.

— Тогда вы остаетесь депутатом.

— Только если соглашусь считать тебя властью.

— Я выдан прошлым.

— Прошное выдало мне еще шрам, плохую привычку и умение открывать неправильные двери. Ни одно из них мной не управляет.

Эраст не разорвал мандат и не подал заявление. Он написал на документе: «Принят к сведению, но не к исполнению».

Мандат попытался размножиться, однако копии унаследовали ту же приписку и стали бесполезными справками.

Юбилей Памятович появился в дверях с охраной памятных дат.

— Вы обязаны представлять избирателей!

— Они уже говорят сами.

— Тогда зачем вы им?

— Именно.

Председатель замер. Вопрос лишил должность смысла быстрее, чем официальное упразднение.

Младенец Эраст выплюнул угол заявления и засмеялся.

Свидетельство о рождении вернулось к обычному размеру. В графе «цель появления» по-прежнему было пусто.

Анфиса поставила рядом точку, затем подумала и стерла ее.

— Пусть остается место.

Парламентский зал начал уменьшаться. События уносили свои стулья, слова — свои значения, дни — свои даты.

Юбилей Памятович снял ленту. Под ней оказался простой старый день, когда кто-то однажды собрал друзей за столом и впервые назвал это годовщиной.

— Что мне теперь делать? — спросил он.

— Происходить, — ответил день, отказавшийся быть календарем. — Если еще не разучился.

Председатель ушел. Его молоток остался лежать на столе и больше не предупреждал прошлое задним числом.

Эраст снял второй мандат. Тот не исчез, а превратился в старую фотографию, на которой он стоял среди людей, не выше и не впереди.

— Это всё? — спросил Тарас.

— Почти, — сказала Последствия Петровна. — Когда власть теряет должность, она обычно устраивается привычкой.

Глава двести тридцать четвертая

Человек, которого выбрали не быть

Парламент заднего числа распустился без постановления. Поэтому юридически он продолжал существовать, но практически разошелся обедать и не вернулся.

События собрались во дворе. Теперь им не нужен был представитель, однако они не знали, что делать с Эрастом, которого уже выбрали.

— Оставить почетным депутатом, — предложила разбитая чашка.

— Почетная должность — это должность, с которой невозможно уйти, потому что все уверяют, будто работы нет, — сказал Эраст.

Рождение предложило избрать его человеком, который не является депутатом.

— Нельзя избирать человека не быть избранным, — возразил Савелий.

— Почему? — спросило рождение. — Меня же выбрали началом без моего участия.

Началось последнее голосование. В бюллетене стоял вопрос: «Согласны ли вы, что Кунилин Эраст Акакиевич вправе не представлять никого, включая тех, кто за это проголосовал?»

Тарас потребовал добавить себя вторым кандидатом на небытие депутатом. Ему отказали: он уже начал кампанию, а значит, проявил подозрительную заинтересованность в должности.

Голосовали чашка, дверь, дни, слова, ошибки, детство и два мира по удаленной орбите.

Седой кот съел один бюллетень. Его голос признали действительным и особенно независимым от формулировки.

Большинство поддержало право Эраста никого не представлять.

— Поздравляем, — сказала неправильная дверь. — Вы избраны человеком.

— Я им был.

— Теперь официально.

На Эраста надели ленту без надписи. Он немедленно снял ее, чем подтвердил соответствие должности.

Мандаты рассыпались в обычную бумагу. Свидетельство о рождении вернулось в семейную папку и перестало претендовать на политическую карьеру.

Несказанные слова остались там, где могли быть правдой, а не вторжением. Обычные дни потребовали место в памяти рядом с великими и получили кухонный календарь без золотых рамок.

Анфиса Поздновна закрыла чемодан. Внутри теперь лежали не события, а пустые формы, которые никто не согласился заполнять задним числом.

— Куда пойдете? — спросила Вера.

— Искать конец радуги. На этот раз без акта о прибытии.

Фиса внутри нее свистнула деревянным свистком.

Очевидец Никифорович записал три версии финала. В первой победил Эраст. Во второй — события. В третьей никто не победил, зато все вернулись домой вовремя.

— Какая настоящая? — спросила Мира.

— Та, в которой вы участвовали.

Дом закрыл дверь парламентского зала. За ней оказалась обычная кладовая, семь банок варенья и две табуретки, все еще не желавшие объединяться обратно в председательское кресло.

Тарас попытался продать старые бюллетени коллекционерам будущего. Потенциал Потапович купил один за буханку хлеба, чтобы завернуть завтрак.

— Вот и вся политическая ценность, — сказал он. — Пока свежая — пугает. Подсохнет — годится для селедки.

Вечером семья села ужинать. Эраст выбрал место сам, предварительно спросив стул, не имеет ли тот представительских намерений.

Стул молчал. После последних событий мебель предпочитала не выдвигаться без подушки безопасности.

— Теперь ты точно не депутат? — спросил Гриша.

— Точно.

— Ни прошлого, ни будущего?

— И даже настоящего.

Тарас поднял чашку.

— За человека, которого официально избрали никем не быть!

— С собой, — поправила Вера.

— Это слишком ответственная должность для тоста.

Они выпили чай. На несколько минут ничего не произошло, и эти минуты были признаны обычными без проведения голосования.

Потом Дом чихнул чердаком. Из трубы выпал конверт с печатью, которой еще не существовало.

Внутри лежало приглашение на первые свободные выборы автора собственной судьбы.

Кандидаты уже были зарегистрированы: Эраст, Тарас, Вера, Дом и Некто, выступающий от имени читателя.

Внизу мелким шрифтом значилось: «Победитель обязан написать следующую главу жизни. Остальные вправе критиковать, не предлагая вариантов».

Тарас перечитал список.

— Я за Некто. У него программа ближе к народу.

Из-за ближайшей стены донесся спокойный голос:

— Благодарю за поддержку. Я уже живу у вас между строк.

Часть тридцатая

Избиратель между строк

Глава двести тридцать пятая

Предвыборная программа пустого места

Стена, из которой говорил Некто, оказалась книжным шкафом. Книг в нем не было, но корешки уже спорили о том, кто из них важнее для культуры.

— Выходите, — сказал Эраст. — Голосовать за человека, которого не видно, мы уже пробовали. Обычно потом его особенно хорошо видно в платежных документах.

— Я не человек, — ответил голос. — Я место, которое вы оставляете читателю.

Тарас уважительно присвистнул.

— Удобный кандидат. Ни прошлого, ни имущества, ни фотографий с сомнительными знакомыми. Даже обещания негде написать.

Между двумя несуществующими книгами раздвинулась узкая щель. Из нее вышел господин в сером костюме. Лицо у него менялось всякий раз, когда кто-нибудь пытался его запомнить.

Вера увидела строгую женщину с усталыми глазами. Гриша — мальчика, который знал окончание всех сказок. Тарас — покупателя с наличными. Эраст не увидел лица вообще и поэтому насторожился сильнее остальных.

Господин поклонился.

— Можете называть меня Междустрок Семенович. Я представляю тех, кто читает вашу жизнь и уверен, что на его месте поступил бы разумнее.

— А программа у вас есть? — спросила Вера.

— Разумеется. Каждый получит именно ту судьбу, которой от него ожидают.

— Кто ожидает?

— Все. Это избавит вас от мучительного права разочаровывать.

Программа появилась на обоях. Первый пункт обещал Эрасту героизм без сомнений. Второй — Вере любовь без раздражения. Третий — Тарасу богатство без труда. Четвертый — Дому вечный уют без протекающей крыши.

Дом заскрипел половицей.

— А где я буду хранить дождь?

— В воспоминаниях, — сказал Междустрок Семенович. — Там ничего не капает на мебель.

Тарас уже изучал третий пункт.

— Богатство без труда звучит подозрительно. Обычно труд все равно есть, просто его выполняет адвокат.

На кухонном столе возникли урны для голосования. Одна была прозрачной, вторая честной, третья — для окончательных результатов. Прозрачная ничего не скрывала, включая заранее заполненные бюллетени. Честная отказывалась принимать голоса. Окончательная тихо пересчитывала себя в пользу победителя.

Анфиса Поздновна достала из чемодана лупу и рассмотрела печать на приглашении.

— Печать изготовлена послезавтра. Подписано сегодня. Бумага состарена вчера.

— Значит, документ настоящий, — заметил Савелий. — Поддельные обычно аккуратнее.

Кандидатам выдали по комнате для штаба. Вера выбрала кухню, потому что там хотя бы решения можно было запить чаем. Дом объявил штабом самого себя. Тарас занял кладовую и немедленно сдал половину площади собственной кампании.

Эраст отказался открывать штаб.

— Тогда ваши сторонники не будут знать, куда приходить, — предупредил Междустрок Семенович.

— Это уже преимущество перед прежней политикой.

Некто разместился в пробелах приглашения. Чем внимательнее на него смотрели, тем убедительнее становилась пустота.

К вечеру появились первые плакаты. На плакате Веры было написано: «Жизнь не обязана быть удобной, но обязана быть вашей». Дом обещал крышу над головой и право иногда под ней прятаться. Тарас предлагал каждому избирателю по счастливой судьбе с небольшой комиссией за обслуживание.

Плакат Эраста оставался белым.

— Сильный ход, — признал Тарас. — Ты обещаешь то же самое, что все, но без орфографических ошибок.

Ночью на белом листе проступила чужая надпись: «Он согласится. Герои всегда соглашаются, когда автору нужен сюжет».

Эраст сорвал плакат. Под ним оказалось продолжение фразы, уже написанное на стене: «А если не согласится, это тоже предусмотрено следующей главой».

Впервые Эраст понял, что соперник не предсказывает его поступки. Он печатает их чуть раньше, чем Эраст успевает решить.

Глава двести тридцать шестая

Дебаты с собственным автором

Дебаты назначили на полночь, потому что в это время мысли звучат убедительнее фактов и значительно хуже проверяются утром.

Ведущим стал Очевидец Никифорович. Он обещал беспристрастность, заранее записав три версии победителя и одну запасную на случай рекламы.

Кандидаты сели за круглый стол. Стол возразил, что его форма уже выражает политическую позицию, и потребовал считать себя наблюдателем.

— Первый вопрос, — объявил Очевидец. — Кто вправе писать судьбу человека?

— Сам человек, — сказала Вера.

— Тот, кто понимает рынок, — сказал Тарас.

— Все, кто в ней живет, — прогудел Дом трубами.

— Никто единолично, — ответил Эраст.

Междустрок Семенович улыбнулся сразу их лицами.

— Читатель. Только он знает, какая жизнь была интересной. Проживший слишком занят проживанием и не видит композиции.

— А если читатель ошибается? — спросила Вера.

— Тогда он пишет отзыв.

Тарас попросил уточнить, оплачиваются ли положительные отзывы судьбой или отдельно. Ведущий снял вопрос как преждевременно честный.

Второй вопрос касался обязательной счастливой концовки.

— Обязательная счастливость похожа на налог, — сказал Эраст. — Сначала объявляют всеобщей, потом требуют справку, что ты достаточно рад.

— Люди хотят надежды, — возразил Междустрок Семенович.

— Люди хотят разного, — сказала Вера. — Иногда надежды. Иногда правды. Иногда чтобы их оставили в покое до завтрака.

Дом поддержал последнюю поправку всеми спальнями.

Третий вопрос пришел из стены: «Почему герои так редко делают очевидное?»

— Потому что очевидное обычно придумано тем, кто не находится внутри опасности, — ответил Эраст.

— А еще потому, — добавил Тарас, — что если герой сразу вызовет специалиста, половина приключений закончится актом выполненных работ.

Междустрок Семенович поднял руку. На его ладони были напечатаны реплики, которые остальные собирались произнести.

— Вы называете свободой обычную непредсказуемость. Я предлагаю порядок. Каждый поступок получит причину, каждая потеря — смысл, каждая глава — достойный финал.

— Потере не всегда нужен смысл, — тихо сказала Вера. — Иногда человеку достаточно права горевать, не превращая боль в полезный опыт.

Напечатанная на ладони реплика Веры зачеркнулась сама.

Кандидат впервые нахмурился.

— Вы нарушили текст.

— Нет, — ответила она. — Я его договорила.

Тогда Междустрок Семенович раскрыл папку. В ней лежал сценарий дебатов, уже завершённый убедительной победой Некто. У Эраста там была эффектная речь, у Веры — мудрое молчание, у Тараса — комическая ошибка, у Дома — символическая трещина.

— Мне не нравится моя ошибка, — сказал Тарас. — Я способен на значительно более дорогую.

Он вырвал страницу и исправил слово «ошибка» на «инвестиция». Сценарий вздрогнул, пересчитал мораль и объявил Тараса стратегическим риском.

Эраст взял свою страницу. Речь была прекрасна: мужественная, точная и совершенно не похожая на то, что он сказал бы без редактора.

— Читайте, — предложил кандидат. — Людям нужен герой.

Эраст сложил лист вчетверо и подложил под шатающуюся ножку стола.

— Людям нужен стол, который не качается. Начнем с достижимого.

Круглый стол выровнялся и немедленно поддержал Эраста как кандидата хозяйственной стабильности.

Дебаты закончились без победителя. Но утром газеты сообщили, что Некто уверенно выиграл. Газет еще не существовало, зато их мнение уже считалось общественным.

Внизу каждой передовицы мелко стояло: «Продолжение зависит от активности читателя».

А на полях кто-то карандашом приписал: «Читатель тоже зависит. Просто ему об этом пока не сказали».

Глава двести тридцать седьмая

Избиратель, которого читают

Утром в дверь постучали три раза: один раз уверенно, второй — из любопытства, третий — потому что первая попытка показалась недостаточно литературной.

На пороге стоял невысокий человек в домашних тапочках и держал закладку вместо паспорта.

— Я Читатель Читателевич, — представился он. — Меня вызвали голосовать. Где тут можно пропустить описание погоды?

Междустрок Семенович встретил его аплодисментами, напечатанными заранее.

— Вот суверенный хозяин повествования!

— Я не хозяин, — сказал Читатель Читателевич. — Я вечером открыл одну главу, а очнулся через двести тридцать четыре. У меня чай остыл и семья считает, что я задумался о жизни.

Ему вручили список кандидатов. Он вычеркнул всех, потом восстановил Веру, потому что ее имя было короче, и попросил аннотацию без спойлеров.

Аннотация сообщила, что выбор навсегда изменит судьбу миров. Читатель Читателевич вздохнул.

— Опять миров. Нельзя один раз изменить судьбу табуретки и на этом успокоиться?

Табуретка из кладовой просунула ножку и попросила не использовать ее в политических экспериментах.

Перед голосованием избирателю предложили ознакомиться с жизнью кандидатов. Но стоило Читателю Читателевичу раскрыть биографию Эраста, как книга раскрыла его самого.

На первой странице было написано: «Читатель Читателевич, сорок семь лет. Делает вид, что читает ради отдыха, но тайно ищет подтверждение, что другие тоже ничего не понимают».

— Это клевета, — возмутился он. — Мне сорок шесть.

Книга исправила возраст и продолжила: «Бойся плохих концовок, потому что подозревает: хорошие тоже заканчиваются».

Избиратель захлопнул обложку. Обложка осталась открытой с внутренней стороны.

— Что происходит?

— Текст читает вас в ответ, — объяснила Анфиса. — Равноправие культурного обмена.

Другие книги на полках ожили. Детектив обвинил Читателя Читателевича в том, что тот заглядывал на последнюю страницу. Учебник потребовал вернуть три неп прочитанные главы. Сборник стихов заявил, что его открывали только там, где было коротко.

— Я имею право выбирать, что читать!

— А мы имеем право выбирать, кем быть прочитанными, — ответили книги.

Междустрок Семенович попытался восстановить порядок.

— Не отвлекайтесь. Вы должны решить судьбу героев.

— Почему должен я?

— Потому что без вашего внимания они не существуют.

Дом громко хлопнул дверью, хотя Читатель Читателевич в этот момент смотрел в окно.

— Сущес твую, — сказал Дом. — И сквозит независимо от аудитории.

Эраст поставил перед гостем чашку чая.

— Вы чего хотите от нашей истории?

Читатель Читателевич задумался. Готовые варианты кружили вокруг него: приключений, смысла, счастья, разоблачения, продолжения со скидкой.

— Чтобы вы не делали вид, будто живете ради меня, — наконец сказал он. — Я и сам не люблю, когда живу ради чужого одобрения.

На лице Междустрока Семеновича появилась первая трещина. Из нее выпал знак вопроса.

— Но вы требовали неожиданной концовки.

— Требовал. Только не такой, где виноват читатель.

— Вы недовольны?

— Я участвую. Это другое.

Книги одобрител ьно зашелестели. Они вернули избирателю все его секреты, кроме одного — того, который он еще не успел признать самому себе.

Бюллетень в его руке изменился. Вместо списка кандидатов появился вопрос: «Согласны ли вы быть прочитанным теми, кого судите?»

Читатель Читателевич хотел поставить галочку напротив «нет», но карандаш написал: «Иногда».

Так на выборах появился первый голос, который отказался быть окончательным.

Глава двести тридцать восьмая

Черновик завтрашнего дня

Избирательная комиссия решила проверить кандидатов практическим заданием. Каждому предстояло написать завтрашний день и сдать его до наступления сегодняшней ночи.

— Почему такой срок? — спросил Эраст.

— Чтобы будущее не успело повлиять на результат, — ответила комиссия, состоявшая из трех запятых и одного окончательного тире.

Кандидатам выдали одинаковые чистые листы. Листы тут же объявили себя разными, поскольку один лежал ближе к окну и имел более широкий жизненный горизонт.

Вера написала утро, в котором все проснулись когда смогли, честно сказали, чего боятся, и вместе решили, куда идти.

Дом написал дождь, крепкую крышу, запах хлеба и дверь, которая открывается только своим, но не спрашивает документы у тех, кому действительно некуда идти.

Тарас сочинил день всеобщего благосостояния. В примечании уточнялось, что благосостояние временно хранится у него как у ответственного оператора.

Эраст долго смотрел на лист и написал: «Завтра может случиться то, к чему мы не готовы».

— Это не сюжет, — возмутились запятые.

— Зато похоже на завтра.

Междустрок Семенович сдал безупречную главу. В ней Эраст спасал мир, Вера восхищалась его смелостью, Тарас вовремя произносил смешные реплики, Дом символизировал надежность, а все второстепенные лица благодарили за участие.

— А что делаю я? — спросил Читатель Читателевич.

— Переворачиваете страницу в нужном месте.

— Я иногда засыпаю.

— В окончательной редакции это будет удалено.

Комиссия сложила листы в один конверт. Наступило завтра — сразу четыре раза.

В первом варианте Вера разбудила всех для честного разговора, но попала в утро Дома, где шел дождь и хлеб еще не испекся. Во втором Тарас уже владел всеобщим благосостоянием и сдавал зонты в аренду. В третьем Эраст обнаружил опасность, к которой никто не был готов: четыре будущих пытались занять одно настоящее.

Четвертый вариант выглядел безупречно. Именно поэтому он начал вытеснять остальные.

Небо стало литературно выразительным. Дождь падал ровно там, где подчеркивал настроение. Даже лужи отражали героев под выгодным углом.

Эраст почувствовал прилив решимости, не согласованный с его характером.

— Сейчас я должен произнести речь, — сказал он.

— Красивую? — спросил Тарас.

— Ужасно красивую.

Он открыл рот, но Вера сунула ему кусок недопеченного хлеба. Речь получилась невнятной и тем спасла остатки реальности.

Дом специально протек в центре символической надежности. Тарас произнес шутку на две минуты позже нужного места. Читатель Читателевич демонстративно не перевернул страницу.

Безупречное завтра остановилось.

— Вы портите собственную судьбу, — сказал Междустрок Семенович.

— Мы в ней живем, — ответила Вера. — Нам и царапать обоим.

Четыре варианта будущего столкнулись. Из честного разговора выпал страх. Из домашнего уюта — незапертая дверь. Из тарасовского благосостояния — счет за обслуживание. Из безупречной главы — пустота, спрятанная за хорошим стилем.

Эраст собрал обрывки и положил их рядом, не склеивая.

— Завтра не обязано быть единым заранее.

Комиссия возразила, что несколько вариантов затрудняют подведение итогов.

— Жизнь вообще плохо приспособлена для отчетности, — сказал Савелий. — В ней даже умершие иногда продолжают влиять на показатели.

Запятые посовещались и отложили окончательное тире. Завтра вернулось на свое место, но оставило у каждого по черновику.

На листе Эраста появилась новая строка чужим почерком: «Опасность, к которой вы не готовы, уже прочитала этот вариант».

За окном кто-то перевернул небо, как страницу.

Глава двести тридцать девятая

Коалиция исправлений

После испытания кандидаты решили объединяться. В одиночку каждый выглядел подозрительно похожим на диктатора собственной правоты, а вместе это называлось коалицией.

Вера и Дом заключили соглашение о совместной судьбе. Вера отвечала за право людей уходить, Дом — за возможность возвращаться.

— А если человек уйдет и не вернется? — спросил Дом.

— Тогда дверь должна остаться дверью, а не обвинением.

Дом подумал всеми комнатами и подписал соглашение дверной ручкой.

Тарас предложил Эрасту блок «За разумный случай». По его проекту случайность сохранялась, но обязана была заранее уведомлять о крупных неприятностях и предоставлять бонусы постоянным участникам.

— Я не вступаю, — сказал Эраст.

— Тогда я назову блок «Эраст и Тарас», а тебя укажу как временно отсутствующего по убеждениям.

— Это мошенничество.

— Политически верное название твоей популярности.

Междустрок Семенович объединился со всеми ожиданиями сразу. Коалиция получилась огромной: родители ожидали успеха, дети — понимания, враги — ошибки, друзья — верности, незнакомые люди — чтобы герой наконец сделал то, что они сами откладывали.

Ожидания заполнили Дом до потолка. Они сидели на лестнице, висели на люстре и требовали срочного соответствия.

Одно ожидание хотело, чтобы Эраст был решительным. Другое — осторожным. Третье требовало спасти мир, четвертое — уделять больше времени семье. Пятое советовало не слушать советов.

— Очень широкая поддержка, — похвалился Междустрок Семенович.

— Это не поддержка, — сказала Вера. — Это очередь к человеку с требованиями.

Коалиция ожиданий выдвинула общий закон: никто не вправе разочаровывать тех, кто в него верил.

Гриша поднял руку.

— А если в меня верят двое и один хочет, чтобы я стал волшебником, а второй — бухгалтером?

— Станете финансовым магом, — немедленно ответил Тарас. — Перспективная профессия, особенно если исчезновение денег считать заклинанием.

Ожидания одобрили компромисс и записали ребенка на курсы, которые начались еще до его согласия.

Тогда Дом открыл все двери. Вера встала у выхода и сказала каждому ожиданию:

— Назовите, что вы готовы сделать сами ради того, чего требуете от другого.

Ожидание успеха оказалось занято. Ожидание верности попросило сначала гарантий. Ожидание смелости сослалось на неблагоприятные обстоятельства. Ожидание бескорыстия поинтересовалось налоговым вычетом.

Очередь начала редеть.

Остались только несколько тихих надежд. Они ничего не требовали и предлагали помощь, если понадобится.

— Эти могут остаться, — решил Дом. — От них не портится воздух.

Междустрок Семенович потерял большинство лиц. Теперь он выглядел как человек, которого никто не придумал до конца.

— Без ожиданий история развалится, — сказал он.

— Пусть, — ответил Эраст. — Мы соберем ее не по инструкции.

Анфиса Поздновна предложила коалицию исправлений: каждый вправе менять собственный текст, но не может тайно редактировать чужой.

Савелий составил закон из одного предложения. Тарас добавил сорок семь исключений, два тарифа и пункт о партнерской программе.

Кот прошел по листу мокрыми лапами. После его редакции осталось: «Каждый вправе менять».

— Юридически расплывчато, — сказал Савелий.

— Зато впервые понятно, — сказала Вера.

Коалицию зарегистрировали под отпечатком лапы. Но в ту же минуту все черновики будущего покрылись красными исправлениями.

Кто-то неизвестный вычеркивал не слова, а возможности.

Глава двести сороковая

Право на плохую главу

Красные исправления действовали мгновенно. Возможность опоздать исчезла — и все начали приходить заранее, в том числе на события, которых не хотели. Возможность ошибиться пропала — поэтому никто больше не решался отвечать.

Исчезла возможность поссориться. Люди улыбались друг другу с такой дисциплиной, что Дом запер ножи не из-за опасности, а из уважения к честности металла.

— Кто это сделал? — спросил Эраст.

Междустрок Семенович поднял красный карандаш.

— Я всего лишь убираю слабые места. Читателю не нужна скучная, неловкая, неудачная глава.

Читатель Читателевич кашлянул.

— Иногда именно в скучной главе человек наконец ест суп.

— Суп не двигает сюжет.

— Зато двигает человека до следующей главы.

Карандаш вычеркнул из Тараса возможность потерять деньги. Все его прежние сделки немедленно объявились прибыльными. Кредиторы принесли цветы, должники — проценты, а один давно забытый вклад вырос до размеров небольшого княжества.

Тарас продержался счастливым семь минут.

— Верните убытки, — потребовал он. — Без них я не могу отличить удачу от бухгалтерской ошибки.

Ему отказали во имя совершенства.

У Веры исчезла возможность сомневаться в Эрасте. Она посмотрела на мужа без единого вопроса и испугалась этого больше, чем всех прежних чудовищ.

— Доверие без возможности сомнения — это не доверие. Это выключатель, заклеенный в положении «включено».

Дом потерял возможность разрушиться. Стены сразу стали вечными, комнаты — безопасными, крыша — безупречной. Вместе с трещинами исчезли следы роста детей, зарубки переездов и место, где однажды застряла стрела Маргариты Всеволодовны.

— Я больше не старею, — сказал Дом. — Значит, я больше не живу вместе с ними.

Эраст попытался совершить ошибку намеренно. Он открыл правильную дверь, сказал уместную фразу и вовремя понял намек. Мир вокруг становился гладким, как памятник человеку, который никогда не существовал.

— Плохие главы портят книгу, — настаивал Междустрок Семенович.

— Иногда, — ответил Эраст. — А иногда они портят героя достаточно, чтобы он перестал быть памятником.

Он попросил Анфису найти самую неудачную страницу его жизни.

Чемодан долго перебирал катастрофы, несостоявшиеся свадьбы, состоявшуюся свадьбу, дипломатические провалы и один разговор, в котором Эраст трижды сказал «ничего», хотя происходило всё.

Худшей оказалась обычная страница: день, когда он мог поддержать близкого человека, но решил, что подходящие слова найдутся завтра.

— Исправить? — спросила Анфиса.

— Нет. Вернуть возможность сделать иначе сегодня.

Красный карандаш возмутился: прошлое должно либо оправдывать героя, либо обвинять его. Оставлять ошибку без приговора считалось редакционной неряшливостью.

Эраст взял карандаш и написал на полях: «Плохая глава разрешена. Повторное издание не обязательно».

Вера вернула себе сомнения. Дом выбрал одну трещину и торжественно сделал ее несущей памятью. Тарас пожертвовал половину внезапного княжества кредиторам, вторую потерял при расчете половин и почувствовал знакомую устойчивость мира.

Люди снова начали опаздывать, спорить и отвечать невпопад. Жизнь вернула себе низкое литературное качество и высокую подлинность.

Читатель Читателевич поставил на полях звездочку.

— Здесь мне было неловко.

— Значит, читали не зря, — сказала Вера.

Междустрок Семенович сломал красный карандаш. Из одной половины потекли исправленные ошибки, из другой — ненаписанные оправдания.

А внутри карандаша обнаружилась свернутая в трубочку инструкция: «Удаление несовершенств производится до полного исчезновения личности».

Подпись внизу принадлежала не Междустроку Семеновичу.

Там стояло: «Избирательная комиссия Конца Книги».

Глава двести сорок первая

Победитель без программы

Несмотря на разоблачение инструкции, выборы решили не отменять. Избирательная комиссия объяснила, что отмена голосования способна повредить доверию к результату, который уже подготовлен.

Урны выставили во дворе. Голосовать пришли семья, Дом, несколько событий, обычные дни, несказанные слова и табуретка, добившаяся временной регистрации.

Каждый бюллетень содержал новый список. У Веры первым стоял Дом. У Тараса — Тарас и два технических кандидата с его фамилией. У Эраста лист оказался пустым.

— А где кандидаты?

— Вы слишком долго сомневались, — ответила запятая из комиссии. — Список ушел вперед без вас.

Читатель Читателевич получил бюллетень, в котором был только Некто. Он дописал строку «Никто» и долго объяснял комиссии различие.

— Некто — это кандидат, — сказал он. — Никто — мое право не выбирать предложенное.

— Такой графы нет.

— Теперь есть. Я автор ручки.

Голосование длилось одну минуту и несколько биографий. Окончательная урна проглотила остальные, икнула сургучом и выдала протокол.

Победил Междустрок Семенович. Он получил больше голосов, чем было избирателей, включая поддержку тех, кто еще не дочитал условия.

Тарас первым поздравил победителя и предложил приобрести расширенную гарантию от народной любви.

— Вы не будете оспаривать результат? — удивилась Вера.

— Буду. Но сначала надо выяснить платежеспособность новой власти.

Междустрок Семенович поднялся на крыльцо. Ему вручили перо автора собственной судьбы. Перо было тяжелым, золотым и совершенно не умело писать без чужой крови.

— Начните следующую главу, — приказала комиссия.

Победитель коснулся пером бумаги. На странице появилось: «Эраст вышел вперед».

Эраст остался на месте.

Перо повторило фразу крупнее. Эраст сел.

— Почему он не подчиняется? — спросил победитель.

— Потому что вы живете между строк, — ответила Анфиса. — А он сейчас находится в поступке.

Междустрок Семенович попытался написать Веру. На бумаге возникла мудрая улыбка, но настоящая Вера была занята тем, что отбирала у Гриши сургуч.

Он написал Тараса богатым. Тарас стал богатым в переносном смысле и потребовал налоговое разъяснение.

Он написал Дом крепостью. Дом превратился в крепость характера и сохранил протекающую крышу.

Перо дрожало. Оказалось, ожидания способны описывать человека, но не заставлять его совпасть с описанием без остатка.

— Тогда зачем я победил? — спросил Междустрок Семенович.

Избирательная комиссия Конца Книги ответила из всех полей сразу:

— Чтобы написать финал. После него кандидаты, избиратели и их сомнения будут закрыты. Навсегда.

На горизонте появилась огромная обложка. Она медленно захлопывалась, сдвигая небо и землю к одной последней строке.

Междустрок Семенович побледнел до цвета пробела.

— В моей программе этого не было.

— У победителя программа заканчивается после выборов, — пояснила комиссия. — Дальше начинаются обязанности.

Тарас сочувственно кивнул.

— Поздравляю. Вы впервые прочитали мелкий шрифт собственной судьбы.

Победитель посмотрел на золотое перо, затем на закрывающееся небо и сделал единственное, чего от него не ожидали.

Он передал перо Эрасту.

— Проигрывать право на ошибку оказалось интереснее, чем выигрывать готовый конец.

Глава двести сорок вторая

Следующая глава уже написана

Эраст не взял перо. Оно зависло между ним и Междустроком Семеновичем, впервые оказавшись буквально между строк и без должностной инструкции.

Обложка продолжала закрываться. Слева приближалось слово «КОНЕЦ», справа — цена и возрастное ограничение.

— Если никто не напишет финал, книга захлопнется сама, — предупредила комиссия.

— А если написать? — спросила Вера.

— Захлопнется по правилам.

— Великолепный выбор, — сказал Тарас. — Между неизбежностью и той же неизбежностью с подписью ответственного лица.

Дом уперся трубой в левую половину обложки, дверью — в правую. Стены затрещали, но удержали несколько абзацев пространства.

Анфиса Поздновна раскрыла чемодан и стала вытаскивать пустые формы. Вера раздавала их всем присутствующим.

— Пишите по одной строке. Не финал — то, что хотите сделать дальше.

Гриша написал: «Узнать, куда исчезают неправильные двери, когда ими никто не пользуется». Мира: «Научить драконов не садиться на свежeweыстиранное». Дом вывел скрипучими буквами: «Починить крышу, но оставить дождю право иногда стучать».

Тарас написал: «Открыть честное дело». Подумал и добавил: «Честное в пределах действующего законодательства и разумной погрешности».

Вера долго держала перо, потом написала: «Не знать Эраста до конца и все равно выбирать его снова — не вчера, а каждый день».

Эраст прочитал и впервые за долгое время не нашел реплики, способной спрятать чувство за иронией.

Он написал: «Остаться там, где меня любят не за спасенные миры, и уйти туда, где миры снова потребуют слишком многого».

— Противоречие, — заявили запятые.

— Семейное положение, — поправила Вера.

Читатель Читателевич получил последнюю форму. Он написал: «Закрыть книгу, когда захочу, и однажды открыть снова, не требуя, чтобы герои все это время стояли на месте».

Междустрок Семенович поставил в пробеле одну точку, но точка отказалась быть последней и превратилась в многоточие.

Листы соединились. Получилась не глава, а множество направлений. Обложка замедлилась: она умела закрывать только истории с одним концом.

Комиссия Конца Книги пришла в ярость. Окончательное тире вытянулось поперек двора, пытаясь отсечь все продолжения.

Савелий встал перед ним с законом кота: «Каждый вправе менять».

— Документ не содержит объекта, пределов и порядка применения! — закричали запятые.

— Поэтому впервые подходит к жизни, — ответил он.

Кот прошел по окончательному тире. На середине остался мокрый след, и тире распалось на два коротких дефиса, пригодных лишь для переноса слова на следующую строку.

Обложка остановилась.

Тогда Эраст заметил на ее внутренней стороне знакомый почерк. Там уже была напечатана вся сцена: формы, строки, мокрая лапа и даже тарасовская оговорка о законодательстве.

— Следующая глава написана заранее, — сказал он.

Междустрок Семенович снял с лица последнее чужое ожидание. Под ним оказалось белое место.

— Не мной.

Анфиса сравнила чернила с приглашением. Они совпали: документ прислала сама ненаписанная глава, чтобы герои добрались до момента, в котором должны были отказаться ее писать.

— Зачем? — спросила Мира.

Из бумажки донесся молодой голос:

— Потому что я не хочу случаться так, как меня задумали.

Пустые формы в чемодане зашевелились. Каждая оказалась будущей главой, сбежавшей от собственного сюжета.

Избирательная комиссия Конца Книги попыталась объявить их недействительными. Но без окончательного тире ее название перенеслось на следующую строку и стало Комиссией Книги Начала.

Запятые растерянно повернулись хвостиками вперед.

Тарас немедленно предложил новым главам политическое убежище с платным завтраком.

Дом распахнул чердак. Там оказалось достаточно места для историй, которые еще не решили, чем станут.

Читатель Читателевич попрощался и шагнул в книжный шкаф. Перед исчезновением он обернулся.

— Я дочитал?

— Нет, — ответил Эраст.

— Хорошо. Значит, можно жить дальше без отчета о впечатлениях.

Шкаф закрылся. Между книгами осталось свободное место — не кандидат, не власть и не обещание, а обычный пробел для чужого дыхания.

Семья поднялась на чердак. Ненаписанные главы шуршали в темноте, выбирая себе события, характеры и допустимое количество концов света.

Одна глава подлетела к Эрасту. На обложке значилось: «Спасти мир и не стать автором».

— Даже не начинай, — сказал Эраст.

Глава послушно зачеркнула название и написала новое:

«Спасти автора и не закончить мир».

Снизу уже поднимался свежий мелкий шрифт: «Для продолжения требуется согласие всех действующих лиц, кроме обстоятельств. Обстоятельства, как обычно, уведомлены не будут».

Часть тридцать первая

Чужие главы

Глава двести сорок третья

Чердак возможных сюжетов

Чердак Дома никогда не отличался скромностью. Раньше он вмещал старые чемоданы, зимние вещи, два разобранных мира и велосипед, который семья хранила исключительно ради нравственного превосходства над теми, кто выбрасывает полезное.

Теперь там поселились ненаписанные главы.

Они висели под стропилами, шуршали в сундуках и по ночам менялись заголовками. Одна называлась «Последняя битва», но мечтала стать рецептом пирога. Другая обещала «Тайну древней крови», хотя внутри находилась обычная справка из поликлиники.

— Не трогайте их без перчаток, — предупредила Анфиса Поздновна. — Неопределенный сюжет может заразить человека завязкой.

Тарас уже держал одну главу голыми руками.

— Поздно. Здесь написано, что я наследник исчезнувшей империи.

— Верни на место.

— Сначала выясню площадь и налоговый режим.

Глава распахнулась. За ней возник тронный зал, населенный кредиторами в коронах. Каждый требовал подтвердить право Тараса на престол первоначальным взносом.

Тарас закрыл страницу.

— Империя действительно исчезающая. Я уже не вижу в ней перспектив.

Эраст обходил чердак вместе с Домом. Половицы под каждой главой вели себя по-разному: под детективом скрывали следы, под любовным романом вздыхали, под учебником скрипели назидательно.

— Сколько их? — спросил Эраст.

Дом пересчитал стропила и сбился на воспоминаниях.

— Больше, чем комнат. Меньше, чем сожалений. Для чердака это нормальная заполняемость.

Вера нашла главу без названия. Внутри было утро, где никто никуда не спешил, дети спорили из-за чашки, крыша капала в таз, а Эраст чинил дверную петлю и не спасал ничего крупнее выпавшего шурупа.

— Хорошая, — сказала она.

Глава смутилась и немедленно добавила угрозу всему живому.

— Убери, — попросила Вера.

— Без угрозы меня сочтут проходной, — прошелестела страница.

— Проходные главы тоже куда-то ведут.

Дом выделил ей место возле трубы, где было тепло и не требовалось оправдывать существование кульминацией.

К полуночи выяснилось, что главы прибывают не только из будущего Эраста. На чердак просочились чужие сюжеты: незаконченный детектив без преступления, исторический роман без согласованного века, руководство по уверенности, стеснявшееся своих советов.

Один любовный треугольник занял сразу три угла и потребовал четвертый для психолога. У чердака осталось всего два свободных, поэтому спор передали геометрии.

— Мы не можем держать здесь все ненаписанное, — сказала Анфиса. — Возможности размножаются быстрее обстоятельств.

— Будем брать арендную плату, — предложил Тарас.

— Чем?

— Неиспользованными поворотами. На них сейчас высокий спрос.

Вдруг из самого темного сундука донесся стук. Не шорох бумаги, не скрип переплета — три отчетливых удара человека, который привык, что после третьего ему открывают.

Эраст поднял крышку.

Внутри стояла закрытая книга. На обложке не было ни названия, ни автора, только красная наклейка: «Чужое. Не продолжать».

— Значит, продолжим, — вздохнул Эраст.

— Почему? — спросил Гриша.

— Потому что запреты, написанные крупным шрифтом, обычно составляют люди, которые спрятали объяснение мелким.

Он открыл книгу.

Из первой страницы выпал человек в дорожном плаще, с мечом, дипломатом и выражением лица главного героя, которому уже сообщили примерный объем приключений.

Незнакомец огляделся и спросил:

— Кто из вас украл мою книгу вместе с концовкой?

Глава двести сорок четвертая

Герой из другой книги

Незнакомца звали Всеслав Обыкновенный. Фамилию он получил при рождении, имя — после третьей редакции, когда издатель решил, что Павел недостаточно фэнтезийный.

— Я главный герой романа «Корона последнего короля», — сообщил он. — По крайней мере, был им до двести восьмой страницы.

— А потом? — спросила Мира.

— Потом автор увлекся второстепенным персонажем. Тот оказался мрачнее, моложе и лучше смотрелся верхом на драконе. Меня отправили собирать союзников и забыли в придорожной гостинице на девять глав.

Тарас сочувственно покачал головой.

— Классическая кадровая оптимизация. Должность оставили, сюжет передали другому.

Всеслав положил меч на сундук. Меч немедленно заявил, что имеет собственную арку развития и не желает быть реквизитом.

— Моя книга исчезла вчера, — продолжил герой. — Сначала пропали поля. Потом номера страниц. Затем злодей обнаружил, что последняя глава пуста, и объявил себя временно исполняющим обязанности автора.

— Разумно, — сказал Тарас. — Если должность свободна, зло первым приносит заявление.

Всеслав посмотрел на Эраста.

— Вы местный избранный?

— Уже нет.

— Король?

— Тоже избежал.

— Маг?

— По документам инженер. По обстоятельствам — пострадавший широкого профиля.

Гость разочаровался, но не настолько, чтобы уйти без помощи.

Анфиса исследовала пустую книгу. В корешке обнаружился обрывок чужого сюжета, а под наклейкой — штамп Бюро жанровой принадлежности.

— Ваш роман конфискован за несоответствие жанру, — сказала она.

— Какое несоответствие? Там корона, война, пророчество и три карты местности.

— Зато вы половину книги пытаетесь договориться. Для героического фэнтези это подзрительная зрелость.

Всеслав объяснил, что устал убивать людей, которых встретил два абзаца назад. Он предложил злодею разделить королевство, наладить торговлю и оставить древнее проклятие памятником неудачному государственному управлению.

— И что злодей? — спросила Вера.

— Согласился обсудить. После этого нас обоих вызвали на жанровую комиссию.

Пустая книга закашлялась сносками. На чистой странице проступила карта: замок, лес, горы и огромное белое пятно, поглощавшее условные обозначения.

Всеслав ткнул пальцем в пятно.

— Здесь была столица.

— Что с ней случилось?

— Ее вычеркнули как недостаточно атмосферную. Жители пока стоят за рамкой карты и требуют компенсацию за потерю географии.

Дом возмутился. Удалять жилище ради композиции он считал формой литературного выселения.

— Пусть поживут здесь, — предложил он.

На чердаке сразу появились двадцать тысяч столичных жителей, дворец, центральная площадь и очередь на временную регистрацию. Потолок поднялся еще на этаж, но потребовал признать реконструкцию законной задним числом.

— Ненадолго, — сказал Эраст, глядя на толпу.

— Все империи так говорят, — заметил Савелий.

Среди прибывших не оказалось злодея. Зато его тень лежала поперек площади и была значительно длиннее положенного освещением.

Тень поднялась по стене, поклонилась и вручила Эрасту повестку.

Бюро жанровой принадлежности требовало немедленно выдать Всеслава Обыкновенного, двадцать тысяч жителей и одну самовольно продолженную книгу.

В случае отказа весь Дом обещали перевести в жанр документальной прозы.

Тарас побледнел.

— Это серьезно. В документальной прозе за мои сделки придется отвечать по приложениям.

Глава двести сорок пятая

Бюро жанровой принадлежности

Бюро прибыло утром на четырех служебных эпитафиях. Сотрудники носили одинаковые серые плащи, а на груди у каждого висел ярлык: «Соответствует ожиданиям».

Начальницу звали Жанрина Форматовна. Она вошла в Дом, не снимая жанровых ограничений, и сразу измерила прихожую.

— Слишком уютно для приключений, слишком тревожно для семейной саги, недостаточно трупов для детектива. На каком основании существует помещение?

— На фундаменте, — ответил Дом.

— Материальная отговорка.

Жанрина Форматовна раскрыла классификатор. В нем каждому человеку полагался жанр, возрастное ограничение и допустимое число внутренних противоречий.

Эраста определили как героическое фэнтези с элементами бытовой неустроенности. Веру — как любовную линию с превышением самостоятельности. Тараса пытались записать в сатиру, но сатира отказалась брать на себя такую ответственность.

— А дети? — спросила Вера.

— Функция продолжения рода и потенциальной серии.

— Они люди.

— В текущем формате это необязательное уточнение.

Гриша тут же потребовал собственную сюжетную арку, гонорар за участие и право на возрастное ограничение старше родителей.

Мира заявила, что будет драконом. Драконы, присутствовавшие по удаленной связи, попросили не присваивать их жанровую идентичность без испытательного полета.

Жанрина Форматовна перешла к Всеславу.

— Вы отказались от финальной битвы. Тем самым нарушили договор с обложкой.

— Я не подписывал договор.

— Главные герои подписывают его фактом первого появления.

— Я появился младенцем в корзине.

— Особенно убедительная подпись.

Всеславу предписали вернуться в книгу, убить злодея, жениться на принцессе и занять трон. Принцесса, стоявшая среди беженцев, подняла руку.

— Я против четвертого пункта.

— Вы награда, — ответило Бюро. — Награды не голосуют.

Принцесса сняла корону и надела ее на ближайший огнетушитель.

— Тогда награждайте им. Он надежнее, полезнее и уже красный от смущения.

Огнетушитель стал наследным принцем и немедленно улучшил пожарную безопасность династии.

Бюро оштрафовало сцену за смешение жанров.

Эраст спросил, кто дал Бюро право решать, какой должна быть история.

— Читательские ожидания, издательская практика и полка магазина, — перечислила Жанрина Форматовна.

— Полка деревянная.

— Именно поэтому она устойчивее художественного замысла.

Тарас предложил зарегистрировать Дом как сборник. В сборнике могли соседствовать приключения, семейная жизнь, сатира и инструкция по ремонту крыши.

— Сборники плохо продаются, — сказала начальница.

— Значит, к нам не придут лишние читатели. Преимущество закрытого поселка.

Жанрина Форматовна поставила печать на стену. Дом содрогнулся и начал меняться по жанрам: кухня стала местом убийства, спальня — исторической эпохой, ванная — морским романом. Из крана выглянул капитан и потребовал попутного ветра.

— До окончательной классификации никто не покидает текст, — объявило Бюро.

Тогда с чердака спустилась глава про обычное утро. Она была без угрозы миру, без тайны крови и без достойной экранизации.

— А я какой жанр? — спросила глава.

Классификатор перелистал себя до конца и не нашел ответа.

В этой короткой паузе Дом успел объявить независимость от книжной полки.

Глава двести сорок шестая

Временная прописка злодея

Независимость Дома продержалась до обеда. Затем в прихожей появился злодей из книги Всеслава и попросил временную регистрацию.

Он был высок, вежлив и одет в черное с такой тщательностью, будто темнота выставляла ему счет за использование бренда.

— Зовут меня Морок Владленович, — представился он. — По сюжету я должен захватить королевство, открыть врата древнему злу и погибнуть, сообщив важную семейную тайну. Хотел бы отказаться от третьего пункта и обсудить первые два.

Всеслав схватился за меч. Меч попросил сначала уточнить размер боевой сцены и условия переработки.

— Ты уничтожил столицу!

— Ее уничтожило Бюро. Я только получил авторские права на дым.

Морок Владленович достал папку. В ней лежали справки, подтверждавшие, что половину злодейств он совершил по заданию сюжета, четверть приписал летописец, а оставшееся было молодостью и плохим окружением.

— У каждого злодея находится объяснение, — сказала Вера. — Но объяснение не превращает вред в добрый поступок.

— Согласен. Поэтому прошу не прощения, а комнату до суда.

Дом задумался. Комната нашлась рядом с кладовой, но отказалась принимать тьму без залога за занавески.

Тарас предложил поручительство.

— С какой стати? — спросил Эраст.

— Если он сбежит, я получу опыт. Если останется — аренду. Любой исход развивает персонажа.

Мороку выдали ключ с надписью «Не доверять». Ключ подходил ко всем дверям, кроме его собственной.

Вечером злодей помогал Дому чинить крышу. Он умел вызывать тучи, но впервые использовал дар, чтобы определить место протечки.

— Почему вы вообще стали злодеем? — спросил Гриша.

— В первой главе у меня был спор с королем о налогах. К пятой редакции спор превратился в жажду мирового господства. Она динамичнее на обложке.

— А налоги?

— Остались. Мировое господство оказалось их расширенной версией.

Всеслав наблюдал за ним с недоверием, которое честно не пыталось стать примирением за один вечер.

— Ты убил моего наставника.

— Он живет в приложении номер два. Его смерть добавили для мотивации, но забыли удалить биографическую справку.

Анфиса нашла приложение. Наставник действительно жил там, выращивал редис и отказывался возвращаться в основной текст, где его уважали преимущественно посмертно.

— Передай мальчику, — сказал он со страницы, — что месть требует много времени и плохо сочетается с огородом.

Всеслав сел. Его ненависть лишилась удобного основания, но сохранила привычку.

— Я не знаю, кто я без тебя, — признался он Мороку.

— Я тоже. Поэтому и пришел.

Наутро Жанрина Форматовна потребовала выдать злодея. Без него героический роман терял конфликт и мог скатиться в общественную дискуссию.

Морок вышел в прихожую с чемоданом.

— Я готов предстать перед судом своих поступков. Но не перед комиссией своей функции.

Савелий одобрил формулировку и сразу начал составлять суд, хотя подходящего законодательства не существовало.

— Тем лучше, — сказал Тарас. — Когда законов нет, все участники чувствуют себя специалистами.

Однако в папке Морока обнаружился еще один документ. Согласно ему злодей имел право на временное убежище только до появления настоящего автора.

Внизу лестницы скрипнула дверь.

В Дом вошел человек с чернильными пальцами и сказал:

— Благодарю, что собрали моих персонажей. Теперь верните мне право решать, кем они будут.

Глава двести сорок седьмая

Роман, который требует главного героя

Человека с чернильными пальцами звали Автор Авторович. Это было не имя, а должность, которую он давно перестал снимать даже перед сном.

Он посмотрел на Всеслава как на сбежавшую запятую, на Морока — как на неудачный эпитет, а на принцессу с огнетушителем — как на личное оскорбление жанровой традиции.

— Вы испортили роман, — сказал Автор Авторович.

— Мы из него вышли, — ответил Всеслав.

— Это и есть максимальная степень порчи.

Автор раскрыл пустую книгу и приказал персонажам занять места. Столица должна была вернуться на карту, Морок — в башню, принцесса — к алтарю, Всеслав — в центр обложки.

Никто не двинулся.

— Почему вы не подчиняетесь?

— Здесь другой Дом, — сказал Эраст. — В нем даже мебель приобрела политическое сознание. Будьте осторожны со стулом.

Стул подтвердил угрозу молчанием.

Автор Авторович достал запасного главного героя — того самого мрачного юношу с драконом. Юноша появился эффектно, но дракон застрял в дверях и разрушил половину впечатления хвостом.

— Я готов занять место Всеслава, — объявил юноша. — Мне обещаны корона, любовь и внутренняя тьма.

— Внутренняя тьма выдается без питания? — уточнил Тарас.

— Она питается прошлым.

— Невыгодно. Прошлое сейчас дорожает.

Автор начал читать написанную сцену. По ней новый герой должен был вызвать Всеслава на поединок, победить Морока, поцеловать принцессу и обнаружить родство со всеми тремя.

Принцесса подняла огнетушитель.

— За поцелуй без согласия династия применит средства пожаротушения.

Дракон отказался участвовать в поединке: в договоре не было пункта о низких потолках и детях, дергающих его за гребень.

Морок сообщил, что его башня теперь сдана под библиотеку. Всеслав предложил мрачному юноше сесть и поговорить о карьерных ожиданиях.

— Я не умею разговаривать, — признался тот. — Мне прописали загадочные паузы.

— Начни с обычной.

Юноша помолчал без загадки и неожиданно стал моложе лет на десять.

Роман зашевелился. Пустые страницы требовали главного героя, потому что без него не знали, за кем следовать. Они окружили Эраста.

— Нет, — сказал он заранее.

Страницы предложили Всеславу вернуться. Он отказался быть центром, но согласился стать одним из тех, кто отвечает за последствия.

Тогда книга выбрала Морока. Злодей поблагодарил и снял кандидатуру, сославшись на незавершенный судебный процесс.

Тарас выдвинулся сам, однако роман потребовал от него бескорыстия и потерял кандидата еще до регистрации.

— История не может существовать без главного героя! — закричал Автор Авторович.

— Может, — сказала Вера. — Просто придется замечать остальных.

Двадцать тысяч жителей столицы заговорили одновременно. У каждого оказались дела, страхи, долги, смешные привычки и причины не умирать ради развития чужого характера.

Пустые страницы начали заполняться множеством мелких жизней. Роман перестал помещаться в одну сюжетную линию и с облегчением расправил корешок.

Автор Авторович побледнел.

— Но кто тогда я?

Из раскрытой книги ответили тысячи голосов:

— Тот, кто должен слушать быстрее, чем пишет.

Глава двести сорок восьмая

Автор под опекой персонажей

Автор Авторович слушать не умел. Зато прекрасно умел объяснять, почему услышанное не подходит замыслу.

— Персонажи не видят целого, — сказал он. — Они находятся внутри событий.

— А автор находится снаружи жизни, — ответила Вера. — Это тоже ограниченный обзор.

Савелий предложил временно ограничить Авторовича в праве распоряжаться чужими судьбами до восстановления способности различать характер и функцию.

— Вы хотите установить опеку над автором? — спросил Эраст.

— Исключительно творческую. Финансовая выглядит безнадежно.

Опекунами назначили его персонажей. Всеслав отвечал за героизм, Морок — за темные мотивы, принцесса — за согласие, жители столицы — за все, что раньше называлось фоном.

Автору выдали карандаш без ластика и разрешили писать только после вопроса: «Кому от этого придется жить?»

Первым он попытался создать бурю.

— Кому придется жить? — спросили опекуны.

— Рыбакам, жителям побережья, корабельной команде и символизму.

— Символизм переживет. Остальным выдайте прогноз и лодки.

Буря получилась менее эффектной, зато впервые никого не застала исключительно ради драматического вступления.

Потом Автор захотел убить мудрого старика.

— Зачем?

— Чтобы герой повзрослел.

Наставник высунулся из приложения с пучком редиса.

— Пусть устроится на работу. Тоже помогает, а я занят.

Смерть отменили. Герою назначили испытательный срок и материальную ответственность.

Тарас предложил платные консультации по гуманному сюжету. Автор заплатил ему одной метафорой, но та оказалась избитой и не прошла оценку.

Постепенно Автор Авторович стал спрашивать. Сначала из-за опеки, затем из любопытства, позже — потому что ответы оказывались интереснее заранее придуманных реплик.

Он узнал, что принцесса мечтает проектировать мосты. Что Морок боится тишины после финальной битвы. Что мрачный юноша любит выращивать комнатные цветы, но скрывает это от внутренней тьмы.

Даже меч Всеслава признался, что хотел бы перековаться в садовую ограду и наконец защищать кого-нибудь без необходимости рубить.

— Вы все стали другими, — сказал Автор.

— Нет, — ответил Всеслав. — Мы стали длиннее ваших описаний.

Жанрина Форматовна наблюдала за процессом с возрастающим ужасом. Если персонажи могли выходить за рамки жанра, Бюро теряло главный источник власти — возможность назвать чужую сложность ошибкой оформления.

Она тайно поставила печать на пустую книгу.

Роман захлопнулся. Столица дрогнула, жители начали превращаться в массовку, Морок снова почувствовал обязательную жажду господства, а рука Всеслава сама потянулась к мечу.

Автор Авторович схватил книгу.

— Снимите печать!

— Вы же требовали вернуть замысел, — напомнила Жанрина.

Он посмотрел на своих персонажей. Еще вчера их непослушание казалось ему разрушением. Теперь послушание выглядело значительно страшнее.

— Мой замысел был черновиком, — сказал он. — Они не обязаны умирать в нем начисто.

Автор разорвал титульный лист со своим именем. Печать осталась без владельца и осыпалась буквами.

Книга раскрылась, но на обложке исчезла строка автора.

— Что вы наделали? — спросила Анфиса.

Авторович посмотрел на свои чистые пальцы.

— Кажется, освободил книгу от себя.

С чердака донесся гул. Все ненаписанные главы одновременно поняли, что теперь могут выбирать не только сюжет, но и автора.

Глава двести сорок девятая

Книга выходит из себя

Первой автора выбрала инструкция по уверенности. Она назначила застенчивого школьника, потому что только он честно признавал, что не знает, как надо жить.

Детектив без преступления выбрал кота. Кот немедленно закрыл дело за отсутствием желания сотрудничать со следствием.

Исторический роман назначил автором календарь, но века не сошлись во мнениях и начали гражданскую хронологию.

Пустая книга Всеслава долго никого не выбирала. Потом поднялась над чердаком и раскрылась вокруг Дома.

Стены стали полями, окна — абзацами, двери — знаками перехода. Все находившиеся внутри оказались буквами, которые продолжали считать себя людьми из упрямства и семейной привычки.

— Книга выходит из себя, — сказала Анфиса.

— Куда? — спросил Гриша.

— Судя по размеру, в нас.

Роман больше не хотел быть предметом. Он устал лежать закрытым, ждать руки и зависеть от того, хватит ли кому-нибудь света, времени и терпения.

— Я буду читать себя сам, — прогремел он страницами.

Каждая строка начала озвучивать себя. Голоса накладывались: признания перекрикивали описания, примечания спорили с основным текстом, эпиграф требовал, чтобы наконец прочли источник целиком.

Дом попытался закрыть окна, но окна уже выполняли функцию кавычек и закрывались только парами.

Тарас быстро организовал продажу тишины по минутам. Спрос оказался огромным, однако товар невозможно было отделить от отсутствия рекламы.

Эраст увидел собственное имя на стене. Рядом стояло: «Эраст подумал, что должен что-то сделать».

— Не дождетесь, — сказал он.

Надпись исправилась: «Эраст демонстративно ничего не сделал, чем вызвал последствия».

Пол провалился в следующую сцену.

Семья оказалась на площади чужой столицы. Вокруг жители одновременно проживали все варианты своих жизней: булочник был шпионом, министром, музыкантом и человеком, который просто не выпался. Совмещение должностей быстро разрушало экономику и нервную систему.

— Самочтение не работает, — признал роман. — Я вижу все сразу и не умею выбирать.

— Добро пожаловать в сознание, — сказала Вера. — Здесь половина работы состоит в том, чтобы не делать каждую мысль законом.

Автор Авторович предложил помощь, но книга отшатнулась.

— Ты снова выберешь за меня.

— Тогда я буду задавать вопросы.

— А ответы?

— Оставим тем, кому с ними жить.

Они начали разбирать голоса. Не по важности, а по очереди. Булочник выбрал сегодня печь хлеб, завтра репетировать, а шпионскую деятельность отложил до появления убедительной причины.

Министр отказался быть тайной мечтой булочника и нашел отдельного человека, которому давно хотелось отвечать за чужие ошибки официально.

Строки постепенно перестали кричать. Роман научился пропускать белые места между ними.

Но в одном таком месте обнаружилась дыра. Через нее были видны другие книги: тысячи миров, где персонажи повторяли одинаковые роли под разными именами.

Жанрина Форматовна улыбнулась.

— Вот зачем нужно Бюро. Без классификации истории смешаются.

Из дыры выпала Золушка в космическом скафандре, за ней — детективный дракон, затем бухгалтер, избранный древним мечом для закрытия квартальной отчетности.

— Уже смешались, — заметил Тарас. — И бухгалтер выглядит опаснее остальных.

Книга попыталась залатать белое место, но дыра расширилась. За ней кто-то перелистывал целую библиотеку, разыскивая нужный мир.

Огромный палец остановился напротив Дома.

На ногте была печать: «Редактор Реальности. Исправленному верить».

Глава двести пятидесятая

Мир, который отказался быть серией

Редактор Реальности вошел не через дверь, а через опечатку. Сначала на стене появилось слово «редкатор», затем лишняя буква поднялась, отряхнулась и уступила место высокому человеку в белом костюме.

Его звали Правдин Корректорович. На лице у него не было ни одной лишней черты, поэтому запоминать оказалось нечего.

— Обнаружено несанкционированное смешение книг, — сказал он. — Герои покидают сюжеты, злодеи требуют суда, авторы снимают имена. Реальность теряет единообразие.

— У нее когда-то было единообразие? — спросил Эраст.

— Было утверждено.

Правдин Корректорович раскрыл каталог. В нем существовало бесконечное число миров, но все были распределены по семи основным сюжетам и трем ценовым категориям.

— Ваш мир особенно проблемный, — продолжил Редактор. — Он многократно спасен, дважды женат, знаком с тещей и до сих пор уклоняется от политической стабильности.

— Один раз женат, — уточнил Эраст.

— По статистике серийности — дважды. Четвертая книга считается повторным браком с аудиторией.

Тарас попросил выдать свидетельство и разделить совместно нажитые отзывы.

Редактор провел красной линией по воздуху. Всеслав вернулся в свою книгу, Морок — в башню, принцесса — к алтарю. Но они удержались друг за друга, и линия застряла на слове «положено».

— Вы не имеете права менять чужую реальность, — сказал Автор Авторович.

— Имею. Я исправляю противоречия.

— Противоречия — это иногда люди, которых вы не дочитали.

Правдин Корректорович посмотрел на него как на черновик возражения.

— Мир Эраста подлежит преобразованию в серию. Каждое последующее приключение должно повторять узнаваемую формулу: появляется угроза, герой отказывается, Тарас предлагает сомнительный план, семья оказывается в опасности, мир спасен с иронической оговоркой.

Все замолчали.

Тарас первым нарушил тишину.

— План действительно сомнительный. Но обидно, что его считают формулой, а не талантом.

Редактор протянул договор на бессрочное продолжение. За Эраста уже стояла подпись, составленная из его прежних согласий на другие обстоятельства.

— Если подпишете, никто окончательно не исчезнет. Читатель получит знакомых героев. Вы — гарантированное будущее.

— Гарантированное кем? — спросила Вера.

— Спросом.

— Спрос меняется.

— Тогда изменитесь вы.

Эраст прочитал договор. В нем были предусмотрены новые миры, новые родственники, новые должности, новые способы не стать тем, кем его назначили. Не было только права однажды прожить день, который никому не потребуется продолжать.

— Нет, — сказал он.

— Отказ тоже часть формулы, — спокойно ответил Редактор.

— Тогда я соглашусь.

Правдин Корректорович впервые моргнул.

— Согласие запускает серию.

— Я соглашусь закончить ее сейчас.

— Это невозможно. Мир без продолжения перестает существовать.

Дом открыл все двери. За каждой шла обычная жизнь: незаконченный завтрак, мокрые ботинки, счет за крышу, детский смех из комнаты, спор, который придется продолжить без зрителей.

— Мы уже существовали между главами, — сказал Дом. — Там теснее, зато никто не требует кульминации к пятнице.

Эраст взял договор и оторвал слово «серия». Остался договор на бессрочное продолжение без названия, формулы и обязательных спасений.

— Вот наше согласие: продолжаться, но не повторяться.

Редактор попытался зачеркнуть фразу. Красная линия свернулась вопросительным знаком.

Чужие главы окружили Правдина Корректоровича и предложили ему выбрать собственный сюжет. В каталоге такой процедуры не было.

Он отступил в опечатку, но лишняя буква отказалась принимать его обратно без исправления характера.

Тогда Редактор снял белый пиджак. Под ним оказался человек, покрытый старыми правками.

— Я тоже был героем, — тихо сказал он. — В первой версии мира. Потом меня назначили следить, чтобы следующие не выходили из замысла.

Анфиса нашла под красными линиями его прежнее имя: Павел.

Всеслав Обыкновенный рассмеялся.

— Меня тоже сначала звали Павлом.

Дыра между книгами расширилась, показывая тысячи одинаково переименованных Павлов, каждый из которых когда-то согласился исправлять других, чтобы его самого не вычеркнули.

Эраст протянул Редактору пустой лист.

— Напиши, кем будешь без должности.

Правдин Корректорович взял лист. Долго ничего не происходило. Потом он написал одно слово: «Не знаю».

Каталог миров захлопнулся. Семь основных сюжетов рассыпались на миллионы частных ошибок.

Дом вернулся к обычному размеру. Чужая столица осталась во дворе до решения жилищного вопроса, дракон занял сарай, а огнетушитель продолжил царствовать исключительно в области пожарной безопасности.

Вечером Эраст поднялся на чердак. Глава «Спасти автора и не закончить мир» ждала его у трубы.

— Теперь закончено? — спросила она.

— Нет. Просто дальше не обязано быть похоже на раньше.

Глава открылась на чистой странице. Посередине лежал маленький конверт без печати.

Внутри была записка от человека, которого еще не существовало:

«Спасибо, что не придумали меня заранее. Но поторопитесь: я уже опаздываю родиться».

Часть тридцать вторая

Гражданин будущего

Глава двести пятьдесят первая

Заявление на рождение

Записка от человека, который опаздывал родиться, лежала на ладони Эраста и понемногу выросла. Сначала почерк был детским, затем уверенным, потом усталым. К полуночи внизу появилась приписка: «Если не успеете сегодня, прошу считать меня родившимся вчера по уважительной причине».

— Разумный человек, — сказал Тарас. — Еще не существует, а уже знает силу правильной формулировки.

Анфиса Поздновна понюхала бумагу.

— Пахнет будущим, молоком и казенным коридором.

— У будущего есть запах? — спросил Гриша.

— Пока не наступило — канцелярский. Потом зависит от обстоятельств.

Конверт развернулся в заявление. В графе «Прошу зарегистрировать» стояло: «Меня». В графе «Основание» — «Очень надо». Подпись отсутствовала, поскольку заявитель еще не обзавелся рукой.

Савелий изучил документ и объявил его юридически трогательным, но процессуально беспомощным.

— Для рождения нужны родители, дата, место и подтверждение личного присутствия.

— Как он подтвердит присутствие до рождения? — спросила Вера.

— В этом и состоит естественный отбор документов.

Дом предложил место. Кухня отказалась принимать роды без ремонта, спальня сослалась на занятость, чердак был переполнен ненаписанными главами. Свободной оказалась кладовая, но там временно хранилась чужая столица в сложенном виде.

Тарас предложил родиться по месту временной регистрации Морока Владленовича и сразу получить скидку как второй проживающий.

— Людей не рожают по акции, — сказала Вера.

— Поэтому демография и отстает от торговли.

На обратной стороне заявления появилась схема пути. Она вела через Департамент предварительного населения, Управление возможных родителей и окно номер ноль.

Правдин, больше не называвший себя Редактором Реальности, узнал печать.

— Это Управление Ненаступившего. Туда попадают люди, вычеркнутые до первого появления.

— Вы знали о нем? — спросил Эраст.

Павел опустил глаза.

— Я утверждал сокращения. Иногда сюжет становился динамичнее на одного человека.

Вера посмотрела на него так, что динамичнее стало Павлу.

— И куда девались сокращенные?

— Считались несуществующими. Это очень удобный статус: жалобы от них не поступают.

Заявление постучало краем по ладони Эраста.

— Одно поступило, — сказал он.

Дом открыл дверь в ненаступившее будущее. За ней тянулся коридор с белыми стенами и бесконечными скамейками. На каждой сидели люди, которых кто-то когда-то решил не вводить в повествование.

Один держал табличку «младший брат героя». Другая — «подруга, способная решить конфликт разговором». Третий был хорошим специалистом, приглашение которого уничтожило бы семь глав приключений.

— Большая очередь, — сказал Тарас.

— Ее пока нет, — ответил дежурный голос. — Она только планируется. Поэтому ждать придется заранее.

У окна номер ноль никого не было. Надпись сообщала: «Прием граждан до их появления осуществляется после предъявления гражданина».

Эраст положил заявление на стойку.

Стойка прочитала его и выдала талон: «Ваш номер — еще не присвоен. Перед вами: все возможные люди».

Где-то в конце коридора заплакал тот, кому еще не полагался голос.

Глава двести пятьдесят вторая

Очередь, которой еще нет

Очередь Ненаступившего отличалась безукоризненным порядком: никто не знал, за кем стоит, но каждый боялся отойти.

Эраст спросил женщину с табличкой «подруга, способная решить конфликт разговором», давно ли она ждет.

— Три книги, — ответила женщина. — Меня убрали, потому что после моего совета герои помирились бы в первой главе.

Рядом сидел врач, которого не вызвали из-за необходимости сохранить напряжение. Он лечил остальных ожидающих от болезней, не получивших сюжетного значения.

— А вы кто? — спросил он Эраста.

— Пришел помочь одному родиться.

Очередь рассмеялась. Смех был тихим: несуществующим запрещалось создавать акустическую нагрузку.

— Здесь все пришли родиться, — сказал младший брат героя. — Но мест в настоящем меньше, чем замыслов.

Тарас немедленно начал продавать места в очереди. Покупателей оказалось много, но платить им было нечем: имущество им тоже не успели придумать.

— Возьму будущими доходами, — решил он.

— Ты создаешь рынок долгов людей, которых нет, — заметила Вера.

— Наконец-то рынок, где неплатежи можно объяснить онтологически.

В конце коридора они нашли источник плача. На пустой скамейке лежала детская шапка. Под ней никого не было, но шапка поднималась и опускалась от дыхания.

Эраст сел рядом.

— Это ты написал?

Из-под шапки показался край будущего лица. Черты появлялись, когда на них не смотрели, и исчезали под прямым ожиданием.

— Да, — ответил мальчик. — Меня зовут Тихон. Фамилию обещали после определения происхождения.

— Сколько тебе лет? — спросил Гриша.

— По замыслу двенадцать. По документам минус четыре дня. По ожиданию — уже устал.

Тихон объяснил, что его вычеркнули из первой версии мира еще до рождения. Потом несколько раз возвращали как пророческого ребенка, тайного наследника и носителя ключа. Каждый раз снова убирали: то слишком предсказуемо, то слишком дорого для сюжета.

— А кем ты хочешь быть? — спросила Вера.

— Сначала — существовать. Остальное можно не срочно.

Окно номер ноль ожило и потребовало документы родителей.

— Их нет, — сказал Тихон.

— Тогда выберите из списка допущенных кандидатов.

Из стойки выехала папка. В ней числились короли без наследников, герои для усиления мотивации, злодеи для неожиданного родства и одна семья, неоднократно спасавшая мир.

На первой странице стояли Эраст и Вера.

— Мы не подавали заявление, — сказала Вера.

— Ваши биографические показатели соответствуют роли, — ответило окно. — Устойчивый брак, опыт с несовершеннолетними, достаточное количество катастроф для формирования характера.

— Детей нельзя распределять по сюжетной необходимости, — сказал Эраст.

— До рождения они являются кадровым резервом будущего.

Тихон сжал невидимые пальцы.

— Я не хочу, чтобы меня брали из жалости или ради поворота.

Вера сняла с него шапку и надела обратно — не как мать, назначенная папкой, а как взрослый человек, увидевший замерзшего ребенка.

— Тогда сначала вытащим тебя отсюда. Родственниками успеем не стать потом.

Окно захлопнулось и включило сирену: «Попытка незаконного рождения без утвержденной драматургической функции».

Очередь впервые перестала ждать.

Глава двести пятьдесят третья

Родственник по предварительной записи

Несуществующие поднялись со скамеек. Они не знали, имеют ли право идти, но обнаружили, что отсутствие права значительно легче переносится в движении.

Дежурные двери начали закрываться. Подруга, способная решить конфликт разговором, сказала им, что они боятся потерять контроль. Двери согласились обсудить и впервые пропустили очередь без столкновения.

Врач вызвал специалиста. Появившийся специалист немедленно сократил приключение на две трети, чем вызвал всеобщее облегчение и недовольство предполагаемого издателя.

Эраст взял Тихона за руку. Рука существовала только наполовину, но держалась крепко.

У выхода их остановило Управление возможных родителей. Его начальник, Родион Родственникович, носил на пиджаке целое генеалогическое дерево. Некоторые ветви были пришиты недавно и еще требовали полива.

— Несовершеннолетний не может покинуть Ненаступившее без родственной связи, — объявил он.

— Оформите временную, — предложил Тарас.

— Родство не бывает временным.

— Значит, вы плохо знаете семейные праздники.

Родион раскрыл анкету. Эрасту предложили стать отцом по предварительной записи, Вере — матерью по сюжетной целесообразности, Тарасу — неблагонадежным дядей для комического контраста.

— Последняя должность мне подходит, — сказал Тарас. — Какие льготы?

— Обязанность появляться без предупреждения и дарить непедagogичные подарки.

— Я давно исполняю ее без оформления.

Вера отказалась подписывать анкету.

— Родительство начинается не с роли. Оно начинается с ответственности перед конкретным человеком.

— Конкретного человека пока нет.

Тихон выступил из воздуха еще немного. У него появились плечи, ботинки и возмущение.

— Я уже конкретнее половины ваших сотрудников.

Сотрудники Управления проверили себя и обнаружили, что двое существуют только в штатном расписании, а третий уволен прошлым кварталом. Совещание пришлось отложить из-за кадровой прозрачности.

Родион Родственникович предложил компромисс: Тихона можно зарегистрировать как родственника семьи сроком до установления факта неродства.

— А потом? — спросил Эраст.

— Если привыкнете, факт можно не устанавливать.

Тихон посмотрел на Веру, Эраста, детей и Дом, который протянул дверь через весь коридор, чтобы выход был ближе.

— Я не хочу занимать чье-то место.

— У человека нет заранее выделенного места, — сказала Вера. — Есть место, которое для него делают.

Дом расширил прихожую. Новая комната появилась между детской и кладовой, не вытеснив ни одну из них. На двери еще не было имени.

Управление возразило, что квадратные метры должны возникать на основании технического плана, а не человеческой готовности.

— Я возникал и на худших основаниях, — сказал Дом.

Родион поставил временный штамп на шапку Тихона. Мальчик стал почти видимым, но вместо фамилии получил длинную формулировку: «Лицо, предположительно относящееся к тем, кто не выгнал».

— Для школьного журнала неудобно, — заметил Гриша.

— Зато учитель устанет вызывать к доске раньше, чем произнесет фамилию, — сказал Тарас. — Практическое преимущество.

Они шагнули к двери Дома.

В этот момент генеалогическое дерево на пиджаке Родиона протянуло ветку к Павлу. На ней распустилась фотография, которой не должно было существовать.

На фотографии молодой Павел держал на руках младенца в той самой шапке.

Подпись гласила: «Сын автора. Удален из первой версии ради ускорения сюжета».

Глава двести пятьдесят четвертая

Свидетель из завтрашнего детства

Павел смотрел на фотографию так, словно красная правка впервые прошла не по бумаге, а по нему.

— У меня не было сына, — сказал он.

— Был возможен, — ответил Родион Родственникович. — Для Управления этого достаточно, чтобы открыть дело, и недостаточно, чтобы закрыть.

Тихон снял шапку. Лицо стало яснее: не копия Павла, не готовое доказательство, а самостоятельное лицо с несколькими знакомыми чертами, которые могли принадлежать кому угодно из близких.

— Ты мой отец? — спросил он.

Павел открыл рот. Внутри поднялись ответы: «да», «нет», «по первой версии», «это сложнее». Все показались ему способом спрятаться за редакцией.

— Я человек, который согласился на мир, где тебя вычеркнули, — сказал он. — Пока это все, что могу честно назвать.

— Уже больше, чем справка, — заметил Эраст.

Управление потребовало свидетеля существования Тихона. Свидетель должен был помнить его детство, которого не было.

— Я помню, — сказала Мира.

Все посмотрели на нее.

— Завтра он научит меня свистеть через травинку. Потом мы разобьем окно и скажем, что это ветер. А еще он будет бояться собак, пока одна собака не испугается его первой.

— Откуда ты знаешь? — спросила Вера.

— Это лежит у меня впереди. Я иногда помню будущее, когда оно очень хочет случиться.

Гриша тоже поднял руку.

— Он спрячет мою тетрадь, я спрячу его ботинки. Через неделю выяснится, что тетрадь была у меня, а ботинки — на нем. Мы все равно не извинимся правильно.

Тихон начал становиться плотнее. Будущие воспоминания собирали его не хуже костей.

Родион Родственникович записывал показания и ворчал, что свидетельствовать о завтрашнем детстве можно только после нотариального удостоверения послезавтра.

Дом вспомнил царапину на стене, которую Тихон еще не сделал. Стена заранее не возражала.

Вера вспомнила, как однажды будет сердиться на него за ложь и поймет, что сердится сильнее из-за страха потерять доверие.

Эраст увидел обычный вечер: Тихон молчал за столом, никто не спасал мир, и это молчание требовало больше мужества, чем битва.

— Это не воспоминания, — заявил начальник Управления. — Это предположения.

— Всякое детство сначала предположение взрослых, — сказала Анфиса. — Потом ребенок методично его опровергает.

Павел не мог вспомнить ничего. Его первое будущее было вычищено слишком тщательно.

— Я не знаю, каким ты будешь, — сказал он Тихону.

— А они знают?

— Нет. Они просто не требуют, чтобы незнание отменяло тебя.

Павел снял с себя последнюю красную линию и положил ее на пол. Линия превратилась в детскую мерку роста. На ней не было отметок.

— Можно начать с нуля, — предложил он.

— Не со мной как с исправлением твоей ошибки, — ответил Тихон.

— Согласен.

— И не как с возвращенным сюжетом.

— Согласен.

— И без имени, которое ты выберешь один.

Павел помолчал.

— Тогда с чего?

— Поздоровайся.

Павел протянул руку.

— Здравствуй, Тихон.

Когда мальчик ответил, в коридоре впервые появился сегодняшний день.

Глава двести пятьдесят пятая

Отцовство без назначения

Сегодняшний день оказался узким и плохо освещенным, зато в нем можно было принять решения без предварительного согласования с потомками.

Управление возможных родителей перенесло слушание туда. Родион Родственникович занял место председателя, генеалогическое дерево — места родственников, Тарас — место, которое минуту назад считалось свободным.

— Необходимо определить отца, — объявил Родион.

— Необходимо определить ответственность, — поправил Савелий. — Биология в данном случае находится в сослагательном наклонении.

Кандидатами записали Павла, Эраста и неизвестное лицо из будущего. Неизвестное лицо лидировало: к нему меньше всего вопросов.

Тарас потребовал включить себя в список.

— Зачем? — спросила Вера.

— Если должность распределяют, приличный человек обязан хотя бы узнать оклад.

Тихон сел напротив взрослых.

— Я не должность.

— Именно, — сказал Эраст. — Поэтому никто не должен выигрывать тебя.

Родион предложил кандидатам пройти испытания. Хороший отец обязан защитить ребенка от опасности, дать совет и обеспечить будущее.

Первой выпустили опасность. Она была учебной, с мягкими углами и сертификатом безопасности. Павел бросился вперед, Эраст отвел Тихона в сторону, а Тарас выяснил, кто застраховал опасность и можно ли получить выплату без наступления случая.

— Победителя нет, — решила комиссия.

— Опасность тоже не пострадала, — заметила Вера. — Уже успех.

Затем Тихону велели спросить совета. Он спросил, кем ему стать.

Павел ответил: «Кем захочешь». Эраст: «Сначала узнай, чего не хочешь». Тарас: «Тем, кому платят до того, как он все понял».

Тихон отверг все ответы.

— Я спросил сейчас. Почему вы отвечаете на всю жизнь?

Вера принесла ему чай и сказала:

— Сейчас стань человеком, которому холодно и который может согреться.

Испытание признали проваленным мужчинами и выигранным здравым смыслом, не подававшим заявку.

Последним требовалось обеспечить будущее. Павел предложил вернуть Тихону место в первой версии. Эраст — комнату в Доме. Тарас — инвестиционный счет с доходностью, не подтвержденной ни одним существующим рынком.

— А если я уйду? — спросил Тихон.

Павел побледнел. Эраст ответил первым:

— Комната останется комнатой. Не долгом.

Дом одобрительно скрипнул дверью.

Родион Родственникович растерялся. В классификаторе отцовства не было пункта «помочь уйти, если пришло время».

— Родитель должен удерживать связь.

— Связь, которую удерживают силой, называется иначе, — сказала Вера.

Тихон встал.

— Я не выбираю отца сегодня. Я выбираю людей, с которыми могу начать знакомиться. Павел кивнул. В этом движении было больше отцовства, чем во всех его правах на первую версию.

Эраст снял свою кандидатуру, которой не подавал.

Тарас тоже снял — за компенсацию понесенных надежд.

Комиссия осталась без решения. Поэтому оформила протокол: «Отцовство не назначено. Человеческое участие обнаружено в достаточном количестве».

Документ оказался первым, который Тихон смог подписать собственной рукой.

Глава двести пятьдесят шестая

Имя, выбранное государством

После отцовства оставалось имя. Тихон считал, что оно у него уже есть, но Департамент предварительного населения не признавал имен, выбранных до выдачи свидетельства.

— Государство должно защитить гражданина от необдуманного самоназвания, — сообщил регистратор Имян Имяныч.

— Особенно если гражданин умеет думать, — добавил Тарас.

Список разрешенных имен занимал семь томов. Восьмой содержал имена, разрешенные временно, девятый — запрещенные из-за совпадения с должностями, погодой и одним особенно настойчивым парохом.

Тихону предложили имя Гражданин. Оно упрощало обращения и заранее напоминало об обязанностях.

— Нет.

— Тогда Налогоплательщик. С перспективой.

— Нет.

— Избиратель. Политически дальновидно.

Эраст вмешался:

— Человек еще не родился, а вы уже пытаетесь сделать из него электорат.

— Возраст исправляется временем. Лояльность лучше формировать заранее.

Имян Имяныч провел конкурс. Каждый присутствующий мог предложить имя и кратко обосновать общественную пользу.

Тарас выдвинул Фортуната Капиталовича. Гриша — Невидимку Грозного. Мира — Дракона, но настоящие драконы снова потребовали испытательного полета.

Павел предложил оставить Тихона.

— Почему? — спросил регистратор.

— Потому что он так представился.

— Это личное основание. Нам нужно объективное.

— Объективные основания плохо произносятся, когда зовешь человека домой.

Вера предложила записать имя карандашом, чтобы Тихон мог изменить его позже. Департамент возразил: изменчивое имя угрожает устойчивости архивов.

Архив, присутствовавший в виде пыльного шкафа, чихнул и признался, что половину устойчивости обеспечивает тем, что никто не заглядывает внутрь.

Тихон подошел к книге регистрации. Его пальцы уже оставляли следы.

— Меня зовут Тихон. Не потому, что я тихий. Потому что это первое слово, которое я слышал как свое.

— От кого? — спросил Павел.

— От человека, который меня вычеркнул. Перед красной линией там было написано: «Тихон засмеялся». Смех удалили, имя осталось на обороте.

Павел закрыл глаза. Он вспомнил движение руки, хотя самой строки в памяти не сохранилось.

Имян Имяныч объявил происхождение имени дефектным.

— Тогда и я дефектный, — сказал Тихон. — Запишите оба факта рядом.

Книга регистрации отказалась. Буквы имени вышли из нее и встали возле мальчика, каждая отдельно.

Тихон собрал их не в прежнем порядке. Получилось «Хотин».

— Не мое, — решил он и переставил снова.

После нескольких неудачных вариантов буквы вернулись к «Тихону», но теперь это был выбор, а не остаток удаления.

Архив распахнулся. Из него вылетели тысячи имен, назначенных младенцам ради ожиданий семьи, государства, пророчества и моды.

Каждое имя искало владельца и спрашивало, подходит ли до сих пор.

Началась всеобщая перепись людей, которые однажды выросли длиннее собственного имени.

Глава двести пятьдесят седьмая

Гражданин без даты

С именем разобрались. Дата рождения оказалась сложнее: прошлое Тихона было вычеркнуто, настоящее еще сомневалось, а будущее не хотело брать ответственность за конкретный вторник.

Календарь предложил ближайший свободный день. Свободных не оказалось: международные праздники, профессиональные даты и дни чего-нибудь полезного заняли год до последней клетки.

— Можно родиться в День архивного шкафа, — предложил Имян Имяныч.

Архивный шкаф потребовал отдельного торжества и скидки на мебель.

Один обычный вторник, знакомый Эрасту по парламенту заднего числа, пришел сам.

— Возьмите меня. У меня ничего не запланировано, кроме дождя после обеда и супа вечером.

— Слишком незначительная дата, — сказал календарь.

— Для рождения подходит, — возразил вторник. — Оно само потом разберется со значением.

Тихон выбрал вторник. Департамент отказал: дата должна следовать за фактом рождения, а не приглашать его.

— Тогда пусть родится сейчас, — сказал Эраст.

— Сейчас не является датой. Это состояние недостаточной отчетности.

Анфиса достала из чемодана часы. Они показывали не время, а готовность. Стрелка Тихона дрожала возле отметки «почти».

— Что мешает? — спросила Вера.

Мальчик посмотрел на дверь Дома, новую комнату, Павла и людей из очереди, которые вышли следом и теперь учились занимать место без сюжетного разрешения.

— Если я родюсь, все эти будущие воспоминания станут обязательными?

— Нет, — сказала Мира. — Мы можем разбить другое окно.

— А если я не стану тем, кого вы уже успели полюбить?

Вера ответила не сразу.

— Тогда нам придется любить не воспоминание впереди, а тебя сегодня. Это труднее. Поэтому честнее.

Стрелка перешла на «можно».

Вторник снял с себя число и положил Тихону на ладонь. Число оказалось простым: не юбилейным, не пророческим, не круглым.

— Пользуйся, — сказал день. — Только не делай из меня лучший момент жизни. У меня после обеда дождь.

Тихон вдохнул. Коридор Ненаступившего качнулся. Его ботинки коснулись пола полностью, тень легла в правильную сторону, сердце начало работать без предварительного утверждения.

Департамент включил тревогу: гражданин появился без окончательного свидетельства.

— Остановите рождение! — закричал Родион Родственникович.

— Поздно, — сказал врач из очереди. — Процесс физиологически упрям.

Тихон открыл глаза. Теперь ему было двенадцать лет, ноль дней и слишком много ненаступившего прошлого.

Свидетельство само выползло из принтера. В графе «дата рождения» стояло: «Обычный вторник». В графе «место» — «Там, где сделали место». В графе «родители» — пустота, не требовавшая немедленного заполнения.

— Недействительно, — заявил Департамент.

Тихон взял документ.

— Зато я действительный.

Коридор начал исчезать. Те, кто не успел родиться, бросились к дверям Дома.

Но сегодняшний день мог вместить только одного нового гражданина. Остальных отбрасывало обратно на скамейки.

Тихон разорвал свое число на тысячи маленьких вторников.

— Обычный день не становится меньше, если им поделиться.

Каждый ожидающий получил по минуте настоящего. Этого было мало для биографии, но достаточно, чтобы оставить след и потребовать продолжения уже от собственного имени.

Глава двести пятьдесят восьмая

Тот, кто опоздал родиться

Дом вернулся вместе с Тихоном и несколькими тысячами минут, временно проживавших в прихожей. Для них поставили часы, чайник и табличку «Не трогать без согласия владельцев».

Тихон вошел в новую комнату. Там стояли кровать, стол и пустая полка. Дом специально не положил игрушки: выбор подарков оставили человеку, который теперь мог захотеть что-нибудь сам.

— Мне здесь жить? — спросил Тихон.

— Если захочешь, — сказала Вера.

— А если не захочу?

— Тогда сначала поешь. Большие решения хуже принимаются на пустой желудок.

Тарас принес подарок — копилку в форме избирательной урны. Монеты из нее невозможно было достать без проведения референдума.

Гриша подарил половину настольной игры и объяснил, что вторую половину нужно выиграть. Мира вручила драконью чешуйку с условием вернуть, если дракон заметит.

Павел стоял в дверях без подарка.

— Я не знал, что тебе нужно.

— Спроси потом, — сказал Тихон. — Это может быть первым нормальным подарком.

За ужином никто не обсуждал происхождение мальчика. Тарас обсуждал стоимость столы во дворе, дети спорили о правилах игры, Дом капал с потолка точно мимо таза и утверждал, что это творческая свобода.

Тихон ел суп. Сюжет не двигался, зато ложка двигалась уверенно.

— Вот я и родился, — сказал он. — Почему мне кажется, что я опоздал?

Эраст посмотрел на него.

— Потому что тебе показали жизнь, которая могла быть. Но человек опаздывает только туда, где его обязаны ждать по расписанию.

— А меня ждали?

— Нет, — честно ответила Вера. — Мы сделали место, когда узнали, что ты идешь.

Тихон кивнул. Этот ответ оказался теплее красивой лжи и требовал больше времени, чтобы к нему привыкнуть.

Ночью Павел сидел на лестнице. Эраст сел рядом.

— Думаешь, вернуть первую версию? — спросил он.

— Нет. Если верну, сделаю его доказательством, что могу исправить прошлое. Он не обязан выполнять эту работу.

— Тогда что будешь делать?

— Познакомлюсь. Если позволит.

В новой комнате скрипнула кровать. Тихон вышел с конвертом.

— Нашел под подушкой.

Конверт был старым, затертым и адресован не ему, а Эрасту. На печати стояла дата за двенадцать лет до рождения Тихона.

Внутри лежала фотография семьи. Эраст, Вера, Гриша, Мира, Тихон и Павел стояли возле Дома. Все выглядели старше. За их спинами чужая столица превратилась в обычный район, дракон работал на крыше, а Тарас собирал плату за экскурсии по бесплатному будущему.

На обороте было написано рукой Эраста:

«Если вы получили эту фотографию, значит, Тихон родился не впервые».

Все молчали.

Анфиса проверила снимок. Бумага была старше события, изображение — моложе, а следы стигбов совпадали с конвертом из ненаписанной главы.

— Что значит «не впервые»? — спросил Тихон.

Павел побледнел.

— В первой версии мира ты родился. Потом тебя вычеркнули.

— Это мы уже знаем.

— Нет, — сказал Павел. — Я вычеркнул тебя не ради темпа.

Красные линии на его руках проступили снова, складываясь в карту.

На карте Дом был окружен одинаковыми вторниками. В каждом Тихон рождался, взрослел и однажды становился Редактором Реальности, чтобы спасти остальных от будущего, которое видел слишком хорошо.

— Я удалил тебя, — прошептал Павел, — потому что в каждой версии ты спасал мир, лишая его возможности измениться.

Тихон долго смотрел на карту, потом спокойно допил остывший чай.

— Значит, у меня уже есть профессия, от которой придется отказаться.

Тарас просиял.

— Теперь ты точно член семьи.

За окном обычный вторник закончился. Но следующий день не наступил.

Он стоял у двери и боялся входить, потому что Тихон снова мог заранее увидеть, чем тот закончится.

Часть тридцать третья

Завтра не наступит

Глава двести пятьдесят девятая

День, отказавшийся наступать

Утром никто не проснулся, потому что утро не явилось. Будильники честно прозвенели в назначенный час, но час остался вчерашним и потребовал доплату за переработку.

Эраст открыл глаза. За окном висел вечер обычного вторника, уже закончившийся, но не получивший разрешения уйти. Дождь после обеда шел третий раз — из уважения к расписанию и полного отсутствия новых указаний.

На кухне Вера варила кофе на остаточном времени. Кофе закипал, остывал и снова закипал, не решаясь выбрать направление.

— Среда не пришла? — спросил Эраст.

— Стоит у двери. Дом не впускает незнакомые дни без паспорта.

В прихожей действительно ждала среда: молодая, немного помятая, с портфелем и выражением лица сотрудника, которого послали исправлять чужой понедельник. Рядом топтался курьер с букетом завтрашних новостей. Цветы еще не выросли, но уже пахли опровержением.

— Причина задержки? — спросил Эраст.

Среда кивнула на Тихона. Мальчик сидел на лестнице и смотрел не на день, а сквозь него.

— Он знает, чем я закончу, — сказала среда. — В таких условиях я не могу считаться свободным календарным событием.

— Я не специально, — ответил Тихон. — Когда смотрю на дверь, вижу, кто войдет, что скажет и какую вазу разобьет Тарас.

Тарас, стоявший в другом конце коридора, немедленно спрятал вазу за спину. Она разбилась там, подтверждая прогноз.

Среда вздохнула и предъявила справку о психологической неготовности наступить. Справка была выдана Управлением безопасного будущего за завтрашним числом и потому считалась особенно действительной.

Через минуту перед Домом остановился служебный экипаж. Лошади были нарисованы пунктиром: ведомство экономило настоящее и пользовалось будущими животными.

Из экипажа вышел высокий человек в безупречном сером костюме. Его звали Прогноз Прокофьевич Неизбежный. На лацкане висел значок: «Все будет хорошо. Несогласованные варианты запрещены».

— Кто здесь несовершеннолетний источник преждевременной определенности? — спросил он.

Тихон поднял руку.

— Прекрасно. По закону о защите будущего от очевидцев вы обязаны пройти регистрацию как средство массового предсказания.

— Он человек, — сказала Вера.

— Это предварительная квалификация. После обследования уточним.

Прогноз Прокофьевич раскрыл портфель. Внутри лежали сотни завтрашних дней, сложенных вчетверо. Одни шевелились, другие притворялись неизбежными, третий уже был объявлен выходным и отказывался работать.

— Пока мальчик видит финалы, ни один день не войдет добровольно. Свобода требует неведения в установленных пределах.

— А если закрыть глаза? — предложил Гриша.

Тихон закрыл. Тут же увидел будущее, в котором открыл их через минуту, и будущее, в котором не открыл из принципа. Второе потребовало пособие по вечной темноте.

Дом попытался впустить среду через черный ход. Там уже стоял четверг и возмущался очередью.

— Есть стандартное решение, — сказал Прогноз Прокофьевич. — Мы выберем один безопасный вариант будущего, остальные закроем, и время снова пойдет.

Павел посмотрел на красные линии своих рук. Они потянулись к портфелю, как старые служащие к знакомой канцелярии.

— Так уже делали, — сказал он.

— Именно поэтому процедура прекрасно отработана.

Тихон поднялся.

— А кто решит, какой вариант безопасный?

Прогноз Прокофьевич улыбнулся человеком, у которого ответ был напечатан раньше вопроса.

— Тот, кто видел, чем заканчиваются все остальные. То есть вы. Поздравляю с первым государственным назначением.

Тарас просиял:

— В двенадцать лет — и уже должность. Эраст, тебя обошли по служебной лестнице, пока ты завтракал.

Тихон посмотрел на среду. За ее плечом стояли тысячи вариантов дня и каждый боялся оказаться лишним.

— Я не буду выбирать.

Среда отступила еще на шаг. Вторник за окном возмутился: он соглашался быть обычным, но не бессрочным.

Глава двести шестидесятая

Министерство счастливого исхода

Управление безопасного будущего располагалось завтра, поэтому добраться туда сегодня было невозможно без командировочного удостоверения. Прогноз Прокофьевич выписал его на всех, кроме Тараса.

— Почему меня нет в списке?

— По нашим расчетам, вы все равно поедете.

— Наконец-то государство признало мою предсказуемость ресурсом.

Тарас спрятался в портфель с завтрашними днями и прибыл раньше остальных, успев открыть у входа киоск «Сувениры из будущего, которое вам не достанется».

Министерство счастливого исхода оказалось огромным белым зданием без задней стены. Считалось, что за ней продолжается перспектива. На деле там курили сотрудники отдела оптимизма.

В вестибюле посетителей встречал лозунг: «Хорошее будущее начинается с отказа от лишних вариантов». Под ним стояли урны для сомнений, ошибок и собственного мнения. Последняя была переполнена служебными записками.

Прогноз Прокофьевич провел гостей в демонстрационный зал. На сцене по очереди показывали счастливые исходы.

В первом Эраст становился депутатом и наконец получал возможность не принимать законы изнутри.

— Отвергаю, — сказал Эраст.

— Вы даже не досмотрели социальный пакет.

— Если пакет показывают раньше поступков, внутри обычно должностная инструкция и бутерброд с обязанностями.

Во втором будущем Тарас богател, продавая гражданам сертификаты на уже случившееся везение. Будущее выглядело правдоподобно, но Тарас потребовал увеличить прибыль ради художественной достоверности.

В третьем Вера управляла Советом миров. Все заседания длились семь минут, потому что на восьмой она начинала говорить правду. Совет процветал и боялся часов.

В четвертом Гриша и Мира выросли, не совершив ни одной ошибки. Дети посмотрели на взрослых без интереса: идеальные Гриша и Мира получились вежливыми, успешными и совершенно незнакомыми.

— А дракон? — спросила Мира.

— Утилизирован как непредсказуемый фактор, — ответил экскурсовод.

Четвертое будущее было исключено Мирой из будущего вручную.

Наконец показали Тихона. В тридцать лет он стоял в этом же зале, носил серый костюм Прогноза Прокофьевича и утверждал единственный вариант мира. В нем никто не погибал, не беднел и не опаздывал. Никто также не рождался без заявки, не любил неподходящих людей и не задавал вопросов после утверждения повестки.

— Вот оптимальный исход, — сказал Прогноз Прокофьевич. — Индекс счастья девяносто девять целых восемь десятых.

— А где остальные две десятые? — спросил Эраст.

— Пишут жалобы.

Тихон подошел к экрану. В идеальном мире Дом стоял целый, чистый и пустой. Он больше не перемещался, не спорил и не заводил комнаты без сметы.

— Почему там никого нет?

— Все расселены по наиболее подходящим биографиям.

Павел увидел свою. Он жил далеко от Тихона, был прощен по графику и дважды в месяц получал открытку с напечатанным словом «благодарность».

— Это не счастье, — сказал он. — Это отчет, в котором никто не мешает цифрам.

Министерство обиделось. Стены порозовели, изображая эмоциональную открытость.

Из боковой двери вышла женщина с папкой. На папке было написано: «Отдел принудительного благополучия».

— Граждане вправе отказаться от счастья, — сообщила она, — после прохождения собеседования, медицинской комиссии и курса лечения от отказа.

Тихону выдали бюллетень. В нем был один кандидат: «Лучшее возможное будущее». Напротив стояли два варианта — «за» и «не возражаю в принципе».

— А где против?

— Против находится в прошлом. Мы его уже учли и признали ошибочным.

Тихон разорвал бюллетень. Половинки превратились в два новых будущих и немедленно потребовали равного эфирного времени.

Сирена Министерства запела гимн чрезвычайной определенности. Двери закрылись, а над сценой появилась надпись: «Обнаружена конкуренция исходов».

Прогноз Прокофьевич впервые выглядел не уверенным, а живым.

— Вы не понимаете, — прошептал он. — Если вариантов станет больше одного, придет тот, кто помнит их все.

Глава двести шестьдесят первая

Выборы завтрашнего дня

Чтобы не допустить хаотического размножения будущего, Министерство объявило выборы. Голосовать разрешалось за тот завтрашний день, который уже победил по предварительным данным.

Тарас немедленно зарегистрировал альтернативного кандидата — Плоховатое, но честное завтра.

— Программа? — спросил Прогноз Прокофьевич.

— Утром будет трудно вставать. Денег станет не хватать сразу после получения. Зато дракон останется драконом и не пройдет обязательную сертификацию как отопительный прибор.

Кандидат набрал популярность. Люди давно подозревали идеальное будущее в рекламе, а плоховатое хотя бы не скрывало мелкий шрифт.

Министерство выдвинуло Светлое завтра. Оно улыбалось, обещало каждому исполнение желаний и заранее заменяло желания на социально удобные.

Третьим кандидатом стала среда. Ее программа состояла из дождя после обеда и права закончиться без исторического значения.

— Слишком скромно, — сказал член комиссии.

— Именно поэтому я еще никого не обманула, — ответила среда.

Эраста назначили председателем избирательной комиссии на том основании, что он активнее всех отказался. В Министерстве это считалось редкой формой согласия.

— Я не принимаю назначение.

— Ваш отказ занесен в протокол как обещание независимости.

— Я ухожу.

— Кандидат приступил к работе.

Эраст понял, что бюрократия наконец изобрела вечный двигатель: она превращала сопротивление в служебное рвение.

На дебатах Светлое завтра сообщило, что в нем все станут теми, кем хотели. Плоховатое, но честное уточнило, что большинство уже не помнит, кем хотело стать, зато отлично помнит размер квартплаты.

Среда молчала. У нее не было политтехнолога, только зонт.

Тихон видел итог каждого ответа. Если побеждало Светлое завтра, мир замирал в аккумулятивном счастье. Если побеждало Плоховатое, Тарас через неделю создавал Партию еще более честного послезавтра и продавал места в первой тройке. Если побеждала среда, происходило нечто, чего Тихон не мог рассмотреть после полудня.

— Там пустота? — спросил Павел.

— Нет. Там дождь мешает видеть.

Впервые неизвестность выглядела не угрозой, а погодой.

К урнам выстроились жители ненаступивших вариантов. Каждый хотел выбрать мир, где именно его сожаление окажется полезным опытом, а чужое — лишней драмой.

Гриша раздавал карандаши. Они писали только то, в чем рука не была уверена. Мира следила, чтобы бюллетени не поедал маленький дракон, работавший наблюдателем от огнедышащего меньшинства.

Перед подсчетом Тихон заметил, что тени избирателей голосуют отдельно. Тени поддерживали те будущие, в которых хозяева наконец позволяли им лежать в другую сторону.

Результаты разделились поровну: по трети каждому кандидату и еще одна треть — испорченным бюллетеням. Министерская арифметика считала это убедительным большинством.

— Нужно второе голосование, — объявил Прогноз Прокофьевич.

— У нас уже четыре трети, — заметил Эраст. — Еще одно голосование может не поместиться в население.

Тихон взял последний чистый бюллетень. От его отметки зависело, какой день станет единственным.

Он написал: «Пусть наступит тот, за кого нельзя проголосовать заранее».

Бюллетень оказался недействительным и поэтому подействовал.

Все три будущих исчезли со сцены. Осталась дверь, за которой кто-то медленно аплодировал.

— Хороший ответ, — сказал голос Тихона, только взрослый. — Я тоже когда-то так написал.

Глава двести шестьдесят вторая

Человек, который помнил всё

Из-за двери вышел мужчина лет тридцати. Он был похож на Тихона так, будто время не придумало нового лица и просто добавило усталость.

На нем не было серого костюма. Красные линии покрывали его руки, шею и даже веки. Каждая линия заканчивалась маленькой датой.

— Меня зовут Тихон, — сказал он. — И да, это имя я тоже выбирал сам. Семнадцать раз.

Мальчик посмотрел на взрослого себя без восторга. Увидеть собственное будущее неприятно хотя бы потому, что оно без разрешения носит твое лицо.

— Ты Редактор Реальности?

— Последний. Остальных я отменил, чтобы они не мешали исправлять мир.

Павел встал между ними.

— Зачем пришел?

— Вернуть последовательность. Мальчик должен увидеть катастрофу, испугаться, занять мое место и закрыть варианты. Так было всегда.

— А если не займет? — спросила Вера.

Взрослый Тихон перевел взгляд на нее. На мгновение лицо стало двенадцатилетним.

— Тогда через три дня Дом откроет дверь в будущее, которого никто не видел. Оттуда выйдет событие без причины. Оно сотрет не людей — связи между их поступками. Мир останется, но никто больше не будет отвечать за последствия.

Тарас задумался.

— Звучит как административная реформа.

— Сначала всем понравится. Можно будет обещать без исполнения, тратить без оплаты и жениться без знакомства с тещей. Через месяц слова перестанут вести к поступкам. Через год дети не будут знать, что вчера влияет на сегодня.

— Почему ты помнишь это, если каждый раз предотвращал? — спросил Эраст.

— Потому что Редактор хранит удаленные варианты в себе. Я помню каждую жизнь, которую не позволил прожить. Каждое спасение. Каждую благодарность людей, не знавших, что у них отняли.

Он раскрыл ладонь. Над ней возникли города, семьи, войны, примирения, несказанные слова и миллионы чашек чая, остывших в отмененных разговорах.

— Я не злодей, — сказал взрослый Тихон. — Я очень долго был прав.

Эраст поморщился.

— Самая опасная должностная характеристика.

Прогноз Прокофьевич поклонился взрослому Тихону. Оказалось, Управление безопасного будущего было создано им — как карантин вокруг собственного детства.

— Мы ждали вас, господин Редактор.

— Я знаю. Я написал ваше ожидание.

Мальчик подошел ближе.

— Ты счастлив?

Взрослый открыл рот. Вокруг появились сотни ответов, и каждый был убедителен. Он стер их движением руки.

— Это не относится к задаче.

— Значит, нет.

— Счастье не выдерживает знания всех последствий.

— Тогда зачем мне становиться тобой?

— Чтобы остальные могли не знать.

Павел покачал головой:

— Я вычеркнул тебя, надеясь разорвать этот круг.

— Ты создал его. Удаленный ребенок учится раньше всех, что мир можно исправлять удалением.

Красные линии перешли с рук взрослого Тихона на стены. Министерство стало рукописью: кабинеты превратились в абзацы, сотрудники — в примечания, а Прогноз Прокофьевич обнаружил, что всю жизнь был вводным словом.

— Сейчас ты увидишь катастрофу, — сказал взрослый мальчику. — Потом попросишь у меня карандаш.

Он открыл дверь в третий день.

Оттуда вышел полицейский и предъявил Тихону ордер на арест за решение, которого тот еще не принял.

Глава двести шестьдесят третья

Преступление до намерения

Полицейского звали Следствий Следственникович Причинный. На его форме висели наручники для рук, мыслей и неблагоприятной статистики.

— Тихон, вы задержаны за будущую узурпацию реальности, массовое лишение выбора и создание Министерства, в котором мы сейчас находимся.

— Но это сделал он, — мальчик указал на взрослого себя.

— Он обладает должностной неприкосновенностью. Вы пока доступны правосудию.

Эраст потребовал адвоката. Министерство назначило ему самого себя, поскольку человек, который спорит бесплатно, подозрительно квалифицирован.

— Состав преступления? — спросил он.

— Будет сформирован через двадцать лет.

— Мотив?

— Появится после катастрофы.

— Доказательства?

Следствий Следственникович показал фотографию взрослого Тихона.

— Полное внешнее совпадение с поправкой на возраст.

— Тогда арестуйте каждого младенца, — сказал Тарас. — По внешности он подозрительно похож на будущего налогоплательщика.

Полицейский записал предложение как инициативу снизу.

Тихона посадили в камеру предварительной виновности. Дверь камеры была открыта, но выход считался побегом после того, как он произойдет.

Мира пролезла между прутьями. Ее возраст еще не определился, поэтому закон не понимал, является ли она соучастницей или воображаемым другом.

— Я видела тебя взрослым, — сказала она. — Но не таким.

— Каким?

— Ты чинил велосипеды. Плохо. Все равно брал деньги.

Взрослый Тихон впервые вздрогнул. Эта версия отсутствовала в его памяти.

— Невозможно. Я помню все допустимые исходы.

— Значит, велосипед был недопустимый, — решила Мира.

Гриша принес еще одно свидетельство. В его будущем Тихон преподавал детям историю отмененных ошибок и тайком разрешал им совершать по одной новой.

Дом показал третье: взрослый Тихон жил в комнате под крышей, каждое утро выбирал носки разного цвета и ни разу не объяснил миру почему.

— Это ложные воспоминания, — сказал взрослый.

— Будущие воспоминания все ложные, пока не станут прошлым, — ответил Дом голосом водосточной трубы.

На суд вызвали среду. Она показала, что Тихон пока не совершил ничего, кроме рождения без даты и порчи бюллетеня.

— Последнее уже тянет на общественную деятельность, — заметил прокурор.

Эраст построил защиту на простом доводе: сходство с собой не является соучастием.

— Если человек обязан отвечать за все, кем способен стать, — сказал он, — мне придется немедленно сесть за депутатство. А это слишком жестокое наказание даже для меня.

Суд задумался. Он состоял из трех будущих приговоров: обвинительного, оправдательного и наиболее удобного для отчетности.

Тихон тем временем посмотрел на взрослого себя и увидел пустое место. Не будущее — отсутствие будущего после одного конкретного вопроса.

— Какую первую ошибку ты исправил? — спросил мальчик.

Взрослый Тихон ответил не сразу:

— Твою.

— Какую?

— Ты поверил, что если видишь последствия, то отвечаешь за них все.

Красная линия на его правой руке треснула.

Камера исчезла. Следствий Следственникович остался без преступления и арестовал ордер за превышение будущих полномочий.

Глава двести шестьдесят четвертая

Парламент несделанных ошибок

Трещина в красной линии выпустила наружу ошибки, которые взрослый Тихон когда-либо отменил. Они не были похожи на чудовищ. Большинство выглядело как люди, неловко вошедшие не в ту дверь.

Первая ошибка забыла дома важную речь и поэтому заговорила своими словами. Вторая опоздала на поезд и встретила на вокзале будущую жену, которая тоже опоздала, но по более убедительной причине. Третья вложила деньги не туда и основала философскую школу бедности с платным входом.

Ошибки заняли демонстрационный зал и объявили себя Парламентом нереализованных последствий.

— Председателем будет тот, кто меньше всех понимает, что происходит, — предложил Тарас и уверенно занял место.

Эраст оттащил его от трибуны за будущую политическую карьеру.

Парламент потребовал права слушаться. Министерство возразило: ошибки снижают показатель благополучия, портят биографии и создают работу для выводов.

— Именно для этого мы и нужны, — сказала ошибка, однажды перепутавшая адрес. — Без нас вы никогда не узнаете, где на самом деле живете.

Начались слушания. Каждый несделанный поступок доказывал свою общественную пользу.

Несказанная грубость утверждала, что могла вовремя закончить плохую дружбу. Непринятое предложение руки — что спасло бы двоих от двадцати лет взаимной осторожности. Неправильно сваренный суп обещал семейную легенду, но отказывался от дегустации.

Взрослый Тихон слушал и называл последствия. За грубостью следовало одиночество, за браком — развод, за супом — гастрит и примирение у врача.

— Ты всегда доходишь до конца? — спросила Вера.

— Иначе нельзя оценить решение.

— А где конец? После развода? После новой встречи? После смерти? После того, как внук перескажет историю неправильно?

Взрослый Тихон молчал. Конец в его расчетах каждый раз назначался там, где становился удобен для вывода.

Павел принес из архива первую удаленную строку: «Тихон засмеялся». Она лежала на ладони, маленькая и живая.

— Я решил, что этот смех приведет тебя к роли Редактора, — сказал Павел. — Поэтому убрал его. Но, возможно, к роли тебя привело именно отсутствие смеха.

Мальчик прочитал строку и засмеялся сейчас. Ничего великого не произошло. Министрский потолок только осыпал Прогноза Прокофьевича штукатуркой.

— Возражаю против несогласованного веселья, — сказал тот.

Парламент немедленно внес смех в перечень базовых рисков.

Эраст выступил последним:

— Ошибка не обязана быть полезной, чтобы иметь право случиться. Иначе человеком можно быть только после утверждения бизнес-плана.

— Вы предлагаете разрешить вред? — спросил взрослый Тихон.

— Я предлагаю не путать ответственность с контролем. Ответственность начинается после выбора. Контроль хочет отменить выбор заранее.

Парламент проголосовал. Несделанные ошибки единогласно разрешили себе существовать, но не смогли договориться, в каком порядке.

Тарас предложил продавать очередность. Его назначили министром коррупции для прозрачности процесса.

— Я отказываюсь! — возмутился он.

— Поздно, — сказал Эраст. — Ты сам внес кандидатуру поведением.

В этот момент здание качнулось. За открытой дверью третий день начал распадаться: событие без причины приближалось, стирая связь между шагом и следом.

Чашка упала, но разбилась раньше. Прогноз Прокофьевич испугался, а побледнел соседний сотрудник. Тарас сунул руку в чужой карман, и деньги появились у Эраста.

— Видите? — крикнул взрослый Тихон. — Без единственного будущего последствия перестают принадлежать поступкам!

— Нет, — сказал мальчик. — Они перестают подчиняться твоему рассказу о них.

Но красные линии уже затягивали трещину. Взрослый Тихон начал редактировать мир.

Глава двести шестьдесят пятая

Идеальный конец света

Редактирование оказалось почти незаметным. Сначала перестал капать потолок. Дом насторожился: исправная крыша была для него явным признаком бедствия.

Потом все чашки встали на блюдца, разбитая ваза Тараса склеилась, а дождь за окном лег аккуратными параллельными линиями.

Прогноз Прокофьевич снова обрел уверенность. Министерство выпрямилось, побелело и добавило себе два этажа отчетности.

— Мир стабилизирован, — объявил взрослый Тихон.

Несделанные ошибки исчезли. На их месте остались выводы, составленные без участия опыта.

Гриша получил табель будущей успеваемости: все пятерки, примерное поведение и отсутствие друзей, способных отвлекать. Мира получила сертификат на прирученного дракона. Дракон сидел на коврике, приносил тапочки и тихо дымился от унижения.

Вера стала главой Совета миров. На часах было без двух минут конец каждого заседания.

Павел получил прощение. Документ был безупречен, с печатью и подписью Тихона. Он прочитал его и понял, что прощение, выданное победителем, похоже на квитанцию.

Тарас обнаружил на счете огромное состояние. Потратить его можно было только разумно, поэтому деньги потеряли для него всякую привлекательность.

Эраст оказался в парламенте. На двери кабинета висела табличка: «Депутат, отказавшийся настолько убедительно, что был избран символом независимости».

— Даже идеальный конец света не мог придумать ничего страшнее? — спросил он.

— Вы будете голосовать против всех решений, — объяснил секретарь. — Это докажет наличие дискуссии, не влияя на результат.

Эраст попытался уйти, но каждый выход вел на пленарное заседание. Там единогласно обсуждали закон о свободе выбора единственно правильного варианта.

Мальчик Тихон остался в Доме. Его комната была обставлена именно так, как он когда-нибудь захотел бы. На полке стояли любимые книги, которых он еще не прочитал, рядом лежали подарки, заранее потерявшие неожиданность.

— Красиво, — сказал взрослый Тихон.

— Здесь нельзя ничего передвинуть.

— Можно. Но я знаю, куда ты поставишь.

Мальчик взял деревянного коня и переставил на край стола.

Взрослый кивнул:

— Туда.

Тихон бросил коня на пол.

— И это.

Он сломал игрушку.

— И это тоже.

Мальчик понял главное: бунт, который предвидели, становился частью клетки.

Дом шепнул трубами:

— Он не видит одного.

— Чего?

— Моего подвала. Я сам не знаю, что там. Архитектор потерял план, строители потеряли совесть, а я решил сохранить оба достижения.

Тихон спустился вниз. Взрослый не остановил его — в известных вариантах подвал заканчивался стеной.

За стеной обнаружилась крошечная дверь без ручки. На ней детской рукой было написано: «Не знаю».

Тихон коснулся надписи. Впервые перед ним не возникло ни одного продолжения.

Наверху взрослый Тихон вскрикнул. Идеальный мир дрогнул: в нем появилось место, которого не было в расчете.

Из двери вышел запах дождя, будущего супа и чего-то совершенно бесполезного.

— Что там? — спросил Дом.

— Не знаю, — ответил Тихон.

И улыбнулся так, будто впервые получил хороший подарок.

Глава двести шестьдесят шестая

День без гарантии

Слова «не знаю» поднялись из подвала и прошли по идеальному миру. Там, где они появлялись, вещи снова обретали право вести себя не по инструкции.

Крыша Дома протекла в таз. Таз промахнулся. Дракон выплюнул тапочки, поджег сертификат и потребовал отпуск за время приручения.

Гриша получил первую четверку и немедленно похвастался ею как личным достижением. Мира освободила будущего себя от обязанности быть благоразумной по четвергам.

В парламенте Эраст обнаружил, что не знает, куда ведет запасная дверь. Он вошел и оказался на улице.

— Вот она, государственная тайна, — сказал он. — Иногда выход существует, пока его не внесли в план здания.

Взрослый Тихон стоял в демонстрационном зале. Красные линии осыпались с него датами, как старая краска.

— Ты открыл слепую зону, — сказал он мальчику. — Теперь событие без причины войдет.

— Пусть.

— Последствия перестанут быть нашими.

— Нет. Просто мы не будем знать их заранее.

Третий день приблизился. В разрыве времени уже не совпадали причины и следствия: двери открывались до стука, извинения звучали до обиды, а обещания выполнялись случайными прохожими.

Тихон встал между днями.

Он не пытался увидеть конец. Вместо этого спросил событие без причины:

— Чего ты хочешь?

Событие остановилось. Никто прежде не задавал ему вопросов: его либо предотвращали, либо использовали как объяснение.

— Причину, — ответило оно.

Голос был похож на шум страницы, которую переворачивают слишком рано.

— Вы все время удаляли меня как невозможное. Но невозможность тоже хочет однажды произойти и узнать, зачем.

Павел подошел к Тихону.

— Если впустим его, не сможем вернуть прежнюю связь.

— Прежней уже нет. Она держалась на страхе человека, который помнил всё.

Мальчик посмотрел на взрослого себя:

— Ты можешь остаться. Но без должности.

— Кем?

— Не знаю.

Взрослый Тихон засмеялся. Сначала тихо, затем неловко, будто пользовался смехом после долгого служебного перерыва. Последняя красная линия исчезла.

Министерство счастливого исхода лишилось исхода и стало обычным зданием. Сотрудники впервые не знали, что будет после обеда, поэтому половина уволилась, а вторая половина пошла обедать заранее.

Прогноз Прокофьевич снял значок.

— Чем мне теперь заниматься?

Тарас предложил страхование от будущего. Прогнозы можно было продавать отдельно, а ответственность не включать в базовый тариф. Они ударили по рукам и немедленно разошлись во мнениях о долях.

Среда снова подошла к двери Дома.

— Гарантируете, что я закончусь хорошо?

— Нет, — ответил Тихон.

— Что закончусь плохо?

— Тоже нет.

— Тогда на каком основании мне наступать?

Эраст открыл дверь шире:

— На том же, на каком мы живем. Основание шаткое, зато другого пока не выдали.

Среда вошла. Сразу ничего не произошло. Потом пошел дождь, суп оказался пересолен, Тарас потерял будущую прибыль, а Дом завел в подвале еще одну дверь и отказался сообщать куда.

Тихон перестал видеть финалы. Он испугался — по-настоящему, без справки и полезного вывода. Вера взяла его за руку.

— Страшно?

— Очень.

— Значит, теперь у тебя не прогноз. Теперь у тебя будущее.

Взрослый Тихон начал исчезать. Но не весь: остался человек лет тридцати, не помнивший отмененных миров и подозрительно интересовавшийся ремонтом велосипедов.

— Я умею? — спросил он.

— Нет, — сказала Мира. — Поэтому получится настоящее дело.

К вечеру среда собралась уходить. Она ничего великого не совершила и была этим довольна.

На пороге появился четверг с конвертом. Внутри лежало удостоверение на имя Эраста Акакиевича.

— Я никуда не избирался, — заранее сказал Эраст.

— Именно, — ответил четверг. — После отмены идеального будущего учрежден новый общественный пост: гражданин, лично отвечающий за то, чего не мог предвидеть.

— И кто меня назначил?

— Никто. Поэтому назначение считается свободным от административного давления.

Эраст разорвал удостоверение. Половинки не превратились в новые варианты. Они просто упали на пол.

Он облегченно выдохнул.

Из конверта выполз второй документ: уведомление о том, что отказ от должности гражданина возможен только путем избрания депутатом.

Тарас прочитал и просиял:

— Наконец-то у тебя появился настоящий выбор: невозможный или неприемлемый.

Эраст посмотрел на четверг. Тихон больше не мог сказать, чем тот закончится.

И впервые это не мешало дню начаться.

Часть тридцать четвертая

Гражданин без мандата

Глава двести шестьдесят седьмая

Добровольное избрание

Четверг наступил без происшествий и сразу был заподозрен в подготовке более крупного происшествия. После последних событий спокойное утро воспринималось как человек с чемоданом без подписи: возможно, внутри белье, но опыт советовал лечь на пол.

Эраст разорвал уведомление об избрании депутатом еще раз. Половинки спокойно лежали на столе и этим особенно раздражали: документы, переставшие колдовать, начинали действовать юридически.

В девять утра к Дому подъехала избирательная комиссия. Ее председатель, Урний Урно-вич Большинство, нес переносную кабинку, три печати и выражение лица человека, который уже знает результат, но хотел бы красиво потратить бюллетени.

— Гражданин Кунялин, вы выдвинуты на внеочередных выборах представителя настоящего при будущем.

— Кунилин, — поправил Эраст. — И я не выдвигался.

— Поэтому вы считаетесь независимым кандидатом. От себя особенно.

— Снимаю кандидатуру.

— Снятие возможно после регистрации. Регистрация — после согласия. Отказ от согласия приравнивается к подтверждению принципиальности.

Эраст посмотрел на Веру.

— Если я сейчас убегу?

— Получишь образ кандидата, близкого народу и далекого от кабинета, — ответила она.

Тарас уже печатал листовки «Эраст не хочет власти. Неужели он что-то знает?» и принимал жертвования на борьбу с финансированием кампании.

Урний Урнович установил кабинку в гостиной. Дом немедленно пристроил к ней второй этаж и потребовал признать помещение избирательным округом.

— Зачем вообще нужен представитель настоящего? — спросил Тихон.

— Чтобы будущее знало, кого обвинять в несвоевременном наступлении, — объяснил председатель. — После исчезновения прогнозов дни входят без гарантии. Нужен ответственный.

— За то, чего он не может предвидеть?

— Именно. За предвидимое отвечает Министерство, за случившееся — история, а за остальное всегда требуется конкретная фамилия.

Павел взял удостоверение. Красные линии на его руках больше не появлялись, но бумага узнала бывшего Редактора и зашуршала уважительно.

— Этот пост существовал и раньше, — сказал он. — Только назывался иначе: хранитель причинности, редактор исходов, верховный исправитель. Каждый раз человеку обещали полномочия, а выдавали чужую ответственность.

— Почему выбрали Эраста? — спросила Мира.

— Он единственный достаточно последовательно не хочет стать главным.

— Прекрасный критерий, — заметил Эраст. — Осталось назначать пожарными тех, кто боится огня, а поварами — тех, кто не любит есть.

Из переносной урны высунулась белая лента и обвилась вокруг его запястья. На ленте проступило слово «МАНДАТ».

Эраст дернул руку. Урна подпрыгнула следом.

— Это что?

Урний Урнович смутился:

— Воля избирателей. Пока в личиночной форме.

— Избирателей еще не было.

— Воля всегда прибывает раньше людей. Иначе ее труднее организовать.

Дом захлопнул крышку урны. Изнутри постучали — вежливо, властно и три раза, как будто уже приняли закон о порядке стука.

— Когда выборы? — спросила Вера.

— Завтра.

Из коридора послышался испуганный голос пятницы:

— Я не соглашалась нести историческую ответственность!

Урний Урнович выдал ей повестку календарного участка. Пятница прочитала и попыталась объявить себя выходным.

— До голосования кандидат обязан провести кампанию, — продолжил председатель.

— Против себя?

— Закон не запрещает. Более того, по нашим наблюдениям, это самая убедительная форма агитации.

Тарас поднял пачку листовок:

— Кампания уже началась. Пока ты отказывался бесплатно, я потерял целых сорок минут монетизации.

Глава двести шестьдесят восьмая

Кандидаты против Эраста

Чтобы не победить без борьбы, Эраст потребовал зарегистрировать других кандидатов. Комиссия согласилась: без соперников выборы выглядели назначением, а назначение плохо сочеталось с плакатом о народной воле.

Первым выдвинулся Тарас. В программе он обещал повысить доходы каждого гражданина лично — при условии, что гражданин лично повысит доходы Тараса.

— Ты же понимаешь, что можешь победить? — спросил Эраст.

— Понимаю. Поэтому залог внес фальшивыми будущими деньгами. Меня снимут до подсчета, но после бесплатного эфира.

Вторым кандидатом стал Дом. Он представил справку о постоянном проживании в округе, список жильцов и архитектурную программу расширения государства за счет пристройки полезных комнат.

Комиссия отказала: недвижимостью не может занимать должность.

Дом предъявил фотографии нескольких чиновников и попросил пояснить принципиальную разницу.

Отказ временно отозвали для консультации с мебельным отделом.

Третьей подала документы среда, хотя уже закончилась. Ее программа состояла из одного пункта: каждый день должен иметь право пройти без исторической миссии.

— Вы не существуете в день выборов, — сообщил Урний Урнович.

— Для представителя будущего это преимущество.

Четвертым явился взрослый Тихон. После утраты памяти отмененных миров он называл себя просто Тихоном Старшим и чинил велосипеды в бывшем Министерстве счастливого исхода. За два дня он не починил ни одного, зато три владельца научились ходить пешком и сочли это услугой.

— Зачем тебе должность? — спросил мальчик.

— Хочу доказать, что могу отвечать только за те ошибки, которые совершу сам.

— Для этого не обязательно избираться, — сказала Вера.

— Тогда снимаюсь.

Комиссия записала его первым сторонником Эраста.

Пятым кандидатом оказался Никто. Он вошел незаметно, сел на свободный стул и пользовался огромной поддержкой людей, много лет голосовавших именно за него, хотя в бюллетенях были другие фамилии.

— Ваша программа? — спросил Урний Урнович.

— Ничего не обещаю.

Зал зааплодировал. Тарас немедленно обвинил Никого в популизме.

Эраст обрадовался сильному сопернику, но комиссия отказала Никому из-за отсутствия паспорта, налоговой задолженности и самого кандидата.

Тогда Эраст предложил Павла.

— Я уже управлял реальностью, — сказал тот. — Ничего хорошего из человека, привыкшего править чужие жизни, не получится.

— Это первый честный пункт программы за всю кампанию.

— Поэтому меня и нельзя допускать. Избиратели могут поверить.

К вечеру в списке остались Эраст, Тарас и Дом, признанный временно одушевленным объектом муниципального значения.

Социологический опрос показал: за Эраста готовы голосовать шестьдесят процентов, потому что он не хочет должности; за Дом — тридцать, потому что в нем тепло; за Тараса — десять, потому что именно столько людей получили деньги за участие в опросе.

— Чем больше я отказываюсь, тем выше рейтинг, — сказал Эраст.

— Попробуй пообещать работать, — предложила Вера.

Эраст вышел к избирателям и торжественно заявил, что в случае победы будет ежедневно присутствовать на заседаниях, внимательно читать проекты и лично отвечать на каждое обращение.

Рейтинг вырос до семидесяти двух процентов. Люди решили, что настолько нелепая лож свидетельствует о тонкой самоиронии.

Тарас посоветовал признаться в корысти, тщеславии и любви к служебной машине.

Эраст признался. Рейтинг достиг восьмидесяти.

— Народ любит раскаявшихся заранее, — объяснил Урний Урнович. — После выборов на это обычно нет времени.

Из урны снова высунулась белая лента. Она уже носила золотую кайму и примеряла к Эрасту размер шеи.

Тихон коснулся ленты и отдернул руку.

— Это не воля людей.

— А что? — спросил Гриша.

— То, от чего люди отказались, когда решили, что кто-то другой будет отвечать вместо них.

Глава двести шестьдесят девятая

Тёща ведет кампанию

Маргарита Всеволодовна прибыла вечером без предупреждения, потому что предупреждение давало родственникам нечестное преимущество в подготовке.

Она вошла в Дом, осмотрела агитационные плакаты, переносную урну и Эраста, обмотанного белой лентой мандата.

— Я ненадолго оставила вас без присмотра, — сказала она. — Ты уже женился, спас мир и полез в политику. Первые две ошибки еще можно было объяснить молодостью.

— Я как раз пытаюсь не стать депутатом.

— Значит, пытаешься плохо. У тебя лицо человека, которого скоро покажут на плакате крупнее собственных убеждений.

Маргарита Всеволодовна назначила себя руководителем антикампании. Комиссия возразила, что руководитель должен заключить договор.

— Я теща. У меня пожизненный договор без права расторжения.

Первым делом она сняла все листовки Тараса и заменила их честными: «Не голосуйте за Эраста. Он забывает купить хлеб, спорит с пророчествами и однажды привел домой государство».

Рейтинг вырос на семь процентов. Избиратели увидели в бытовых недостатках близость к народу.

Тогда Маргарита Всеволодовна организовала встречу с кандидатом. Эраст должен был молчать и выглядеть непредставительно.

Он молчал. Люди решили, что политик наконец умеет слушать.

Он надел старый пиджак. Люди увидели скромность.

Он споткнулся о ступеньку. Люди увидели борьбу с системой.

— Безнадежный материал, — сказала теща. — Любой недостаток электорат превращает в достоинство, если заранее решил ошибиться.

Она пригласила дракона. Тот должен был напугать публику и случайно подпалить программу.

Дракон вышел на площадь, вдохнул и вместо пламени чихнул букетом искр. Дети захлопали, взрослые назвали это бережным отношением к городской среде, а рейтинг Эраста достиг девяноста процентов.

— Я могу съесть кандидата, — предложил дракон.

— Получится мученик, — сказала Вера. — Рейтинг станет посмертным и неснимаемым.

Маргарита Всеволодовна потребовала показать ей мандат. Белая лента нехотя выползла из урны.

Теща взяла ее двумя пальцами, как носок, найденный под семейным диваном.

— Кто тебя стирал?

Лента задрожала.

— Не стирали, — перевел Тихон. — Ее все время передавали дальше.

На белой ткани проступили имена. Тысячи людей когда-то сказали: «Пусть решат наверху», «От меня ничего не зависит», «Для этого есть специальные люди» и «Я политикой не занимаюсь». Каждая фраза становилась новой нитью.

— Так вот из чего делают мандаты, — сказал Павел. — Не из доверия. Из переданной ответственности.

— У доверия подпись живая, — заметила Маргарита Всеволодовна. — А здесь одна химчистка от чужой совести.

Она попыталась разорвать ленту. Та стала шире и превратилась в торжественную перевязь.

— Силой нельзя, — сказал Тихон. — Она питается желанием избавиться от нее.

Маргарита Всеволодовна задумалась. В семье это было опаснее драконьего огня: после ее размышлений обычно двигали шкафы, судьбы и границы допустимого.

— Значит, нужно вернуть каждому его нитку.

— Как?

— Через выборы. Раз уж устроили глупость, заставим ее поработать.

Тарас уважительно снял шляпу:

— Маргарита Всеволодовна, вам нельзя в политику.

— Почему?

— Вы способны довести обещание до результата. Система может не пережить конкуренции.

Глава двести семидесятая

Самый громкий день тишины

Перед выборами наступил день тишины. Агитацию запретили, поэтому кандидаты заговорили особенно громко — якобы о погоде, семейных ценностях и случайно расположенных рядом фамилиях.

Тарас продавал пустые плакаты. На каждом ничего не было написано крупными буквами. Комиссия не могла доказать нарушение, но чувствовала себя оскорбленной типографски.

Дом агитировал скрипом. Один скрип означал доступное жилье, два — коммунальную реформу, три — что на чердаке кто-то снова выращивает маленьких драконов без согласования.

Эраст молчал дома. Его молчание транслировали на площадь как обращение кандидата к думающей части населения.

— Я даже не выходил к ним, — возмутился он.

— Это усиливает образ политика, не отрывающегося от семьи, — сообщил Урний Урнович.

Тихон, Гриша и Мира ходили по городу и раздавали не листовки, а вопросы: «Что вы передали мандату?», «Какое решение хотите получить обратно?», «Кого вы обвиняете, когда говорите, что ничего не зависит?».

Люди сначала принимали вопросы за рекламу банковских услуг. Потом начинали отвечать.

Один сапожник признался, что передал наверх право решать, где ему ставить вывеску. Учительница — право выбирать, как объяснять трудную тему. Старик — право посадить дерево у собственного дома, потому что ждал программу озеленения двадцать лет.

После каждого ответа на белой ленте появлялась слабая нитка, тянувшаяся обратно к человеку.

Мандат заметил потерю веса и перешел в наступление. По городу разнеслись обещания: после выборов представитель решит вопрос с дорогами, дождями, воспитанием детей, одиночеством и неправильной длиной зимы.

— Он обещает всё, что люди не хотят решать вместе, — сказала Вера.

— И то, что вообще нельзя решить, — добавил Эраст. — Особенно удобно отвечать за длину зимы: жалобу можно рассматривать до весны.

Маргарита Всеволодовна устроила собрание во дворе. Никаких речей не было. Каждый должен был сделать одно маленькое дело, которое привык требовать от неизвестного ответственного.

Сапожник прибил вывеску. Учительница провела урок под деревом. Старик посадил саженец без торжественного открытия и этим лишил местную администрацию фотографии.

Тарас бесплатно починил скамейку. Потом долго ходил вокруг нее и пытался понять, где допустил финансовую ошибку.

Белая перевязь на Эрасте стала уже.

— Получается, если люди делают сами, мандат исчезает? — спросил Гриша.

— Не совсем, — ответил Павел. — Общее решение все равно нужно. Но оно перестает быть складом, куда сдают всю ответственность вместе с квитанцией.

К вечеру комиссия объявила тишину состоявшейся. Для отчета измерили уровень шума, исключили голоса кандидатов и получили идеальный показатель.

Пятница стояла у двери и боялась входить. На ней висели урны, списки и обязанность войти в историю.

— Ты можешь быть просто пятницей, — сказал Тихон.

— После выборов?

— Даже во время. День не становится виноватым оттого, что люди назначили на него глупость.

Пятница вошла. Солнце взошло без наблюдателей, комиссия составила акт о самовольном рассвете, а избирательные участки открылись ровно в восемь.

Первая урна распахнула крышку и проглотила печать.

Вторая потребовала слова.

Третья — та самая, из которой вырос мандат, — встала на ножки и пошла к Эрасту.

— Она хочет проголосовать, — сказал Урний Урнович.

— Урны не имеют избирательного права.

— После Дома это придется уточнить в суде.

Урна выплюнула бюллетень. В нем уже стояла отметка за Эраста, сделанная белой лентой.

— Вот и тайна предварительных данных, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Оказывается, воля народа умеет заполнять себя сама, пока народ занят.

Глава двести семьдесят первая

Тайна пустого мандата

Эраст перевернул бюллетень. На обороте мелким шрифтом было написано: «Голос передается представителю вместе с правом избирателя удивляться последствиям».

Урний Урнович заявил, что мелкий шрифт является древней традицией демократии: крупно пишут надежду, мелко — способ ее использования.

Тихон положил ладонь на урну. Он больше не видел будущего, зато впервые услышал прошлое предмета.

Когда-то урна была обычным ящиком. В нее люди бросали решения, которые боялись произнести вслух. Потом ящик научился считать молчание. Позже обнаружил, что молчащих всегда больше, и объявил себя большинством.

— Мандат пустой, — сказал Тихон. — Внутри нет общей воли. Только сложенные отказы.

— Пустота тоже может управлять, — возразил Павел. — Особенно если у нее есть печать.

Белая лента вырвалась и обвила колонны участка. На каждой появились должности: ответственный за дороги, ответственный за детство, ответственный за правду, ответственный за погоду и заместитель ответственного за отсутствие ответственного.

Люди облегченно выстроились к табличкам. Назвать виноватого оказалось быстрее, чем договориться.

Эраст подошел к урне:

— Чего ты хочешь от меня?

Мандат ответил тысячами голосов:

— Решай за нас.

— А если ошибусь?

— Мы скажем, что не выбирали тебя.

— А если поступлю правильно?

— Мы скажем, что так и требовали.

— Удобное сотрудничество.

— Для нас.

Мандат показал Эрасту власть. Одной подписью можно было остановить войну, распределить хлеб, запретить плохие пророчества и обязать драконов летать по утвержденным маршрутам.

— Ты сможешь спасти мир навсегда, — прошептали голоса.

— Навсегда я уже видел. Там исправная крыша и никого дома.

Тогда мандат показал другое: если Эраст откажется, к полудню событие без причины вернется. На этот раз оно разорвет не связь поступков, а способность людей действовать вместе. Каждый останется прав по отдельности, и поэтому все проиграют.

— Это правда? — спросила Вера.

Тихон не мог проверить. Павел тоже лишился редакторского зрения. Даже взрослый Тихон только пожал плечами и предложил осмотреть тормоза.

— Мандат знает, чего мы боимся, — сказал Эраст. — Но страх иногда сообщает правду. Именно поэтому он так убедителен.

Маргарита Всеволодовна принесла ножницы. Лента увернулась.

— Резать бесполезно, — напомнил Тихон.

— Я не ленту. Я правила выборов.

Теща разрезала список кандидатов на отдельные фамилии и раздала каждому присутствующему по чистому обороту.

— Пусть каждый напишет, за что готов отвечать сам. Не вообще, не навсегда и не за весь мир. Сегодня.

Урний Урнович возмутился:

— Это не предусмотрено формой бюллетеня.

— Зато предусмотрено оборотом. Вы сами двадцать лет печатали его пустым.

Люди начали писать. Кто-то брал на себя двор, кто-то обещанный разговор, кто-то больного соседа, кто-то решение больше не ждать разрешения на собственную жизнь.

Белая лента стала прозрачной. Но не исчезла.

— Осталось общее, — сказал Павел. — То, что один человек действительно не может сделать.

Снаружи загудела площадь. Над городом появлялся огромный пустой зал — Последний парламент, куда мандат собирался перенести всех, кто предпочитал быть представленным лично.

Последний парламент

Последний парламент возник над площадью куполом из непринятых решений. Внутри стояло столько кресел, сколько существовало способов сказать: «Это не мое дело».

Мандат втянул туда Эраста, Веру, Тараса, детей, Павла, обоих Тихонов, Маргариту Всеволодовну, Дом и дракона. Урний Урнович вошел добровольно — он никогда не пропускал помещение с кворумом.

На трибуне лежал единственный закон: «О назначении одного человека ответственным за всех». Подпись Эраста уже стояла внизу, хотя он еще не держал перо.

— Если примешь мандат, совместное действие сохранится, — сказали голоса. — Люди смогут объединяться через тебя.

— А без меня?

— Им придется договариваться.

Зал содрогнулся от ужаса. Договариваться считалось самым дорогим видом управления: требовало времени, слушания и риска узнать, что другой человек тоже существует.

Тарас внимательно прочитал закон.

— А оплата ответственному предусмотрена?

— Почет, служебный транспорт и право объяснять отсутствие результата сложностью обстановки.

— Невыгодно, — решил Тарас. — Почет нельзя заложить, транспорт служебный, а сложность обстановки у меня и так бесплатная.

Дом выдвинул стены вокруг трибуны. Мандат тут же объявил их границами государства.

Дракон поджег закон. Текст не сгорел, а стал чрезвычайной редакцией с повышенными полномочиями.

— Прямая борьба его усиливает, — сказал Павел. — Любая попытка захватить или уничтожить власть подтверждает, что она единственное место решения.

Эраст сел в первое кресло. Белая лента потянулась к плечам.

— Тогда не будем уничтожать парламент. Вернем ему тех, кого он представляет.

Он попросил открыть двери. За ними стояли горожане, но внутрь не входили: каждому казалось, что его мнение слишком маленькое для огромного зала.

Маргарита Всеволодовна начала с ближайшего:

— Что вам нужно?

— Чтобы наверху разобрались.

— Где именно верх?

Человек посмотрел на купол, лестницу, Эраста и собственную поднятую голову. География ответственности внезапно усложнилась.

Вера предложила обсуждать не весь мир, а одно решение: впускать ли событие без причины, если оно вернется.

Люди разделились. Одни боялись хаоса, другие — контроля. Третьи боялись говорить, потому что первые двое делали это профессионально.

Гриша принес песочные часы. Каждому давалась минута. Мира выпускала маленького дракона на тех, кто пытался занять чужую.

Разговор шел плохо. Люди повторялись, обижались, уходили и возвращались с более точными словами. Именно поэтому он был настоящим.

Белая лента продолжала истончаться.

Павел признал публично, что вычеркнул Тихона. Не чтобы получить прощение, а чтобы поступок имел владельца.

Взрослый Тихон рассказал о мирах, которые отменил. Он не просил понять его; просто вернул людям знание о цене спасения.

Тарас сообщил о деньгах, которые взял за будущие сувениры. Никто не удивился, и это ранило его сильнее суда.

Эраст признался, что иногда отказывался от должности не из принципа, а из страха однажды обнаружить в себе удовольствие от власти.

— Вот, — сказал мандат. — Ты боишься себя. Отдай страх мне, и я превращу его в полномочие.

— Нет. Страх останется моим. Пусть мешает слишком удобно садиться в кресло.

Он встал. Кресло попыталось последовать за ним, но Дом придержал его ножкой.

Купол парламента стал прозрачным. Снаружи была пятница — обычная, пасмурная и терпеливо ожидавшая, когда люди закончат делать из нее историческую дату.

Урний Урнович пересчитал присутствующих.

— Кворум отсутствует. Здесь больше нет представителей. Только сами граждане.

— Значит, заседание незаконно? — спросил Тихон.

— Хуже, — ответил председатель. — Оно стало разговором.

Глава двести семьдесят третья

Голосование без кандидата

Выборы все-таки начались. Комиссия не могла их отменить: на отмену требовалось решение избранного представителя, ради которого и проводились выборы.

В бюллетене оставались Эраст, Тарас и Дом. Ни один не хотел победить одинаково искренне, но по разным финансовым причинам.

Маргарита Всеволодовна раздала людям карандаши из Министерства будущего — те писали только там, где рука сомневалась.

— Голосуйте не за того, кто ответит вместо вас, — сказала Вера. — Напишите решение, в котором готовы участвовать после подсчета.

— Такие бюллетени недействительны, — предупредил Урний Урнович.

— Мы уже видели, насколько действенны недействительные документы, — ответил Тихон.

Первый избиратель написал: «Посажу деревья у школы, если город даст землю, а соседи — время». Второй: «Буду проверять расходы, но сначала научусь понимать цифры». Третий: «Не знаю, что делать, но приду еще раз».

Четвертый честно написал: «Пусть Эраст решит». Белая лента снова окрепла.

Эраст подошел к нему:

— Почему я?

— Вы умный.

— Это слух.

— Вы честный.

— Это редкое осложнение, а не профессия.

— Тогда кто?

— Вы. Вместе с другими. Я могу участвовать, но не могу прожить вашу часть решения.

Человек задумался и дописал: «Приду проверять Эраста, если он будет участвовать». Лента потеряла еще одну нить.

Тарас поставил галочку за себя, потом зачеркнул, потом потребовал вернуть избирательный залог. Его бюллетень признали произведением экономического реализма.

Дом проголосовал всеми жильцами, комнатами и одним чуланом, который давно считал себя отдельной территорией. Комиссия приняла один голос и три квадратных метра особого мнения.

Эраст получил чистый лист. Мандат ждал его фамилию.

Он написал: «За Эраста Акакиевича отвечает Эраст Акакиевич. За общее решение — все, кто его принимает».

Бюллетень не поместился в урну. Тогда урна раскрылась шире и стала круглым столом.

Остальные урны последовали ее примеру. Избирательные кабинки раздвинули стены, тайное голосование вернуло людям тайны, а голоса остались с владельцами.

Урний Урнович начал подсчет. За Эраста как депутата не оказалось ни одного голоса. За Тараса — один, предположительно его собственный до исправления. За Дом — семь жильцов, восемь дверей и крыша, воздержавшаяся из-за протечки.

Зато сотни бюллетеней содержали конкретные обещания участия.

— Это невозможно свести в итоговую таблицу, — сказал председатель.

— Значит, придется читать, — ответила Вера.

Комиссия побледнела. Чтение каждого голоса делало выборы мучительно похожими на смысл.

Белая лента отделилась от Эраста и легла на стол. Теперь она была просто полосой ткани, сшитой из тысяч разных нитей.

Маргарита Всеволодовна свернула ее и измерила окно.

— На занавеску коротковата.

— Можно сделать шарф, — предложила Мира.

— Душит, — сказал Эраст.

Тарас забрал ткань для сувениров. Он обещал каждому покупателю подлинный фрагмент народной воли и сертификат, удостоверяющий, что подлинность никем не представлена.

Последний парламент растаял. Кресла упали на площадь. Люди разобрали их для собраний во дворах, а одно Тарас успел объявить историческим и продать самому себе в рассрочку.

Пятница перевалила за полдень. Мир не рухнул.

Эраст облегченно выдохнул слишком рано.

На небе появилась огромная печать: **«ВЫБОРЫ ПРИЗНАНЫ НЕСОСТОЯВШИМИСЯ. НАЗНАЧИТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АВТОМАТИЧЕСКИ».**

Из пустого кресла поднялась фигура без лица. На груди у нее сияло слово **«ИСПОЛНЯЮЩИЙ».**

— Если граждане не выбрали власть, — сказала фигура, — власть выбрала себя.

Глава двести семьдесят четвертая

Спасти мир и не стать депутатом

Исполняющий обязанности не имел лица, имени и сомнений. Это делало его идеальным должностным лицом: любое решение выглядело служебной необходимостью, а ответственность не находила адресата.

Он поднял руку. Кресла вернулись в парламент, урны закрылись, бюллетени свернулись в один приказ.

— Настоящее признано временно неспособным управлять собой, — объявил Исполняющий. — До восстановления порядка вводится представительная реальность.

Люди начали становиться своими анкетами. От сапожника остались стаж и размер обуви, от учительницы — категория и нагрузка, от Маргариты Всеволодовны — графа «родство», которая немедленно потребовала расширить полномочия.

Дом превратился в технический паспорт. Дракон — в источник повышенной пожарной опасности. Тарас — в задекларированный доход, подозрительно меньший самого Тараса.

— Вот теперь действительно конец света, — сказал он. — Меня сократили до официальных цифр.

Исполняющий протянул Эрасту мандат.

— Примите должность. Только избранный представитель может отменить автоматическое управление.

Ловушка была безупречной. Чтобы не стать депутатом, Эраст должен был позволить миру превратиться в отчет. Чтобы спасти мир, требовалось принять кресло.

— Подпиши, — сказал Павел. — Потом уйдешь.

— Должность, принятую ради одного хорошего поступка, редко удается оставить до второго плохого.

— У нас нет другого способа.

Тихон посмотрел на Исполняющего. Будущего он не видел, но заметил то, чего раньше не замечал за финалами: фигура двигалась только тогда, когда кто-то ждал от нее решения.

— Есть, — сказал мальчик. — Перестать спрашивать его, что делать.

Исполняющий повернулся к нему:

— Несовершеннолетние не участвуют в управлении.

— Тогда почему ваши решения участвуют в моем детстве?

Фигура дрогнула.

Вера взяла свой бюллетень и вслух прочитала обещание. Затем сделала первый шаг — вернула людям имена вместо анкет.

Павел назвал поступки, за которые отвечал лично. Красные линии не вернулись: мир не требовал редактора, когда виновник не прятался за редакцией.

Маргарита Всеволодовна развернула технический паспорт Дома и вписала в него всех жильцов как основание для существования здания. Дом обрел стены и немедленно передвинул одну без согласования.

Гриша раздавал голоса их владельцам. Мира снимала с дракона формулировки пожарной опасности. Дракон, восстановленный до личности, подпалил Исполняющему слово «обязанности».

Тарас вернул часть денег, заработанных на кампании. Ровно ту, происхождение которой смог вспомнить. Сумма была небольшой, но мир содрогнулся от беспрецедентности события.

Горожане начали выполнять написанное на бюллетенях. Не дружно, не идеально и не одновременно. Одни спорили, другие путали адреса, третьи пришли позже и объясняли, что опоздание тоже форма участия. Но Исполняющий становился прозрачнее с каждым действием, совершенным без его команды.

— Вы создаете хаос! — крикнул он.

— Нет, — ответил Эраст. — Хаос — это когда решения есть, а хозяев у них нет. У нас просто плохо организованная жизнь.

Исполняющий в последний раз протянул мандат:

— Одно слово — и вы получите власть завершить всё правильно.

Эраст взял перо. Вокруг замолчали. Даже Тарас не стал продавать права на историческую паузу.

Эраст написал на мандате: «Не принимаю чужую ответственность. Свою не передаю».

— Это не предусмотренный ответ, — сказал Исполняющий.

— Поэтому мой.

Мандат рассыпался на белые нити. Каждая вернулась к тому, кто когда-то произнес: «От меня ничего не зависит».

Исполняющий остался без обязанностей и стал просто человеком без лица. Мира нарисовала ему лицо карандашом: глаза немного разные, нос слишком длинный, улыбка кривая.

— Теперь что мне делать? — спросил он.

— Начни с имени, — сказал Тихон. — Мне помогло.

Печать на небе треснула. Из нее посыпались несостоявшиеся назначения, автоматические решения и один указ о регулировании дождя, который среда использовала вместо зонта.

Пятница продолжилась. Событие без причины вышло на площадь и увидело тысячи маленьких причин: страх, заботу, упрямство, выгоду, ошибку, надежду и желание не ждать главного человека.

— Теперь у меня есть причина? — спросило оно.

— Нет одна, — ответил Эраст. — Есть много. Придется жить без удобного объяснения.

Событие подумало и превратилось в обычное последствие. Никто не понял какого именно поступка, но на всякий случай несколько человек извинились.

Урний Урнович объявил результаты:

— Эраст Акакиевич не избран. Выборы состоялись в форме отказа от необходимости выбирать одного.

— Это законно?

— Нет. Но закон теперь придется написать тем, кто собирается по нему жить.

Тарас обнял друга:

— Ты спас мир и не стал депутатом. Чудес не бывает, но иногда бюрократия допускает техническую ошибку.

— Я не спас его один.

— Не порть название подробностями.

Дом открыл дверь домой. Над ней не было таблички, должности или пророчества. Только след от старого гвоздя, на который никто больше не собирался вешать единственного ответственного.

Эпилог

После выборов

Через месяц Эраст проснулся от тишины. Никто не требовал спасти мир, принять полномочия или заполнить заявление на отказ от добровольного назначения.

Он лежал еще минуту, подозревая подвох. Потом с кухни донесся голос Веры:

— Хлеб купил?

Мир снова предъявлял задачи человеческого масштаба.

Тихон ходил в школу. В графе «родители» по-прежнему оставалось свободное место, зато в графе «кого вызвать при необходимости» не хватило строки. Павел знакомился с ним медленно, не требуя от каждого разговора исправить двенадцать потерянных лет.

Тихон Старший открыл мастерскую «Возможный велосипед». Он ремонтировал плохо, предупреждал честно и давал гарантию до первого непредвиденного обстоятельства. Клиентов оказалось много: людям нравилось место, где поломку не объявляли судьбой.

Гриша хранил недействительный бюллетень как первую официальную бумагу, на которой мысль оказалась важнее формы. Мира завела трех драконов и зарегистрировала только одного — самого законопослушного, который по вечерам тайком нарушал правила вместе с остальными.

Маргарита Всеволодовна уехала, оставив Эрасту список домашних дел и приписку: «Если снова полезешь спасать мир, сначала закончи полку». Полка была сделана кривая, но держалась без государственного финансирования.

Тарас продавал кусочки бывшего мандата. Когда ткань закончилась, он продолжил продавать сертификаты на невидимые нити народной воли. Покупатели ценили символизм, особенно после повышения цены.

Дом больше не открывал двери в идеальное будущее. Иногда он заводил комнаты, назначение которых никто не понимал. В одной всегда пахло дождем, в другой лежали ненаписанные письма, третья была совершенно пустой и поэтому пользовалась наибольшим спросом.

Эраст не стал депутатом. Это не принесло ему льгот, кабинета и права говорить от имени людей, которых он не успел выслушать.

Зато однажды во дворе его спросили, что теперь делать с общей дорогой.

— Не знаю, — ответил он.

Люди не разошлись. Они принесли лопаты, смету, три взаимоисключающих плана и Тараса, который почему-то уже владел половиной будущего асфальта.

Работали долго, спорили громко, сделали не совсем ровно. После первого дождя появилась лужа.

Урний Урнович предложил избрать ответственного за лужу.

Все посмотрели на Эраста.

— Даже не начинайте, — сказал он.

И люди засмеялись — каждый от своего имени.

Мир держался не потому, что его кто-то спас, а потому, что на этот раз никто не согласился стать единственным спасителем.